THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Иннокентію Михайловичу

Сибирякову

на память отъ:

Антоника

Сибиряковой.

1874 года. 10 Августа. Спб.

Иннокентій Сибирякова.

Антонины Сибиряковой

ОЧЕРКИ ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ.

Gerstäcker, Friedrich Wilhelm Christian
Ocherki lesnoi i prirechnoi zhizni v Zapadnoi Amerike

ОЧЕРКИ
ЛѢСНОЙ И ПРИРѢЧНОЙ ЖИЗНИ
ВЪ ЗАПАДНОЙ АМЕРИКѢ.

Gerstäcker

СОЧИНЕНІЕ **ГЕРШТЕКЕРА.**

ПЕРЕВОДЪ П. ОЛЬХИНА.

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Гостиной Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА. Кузнецкій мостъ, домъ Рудакова.

1866.

PT1885
G7A57
1866

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 3 Ноября 1865 г.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.
Караванная, № 24.

Заселеніе Сѣверной Америки представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ явленій. Овладѣвъ восточными берегами, переселенцы съ неимовѣрною быстротою устремились къ западу, не страшась затрудненій, которыя представляла дикая природа дремучихъ лѣсовъ и первобытные жители съ своею ненавистью къ вторгающимся притѣснителямъ. При мѣстныхъ условіяхъ развилась совершенно своеобразная жизнь, которая представляетъ очень занимательныя особенности. Въ слѣдующихъ очеркахъ, заимствованныхъ изъ сочиненій Ф. Герштекера, мы предлагаемъ картины, изображающія прелести и недостатки первобытныхъ дремучихъ лѣсовъ, трудности пребыванія въ нихъ, удовольствія и опасности охоты, обы-

Dec 26.74

чаи и предразсудки жителей, необузданную свободу на ряду съ стѣснительнымъ рабствомъ, и образъ жизни, какъ онъ сложился подъ вліяніемъ отважной борьбы просвѣщенія съ мрачною дикостью страны и ея обитателей.

ВОСТОРЖЕННЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ

ПЕРВОБЫТНЫХЪ ЛѢСОВЪ.

Америка.... дремучій лѣсъ.... индіянцы.... томагаукъ.... скальпированіе.... вьющіяся растенія.... барсы!... Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ видѣть дремучій лѣсъ собственными глазами! восклицаетъ читатель, когда ему представляютъ всѣ эти чудеса въ пріятной, обворожительной формѣ.

«Въ Америку!» воскликнулъ Зехингенъ, молодой, независимый нѣмецкій дворянинъ, читая романъ Купера «*Переселенецъ*». Молодой человѣкъ вскочилъ съ мягкаго дивана, на которомъ сидѣлъ, схватилъ висящую на стѣнѣ винтовку и, живо представляя себѣ барса, прицѣлился.

Онъ даже не потрудился и прочитать всей книги, но въ теченіе мѣсяца поспѣшно привелъ въ порядокъ свои дѣла, и уже черезъ восемь не-

дѣль плылъ по волнующемуся океану въ страну пламенныхъ своихъ надеждъ и прекрасныхъ мечтаній. Тамъ, въ безмолвіи лѣса, при одномъ шумѣ раскачивающихся вѣковыхъ деревъ, онъ хотѣлъ построить себѣ хижину, охотиться за медвѣдями и барсами и знакомиться съ краснокожими дикарями; тамъ онъ надѣялся избавиться отъ всѣхъ заботъ и всякой досады, которыя терпѣлъ въ старомъ своемъ отечествѣ и найти спокойствіе. Съ презрѣніемъ онъ шевелилъ губами, вспоминая, во время своего плаванія, о приличіяхъ и пустомъ этикетѣ покидаемаго имъ Стараго Свѣта.

Путешествіе было весьма благополучно. Послѣ кратковременнаго переѣзда, Зехингенъ достигъ Новаго-Орлеана, гдѣ, однако, остановился на весьма короткое время, такъ что видѣлъ городъ лишь поверхностно. Уже на слѣдующее утро онъ сѣлъ на пароходъ, который отправлялся въ Арканзасъ, и на девятый день достигъ Литльрока, главнаго города этого штата.

Какъ при всякомъ прибытіи парохода, на его палубу бросилось съ берега множество народа, чтобы встрѣтить знакомаго или получить письма и газеты. Такая хлопотливость была для Зехингена совершенно нова, и его особенно поразилъ невысокій, весьма ласковый человѣкъ, лѣтъ 38-ми, въ сѣромъ полинявшемъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, темныхъ панталонахъ, грубыхъ башма-

кахъ, свѣтлосинемъ галстукѣ и весьма поношенной черной шелковой шляпѣ.

Этотъ человѣкъ прохаживался съ невыразимо-добродушной самоувѣренностью и, казалось, зналъ всѣхъ на пароходѣ, потому что безпрерывно кланялся и пожималъ различнымъ людямъ руку. Всякій спрашивалъ его: «Каково вы поживаете, Чарлей? Здоровы ли вы, Чарлей? Въ самомъ дѣлѣ, Чарлей, вы потолстѣли!»

Это былъ Карлъ Фишеръ, котораго знали всѣ нѣмцы, бывавшіе въ Литльрокѣ. Онъ жилъ въ этомъ городѣ уже очень давно, и любилъ разсказывать, какъ въ ту пору, когда это мѣсто было еще деревнею, онъ, благодаря прилежанію, бережливости (Фишеръ былъ столяромъ) и особенно счастію при всѣхъ предпріятіяхъ, собралъ порядочную сумму денегъ, построилъ два домика и открылъ родъ гостиницы и шинокъ. Въ настоящее время его прибыль увеличилась, потому что онъ выписывалъ припасы изъ Новаго-Орлеана и Цинциннати, гдѣ провизія и напитки дешевы, а въ Литльрокѣ продавалъ ихъ очень дорого. При томъ Фишеръ былъ человѣкъ добродушный и кроткій. Какъ мы уже замѣтили, его видѣлъ всякій на пароходахъ, а позднѣе, встрѣчался съ нимъ за трактирнымъ прилавкомъ. Оттого не удивительно, что такой общеизвѣстный человѣкъ, такъ сказать, замѣнялъ

нумеръ дома, въ случаяхъ, когда не знали точнаго адреса особы, жившей въ Литльрокѣ, или вообще въ Арканзасѣ.

Слѣдовательно, Карлъ Фишеръ былъ полицейскимъ коммиссаромъ для всѣхъ нѣмцевъ, прибывающихъ въ Литльрокъ, и отъ него можно было получить всѣ необходимыя свѣдѣнія. Во время своего пребыванія въ Америкѣ, онъ почти никогда не покидалъ Литльрока, и потому всегда держался одного мнѣнія, на основаніи котораго посылалъ всѣхъ, желавшихъ переселиться въ Арканзасъ, къ Фуршъ-ла-Фаву. Если его спрашивали: каковы времена? онъ начиналъ ругаться, вытаскивалъ изъ кармана связку мелкихъ банковыхъ билетовъ, перевязанныхъ крѣпкими нитками, прицѣпленными къ петлѣ жилетки, и говорилъ: «Въ Литльрокѣ надобно привязывать деньги, не то онѣ убѣгутъ.» Когда его спрашивали о политическомъ его мнѣніи, онъ оказывался демократомъ душою и тѣломъ, и утверждалъ, что скорѣе дастъ себя убить, нежели перейдетъ къ уигамъ; но никогда не пускался въ дальнѣйшія политическія разсужденія, потому что не имѣлъ ясныхъ понятій о разницѣ между демократами и уигами. За предѣлами Литльрока міръ для него не существовалъ. Онъ отказывался отъ всякаго приглашенія посѣтить друзей, жившихъ въ другихъ мѣстностяхъ, и

при подобныхъ случаяхъ говорилъ, съ удовольствіемъ потирая руки: «На свѣтѣ только одинъ Литльрокъ.» Въ этомъ отношеніи онъ говорилъ правду. Было бы ужасно, если бы въ мірѣ существовало еще другое такое же скверное мѣсто.

Чарлей, такъ называли его всѣ, принялъ отъ бухгалтера многія письма, адресованныя къ нему, но вовсе не назначенныя для него, и хотѣлъ уже сойти съ парохода, когда Зехингенъ, насмотрѣвшійся на него и слышавшій столько разъ его имя, довольно самоувѣренно подошелъ къ нему и, ласково раскланявшись, спросилъ: «Не имѣю ли я удовольствія говорить съ господиномъ Карломъ Фишеромъ?»

— Чарлей — of course—конечно, — сказалъ маленькій нѣмецъ:—Вѣрно только-что изъ Германіи, а? Было ли тамъ прошедшій годъ столько дождя, какъ у насъ? Кстати, я хотѣлъ спросить васъ..... въ какомъ положеніи желѣзныя дороги близъ Штутгарта?

— Къ сожалѣнію, объ этомъ я не могу вамъ доставить точныя свѣдѣнія, съ улыбкой отвѣчалъ пріѣзжій:—Я имѣю къ вамъ просьбу, мнѣ хочется посовѣтоваться съ вами, мнѣ рекомендовалъ васъ одинъ мой пріятель. Онъ говорилъ, что вы можете мнѣ сказать, гдѣ всего лучше поселиться въ Арканзасѣ. Я намѣренъ купить себѣ землю, и не знаю, начать ли мнѣ свои из-

слѣдованія здѣсь, или же ѣхать дальше до форта Джибсона.

— Купить землю? сказалъ Чарлей: — Купить землю? въ мірѣ нѣтъ мѣста лучше, чѣмъ у Фуршъ-ла-Фава. Плодородіе неимовѣрное, луга неистощимые, дичи пропасть....

— Значитъ, тамъ много звѣрей? — спросилъ пріѣзжій, сдѣлавшись внимательнѣе къ словамъ Фишера: — Гдѣ же эта райская земля?

— Верстъ шестьдесятъ отсюда, за горами. Всего лучше вамъ ѣхать до истока самой рѣчки. Оттуда будетъ только 30 верстъ до нѣмецкаго поселенія. Вы никакъ не можете сбиться съ дороги, надобно идти все вверхъ по теченію рѣки.

— Что же мнѣ дѣлать съ моими вещами? Если мнѣ надобно идти пѣшкомъ, я, право, не знаю, куда ихъ дѣть.

— Можете поставить ко мнѣ, сказалъ Чарлей: — Я имѣю отличный домъ..... внизу у меня баръ и спальный кабинетъ?

— Баръ? спросилъ пріѣзжій.

— Ну, да, баръ.... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вы не знаете, что такое баръ. Ну, да это прилавокъ, распивочная. Въ бель-этажѣ у меня есть танцовальная зала. Посмотрѣли бы вы, какъ я отлично украсилъ ее. Есть также спальный кабинетъ, а вверху, подъ крышею, находятся двѣ спальни, гдѣ можно разставить 14 кроватей.

— Гдѣ же вы живете сами? спросилъ съ изумленіемъ Зехингенъ.

— Лѣтомъ я живу въ танцовальной залѣ, а зимою внизу, возлѣ бара.

— А 14 постелей въ коморкахъ подъ крышею? Часто ихъ занимаютъ?

— Сколько, думаете вы, я помѣстилъ тамъ на 11-ти кроватяхъ, послѣ большаго бала, зимою?

— Неужели 22 человѣка? смѣясь сказалъ Зехингенъ.

— 22! воскликнулъ Чарлей: — объ этомъ не стоило бы и говорить—37!

— Какъ же это возможно?

— Возможно? Въ Америкѣ все возможно; это вы узнаете, когда проживете здѣсь не болѣе полугода.

— Значитъ, я могу отправить свои вещи къ вамъ въ домъ?

— Конечно, разумѣется, сейчасъ позовемъ носильщика. Эй, Самъ, Самъ, сюда!

При этомъ кликѣ оглянулся огромный широкоплечій мулатъ, стоявшій на берегу съ двуколесною повозкою и хлопавшій бичемъ.

— Вотъ, сказалъ Фишеръ, господинъ, котораго вещи надобно привезти къ намъ въ домъ.

— Ай, ай, мистръ Чарлей! вскричалъ мулатъ, ласково оскаливъ зубы, взошелъ на пароходъ и приблизился къ Фишеру.

— Все буду сдѣлать, сказалъ онъ, укладывая матросскую свою шляпу и бичъ на палубу:—Но, мистръ Чарлей, не правда ли, Самъ достать глотокъ водка.

— Ахъ ты, черный чортъ, у тебя опять просохло горло! воскликнулъ Чарлей съ изумленіемъ: Не выпилъ ли ты третьягодня полбутылки?

— Мистръ Чарлей....

— Ну, хорошо, доставь только хорошенько и поскорѣе вещи; я сейчасъ ворочусь домой, и тогда мы увидимъ.

Съ невѣроятною скоростью мулатъ доставилъ въ домъ Карла Фишера, находившійся недалеко отъ берега, три сундука, двѣ шляпныя картонки, нѣсколько ружейныхъ футляровъ, дорожный мѣшокъ и различные мелкіе ящики и коробки. Заплативъ за доставку вещей и за водку для носильщика, Зехингенъ обратился къ ласковому хозяину трактира:

— Если позволите.... Мнѣ хотѣлось бы переодѣться, потому что въ такомъ нарядѣ нельзя отправиться въ дремучій лѣсъ. Есть ли у васъ по близости медвѣди?

— Медвѣди? спросилъ Чарлей съ изумленіемъ. Помилуйте, поселенцы круглый годъ живутъ тамъ одною медвѣжиною. У нихъ бѣгаютъ медвѣди по лѣсу, точно свиньи, даже никто не думаетъ стрѣлять по оленямъ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ удастся застрѣлить звѣря еще сегодня вечеромъ, воскликнулъ обрадованный Зехингенъ: — Я заряжу ружье двумя пулями.

Между тѣмъ Фишеръ и Зехингенъ вошли въ домъ трактирщика, или, вѣрнѣе, въ баръ, какъ называлъ Чарлей нижнее помѣщеніе. Въ комнаткѣ, прилегающей къ послѣднему, молодой человѣкъ обратился изъ франта въ охотника, по крайней мѣрѣ по наружности, потому что надѣлъ зеленый сюртукъ, кожаные панталоны и высокіе сапоги, заткнулъ на поясъ кортикъ, накинулъ на плечо огромную охотничью сумку, взялъ отличную винтовку, дробницу, пороховницу и пистонницу, словомъ, былъ вполнѣ вооруженъ, какъ слѣдуетъ настоящему охотнику европейскому.

— Отлично! воскликнулъ Чарлей, ударивъ въ ладоши при видѣ молодаго человѣка: — сейчасъ видно, что имѣешь передъ собою охотника; наши таскаются съ предлинными ружьями, въ старыхъ кожаныхъ камзолахъ или шерстяныхъ курткахъ и окутываютъ ноги только кусками оленьей кожи, сквозь которую ощутительна всякая песчинка. Я самъ разъ надѣвалъ такую обувь, и чуть не сдѣлался хромымъ. Чортъ знаетъ, какъ это они еще стрѣляютъ. Вѣрно звѣрямъ нѣтъ счета.

— Развѣ вы не ходите на охоту? спросилъ Зехингенъ.

— Я? Боже сохрани! со смѣхомъ отвѣчалъ Чарлей.—Хорошъ я буду съ ружьемъ. Нѣтъ, я не охотникъ таскаться по болотистому лѣсу и цѣлый день носить тяжелое ружье. Я люблю добрый порядокъ, вечеромъ хорошій ужинъ, ночью теплую постель, а днемъ.... Ступайте, уже звонятъ на пароходѣ.... не опоздайте. Погодите, мнѣ вспало на мысль, что вы можете заблудиться въ лѣсу, гдѣ одно дерево походитъ на другое. Возлѣ меня живетъ индіянецъ. Если вы дадите ему доллеръ и глотокъ водки, онъ пойдетъ съ вами сквозь огонь и воду.

— Индіянецъ? съ восторгомъ воскликнулъ Зехингенъ: — О, пошлите за нимъ, я дамъ ему, чего онъ захочетъ. Это отлично.... романтично....

— Скажите, какъ васъ зовутъ? спросилъ Чарлей, котораго, можетъ быть, поразило последнее выраженіе.

— Меня зовутъ Зехингенъ, отвѣчалъ пріѣзжій.

— Зехингенъ, мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами; но звонятъ уже второй разъ, отправляйтесь поскорѣе на пароходъ, а я пришлю вамъ индіянца.

— Да успѣетъ ли онъ приготовиться?

— Онъ всегда готовъ, отвѣчалъ Чарлей: идите скорѣе, не то вы останетесь. Не забывайте только, что надобно сойти съ парохода у истока Фуршъ-ла-Фава, и когда вы все окончите, приходите за своими вещами. Кстати, кланяйтесь землякамъ.

Зехингенъ поспѣшно отправился на пароходъ, и черезъ нѣсколько минутъ къ нему явился Чарлей съ обѣщаннымъ индіянцемъ, который едва успѣлъ вскочить на палубу, потому что зазвонили въ послѣдній разъ и уже выбирали канаты, чтобы пустить пловучую гостиницу къ отдаленному западу. Нѣмецъ, между тѣмъ, старался завести бесѣду съ индіянцемъ, но оказалось, что краснокожій вовсе не расположенъ бесѣдовать, тѣмъ болѣе, что Зехингенъ говорилъ ломанымъ англійскимъ языкомъ. Оттого молодой человѣкъ наконецъ отказался отъ разспросовъ, въ надеждѣ, что индіянецъ разговорится въ лѣсу.

Красный сынъ лѣсовъ вовсе не соотвѣтствовалъ идеалу, который составилъ себѣ Зехингенъ объ индіянцѣ. Онъ предполагалъ во всякомъ первобытномъ обитателѣ Америки гордаго воинственнаго начальника. Рубаха, бывшая нѣкогда синею, прикрывала туловище краснокожаго его спутника и на ногахъ индіянецъ имѣлъ сѣрые шерстяные панталоны. Ноги были

у него обуты въ огромные грубые башмаки, а на голову онъ надѣлъ старую, измятую соломенную шляпу, изъ-подъ которой выступали длинные растрепанные волосы. За поясъ онъ заткнулъ короткій, узкій ножъ, и имѣлъ на правомъ боку маленькій кожаный мѣшечекъ, а на лѣвое плечо накинулъ сверху шерстяное одѣяло, изъ-подъ котораго выглядывало длинное плохое ружье съ кремнемъ. Въ этомъ состояла вся одежда и вооруженіе причудливаго индіянца.

Зехингену, впрочемъ, невозможно было разсмотрѣть товарища своего странствованія по лѣсу, потому что пассажиры парохода съ неимовѣрною безцеремонностью принялись разглядывать нѣмца. Одинъ взялъ ружье, ласково сказавъ: If yuo please (позвольте), и принялся множество разъ спускать курокъ. Другой, не говоря if yuo please, вытащилъ кортикъ и принялся изслѣдывать его остроту, третій дергалъ за дробницу столько разъ, что наконецъ счастливо вытащилъ зарядъ дроби и разсыпалъ ее по палубѣ. Словомъ, съ Зехингеномъ обращались какъ съ раздѣваемою куклою.

Сначала нѣмецъ добродушно позволялъ дѣлать съ собою, что было угодно пассажирамъ, и, казалось, даже ему было пріятно, что удивляются его одеждѣ и охотничьимъ снарядамъ. Но мало-по-малу навязчивость американцевъ ему надо-

ѣла и онъ такъ же безцеремонно взялъ къ себѣ отнятыя у него вещи. Почти о каждомъ предметѣ американцы спрашивали: за сколько онъ хочетъ продать его? и весьма удивлялись, когда онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ ничего продажнаго. Одинъ изъ пассажировъ пожелалъ знать, сколько онъ хочетъ придачи за длинные его сапоги, при промѣнѣ на обыкновенные, ношенные лишь нѣсколько недѣль. Повидимому, американцамъ казалось весьма естественнымъ, что Зехингенъ долженъ согласиться на торгъ, если ему предложатъ сходную цѣну.

Молодому нѣмцу крайне надоѣло пароходное общество, и онъ весьма обрадовался восклицанію индіянца, который указалъ пальцемъ на берегъ, поросшій молодымъ лѣсомъ.

— Значитъ, здѣсь истокъ рѣчки? радостно, воскликнулъ Зехингенъ: слава Богу! Остановимся ли мы?

На этотъ вопросъ отвѣчалъ пароходный колоколъ. Матросы спустили лодку, въ которую вскочили нѣмецъ и индіянецъ, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ высадили на концѣ мели, близъ истока рѣчки. Лодка отплыла, и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ исчезъ, оставивъ путешественниковъ однихъ на песчаной косѣ.

Зехингенъ съ восторгомъ осматривался. Настала минута, когда онъ въ первый разъ всту-

нилъ въ дикій дремучій американскій лѣсъ, и съ восторженнымъ трепетомъ онъ всматривался въ темную чащу. На лѣвой сторонѣ, на другомъ берегу рѣчки, находились крутые холмы, покрытые соснами и дубами; направо, куда Зехингенъ полагалъ идти, мѣстность поросла густымъ лиственнымъ лѣсомъ, а далѣе протекалъ величественный Арканзасъ, отецъ воды, къ Миссисиппи. Узкая коса, на которой стояли путешественники, имѣла въ длину полторы версты и оканчивалась у круто-восходящаго берега.

Нѣмецъ стоялъ еще, созерцая съ изумленіемъ открывающееся передъ нимъ святилище, когда индіянецъ, наименованный при крещеніи Робертомъ и для краткости прозванной Бобомъ, прервалъ молчаніе, выразивъ нѣсколькими словами, что не намѣренъ ночевать на открытой косѣ.

— Идемъ! сказалъ индіянецъ, поворачивая голову на всѣ четыре стороны и вглядываясь въ облака, солнце и воздухъ:—Только одинъ часъ дня. Лучше до вечера на сухое мѣсто, дѣлать тамъ огонь большой.

— По какой же мы теперь пойдемъ дорогѣ? спросилъ Зехингенъ.

— Дорога! воскликнулъ съ изумленіемъ индіянецъ.—Дорога нѣтъ, отсюда только лѣсъ.

— Вотъ какъ! тѣмъ лучше! воскликнулъ нѣ-

мецъ.—Это превосходно. Только густой мрачный лѣсъ, а тамъ ночлегъ, о, это будетъ прекрасно!

— Хочетъ бѣлый идти прямо, все въ лѣсъ, или идти пять миль больше черезъ холмы? Тамъ есть дорога,—сказалъ Бобъ.

— Конечно, ближайшимъ путемъ, черезъ лѣсъ. Далеко ли намъ идти по немъ?

— 15 миль, тамъ много мокро, отвѣчалъ индіянецъ, указывая пальцемъ на лѣсъ.

— У меня большіе сапоги, со смѣхомъ отвѣчалъ Зехингенъ.—Если ты не боишься сырости....

— Бобъ умѣетъ плавать,—коротко отвѣчалъ индіянецъ, и, не говоря болѣе ни слова, раздвинулъ передъ собою молодыя деревца и пошелъ къ лѣсу. Нѣмецъ слѣдовалъ за нимъ.

Съ первой минуты, когда Зехингенъ сталъ на землю, онъ снялъ ружье, къ величайшей досадѣ Боба, смотрѣвшаго на Зехингена искоса, взвелъ оба курка и шелъ за индіянцемъ, безпрестанно осматриваясь съ осторожностью. Такой образъ дѣйствія молодаго человѣка выводилъ индіянца изъ терпѣнія, потому что ему было крайне непріятно имѣть въ частомъ лѣсу, непосредственно за собою, ружье, которое каждое мгновеніе могло выстрѣлить.

Солнце, между тѣмъ, садилось все болѣе и

наконецъ скрылось за огромными деревьями, такъ что въ лѣсу только мѣстами можно было еще замѣтить красный оттѣнокъ неба, освѣщеннаго послѣдними лучами свѣтила. Въ лѣсу было совсѣмъ тихо, и только изрѣдка безмолвіе прерывалось кваканіемъ лягушки или чириканьемъ кузнечика. Былъ превосходный, восхитительный весенній вечеръ, свойственный прекрасному лѣсу Арканзаса. Тѣмъ не менѣе, казалось, что давно желаемое наслажденіе не доставляло Зехингену полнаго удовольствія или, по крайней мѣрѣ, онъ не имѣлъ времени наслаждаться имъ, потому что каждую минуту ударялъ себя ладонью по лбу, по затылку или по другой рукѣ, или же снималъ съ себя фуражку и махалъ ею во всѣ стороны. Наконецъ, онъ съ досадою остановился и вскричалъ:

— Откуда берутся всѣ эти проклятые комары? Отъ нихъ можно сойти съ ума.

— Комары! произнесъ Бобъ: что это? вѣрно вы говорите про москитосъ? Мало здѣсь! Тамъ дальше много. Здѣсь остановиться, сейчасъ темно!

Не ожидая отвѣта спутника, индіянецъ сбросилъ съ плеча одѣяло, снялъ мѣшечекъ съ огнестрѣльными принадлежностями, прислонилъ ружье къ дереву, высѣкъ огонь и раздулъ въ сухихъ листьяхъ пламя, въ которое подбросилъ

сучьевъ, такъ что въ нѣсколько минутъ разгорѣлся костеръ.

— Такъ мы останемся здѣсь ночевать? произнесъ Зехингенъ довольно смиренно, осматривая мѣстность, гдѣ они находились.—Здѣсь было бы довольно хорошо, если бы тутъ не летали проклятые комары. Такъ вотъ каковы москитосы, продолжалъ онъ, ударивъ себя по рукѣ, какъ бы желая сразу убить всѣхъ мучительныхъ насѣкомыхъ. Довольно ихъ тутъ для смѣны, когда одно отдѣленіе насосется или устанетъ.

— Бѣлый, лягъ на эту сторону у огня: подъ дымъ нѣтъ москитосъ, сказалъ Бобъ.

Зехингенъ поспѣшно послѣдовалъ совѣту индіянца, и улегся на мягкихъ пожелтѣвшихъ листьяхъ, покрывавшихъ землю толстымъ слоемъ. Здѣсь, дѣйствительно, онъ избавился отъ мучительныхъ насѣкомыхъ, которыя не прилетали къ нему сквозь проходившій надъ нимъ дымъ. Бобъ, казалось, не обращалъ на комаровъ никакого вниманія.

— Лучше дѣлать крышу, ночью можетъ идти дождь, замѣтилъ индіянецъ.

— Дождь! со смѣхомъ отвѣчалъ Зехингенъ: откуда? на небѣ нѣтъ ни облачка!

— Ничего, произнесъ Бобъ: дождевая лягушка — хорошій знакъ!

— Нѣтъ, такъ отлично, сказалъ Зехингенъ,

который, избавившись на мгновеніе отъ мучителей, опять предался романтическимъ мечтамъ.— Здѣсь, подъ зеленымъ сводомъ лѣса, такъ прекрасно, а небо усѣяно блестящими звѣздами: къ чему дѣлать крышу, которая лишитъ насъ прекраснаго зрѣлища? Поди сюда, Бобъ, лягъ возлѣ меня и разскажи что-нибудь о своей жизни.

— Бобъ хочетъ ѣсть,—коротко отвѣчалъ индіянецъ.

— Ну, да, такъ какъ объ этомъ зашла рѣчь, сказалъ нѣмецъ,—въ самомъ дѣлѣ было бы недурно что-нибудь теплое. Хорошо было бы выпить чашку чаю.

— Въ лѣсу много чай, сказалъ Бобъ.

— Въ самомъ дѣлѣ чай? зеленый чай?

— Конечно, зеленый чай. Хочетъ бѣлый пить чай?

— Это было бы недурно, отвѣчалъ Зехингенъ: во всякомъ случаѣ попробуемъ.

Бобъ вырвалъ небольшой кустъ, стоявшій близъ него, по возможности, обтеръ рубахою корни, разрѣзалъ растеніе на мелкіе куски, насыпалъ ихъ въ жестяной сосудъ, прицѣпленный къ шерстяному его одѣялу, налилъ воды и поставилъ на уголья.

— И изъ этого будетъ чай ? спросилъ Зехингенъ недовѣрчиво.

Бобъ только кивнулъ утвердительно головою.

— Странно,— сказалъ Зехингенъ, послѣ четверти-часоваго молчанія,—мы уже цѣлый часъ ходили по густому лѣсу и еще не видали и слѣда какого-нибудь звѣря.

— Странно? возразилъ краснокожій: Бобъ три дня ходилъ въ лѣсу и ничего не нашелъ.

Это извѣстіе, конечно, не согласовалось съ словами Фишера; но Зехингенъ не имѣлъ времени пускаться въ разсужденіе объ этомъ, потому что чай былъ готовъ.

— Было бы хорошо положить въ чай немного сахару и налить молока, замѣтилъ нѣмецъ. Впрочемъ, у меня вѣдь есть ромъ; его можно прибавить къ чаю.

Зехингенъ вынулъ изъ своей сумки небольшую бутылку и налилъ нѣсколько въ чай, и затѣмъ подалъ бутылку Бобу, который жадно глядѣлъ на нее. Индіянецъ выпилъ изъ склянки предлинный глотокъ и съ очевиднымъ неудовольствіемъ отнялъ ее отъ рта, чтобы перевести духъ. Зехингенъ засунулъ бутылку опять въ сумку. Чай, между тѣмъ, нѣсколько прохладился.

— Что за гадость! воскликнулъ молодой человѣкъ, отодвигая отъ себя жестянку и вскакивая. Бобъ! это вы можете пить одни: вашъ чай имѣетъ премерзкій вкусъ.

— Индіянецъ пьетъ чай, когда боленъ.

— Да вѣдь я не боленъ! воскликнулъ Зехингенъ.

— И я тоже не боленъ, сказалъ Бобъ и преспокойно началъ распускать ремни, которыми было стянуто его одѣяло.

— Не подумалъ же я захватить съѣстныхъ припасовъ, съ досадою пробормоталъ Зехингенъ:—Я навѣрное полагалъ, что до наступленія ночи мы добудемъ какой-нибудь лѣсной дичи.

— Бобъ можетъ подождать, проворчалъ индіянецъ, развертывая одѣяло.

— По крайней мѣрѣ, разскажи что-нибудь, мнѣ хотѣлось бы послушать описаніе изъ жизни индіянца отъ самого индіянца. Мы же теперь въ лѣсу потолкуемъ о твоихъ охотахъ за буйволами или медвѣдями, о борьбѣ съ другими племенами, о ночномъ нападеніи, боевомъ крикѣ, содранной головной кожѣ.... Къ чему же мнѣ лѣсъ и индіянецъ, если намъ придется только спать?

— Ничего не знаю разсказать, отвѣчалъ Бобъ, разстилая одѣяло близъ костра, въ которомъ онъ поправилъ горящіе сучья. Никогда не видалъ буйволовъ и не стрѣлялъ медвѣдей; шесть лѣтъ какъ пришелъ изъ Георгіи съ весь племя.

— Чѣмъ же ты занимался въ теченіе шести лѣтъ? Охотою?

— Нѣтъ, дѣлалъ башмаки.

— Башмаки? проговорилъ Зехингенъ съ ужасомъ: Индіянецъ въ Арканзасѣ — башмачникъ? Но вѣдь твой отецъ былъ охотникъ и воинъ? Можетъ быть, онъ погибъ въ сраженіи при ночномъ нападеніи?

— Мой отецъ умеръ въ Георгіи отъ оспы; онъ дѣлалъ корзинки.

Бобъ, по-видимому, полагалъ, что доставилъ достаточныя свѣдѣнія о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ, потому что завернулся въ одѣяло и чрезъ нѣсколько минутъ заснулъ, какъ должно было полагать по равномѣрному его дыханію. Зехингенъ подперъ голову лѣвою рукою и съ неудовольствіемъ тыкалъ кортикомъ въ лежащіе передъ нимъ желтые листья.

Онъ представлялъ себѣ Америку романтическою, съ воемъ волковъ, ревомъ барсовъ, разсказами краснокожаго воина объ охотахъ и походахъ, шумомъ могучаго дремучаго лѣса.... Впрочемъ, дремучій лѣсъ окружалъ его въ полной своей прелести, съ великолѣпными исполинскими деревьями и дикою чащею. Громадныя лозы перекидывались отъ одного ствола къ другому, образуя непроницаемую сѣть. Но въ этомъ лѣсу былъ страшенъ только пискъ комаровъ, которые не боялись свѣжаго ночнаго воздуха и летали около чужеземца, жаждя его крови.

Крайне недовольный Зехингенъ наконецъ подвинулъ себѣ подъ голову охотничью сумку и уже началъ засыпать. Внезапно онъ вскочилъ какъ ужаленный змѣею и ухватился за ружье, потому что совсѣмъ близко, шагахъ въ 20-ти, онъ услышалъ чрезвычайно странные дикіе звуки, какіе ему никогда даже не снились.

У-у, у-у... у-у, у-у.... аа! раздалось страшнымъ чуднымъ голосомъ. Онѣмѣвъ отъ охотничьяго восторга и ужаса, Зехингенъ потрясъ своего товарища за руку, держа въ то же время ружье наготовѣ.

— Бобъ, Бобъ! прошепталъ молодой человѣкъ, Бобъ! барсъ!

— Что такое? воскликнулъ индіянецъ, быстро вскакивая на ноги и съ удивленіемъ посматривая на пріѣзжаго. Схвативъ ружье, онъ спросилъ: гдѣ, гдѣ барсъ?

— Тс! тише! тамъ въ кустѣ. Звѣрь вѣрно полѣзъ на дерево.

Въ это время снова повторились страшные звуки, перепугавшіе Зехингена, но уже на противоположной сторонѣ.

— Слушай, слушай, Бобъ! барсъ обѣжалъ насъ, онъ былъ прежде здѣсь.

— Это барсъ? спросилъ Бобъ.

— Ну, что же это такое? Волки вѣдь не полѣзутъ на дерево.

— Сова! сказалъ Бобъ и спокойно завернулся въ одѣяло.

— Чортъ возьми! пробормоталъ сердито Зехингенъ, осторожно спуская курки. Къ чему у совы голосъ, какъ у самаго большаго звѣря.

Бобъ совершенно вѣрно распозналъ голосъ совы, которая пропѣла около огня свою мрачную ночную пѣснь. Молодой человѣкъ, обманутый въ лучшихъ своихъ надеждахъ, съ неудовольствіемъ легъ на землю.

Отъ необыкновеннаго напряженія Зехингенъ утомился до того, что заснулъ очень крѣпко. Проспавъ довольно долго, онъ непріятно пробудился. Его знобило, и когда онъ открылъ глаза, то увидалъ, что съ совершенно чернаго неба, по временамъ освѣщаемаго молніями, лился потоками дождь, причемъ раздавался отдаленный грохотъ грома. Огонь погасъ, и вокругъ Зехингена царствовалъ непроницаемый мракъ.

— Бобъ! крикнулъ Зехингенъ. Бобъ! Бобъ! повторилъ онъ громче и боязливѣе при мысли, что, можетъ быть, краснокожій его проводникъ ушелъ. Отвѣта не было. Наконецъ, Зехингенъ вскочилъ — Бобъ! закричалъ онъ во все горло, такъ, что самъ перепугался отголоска, который страшно раздался въ пустынномъ лѣсу.

— Я! произнесъ дикарь, стоявшій въ нѣ-

скольких шагахъ отъ него въ одѣялѣ. Мы получимъ мокрое утро.

— Отчего ты мнѣ не отвѣчалъ? Я думалъ, что ты ушелъ.

— Куда я пойду? возразилъ Бобъ: одно дерево какъ другое... Я спалъ.

— Стоя?

— Бобъ можетъ спать всяко.

— Боже мой! что мы теперь станемъ дѣлать? я совсѣмъ промокъ и навѣрное простужусь.... Если бы я имѣлъ по крайней мѣрѣ одѣяло.

— Если бѣлый хочетъ одѣяло Боба, сказалъ добродушный индіянецъ—возьми: Бобъ можетъ промокнуть и безъ одѣяла.

Сначала Зехингенъ стыдился лишить индіянца единственной защиты отъ непогоды и заставить его стоять подъ дождемъ въ одной бумажной рубахѣ, которую онъ, очевидно, не могъ считать теплою одеждою; но вскорѣ забота о собственномъ здоровьѣ одержала верхъ, и потому онъ завернулся въ нѣсколько сырое, но теплое одѣяло и, подложивъ подъ голову суму, улегся опять подъ дубомъ, нѣсколько укрывавшимъ отъ непогоды.

Бобъ присѣлъ, скорчившись, возлѣ нѣмца, опустилъ голову на грудь, но не засыпалъ, а внимательно слѣдилъ за дыханіемъ бѣлаго, чтобы

узнать, спитъ ли онъ. Убѣдившись, что Зехингенъ лишился сознанія, индіянецъ тихо подползъ къ нему.

Между тѣмъ буря бушевала все сильнѣе; но Бобъ нисколько не заботился объ этомъ: онъ осторожно ощупывалъ охотничью суму. Съ изумительною ловкостью и почти непримѣтно онъ пропустилъ руку подъ голову спящаго и, черезъ нѣсколько минутъ, вытащилъ бутылку.

Если бъ было свѣтло, то можно было бы увидать на лицѣ индіянца торжественную улыбку. Не произведя ни малѣйшаго шума, опытною рукою вынулъ онъ изъ бутылки пробку и тихонько сталъ глотать напитокъ. Наконецъ онъ опорожнилъ бутылку до послѣдней капли, но долго еще не отнималъ рта отъ пустаго сосуда; наконецъ вытекли и послѣднія капли. Тогда Бобъ разстался съ бутылкою, глубоко вздыхая, еще разъ попытавшись извлечь изъ нея какіе-нибудь остатки. Затѣмъ онъ старался положить бутылку на прежнее мѣсто. Чтобы не возбудить подозрѣнія, онъ всунулъ сосудъ отверстіемъ книзу и бросилъ пробку вправо. Затѣмъ индіянецъ занялъ прежнее свое мѣсто и вскорѣ спокойно заснулъ, не смотря на бурю и завывающій вѣтеръ.

Утро было очень холодное. Гроза прекратилась, но тяжелыя черныя тучи еще висѣли

на небѣ и, казалось, тяжело насѣли на вершины деревъ. Шелъ мелкій дождь и при порывахъ вѣтра на землю падали болѣе крупныя капли.

Зехингенъ давно уже проснулся, но не смѣлъ пошевельнуться во влажно-холодныхъ складкахъ одѣяла и лежалъ совершенно неподвижно, пока не разсвѣло. Наконецъ онъ ободрился, сбросилъ одѣяло, вскочилъ на ноги и отчаянно грустнымъ взоромъ сталъ осматривать окружающую его непривѣтливую природу.

— Такъ вотъ каковъ дремучій лѣсъ! произнесъ онъ тихо и со вздохомъ, стараясь отогнать нѣсколькихъ комаровъ, налетѣвшихъ на него, не смотря на свѣжесть утра. Хорошъ же первобытный лѣсъ! попуталъ меня нечистый послѣдовать совѣту дурака въ Литльрокѣ. Вотъ индіянецъ-то спитъ въ тонкой бумажной своей рубахѣ, точно будто лежитъ въ пуховикѣ.

На самомъ дѣлѣ Бобъ не спалъ: чтобы согрѣться, онъ уже бѣгалъ въ теченіе часа взадъ и впередъ, и только когда замѣтилъ, что его спутникъ начинаетъ пробуждаться, онъ, желая избавиться отъ разспросовъ относительно роковой бутылки, поспѣшно бросился подъ дерево.

— Бобъ! хотѣлъ произнести Зехингенъ, но, къ величайшему своему ужасу, не могъ издать никакого звука. Казалось, ему стянуло горло и

хрипота совершенно лишила его голоса. Подойдя къ Бобу, Зехингенъ потрясъ его и заставилъ вскочить индіянца, который сталъ медленно потягиваться и осматриваться, какъ только что проснувшійся.

— Далеко ли еще до ближайшаго дома? — спросилъ Зехингенъ тихимъ, сиплымъ голосомъ.

— Можешь говорить громко, сказалъ индіянецъ, обтирая замо́къ своего ружья и насыпая на полку свѣжаго пороху. Нѣтъ дичи здѣсь, найдемъ дичь дальше. Это утро хороша охота.

— Я не могу говорить громко, я простудился, сердито прошепталъ Зехингенъ.

— Простудился! воскликнулъ изумленный краснокожій: простудился; что это такое?

— Далеко ли намъ до ближайшаго дома?

— Пять миль.

— Пойдемъ поскорѣе туда; я умираю отъ голода и утомленія. Ахъ, ты мерзость! вскричалъ онъ, топнувъ ногою, послѣ того какъ ухватился за охотничью сумку и вытащилъ пустую бутылку. Этого не хватало!.. все вытекло!.. У меня нѣтъ и послѣдняго средства подкрѣпить себя.

— Очень жаль, сказалъ Бобъ, грустно поглядывая на склянку.

Впрочемъ, разсужденія тутъ ни къ чему не

повели бы, а потому оба путешественника надѣли ружья. Бобъ, по возможности, выжалъ воду изъ одѣяла, опять накинулъ его на спину, и странники пошли лѣсомъ.

При этомъ вполнѣ выказалась польза, доставляемая индіянцемъ нѣмцу знаніемъ мѣстности — способностью, почти врожденною краснокожимъ. Безъ индіянца нѣмецъ не выпутался бы изъ чащъ и болотъ, до того похожихъ одни на другія, что Зехингенъ рѣшительно не постигалъ, какимъ образомъ въ такой путаницѣ можно идти, по опредѣленной мѣстности, къ опредѣленной цѣли, не заблуждаясь на каждомъ шагу. Лѣсъ становился все непроходимѣе, и его все чаще перекрещивали небольшіе, глубокіе ручьи. Наконецъ путешественники остановились у рѣчки, которой илистыя воды устремлялись въ Фуршъ-ла-Фаву.

— Бобъ! воскликнулъ Зехингенъ, когда индіянецъ, не говоря ни слова, вошелъ по грудь въ воду: развѣ здѣсь нѣтъ лодки? Неужели намъ надобно идти непремѣнно въ воду?

— Бѣлый голоденъ? спросилъ Бобъ, останавливаясь.

— Очень.

— И мокрый?

— До костей.

Бобъ, не произнося болѣе ни слова, пошелъ дальше, причемъ вода покрыла его выше

плечъ. Черезъ нѣсколько минутъ индіянецъ выбрался на противоположный берегъ. Съ плачевнымъ выраженіемъ Зехингенъ смотрѣлъ на Боба и, наконецъ, убѣдился, что ему остается или идти въ воду, или оставаться въ лѣсу одному. А потому онъ сложилъ въ охотничью сумку все, чего промочить не хотѣлъ, именно бумажникъ, пистоны, порохъ и часы, сумку вмѣстѣ съ ружьемъ взялъ на голову, и, по примѣру индійца, вышелъ на противоположный берегъ, гдѣ стряхнулъ съ себя и вылилъ изъ сапоговъ воду, для чего онъ легъ на спину и вытянулъ ноги вверхъ, вдоль древеснаго ствола. Затѣмъ онъ молча пошелъ вслѣдъ за проводникомъ.

Охотничье рвеніе, одушевлявшее молодаго человѣка при первомъ его вступленіи въ лѣсъ. совершенно исчезло. Онъ шелъ съ потупленными глазами, не обращая ни на что вокругъ себя вниманія, и старался только не упускать изъ виду сучьевъ и выдававшихся корней, преграждавшихъ путь. Ружье со спущенными курками онъ повѣсилъ на плечо, фуражку съ опущеннымъ козырькомъ надвинулъ на глаза, шелъ не говоря ни слова и только по временамъ бормоталъ проклятія, если мокрые сучья ударяли его по лицу, или ноги, не смотря на всю его внимательность, зацѣплялись въ частомъ сплетеніи вьющихся растеній.

Внезапно Бобъ остановился и быстро прицѣлился. Это движенiе тотчасъ пробудило нѣмца отъ его апатiи. Поспѣшно поднявъ ружье, онъ сталъ внимательно осматриваться, потому что рвенiе охотника въ немъ еще не совсѣмъ угасло; у Боба, между тѣмъ, два раза осѣклось ружье. Зехингенъ увидѣлъ между сучьями красиваго оленя. Дрожа отъ радости, онъ поднялъ свою двуствольную винтовку, которая выстрѣлила, потому что на затравкахъ сидѣли пистоны, противостоящiе влiянiю влажной погоды. Вслѣдъ за выстрѣломъ, олень перескочилъ черезъ близлежащее свалившееся дерево, на мгновенiе остановился, съ удивленiемъ посмотрѣлъ на своихъ враговъ и затѣмъ побѣжалъ въ чащу, но въ то самое мгновенiе Зехингенъ выстрѣлилъ изъ втораго ствола. Животное слегка встряхнуло головою, когда мимо него просвистѣла пуля, но, не получивъ раны, убѣжало большими скачками.

— Вѣрно я попалъ? воскликнулъ Зехингенъ, и поспѣшилъ вслѣдъ за оленемъ. Бобъ спокойно пошелъ за нѣмцемъ, не обращая никакого вниманiя на слѣды животнаго и только замѣтилъ:

— Олень совсѣмъ здоровъ, если показываетъ бѣлое пятно... Бѣлый не попалъ.

Весьма неохотно Зехингенъ долженъ былъ наконецъ сознаться, что онъ промахнулся на

разстояніи не болѣе 50 шаговъ, потому что нигдѣ нельзя было найти слѣда крови. Это, конечно, нисколько не улучшило расположенія его духа. Зехингенъ снова зарядилъ ружье, и оба путешественника молча пошли дальше по лѣсу. Черезъ два часа они достигли домика, о которомъ говорилъ Бобъ. Зехингенъ, полумертвый отъ усталости и голода, съ радостью привѣтствовалъ жилище, обѣщавшее защиту отъ дождя и теплоту, потому что изъ глиняной трубы взвивался дымъ.

Путешественники должны были перелѣзть черезъ низкій заборъ, чтобы подойти къ домику, дверь котораго была открыта, потому что въ этой хижинѣ не было оконъ, и свѣтъ и воздухъ проникали только въ двери. Вступивъ въ домъ, Зехингенъ увидѣлъ широкую печь и группу, показавшуюся ему очень странною. Передъ огнемъ живописно размѣстились двѣ женщины и трое дѣтей, которыхъ приходъ незнакомцевъ, повидимому, нисколько не потревожилъ. Только одна изъ женщинъ, вѣроятно хозяйка, нѣсколько отодвинула свой стулъ и сказала: «садитесь!»

Это, конечно, было весьма гостепріимное приглашеніе, особенно пріятное для Зехингена, потому что свѣтлое пламя распространяло благотворную теплоту; но онъ напрасно осматривался, чтобы отыскать стулъ: во всей комнатѣ онъ не могъ

открыть никакого подобія этой мебели. Оттого онъ сначала поставилъ въ уголъ ружье и положилъ возлѣ него свою сумку. Индіянецъ, не говоря ни слова, послѣдовалъ его примѣру и всталъ передъ печью.

— Возьмите стулъ, сказала опять хозяйка и, какъ бы указывая, кивнула головою въ уголъ комнаты. Но и тамъ Зехингенъ не могъ замѣтить ничего, сколько-нибудь похожаго на стулъ. Въ углу лежала только узкая, длинная доска. Бобъ, повидимому, лучше зналъ обычаи этого дома, или поступалъ по инстинкту, потому что, снявъ съ себя мокрое одѣяло, взялъ изъ угла доску и, всунувъ ее у камина, въ промежутокъ между двумя бревнами, изъ которыхъ состояла стѣна, подставилъ подъ другой конецъ лежавшій въ комнатѣ чурбанъ. Устроивъ такимъ образомъ стулъ, Бобъ поманилъ къ себѣ рукою нѣмца, чтобы онъ сѣлъ. Послѣ нѣсколькихъ боязливыхъ попытокъ, Зехингенъ наконецъ помѣстился на доскѣ, индіянецъ же сталъ передъ огнемъ и медленно поворачивался, какъ жаркое на вертелѣ, чтобы равномѣрно со всѣхъ сторонъ нагрѣть свое тѣло. Вскорѣ отъ мокрой его одежды паръ поднялся столбомъ къ потолку, гдѣ висѣли окорока и различные куски копченаго мяса.

Когда Зехингенъ немного обогрѣлся, онъ сталъ разглядывать обитателей дома. Хозяйка сидѣла

на низкомъ стулѣ, противъ самаго огня, съ двумя чесалками, которыми она расчесывала хлопчатую бумагу и затѣмъ свертывала длинными полосами. Только по временамъ она прерывала свое занятіе, чтобы покурить изъ коротенькой трубки. Вся ея наружность выказывала опрятность и порядокъ, а въ ея лицѣ отражалось добродушіе и откровенность, что произвело на нѣмца очень благотворное впечатлѣніе, потому что, послѣ непріятной прогулки по лѣсу, онъ сдѣлался чрезвычайно впечатлителенъ ко всему, что выказывало порядокъ и привѣтливость. Дѣйствительно, хозяйка была одѣта хотя и просто, но безукоризненно-опрятно, въ ткань собственнаго издѣлія, и во всемъ домѣ господствовалъ порядокъ, на сколько это было возможно при тѣснотѣ и бѣдности.

Другая женщина вовсе не имѣла такого пріятнаго вида. Она была причесана по-ирландски, т. е. ея волосы лежали широкою космою отъ лѣваго уха къ правому поперекъ лба. Кромѣ того, ея одежда была довольно неопрятна, что поражало особенно при чистотѣ хозяйки. На ней было платье нѣкогда ярко-пестраго ситца; теперь же множество пятенъ различной величины, казалось, жалобно глядѣли на брусокъ мыла, лежащій на полочкѣ въ правомъ углу комнаты. Женщина сидѣла скрестивъ ноги и, опершись

лѣвою рукою на правое колѣно, а правымъ локтемъ на лѣвую руку, безпрерывно пускала клубы дыма изъ короткой своей трубочки въ печку, не обращая никакого вниманія на гостей. Тѣмъ любопытнѣе были дѣти, по неопрятности которыхъ видно было, что ирландка—ихъ мать. Въ этомъ убѣждало также и то, что одинъ ребенокъ былъ одѣтъ въ такой же ситецъ, какъ она. Разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, дѣти глядѣли не на индіянца, но на нѣмца, который, какъ имъ казалось, былъ одѣтъ весьма странно. Только по приказанію старшей женщины, любопытныя дѣти отошли отъ огня. Сама мать о нихъ, очевидно, не безпокоилась.

Когда Зехингенъ попросилъ чего-нибудь теплаго покушать и попить, ласковая старуха немедленно перестала работать и курить.

Довольно скоро появились двѣ чашки горячаго кофе, жареное сало и поспѣшно испеченный маисовый хлѣбъ, на грубомъ, но совершенно чистомъ деревянномъ столѣ. Путешественники, не церемонясь, принялись ѣсть и пить съ жадностію, потому что голодали почти цѣлыя сутки.

Избалованный Зехингенъ, при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, отказался бы отъ предложеннаго кушанья, но въ настоящую минуту ему и на мысль не пришло долго разбирать и

отвѣдывать, что онъ ѣстъ. Онъ былъ совершенно доволенъ поданнымъ; вскорѣ тарелки и чашки были опорожнены.

Въ то время, когда пришлецы ѣли, женщины нисколько не обращали вниманія на голодныхъ гостей. Впрочемъ, хозяйка во второй разъ наполнила опорожненныя чашки горячимъ и подкрѣпляющимъ напиткомъ. Когда Зехингенъ, насытившись и обогрѣвшись, опять сѣлъ къ печкѣ, хозяйка принялась разглядывать сюртукъ нѣмца, украшенный кистями и шнурками. Такая внимательность очень нравилась молодому человѣку, и онъ позволялъ разглядывать себя со всѣхъ сторонъ. Онъ полагалъ, что женщинамъ нравится его одежда, и потому спросилъ ирландку ласково: не хочетъ ли она сдѣлать подобный же сюртукъ своему мужу; но женщина съ изумленіемъ воскликнула:

— Моему мужу! Боже сохрани? какъ можно шить взрослому такое платье! Нѣтъ, я хотѣла бы сшить такой сюртучекъ младшему моему мальчику.

Зехингенъ закусилъ себѣ губы и искоса посмотрѣлъ на индіянца, который, повидимому, не находилъ въ отвѣтѣ женщины ничего особеннаго, или же вовсе не разслышалъ его, потому что принялъ взглядъ нѣмца за приглашеніе идти дальше. Онъ утвердительно кивнулъ головою и пошелъ къ ружью.

— Сколько вамъ слѣдуетъ съ насъ? спросилъ молодой человѣкъ, потому что послѣ отвѣта ирландки ему въ домѣ больше не нравилось.

— Право, не знаю, возразила американка: то, что мы дали, на самомъ дѣлѣ не стоитъ и гроша. Если бы мы жили на большой дорогѣ, то, конечно, не могли бы кормить даромъ всѣхъ путешественниковъ, потому что сами бѣдны и съ трудомъ добываемъ себѣ съѣстные припасы. Но здѣсь, посреди лѣса, и въ Алабамѣ, откуда мы прибыли, рѣдко кто беретъ плату съ путешественниковъ. Ступайте же съ Богомъ — мы ничего не возьмемъ съ васъ.

Зехингенъ отъ души поблагодарилъ не только за пищу, но и за ласковыя слова хозяйки. Путники оставались въ домѣ слишкомъ короткое время, чтобы совершенно высохнуть; но они, по крайней мѣрѣ, подкрѣпили себя пищею. Далѣе путь лежалъ по узкой тропинкѣ у подножія низкихъ холмовъ; по этому пути они удалились отъ болотистой низменности. Разговоръ между ними не завязывался, особенно потому, что Зехингенъ, вступивъ въ болѣе рѣдкій лѣсъ, сталъ осматриваться во всѣ стороны, надѣясь замѣтить какого-нибудь звѣря. Что касается проводника, то онъ, повидимому, вглядывался только въ тропинку. Впрочемъ, мо-

лодой человѣкъ напрягалъ свое вниманіе совершенно напрасно, потому что нигдѣ не показывался ни олень, ни даже птица, которую стоило бы застрѣлить. Уставъ наконецъ, Зехингенъ съ неудовольствіемъ надѣлъ ружье на плечо, проклиная американскую охоту и внутренно бранилъ Чарлей Фишера за неосновательное хвастовство.

Путешественникамъ не очень долго пришлось идти до мѣстности, которую индіянецъ называлъ нѣмецкою колоніею. Достигнувъ этого селенія, Зехингенъ снова обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, потому что увидѣлъ только простой бревенчатый домъ посреди поляны. Тѣмъ не менѣе, онъ поспѣшно пошелъ къ нему, радуясь, что наконецъ встрѣтитъ земляка и отдохнетъ у него.

Положеніе нѣмцевъ въ Америкѣ совершенно особенное. Въ Арканзасѣ, и вообще на западѣ, они, можетъ быть, довольно сносны и съ удовольствіемъ встрѣчаютъ земляка, чтобы узнать отъ него новости о родинѣ. Въ восточныхъ же штатахъ нѣмцы люди совершенно другаго рода: тамъ всѣ новые переселенцы кажутся предшественникамъ людьми, портящими цѣны, а всякій, кто обжился въ Америкѣ, слишкомъ гордъ, чтобы заговорить съ землякомъ по-нѣмецки, опасаясь, что какой-нибудь случайно

проходящій американецъ узнаетъ, что и онъ нѣмецъ. Если же въ восточныхъ штатахъ нѣмецъ дѣйствительно ласково встрѣчаетъ пріѣзжаго земляка, то обыкновенно лишь для того, чтобъ порядочно обмануть его. Всего этого, конечно, Зихингенъ не зналъ, и потому ему показалось совершенно естественнымъ, что хозяинъ дома, Клингенгеферъ, привѣтствовалъ его весьма дружелюбно. Переселенецъ былъ занятъ перевозкою дровъ, но немедленно распрегъ лошадь и повелъ гостей въ хижину, чтобы доставить имъ, по возможности, всякія удобства послѣ перенесенныхъ трудностей странствованія. Индіанецъ рѣшился пробыть здѣсь по крайней мѣрѣ ночь и потому развѣсилъ свое одѣяло, для просушки, на изгородь. Клингенгеферъ между тѣмъ пошелъ съ Зехингеномъ въ домъ, гдѣ гостя ласково встрѣтила хозяйка.

Прежде всего гость долженъ былъ снять промокшую свою одежду и надѣть сухую. За столомъ съ хорошими питательными блюдами молодой человѣкъ вскорѣ забылъ всѣ перенесенныя непріятности и лишенія. Послѣ первыхъ вопросовъ, путешественникъ принялся осматривать помѣщеніе, гдѣ жило маленькое семейство, и не могъ постигнуть, какъ человѣкъ, пріучившійся разъ къ большимъ удобствамъ, су-

ществуетъ при подобныхъ условіяхъ. Домъ былъ построенъ, какъ водится въ западной Америкѣ, изъ бревенъ. Щели между ними закрыли, на сѣверной и западной сторонѣ, длинными дранками и замазали глиною. Такимъ образомъ эти двѣ стѣны были непроницаемы для вѣтра; но въ обѣихъ другихъ стѣнахъ сквозь щели совершенно свободно проникали свѣтъ и воздухъ. Въ одномъ углу стояли двѣ кровати, а надъ ними находилась полка съ книгами, крайне рѣдкими въ Арканзасѣ посреди лѣса. Сверхъ того, въ комнатѣ стояла вещь, которую Зехингенъ никакъ не полагалъ найти въ хижинѣ, именно фортепіано. Индіянца этотъ инструментъ также удивилъ, потому что онъ смотрѣлъ на него, выпучивъ глаза. Остальная мебель состояла изъ четырехъ простыхъ стульевъ и стола, на которомъ доскою служила крышка бывшаго ящика; наконецъ, сундуки съ замками и полками замѣняли шкафы для незатѣйливой кухонной утвари. Наглядѣвшись на всѣ эти вещи, Зехингенъ обратился къ хозяину, который клалъ въ это время въ печку дрова, и спросилъ съ нѣкоторой робостью:

— Неужели вы со всѣмъ семействомъ имѣете только это помѣщеніе?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Клингенгеферъ: подлѣ есть еще такъ называемая дымная изба, гдѣ мы держимъ мясо, жиръ, картофель, немного

хлѣба, маисъ и другіе предметы домашняго хозяйства.

— И въ этой единственной комнатѣ вы проводите день и ночь?

— Конечно. Развѣ этого недостаточно? со смѣхомъ сказалъ переселенецъ. Посмотрѣли бы вы, что́ дѣлается у насъ въ судейскій день, когда я долженъ принять двухъ или трехъ сосѣдей и нѣсколькихъ адвокатовъ. Тогда здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, тѣсненько.

— Развѣ они спятъ въ этомъ домѣ?

— Куда же имъ дѣться? Здѣсь спятъ всѣ вмѣстѣ.

— Но вѣдь это невозможно!

— Невозможно! повторилъ Клингенгеферъ, покачивая головою: этого слова въ Арканзасѣ не знаютъ. На свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго, какъ скоро рѣчь идетъ только о насъ самихъ и личныхъ нашихъ потребностяхъ.

— Вы съ женою и троими дѣтьми, спя и живя въ этой комнатѣ, должны лишать себя всякаго удобства, которое считается у насъ необходимостью, и проводить жизнь, такъ сказать, подъ открытымъ небомъ?

— Да, да! отвѣчалъ Клингенгеферъ. Это еще ничего, теперь мы живемъ въ стѣнахъ и подъ крышею, на насъ не идетъ дождь, и когда холодно, мы можемъ развести хо-

рошій огонь, не опасаясь, что вѣтеръ нанесетъ искры и уголь на нашу постель, какъ это было въ первую зиму нашего пребыванія въ этомъ лѣсу, когда я еще только что началъ строить этотъ домъ. Жена моя была тогда больна, и намъ пришлось терпѣть много, очень много. Впрочемъ, что́ дѣлаешь охотно, то не кажется труднымъ, и если мы теперь должны отказываться отъ многаго, почти отъ всего, къ чему мы привыкли въ старомъ нашемъ отечествѣ, насъ, съ другой стороны, не обременяютъ стѣсненія, непокидавшія насъ тамъ. Мы оба прилежно работаемъ, и зато наше благосостояніе увеличивается такъ, что я въ будущемъ году могу построить болѣе просторный и удобный домъ. До того времени мы должны довольствоваться этимъ.

— Что вы переносите все это охотно, воскликнулъ Зехингенъ, мнѣ совершенно понятно. Вы здѣсь совершенно избавлены отъ стѣснительныхъ условій, въ которыхъ находились въ своемъ отечествѣ, и довольно сильны, чтобы перенести и побѣдить гораздо бо́льшія невзгоды, но ваша жена и дѣти... какъ онѣ терпятъ бури, суровый зимній воздухъ и всѣ лишенія подобнаго рода жизни, приличной только для индіянца— этого я не постигаю. Если ваша жена заболѣетъ, и у ней явится тоска по родинѣ, такъ что

она станетъ безпрерывно желать прежнихъ, болѣе пріятныхъ условій....

— Любезный г. Зехингенъ, ласково прервалъ Клингенгеферъ своего гостя, взявъ его за руку: если жена дѣйствительно привязана къ мужу, то она не захочетъ покинуть его изъ-за того, что должна лишиться удобствъ, напротивъ, останется при немъ, чтобы раздѣлить всѣ его радости и страданія, какъ моя жена. Если же она не любитъ его, тогда рѣшительно все равно, гдѣ живетъ съ нимъ — въ городѣ или въ лѣсу. Что касается моей жены, то она свыклась со мною и моими прихотями, а привычка до того могущественна, что старуха моя вѣрно не захочетъ уйти отъ меня. Такимъ образомъ, мы и протерпимъ свое время здѣсь въ лѣсу.

При этихъ словахъ онъ протянулъ руку къ улыбающейся женѣ своей, которая дружелюбно склонила голову на плечо къ нему.

— Все это прекрасно, произнесъ Зехингенъ, покачивая головою: вы оба любите другъ друга и, при бережливости и прилежаніи, находите средства существованія при самыхъ неудобныхъ условіяхъ. Но къ чему все это? Я увѣренъ, что въ вашемъ отечествѣ вы получили бы то же самое, и притомъ наслаждались бы жизненными удобствами, о которыхъ здѣсь вы имѣете

только понятіе, между тѣмъ какъ тамъ они составляютъ естественное послѣдствіе вашей дѣятельности.

— Вы еще не знаете новаго нашего отечества, возразилъ ласково переселенецъ: вы, такъ сказать, пробыли въ Америкѣ только одну ночь, потому что пребываніе въ одной изъ лучшихъ гостиницъ Новаго Орлеана и кратковременное путешествіе на пароходѣ, гдѣ находятся всевозможные предметы роскоши и удобства, нельзя принять въ разсчетъ. Ознакомтесь сперва со страною, и тогда мы съ вами потолкуемъ объ этомъ вопросѣ. Пока будьте увѣрены, что только огромныя выгоды могли заставить меня отказаться отъ стараго моего отечества. Впрочемъ, не всѣ переселенцы постигаютъ представляющіяся здѣсь преимущества, но многіе или влачатъ несчастную жизнь въ чуждой имъ землѣ, гдѣ они не имѣютъ друзей, или возвращаются на родину, которую покинули по неудовольствію или по непостоянству. Кто дѣйствительно любитъ свободу и независимость и кого не влекутъ въ Европу тѣсныя семейныя узы, тотъ охотно откажется отъ излишнихъ удобствъ и предметовъ роскоши, и съ удовольствіемъ промѣняетъ старое свое отечество, съ его стѣснительными узами, на привольный лѣсъ. Если же онъ опять возвратится въ него и зай-

метъ золотую клѣтку, потому что не хочетъ добывать себѣ пропитаніе въ лѣсу, при бурѣ и подъ дождемъ, то Америкѣ нечего оплакивать такую потерю, потому что подобные люди годятся не для лѣса, а болѣе для баловъ и театровъ.

— Не знаю, сказалъ Зехингенъ: не нужно быть приверженцемъ роскоши и излишествъ, чтобы питать убѣжденіе о возможности употреблять время полезнѣе и пріятнѣе, нежели въ лѣсу, при грозѣ. Я, напримѣръ, совершенно охрипъ и, вѣроятно, не избавлюсь отъ простуды недѣли двѣ.

— Вѣрю, что это вамъ не нравится, возразилъ Клингенгеферъ, улыбаясь: но вы для начала испытали величайшія непріятности въ лѣсу— голодъ, холодъ и сырость. Разумѣется, что это слишкомъ рѣзко противоположно обильному столу и теплой постели парохода. Но я надѣюсь, что вы познакомитесь также съ пріятностями лѣса и нашей жизни. Если онѣ не совсѣмъ примирятъ васъ съ нашимъ суровымъ мѣстопребываніемъ, все-таки вы узнаете не только мрачную, но и свѣтлую сторону нашей жизни. Въ дремучемъ лѣсу довольно счастливыхъ людей.

— При ближайшемъ осмотрѣ дремучій лѣсъ теряетъ много прелести, замѣтилъ Зехингенъ,

выглядывая сквозь щель на деревья, надъ которыми нависли сѣрыя густыя облака, между тѣмъ какъ вѣтеръ непривѣтливо дулъ надъ вершинами и сбрасывалъ съ нихъ мелкія и крупныя капли. Я во многихъ отношеніяхъ составилъ себѣ совершенно другую картину о первобытномъ лѣсѣ.

— Вы не подумали о томъ, сказалъ ласковый хозяинъ, что́ могучія, красивыя деревья растутъ посреди болотъ, или могутъ лежать, преграждая путь, и въ такомъ только случаѣ досаждаютъ путешественнику, что въ лѣсу раздается не одинъ романическій вой звѣрей, но и очень прозаическій пискъ комаровъ, и что виды во время бури и дождя, когда сухія дороги обращаются въ ручьи, а ручьи въ рѣки, весьма интересны на полотнѣ, но очень непріятны въ дѣйствительности. Впрочемъ, это испытываютъ многіе и наконецъ пріучаются ко всему, такъ что даже имъ начинаютъ нравиться непріятности дикой жизни. Но посмотрите, съ какимъ изумленіемъ разглядываетъ индіянецъ фортепіано. Такой машины онъ никогда не видѣлъ. Дайте-ко, я сыграю ему что-нибудь!

Клингенгеферъ раскрылъ фортепіано и принялся прелюдировать. Инструментъ порядочно держалъ строй, не смотря на сырой воздухъ, которому подвергался безпрерывно. Послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, фермеръ сталъ играть легкій

вальсъ, при которомъ изумленіе Боба достигло высочайшей степени. При веселыхъ звукахъ танцевальной музыки черты лица у него прояснились, такъ что показались даже два ряда бѣлыхъ зубовъ. Наконецъ, Клингенгеферъ закрылъ фортепіано, всталъ со стула и, похлопавъ индіянца по плечу, спросилъ: что, хорошо?

— Bless mi soul (благослови мою душу)! произнесъ индіянецъ, все еще разглядывая невиданное чудо: что за большая скрипка съ зубами и ногами какъ медвѣдь.... и морду открываетъ! Бобъ никогда не видѣлъ такой штуки.

— А что, какъ она тебѣ нравится?

— Хорошо, очень хорошо! отвѣчалъ Бобъ, оскаливая зубы.

— Вотъ вамъ и оригинальное описаніе фортепіано, весело сказалъ фермеръ. Этотъ дѣтина разскажетъ своимъ знакомымъ чудеса о фортепіано. Кстати, гдѣ оставили вы свои вещи? въ Литльрокѣ?

— Да, у Фишера.

— Ну, у него онѣ стоятъ довольно надежно. Въ этомъ гнѣздѣ мало кому можно довѣрять. Главный городъ Арканзаса мнѣ вовсе не нравится.

Вы — такого же мнѣнія обо всемъ штатѣ, какъ о главномъ его городѣ?

— Вовсе нѣтъ; имѣя такое неблагопріятное

мнѣніе, я ни за что не остался бы въ немъ. Напротивъ того, Арканзасъ я считаю лучшимъ штатомъ въ Америкѣ и не промѣняю его ни на какой другой. Вѣроятно, вы скажете то же самое, когда попутешествуете по различнымъ штатамъ и ознакомитесь съ ними сами. Куда намѣрены вы отправиться отсюда?

— Признаюсь, что, по совѣту Фишера, въ Литльрокѣ, я хотѣлъ выбрать себѣ здѣсь какой-нибудь участокъ земли, чтобы поселиться. Для этого я прибылъ въ Америку. Я имѣлъ пламенное желаніе побывать въ дремучемъ первобытномъ лѣсу, но, послѣ вчерашней ночи, эта страсть значительно уменьшилась, и мнѣ хотѣлось бы сперва точнѣе познакомиться со здѣшними условіями жизни. Если вы позволите и я для васъ необременителенъ, я останусь здѣсь нѣсколько дней, и мы вмѣстѣ осмотримъ окрестности. Тогда, какъ я надѣюсь, черезъ недѣлю я окончательно рѣшусь на что-нибудь.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ добрый фермеръ, подавая земляку руку. Ваше пребываніе здѣсь для меня очень пріятно и, если вы осмотритесь у насъ, то вамъ понравится. Не прикажите ли, между тѣмъ, доставить сюда изъ Литльрока ваши вещи? На слѣдующемъ пароходѣ ихъ можно довезти до пристани у Ар-

канзаса, а затѣмъ на слѣдующей недѣлѣ мы перевеземъ ихъ сюда на моей лодкѣ.

— Гдѣ же я буду спать у васъ, спросилъ Зехингенъ съ забавною серіозностью, осматриваясь въ комнатѣ,—когда здѣсь ночуютъ ваша жена и дочери?

— Пустяки! со смѣхомъ возразилъ Клингенгеферъ. Это случается у насъ каждый день. Мы положимъ васъ на полъ. На ней будетъ спать немножко жестко, но къ этому вамъ надобно пріучиться. Вообще, охотникъ не долженъ имѣть много потребностей.

— Скажите, пожалуйста, много вы охотитесь?

— Нѣтъ, рѣдко. Мнѣ болѣе не нравится охота.

— А много ли тутъ звѣрей и дичи?

— Да, здѣсь вдоволь оленей и индѣекъ.

— И медвѣдей, не правда ли?

— Иногда забѣгаетъ какой-нибудь и медвѣдь, но въ такомъ случаѣ мы стараемся или убить, или прогнать его.

— Иногда? съ изумленіемъ спросилъ Зехингенъ: но вѣдь Фишеръ сказалъ мнѣ, что здѣсь кормятся почти исключительно медвѣжиною.

— Въ такомъ случаѣ, намъ скоро пришлось бы умереть съ голоду. Наша пища состоитъ преимущественно изъ маисоваго хлѣба и сала. Рѣдко намъ удается покушать оленины или ин-

дѣйки. Что касается до медвѣдей, то они сдѣлались большою рѣдкостью и, въ теченіе шестилѣтняго моего пребыванія въ этой мѣстности, я успѣлъ застрѣлить только трехъ.

— Значитъ, Фишеръ лгалъ, расхваливая эту мѣстность... замѣтилъ грустно молодой нѣмецъ.

— Это вопросъ другой! воскликнулъ фермеръ. Въ этомъ вы должны убѣдиться сами. Если Фишеръ не хвасталъ безсовѣстно, то вы, по всей вѣроятности, найдете болѣе, чѣмъ ожидали. Сверхъ того, я долженъ замѣтить вамъ, что въ Америкѣ всякій фермеръ хвалитъ ту мѣстность, въ которой живетъ самъ, и я не вижу никакого основанія, почему бы мнѣ дѣлать въ этомъ отношеніи исключеніе, тѣмъ болѣе, что я вполнѣ правъ. Послушайте, какъ вы думаете, не написать ли Фишеру въ Литльрокъ, чтобъ онъ прислалъ вещи, потому что мы имѣемъ случай отправить письмо съ индіянцемъ?

Зехингенъ нерѣшительно потупилъ глаза. Онъ представлялъ себѣ лѣсную жизнь совершенно иначе. Неужели же ему оставаться въ такой пустынѣ, безъ всякихъ сношеній съ просвѣщенными людьми, за исключеніемъ одного или двухъ сосѣдей, истратить деньги на землю, поросшую огромными деревьями и, можетъ быть, вовсе негодную для обработки.

— Гм! произнесъ онъ чрезъ нѣсколько вре-

мени: право, не знаю.... Если бы я опять воротился въ Литльрокъ, то....

— Если вы въ этомъ отношенiи еще ни на что не рѣшились, поспѣшно прервалъ его ферь меръ, лучше оставить вещи въ городѣ... я понимаю въ чемъ дѣло. Посмотрите наше мѣсто, и если оно вамъ понравится, тогда вы еще поспѣете получить ваши вещи и прочiе предметы, нужные для поселенца. Завтра я покажу вамъ часть нашихъ окрестностей, и будьте увѣрены, что я сведу васъ не на самыя дурныя мѣста.

Индiянецъ, между тѣмъ, подкрѣпился кушаньемъ и добрымъ стаканомъ водки, получилъ отъ Зехингена вознагражденiе за труды, свернулъ одѣяло, высохшее передъ огнемъ, засунулъ въ него по порядочному куску маисоваго хлѣба и сала, бросилъ послѣднiй страстный взглядъ на зеленыя бутылки, стоящiя на полкѣ, пробормоталъ на прощанiе нѣсколько словъ и пошелъ по тропинкѣ, ведущей къ большой дорогѣ, чтобы дойти до Литльрока по сухому пути.

Зехингену приготовили довольно хорошее, хотя и нѣсколько жесткое ложе, на которомъ онъ проспалъ превосходно до самаго утра. При своемъ пробужденiи, онъ въ первый разъ долженъ былъ сознаться, что для человѣческаго счастiя и довольства въ самомъ дѣлѣ нужно немного.

Ему подали завтракъ, приготовленный по американскому обычаю. Зехингенъ полагалъ, что послѣ него немедленно отправится осматривать окрестности. Но Клингенгеферъ хотѣлъ ознакомить своего гостя предварительно и съ трудностями обращенія лѣса въ поле. Подъ предлогомъ, что ему нужны дрова, онъ повелъ молодаго человѣка въ лѣсъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ своего дома, и предложилъ своему гостю срубить дубъ, толщиною въ аршинъ съ четвертью. Посреди другихъ исполиновъ, это дерево не казалось толстымъ. Клингенгеферъ сказалъ, что воротится черезъ четверть часа, и просилъ Зехингена попытаться между тѣмъ срубить дерево.

Зехингенъ съ радостью принялъ предложеніе, потому что ему очень хотѣлось испытать свои силы на одномъ изъ лѣсныхъ исполиновъ. Предварительно фермеръ показалъ ему, какъ всего выгоднѣе пользоваться тяжелымъ топоромъ. Затѣмъ пріѣзжій ревностно принялся рубить, такъ что отголосокъ его ударовъ отдавался на ближайшихъ холмахъ.

Клингенгеферъ догадался, что у молодаго нѣмца роится слишкомъ много романическихъ мыслей о лѣсной жизни, и потому онъ желалъ ознакомить его съ ея дѣйствительностью. Улыбаясь, онъ возвратился домой. То, что предвидѣлъ фер-

меръ, случилось весьма скоро. Зехингенъ рубилъ весьма ревностно по могучему дереву, но твердое его вещество сопротивлялось ударамъ, которые наносились неопытною рукою. Только иногда вываливалась какая-нибудь щепка, отдѣлившаяся на мѣстѣ пересѣченія нѣсколькихъ врубокъ. Совершенно утомившись и натерши на рукѣ мозоли, молодой человѣкъ долженъ былъ наконецъ сознаться, что обращеніе лѣса въ полѣ—дѣло прекрасное на бумагѣ, но въ дѣйствительности слишкомъ трудное для него. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ убѣжденъ, что если проработаетъ у одного этого дерева цѣлый день, то и тогда не свалитъ его.

Возвратившійся Клингенгеферъ нашелъ своего гостя въ довольно дурномъ расположеніи духа подъ деревомъ. Онъ до того погрузился въ невеселыя мысли, что не замѣтилъ подходящаго переселенца. Фермеръ старался утѣшить молодаго человѣка тѣмъ, что рубка лѣса требуетъ навыка и такая работа трудна для всякаго, кто въ первый разъ находится въ лѣсу, даже если до того онъ занимался дѣломъ, требующимъ большаго напряженія силъ. Потому онъ просилъ Зехингена не отчаяваться, такъ какъ охота къ дѣлу значительно облегчаетъ его, и человѣкъ исполняетъ наконецъ то, что дѣйствительно желаетъ, не смотря на всѣ трудности и препят-

ствія. Всѣ эти доводы были неоспоримы, но твердое дубовое дерево все еще стояло на прежнемъ мѣстѣ, и молодой человѣкъ былъ весьма радъ хорошему предлогу избавиться отъ роковой работы. Онъ пошелъ за фермеромъ къ дому, сѣлъ на одну изъ его лошадей и поѣхалъ вмѣстѣ съ переселенцемъ въ лѣсъ.

Небо прояснилось, и веселые солнечные лучи сквозь листья проникали до самой земли. По лѣсу разносилось пріятное благоуханіе, и вся природа, казалось, улыбалась, такъ что Зехингенъ почти совсѣмъ забылъ перенесенныя невзгоды и не могъ умолчать, что въ этотъ день дремучій лѣсъ производитъ на него совершенно не такое впечатлѣніе, какъ вчера.

— Это старая пѣсня! сказалъ фермеръ. Въ дурную погоду мы смотримъ на весь міръ мрачно, а когда проглянетъ солнце и весело защебечутъ птицы, тогда мы все считаемъ прекраснымъ. Не станемъ лучше вдаваться въ крайности. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ лѣсу прекрасно, и я думаю, мнѣ было бы очень грустно разстаться съ нимъ; но лѣсъ имѣетъ и дурныя стороны, съ которыми вы еще мало ознакомились. На землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и пока дурное не одержитъ верхъ надъ хорошимъ, мы не имѣемъ права много жаловаться. Теперь осмотритесь хорошенько, и тогда вы

можете толкомъ разсудить, что вамъ слѣдуетъ дѣлать.

Фермеръ ѣхалъ съ своимъ гостемъ нѣсколько часовъ, особенно стараясь объяснять пріѣзжему свойства различнаго рода земли и растительности, которыя имъ встрѣчались. Но Зехингенъ вовсю свою жизнь мало обращалъ вниманія на земледѣліе, а потому слова Клингенгефера доставляли ему немного пользы, тѣмъ болѣе, что молодой человѣкъ безпрерывно осматривался, не покажется ли въ лѣсу гдѣ-нибудь звѣрь, и нерѣдко очень непріятнымъ образомъ приходилъ въ соприкосновеніе съ выдавшимися сучьями и висящими, вьющимися растеніями. Малорослая живая лошадь неутомимо скакала подъ нимъ чрезъ свалившіеся стволы, рытвины и лужи, такъ что много разъ сѣдокъ едва могъ удержаться на сѣдлѣ.

Между тѣмъ насталъ уже полдень, а Клингенгеферъ все еще не сбирался воротиться домой. Онъ весьма справедливо говорилъ, что, выѣхавъ разъ въ лѣсъ, онъ хочетъ воспользоваться случаемъ, чтобы не только показать пріѣзжему окрестности, но также посмотрѣть свою скотину, которая пасется по близости. У Зехингена развился сильный голодъ и отъ непривычной ѣзды всѣ члены были разбиты. Клингенгеферъ, казалось не ощущалъ никакихъ непріятностей и

спокойно переѣзжалъ глубокія рытвины и частый лѣсъ и скакалъ во весь опоръ тамъ, гдѣ Зехингену хотѣлось лучше спѣшиться и вести лошадь за поводъ. Вообще фермеръ ѣхалъ по дикому лѣсу, безъ всякой дороги, какъ будто прохаживался въ своей комнатѣ.

Наконецъ, Клингенгеферъ объявилъ, что пора воротиться домой; но въ это мгновеніе вдали залаяли собаки. Приподнявшись на сѣдлѣ, переселенецъ сталъ вслушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ. На нѣсколько секундъ въ лѣсу водворилось безмолвіе; но вдругъ лай возобновился, и фермеръ, убѣдясь по этому, что собаки нашли какое-нибудь животное, воспламенился охотничьимъ рвеніемъ и вскричалъ, оборотившись къ своему спутнику: «Славно! собаки были прилежны. Погонимъ нашихъ лошадей; движеніе для нихъ будетъ полезно.»

Не дожидаясь отвѣта, онъ пришпорилъ свою лошадь, которая понесла по тому направленію, откуда раздавался лай. Чтобы не остаться одному въ незнакомомъ лѣсу, Зехингенъ долженъ былъ слѣдовать за своимъ спутникомъ, и его лошадь, почувствовавъ слабое прикосновеніе къ ней ногъ сѣдока, весело побѣжала за своею предшественницею. Хотя Зехингенъ былъ опытный ѣздокъ, сидѣлъ на сѣдлѣ какъ слѣдуетъ и мастерски управлялъ вышколенною лошадью, онъ, однако,

не умѣлъ скакать по дремучему лѣсу. Притомъ онъ былъ обвѣшанъ различными огнестрѣльными охотничьими снарядами, отчего слабо-висѣвшія пороховница и пистонница сорвались, рукоятка охотничьяго ножа зацѣпилась и ножъ выпалъ изъ ноженъ; наконецъ, и самъ Зехингенъ слетѣлъ, съ лошади, когда она отскочила отъ змѣи, ползшей по землѣ. Безъ сѣдока животное побѣжало быстрѣе прежняго, и Зехингенъ остался въ лѣсу совершенно одинъ, не зная, куда итти, потому что вскорѣ умолкли и собаки.

Около часа бродилъ онъ по лѣсу, и имъ все болѣе овладѣвало чувство, которымъ томится всякій заблудившійся. Охотничій сюртукъ его, сшитый изъ тонкаго сукна, разорвался объ острые шипы, пороховницы не было, ножъ потерялся, на поясѣ висѣли однѣ ножны; фуражка также улетѣла куда-то; изъ исцарапанныхъ рукъ и лица текла кровь, а бока были какъ у исколоченнаго. Совершенно истомившись, онъ сѣлъ наконецъ на старый дубъ, ибо не могъ идти далѣе — ему надобно было отдохнуть.

— Такъ вотъ каковъ дремучій лѣсъ! воскликнулъ онъ наконецъ съ досадою. Здѣсь нельзя поднять и головы, не зацѣпляясь за какой-нибудь проклятый сукъ. А деревья — нужна цѣлая человѣческая жизнь, чтобы срубить полдюжины такихъ исполиновъ! Сверхъ того, корни

въ землѣ такъ часто перепутались, что нельзя всунуть и палки. Какъ же обработать такую почву плугомъ! Нѣтъ, заниматься здѣсь воздѣлываніемъ земли мнѣ вовсе не нравится. Я представлялъ себѣ пребываніе въ лѣсу гораздо прекраснѣе. Цвѣтущія деревья, живописныя, вьющіяся растенія, благоухающій лѣсъ, исполинскіе стволы — чортъ возьми ихъ всѣхъ! я возблагодарю Бога, когда усядусь опять за хорошо накрытый столъ и стану пить по чашкѣ добраго кофе.... А теперь я заблудился въ этой страшной пустынѣ!

Тутъ онъ вскочилъ на ноги, чтобы отыскать какую-нибудь тропинку, ведущую къ человѣческому жилищу, какъ вдругъ услышалъ кликъ Клингенгефера. Въ радости, онъ тотчасъ выстрѣлилъ въ отвѣтъ изъ ружья и, напрягая послѣднія силы своего простуженнаго горла, старался кричать, чтобы означить мѣсто своего нахожденія. Вскорѣ Клингенгеферъ нашелъ его. Хотя въ первую минуту фермеръ не могъ удержаться отъ хохота, при смѣшно-плачевномъ видѣ своего гостя, однако, онъ пожалѣлъ его, какъ новичка въ лѣсу, и всѣми силами старался утѣшить и ободрить.

Клингенгеферъ говорилъ, что это не болѣе, какъ первый, нѣсколько жесткій опытъ, который, однако, имѣетъ то преимущество, что

сдѣлаетъ сноснѣе всѣ будущія непріятности. Но Зехингенъ, казалось, вовсе не желалъ испытывать новыхъ неудачъ и, утомленный до смерти, вполнѣ отдался на волю своего хозяина, увѣряя, что онъ переломалъ себѣ всѣ кости, что онъ голоденъ какъ заморенная собака, страдаетъ головною и зубною болью, и, наконецъ, что онъ лишился всего, что не было надежно прикрѣплено къ нему.

Воротившись въ домъ Клингенгефера, бѣднякъ подкрѣпился пищею, питьемъ и отдыхомъ. На другое утро, Зехингенъ, однако, ни за что не соглашался предпринять вторичную прогулку, чтобъ отыскать свои потерянныя вещи и, какъ предлагалъ, улыбаясь, фермеръ, точнѣе ознакомиться съ мѣстностью. Пріѣзжій клялся, что знаетъ страну больше, чѣмъ ему хотѣлось, и непремѣнно желаетъ воротиться въ Литльрокъ. Чтобы нѣсколько оправдать свое отвращеніе къ лѣсу, онъ сказалъ, что намѣренъ предварительно побывать въ восточныхъ штатахъ и затѣмъ уже выбрать мѣсто для переселенія въ лѣсъ. Но легко догадаться объ истинной причинѣ, заставившей его перемѣнить желаніе.

Клингенгеферъ напрасно старался удержать гостя долѣе; наконецъ онъ рѣшился его отпустить и обѣщалъ проводить до проѣзжей дороги. Послѣ обѣда, Зехингенъ достаточно оправился

и отдохнулъ, и тогда Клингенгеферъ сопутствовалъ гостю до слѣдующаго селенія, котораго они достигли еще до сумерекъ. При прощаніи, Клингенгеферъ, дружески пожимая пріѣзжему руку, сказалъ:

— Мнѣ очень жаль, что вы при первомъ же знакомствѣ съ непріятностями лѣсной жизни потеряли охоту поселиться у насъ, но я не совсѣмъ еще лишился надежды васъ видѣть. Можетъ быть, вы когда-нибудь воротитесь къ намъ на западъ. Конечно, переходъ изъ Германіи въ Арканзасъ слишкомъ рѣзокъ. Но если вы пробудете нѣсколько въ восточныхъ штатахъ, то вамъ, безъ сомнѣнія, захочется подышать здоровымъ воздухомъ лѣса. Не забудьте, что мнѣ всегда будетъ пріятно принять васъ въ своей хижинѣ. Прощайте же, кланяйтесь землякамъ въ Литльрокѣ, и оставайтесь тамъ какъ можно меньше. Въ Соединенныхъ Штатахъ довольно мѣстъ получше Литльрока!

Проговоривъ это, фермеръ поворотилъ лошадь и поскакалъ къ лѣсу.

Зехингенъ долго еще смотрѣлъ, молча, на мрачный зеленый лѣсъ, въ которомъ исчезъ ласковый фермеръ. Покачивая головою онъ размышлялъ обо всемъ, что перенесъ въ такое короткое время.

— Такъ вотъ, произнесъ онъ наконецъ съ

глубокимъ вздохомъ, какова тихая, мирная жизнь переселенца — патріархальное уединеніе въ лѣсу! Я пробылъ въ немъ не болѣе двухъ сутокъ, и на что уже теперь я похожъ? Одежда на мнѣ изорвана, старую шляпу, которую далъ мнѣ Клингенгеферъ, въ моемъ отечествѣ не поднялъ бы тряпичникъ, а я долженъ еще радоваться, что такія дрянныя лохмотья покрываютъ мою голову. Въ лѣсу я растерялъ свои вещи и такъ исцарапался, какъ будто цѣлую ночь валялся въ терновникѣ. Притомъ, у меня болятъ всѣ кости, я получилъ страшный насморкъ и измозолилъ тѣло, вертясь на жесткомъ ложѣ. Нѣтъ, любезный Зехингенъ, вижу, что для тебя не годится лѣсъ! Да, дремучій лѣсъ хорошъ, если нѣтъ надобности срубать деревья, и о немъ гораздо пріятнѣе читать, нежели спать подъ сѣнью вѣковыхъ стволовъ. Во второй разъ я никогда не стану ѣздить по лѣсу. Нѣтъ, не тебѣ сдѣлаться фермеромъ, ты можешь читать романы Купера и мечтать объ индіянцахъ, если только башмачникъ не испортитъ твоего идеала; пожалуй, ты можешь въ своемъ воображеніи преслѣдовать медвѣдей и буйволовъ, но пока здѣсь нѣтъ столбовыхъ дорогъ и гостиницъ, тебѣ лучше отправиться въ Нью-Іоркъ или Филадельфію.

— А теперешнее мое путешествіе? пробормоталъ онъ, медленно выступая на проѣзжую улицу. — Ну, ничего это была интересная попытка къ переселенію!

ПОХИТИТЕЛИ МЕРТВЕЦА.

Со времен войны съ семинолами (въ 1818 г.) племена сѣверо-американскихъ индіянцевъ оставались довольно спокойны и правительство избѣгало всего, что могло бы подать поводъ къ несогласіямъ. Тѣмъ не менѣе, увѣряя всячески въ своей дружбѣ и заключая союзы, бѣлые переселенцы оттѣсняли красныхъ сыновъ лѣса все далѣе отъ границъ владѣній ихъ отцовъ и отнимали у нихъ пространства, предоставленныя индіянцамъ прежними президентами *на вѣчныя времена*, если на то соглашались нѣсколько пьяныхъ начальниковъ племенъ.

Утомясь такимъ произволомъ, въ апрѣлѣ 1832 года, возстали виннебаги и сіуксы. Подъ предводительствомъ отважнаго своего начальника,

Чернаго-Сокола, они хотѣли изгнать изъ областей верховья Миссисипи дерзко вторгнувшихся бѣлыхъ. Обладая хорошимъ оружіемъ и лошадьми, они страшно опустошали населенныя пограничныя мѣстности бѣлыхъ своихъ притѣснителей, окружали и уничтожали цѣлыя селенія, убивали жителей, снимали съ ихъ головы кожу и возбуждали страхъ и ужасъ во всемъ штатѣ.

Правительство, наконецъ, убѣдилось въ необходимости принять серіозныя мѣры и уничтожить силу силою. Индіянцы, отуманенные легкою побѣдою, грозили нападеніемъ и на другіе штаты; а потому генераламъ Аткинсону и Скоту было поручено защищать границы. Въ войскахъ послѣдняго, которыя отплыли на пароходѣ изъ Буффало, появилась холера; при непомѣрной жарѣ и тѣснотѣ на суднѣ, переполненномъ народомъ, неудивительно, что разразилась болѣзнь, которая имѣла страшныя послѣдствія. Многіе умерли, многіе бѣжали и затѣмъ гибли отъ страданій и голода въ лѣсахъ. Между тѣмъ, генералъ Аткинсонъ усиленными переходами достигъ верховья Іовы, гдѣ встрѣтился съ воинами Чернаго-Сокола 2-го августа. Онъ счастливо разбилъ индіянцевъ и даже взялъ въ плѣнъ ихъ начальника и его сына, которыхъ держалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ портѣ Монроэ.

Позднѣе ихъ водили по всѣмъ главнымъ городамъ штатовъ, чтобы показать плѣнникамъ, противъ какого могущественнаго племени они предприняли войну, и вмѣстѣ убѣдить, что неблагоразумно противиться такой могучей силѣ.

Черный-Соколъ особенно испугался значительнаго числа вооруженныхъ молодыхъ солдатъ, и перепуганный, воротился къ своимъ соплеменникамъ; онъ болѣе не противился уже рѣшенію правительства, которое, для предотвращенія новыхъ нападеній со стороны дикихъ и для обезпеченія владѣнія прекрасною страною, перемѣстило всѣ племена на западные берега Миссисиппи.

Послѣ этого прошли многіе годы. Пространства, на которыхъ прежде охотились храбрыя племена, избороздились плугомъ, и кости воиновъ бѣлѣлись на солнцѣ въ лѣсахъ и на равнинахъ. Оставались еще немногіе индіянцы, весьма часто не лучшіе представители своего племени. Разсѣянные повсюду, они питались плетеніемъ корзинъ или охотою.

Въ это время, т. е. около 1845 года, одинъ старый индіянецъ изъ племени виннебаговъ иногда заходилъ въ Уатертонъ, городокъ у Форривера, гдѣ вымѣнивалъ куропатокъ или оленя на порохъ, свинецъ, водку и прочія свои потребности. Однажды старикъ, можетъ быть, слишкомъ перепилъ, или былъ передъ тѣмъ очень болѣнъ;

но, какъ бы то ни было, когда онъ, окончивъ свои дѣла, выпилъ часть своей водки, у него сдѣлались судороги, онъ упалъ на землю и черезъ нѣсколько минутъ скончался.

Разумѣется, тотчасъ послали за врачемъ, единственнымъ въ городкѣ; это былъ ирландецъ. Но всякая помощь была излишня: бѣдный старикъ умеръ. Его положили въ грубо сколоченный гробъ и похоронили въ нѣсколькихъ англійскихъ миляхъ отъ города, тамъ, гдѣ находился старинный индіянскій курганъ, который посѣщали заходящіе туда дикари, утверждавшіе, что курганъ этотъ мѣсто погребенія великаго начальника племени виннебаговъ. Такъ сказать, изъ уваженія къ бѣдному старику-индіянцу, именно этотъ курганъ избрали для его погребенія. Послѣ похоронъ только свѣже-насыпанная земля обозначала мѣсто, гдѣ старикъ имѣлъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что находился въ землѣ, составлявшей нѣкогда владѣніе его племени.

Въ Уатертонѣ нашлась личность, которая всѣми силами старалась воспрепятствовать погребенію индіянца. Это былъ упомянутый уже нами докторъ-ирландецъ. Онъ утверждалъ, что для пользы человѣчества необходимо вскрыть индіянца, потому что при этомъ можно сдѣлать важныя открытія, и неотступно просилъ, чтобы

ему предоставили тѣло умершаго. На самомъ же дѣлѣ, онъ хотѣлъ имѣть скелетъ индіянца, чтобы за хорошую цѣну продать его въ Нью-Іоркѣ.

Простодушнымъ жителямъ Иллинойса, конечно, было все равно, что ни сдѣлается изъ трупа индіянца, тѣмъ болѣе, что они отъ всего сердца желали, чтобъ свирѣпые дикари отправились всѣ въ адъ. Но они очень хорошо еще помнили варварскіе поступки индіянцевъ, и весьма основательно опасались, что если исполнятъ желаніе доктора, и объ этомъ узнаютъ дикіе, то послѣдуетъ непремѣнно месть. Еслибъ даже индіянцы и не рѣшились на открытое нападеніе, все-таки ничѣмъ незащищенный городъ находился бы въ такомъ случаѣ въ большой опасности.

Сверхъ того, старикъ Соломонъ—такъ называли умершаго индіянца—въ теченіе многихъ лѣтъ такъ часто бывалъ въ городѣ, что къ нему питали родъ дружбы. Наконецъ, горожане, какъ и всѣ залѣсники, имѣли отвращеніе къ разрѣзыванію человѣческаго тѣла. По всѣмъ этимъ причинамъ доктору отказали. Индіянца похоронили, и полагали, что дѣло тѣмъ и кончилось.

Послѣдствія показали, что въ этомъ отношеніи ошиблись. Докторъ Макъ Ботермъ, конечно, видѣлъ, что протестовать здѣсь нечего, и ему

оставалось одно средство къ достиженію цѣли— хитрость. Уже въ Ирландіи онъ помогалъ при похищеніи труповъ. Это было, конечно, давно, когда докторъ пользовался еще полною силою и молодостью; но все-таки онъ зналъ, что отрыть тѣло посреди лѣса, гдѣ нечего бояться накрытія, вовсе не такъ затруднительно и опасно. Онъ сдѣлалъ бы все одинъ, если бы не было слишкомъ трудно перетащить домой трупъ; сверхъ того, онъ питалъ едва сознаваемый имъ страхъ къ индіянцамъ. Слѣдовательно, онъ имѣлъ необходимость въ сообщникѣ, и избралъ имъ своего лакея, переселившагося въ Америку лишь за нѣсколько мѣсяцевъ и еще не ознакомившагося съ мѣстными условіями, такъ что онъ принадлежалъ, какъ выражаются въ Америкѣ, къ *дикимъ ирландцамъ*. Посуливъ богатое вознагражденіе, докторъ склонилъ лакея помочь ему въ его предпріятіи, съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ о немъ впослѣдствіи.

Чтобы ближе ознакомиться съ докторомъ, который возъимѣлъ такое важное намѣреніе и хотѣлъ сопротивляться цѣлому городу, презрѣвъ ужасы могилы, мы должны представить его читателямъ.

Докторъ Макъ Ботермъ былъ низенькій толстякъ, съ красными щеками, нѣсколько багровымъ носомъ, маленькими сѣрыми глазами, сѣдыми

бровями и совершенно черными волосами, по которымъ вовсе не походилъ бы на обитателя сѣвера, если бы не имѣлъ сильно вздернутаго органа обонянія, а вѣчно веселое, плоское лице всегда живаго доктора не свидѣтельствовало, что онъ обитатель Зеленаго Острова. По упомянутому нами намѣренію доктора, можно было бы подумать, что онъ былъ чрезвычайно отваженъ, рѣшителенъ и твердъ, такъ какъ, не смотря на отказъ уатертонцевъ, все-таки хотѣлъ настоять на своемъ и даже рѣшался похитить трупъ ночью, т. е. совершить подвигъ, который заставилъ бы дрожать даже самаго отважнаго охотника американскихъ лѣсовъ. Такое мнѣніе, однако, совершенно ошибочно.

Докторъ Макъ Ботермъ уже по своему занятію, дѣйствительно, не боялся труповъ. Для него человѣческое тѣло было почти то же, что для ботаника растеніе, которое онъ разбираетъ по частямъ, чтобы по нимъ опредѣлить, къ какому оно принадлежитъ классу. Слѣдовательно, докторъ считалъ бы похищеніе трупа дѣломъ совершенно невиннымъ и даже интереснымъ, если бы не встрѣтились обстоятельства, которыя обнаружили и дурныя стороны предпріятія, возбуждавшія въ немъ чувство, весьма похожее на страхъ, хотя онъ вовсе не хотѣлъ признать себя трусомъ.

Дѣйствительно, трупъ былъ зарытъ посреди лѣса, на разстояніи мили (полторы версты) отъ всякаго человѣческаго жилища, и не далѣе какъ за нѣсколько дней уатертонскіе охотники преслѣдовали тамъ барса, но убить его не успѣли. Слѣдовательно, животное непремѣнно находилось въ лѣсу, а такъ какъ въ него даже не стрѣляли, то не оставалось и надежды, что оно, можетъ быть, издохло отъ ранъ.

Съ другой стороны, и доводы жителей Уатертона, по-видимому, произвели на доктора довольно сильное впечатлѣніе. Уатертонцы говорили, что въ послѣднее время опять появилось много индіянцевъ виннебаговъ, которые во всю жизнь не забыли бы оскорбительнаго для нихъ похищенія трупа соплеменника и отмстили бы виновнику и его сосѣдямъ, по крайней мѣрѣ, сожженіемъ засѣянныхъ полей и домовъ, причемъ постарались бы подстеречь его въ лѣсу съ смертоносною пулею.

Все это слѣдовало принять въ соображеніе. Но соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и Макъ Бостермъ не могъ противостоять ему, однако, рѣшился, изъ предосторожности и для удобства, взять съ собою недавно нанятаго слугу, Патрика О'Флаэрти, и хранить все предпріятіе, по возможности, въ тайнѣ. О'Флаэрти былъ истинный образецъ ирландца низшаго сословія: съ огнен-

но-рыжими волосами, крѣпкаго тѣлосложенія, отважный, постоянно веселый, особенно при надеждѣ получить большое вознагражденіе. Онъ обѣщалъ пройти съ докторомъ сквозь огонь и воду, если надобно, имѣть дѣло не только съ дѣйствительно мертвыми, но и съ духомъ усопшаго краснокожаго, сидящимъ возлѣ могилы и курящимъ изъ своего топорища плохой табакъ.

Впрочемъ, Патрикъ, небоявшійся никого изъ людей, питалъ большой страхъ къ дикимъ, потому что на родинѣ наслышался о нихъ ужасныхъ вещей, напр., что они людоѣды и настоящіе черти. По прибытіи въ Иллинойсъ, ему случалось слышать подробности о послѣднихъ нападеніяхъ индіянцевъ, что нисколько не измѣнило его предубѣжденія противъ дикихъ, и потому онъ довольно откровенно высказалъ свою боязнь доктору. Хотя Макъ Ботермъ внутренно вполнѣ соглашался съ нимъ, однако, изъ благоразумія, скрывалъ это и даже съ самою непринужденною улыбкою старался уничтожить въ слугѣ всякій страхъ.

Это дѣйствительно удалось ему, и было рѣшено приступить къ дѣлу въ слѣдующій вечеръ, т. е. въ воскресенье, потому что тогда нечего было опасаться, чтобы кто-нибудь изъ обитателей Уатертона пошелъ на охоту и случайно забрелъ къ индіянскому кургану. Докторъ пригото-

вилъ все нужное, и казалось, предпріятіе не представляло никакихъ трудностей и опасностей.

Докторъ жилъ въ собственномъ маленькомъ домѣ съ двумя отдѣленіями. Въ одномъ спали онъ и слуга его, а въ другомъ находилась гостиная и кабинетъ. Докторъ намѣревался положить трупъ въ гостиную, обработать его тамъ и затѣмъ отправить на мѣсто назначенія, когда представится къ тому удобный случай.

Патрикъ взялъ кирку и лопату, а докторъ снялъ старое ружье, опоясался кортикомъ, взялъ долото и маленькій топоръ, чтобы было легче раскрыть гробъ, и наконецъ большой мѣшокъ изъ сѣрой парусины, чтобы удобнѣе нести въ немъ мертвеца. Вооружившись такимъ образомъ, оба вышли изъ дома въ воскресенье вечеромъ, въ то время, какъ заходила луна. Это было около девяти часовъ. Они приняли мѣры предосторожности, чтобы не обратить на себя вниманія и не быть замѣченными прохожими. Для этого они перескочили черезъ сосѣдній заборъ на кукурузное поле трактирщика и прошли незамѣтно посреди высокаго широколистнаго маиса къ лѣсу.

Такимъ образомъ они дѣлали довольно значительный обходъ, но спѣшить имъ было нечего, такъ какъ они располагали цѣлою ночью. Тихо шли они по темному страшному пути.

Между тѣмъ, въ шинкѣ Уатертона сидѣли единственные четыре нерелигіозные человѣка городка. Они весело бесѣдовали, отдавая полную честь пиву, только что привезенному изъ Винсенна. Эти четыре человѣка были: Джемсъ Гласи, самъ шинкарь, пенсильванецъ, поселившійся въ Уатертонѣ въ первое время заложенія этого города. Посѣтители называли его попросту Джимъ. Съ нимъ сидѣли: Джози, кузнецъ, Уэппель, школьный учитель, и лавочникъ Шеркъ.

Въ мирной ихъ бесѣдѣ было одно обстоятельство, которое, воспламеняя ихъ рѣчи, обезпечивало въ то же время согласіе между ними. Всѣ четверо были демократы, подали голосъ за Полька, и вообще въ политическомъ отношеніи держались совершенно одинаковыхъ правилъ. Оттого школьный учитель Уэппель нѣсколько разъ съ отчаяніемъ говорилъ, что при слѣдующихъ выборахъ президента онъ, противъ своего убѣжденія, подастъ голосъ въ пользу уиговъ, единственно для того, чтобы въ такомъ проклятомъ скучномъ обществѣ имѣть возможность возражать.

Поэтому о политикѣ собесѣдники говорили мало. Джимъ сообщилъ, сколько нашелъ онъ въ послѣдній мѣсяцъ деревъ съ ульями, между тѣмъ, какъ Джози хвалился своимъ счастьемъ на недавней охотѣ, на которой застрѣлилъ двухъ

оленей и трехъ индѣекъ. Шеркъ при этомъ утверждалъ, что и онъ убилъ бы отличнаго оленя, если бы въ ту минуту, какъ онъ сбирался поднять винтовку, его не предупредилъ проклятый краснокожій, который выстрѣлилъ нѣсколькими секундами раньше и лишилъ его вкуснаго жаркаго.

— Намъ вовсе не слѣдовало бы терпѣть, замѣтилъ Уэппель, чтобы эти мошенники, бродяги-индіянцы все еще таскались около поселеній. Въ Арканзасѣ этого не терпятъ. Въ прошедшемъ году я ходилъ къ Мульбези: тамъ однажды поймали цѣлую толпу краснокожихъ, человѣкъ 14 или 15, отняли у нихъ всю дичь и выгнали изъ графства.

— Да, произнесъ Шеркъ таинственно, у насъ дѣло совсѣмъ другое. Развѣ вы не слыхали, что говорятъ въ Винсеннѣ объ Уатертонѣ?

— Въ Винсеннѣ? спросилъ недовѣрчиво Джози; развѣ могутъ знать въ Винсеннѣ что-либо неизвѣстное намъ самимъ? Глупости... Любопытно было бы узнать это!

— Я скажу вамъ, что говорятъ въ Винсеннѣ, продолжалъ Шеркъ, выпивъ жестяную кружку пива, которую внимательная хозяйка тотчасъ наполнила, затѣмъ онъ немного подвинулъ стулъ къ столу, снялъ со свѣчки нагаръ, оперся на обѣ руки, вытянувъ большіе пальцы и уста-

вивъ на нихъ свой острый подбородокъ. Послѣ такихъ приготовленій, онъ тихо прошепталъ:

— Говорятъ, что здѣсь не совсѣмъ чисто.

— Не совсѣмъ чисто? спросили всѣ три собесѣдника въ одинъ голосъ.

— Да! произнесъ лавочникъ, не совсѣмъ чисто, потому что индіянцы рыскаютъ здѣсь лишь оттого, что на мѣстѣ построенія Уатертона зарытъ кладъ, который имъ надобно добыть прежде, нежели они окончательно покинутъ страну.

— Кладъ! воскликнула молодая хозяйка съ изумленіемъ.

— Да, кладъ... золото, серебро и драгоцѣнные камни! — продолжалъ лавочникъ съ прежнею таинственностью.

— Откуда же индіянцы могли достать все это? недовѣрчиво возразилъ трактирщикъ. То, что высоко цѣнятъ дикіе, для насъ бѣлыхъ не стоитъ ни гроша. Для нихъ обыкновенно дороги только куски раковинъ, красная земля, служащая для выдѣлки трубокъ, и разныя рѣдкія перья, которыя въ Нью-Іоркѣ можно купить за безцѣнокъ.

— Откуда они могли достать богатства! воскликнулъ Шеркъ съ жаромъ. Развѣ они издавна не нападали на поселенія бѣлыхъ и не похищали все, что могли захватить? Развѣ не

говорятъ, что въ Алеганскихъ горахъ есть мѣста, гдѣ золото лежитъ большими самородками? Индіянцы могли найти его и взять съ собою блестящіе куски, не зная, что съ ними дѣлать, пока жадность европейцевъ не указала имъ цѣнности металла! Нельзя сомнѣваться, что сокровища существуютъ, и совершенно близко отъ насъ, можетъ быть подъ нами, гдѣ мы теперь сидимъ. Иначе, что стали бы искать теперь тутъ краснокожіе негодяи? Вчера я опять встрѣтилъ троихъ, когда ходилъ въ лѣсъ на охоту за бѣлками.

— Они шли къ Винсенну, замѣтила хозяйка, и хотѣли продать выдровые мѣха. Навѣрное они не думали о кладѣ.

— Вотъ какъ! вскричалъ лавочникъ обиженнымъ голосомъ: продавать выдровые мѣха. Къ чему имъ для этого идти къ Винсенну? Въ Уатертонѣ есть люди, у которыхъ довольно денегъ, чтобы купить нѣсколько дрянныхъ мѣховъ. Нѣтъ, они имѣли другія намѣренія, и мы уже дознаемся, чего они хотѣли. Оттого я не соглашался, чтобы нашъ докторъ потрошилъ индіянца. Чортъ возьми краснокожихъ негодяевъ! Можетъ быть, они воспользовались бы этимъ предлогомъ, чтобы напасть на насъ и захватить съ собою оставшіяся тутъ сокровища.

— Я говорилъ то же самое, замѣтилъ Джози. Этого никакъ нельзя было допустить. Я весьма

хорошо знаю, что сдѣлали въ Гринтаунѣ съ однимъ нѣмцемъ, который хотѣлъ похитить скелетъ одного начальника, погребеннаго у Миссисиппи. Мошенники поймали его, содрали ему съ головы кожу и отпустили. Послѣ этого несчастный прожилъ только три часа. Я разсказалъ это Макъ Ботерму, чтобы предостеречь его.

— Да, и послѣ этого они перестрѣляли еще пять человѣкъ въ томъ же селеніи, продолжалъ Уэппель. Я еще очень хорошо помню это, потому что прибылъ въ Гринтаунъ черезъ недѣлю послѣ происшествія.

— Сверхъ того, Соломонъ былъ прекрасный человѣкъ, сказала мистрисъ Гласи, — совсѣмъ не такой, какъ другіе индіянцы. Онъ былъ всегда такъ услужливъ и ласковъ, и я очень желала бы, чтобъ онъ лежалъ спокойно въ могилѣ и не былъ изрѣзанъ этимъ ирландцемъ. Если докторъ здѣсь, въ Уатертонѣ, вынетъ у человѣка внутренности и станетъ кромсать ихъ какъ у скотины, я не захочу видѣть его у себя въ домѣ: мнѣ дѣлалось бы тошно въ его присутствіи.

— Это ничего, со смѣхомъ возразилъ ея мужъ: все можно вымыть; что же касается Соломона, то каждый индіянецъ такой же негодяй, какъ и другой. Чѣмъ ласковѣе они въ обращеніи, тѣмъ болѣе должно беречься ихъ. Во всякомъ

случаѣ, Шеркъ весьма справедливо говоритъ, что нельзя было бы выйти изъ дома, если бы краснокожіе знали, что мы не только закопали здѣсь ихъ соплеменника, но еще изрѣзали его. Они, пожалуй, подумали бы, что мы людоѣды.

— Брррр.... сказала мистрисъ Гласи, трепеща при этой мысли.

— Да, любезные, произнесъ Уэппель, подойдя къ окну и выглядывая на пустую улицу: здѣсь нельзя получить ничего особеннаго, и потому я лучше пойду домой, не то старуха разворчится.

— Который же теперь часъ? спросилъ Джимъ: я думаю еще рано?

— Теперь десятый часъ въ началѣ, отвѣчалъ учитель. Луна заходитъ и мнѣ пора спать, потому что завтра рано утромъ опять надо приняться учить дѣтей. Прощайте, господа!

— Подождите, Уэппель, воскликнулъ Шеркъ, вставая. Я пойду съ вами; мнѣ надобно подышать чистымъ воздухомъ: здѣсь у меня разболѣлась голова. Кто это стучитъ? развѣ заперто?

Мистрисъ Гласи отворила двери и едва не вскрикнула отъ испуга, когда внезапно въ комнату просунулась черная курчавая голова. Вошелъ мальчикъ негръ, лѣтъ двѣнадцати, очевидно перепуганный; онъ смотрѣлъ на присутствую-

щихъ и, казалось, не зналъ, начать ли ему говорить.

— Боже мой! произнесла мистрисъ Гласи, отступивъ на нѣсколько шаговъ съ изумленіемъ: я, въ самомъ дѣлѣ, подумала, что къ намъ влѣзаетъ индіянецъ. Чего тебѣ надо такъ поздно? Развѣ тебя прислалъ къ намъ твой хозяинъ?

Сиппъ былъ свободный негръ, который состоялъ слугою у священника и иногда прислуживалъ въ трактирѣ, если его настоящій хозяинъ, по своимъ обязанностямъ, уходилъ изъ города. За такія услуги его награждали нѣсколькими центами или глоткомъ водки. Въ настоящую минуту вся его наружность выражала страхъ. Заикаясь онъ произнесъ тихимъ голосомъ:

— Нѣтъ, барыня, но я что-то слышалъ.

— Что такое ты слышалъ?

— Да, баринъ, продолжалъ мальчикъ со страхомъ; когда я проходилъ по грядамъ дынь...

— Ахъ ты, мошенникъ! прервалъ его Гласи съ досадою; какъ смѣлъ ты ходить по моимъ грядамъ? Развѣ я не запретилъ тебѣ даже смотрѣть на мои дыни?

— Да дайте же ему разсказать, смѣясь замѣтилъ Уэппель. Вы еще болѣе пугаете бѣдняка, который и безъ того уже заикается, а со страха, пожалуй, и ничего не скажетъ.

Дѣйствительно, Сиппъ, выдавъ себя не-

вольно, стоялъ какъ пораженный громомъ и бормоталъ совершенно непонятныя слова. Трактирщица съ большимъ трудомъ успокоила его, и наконецъ мальчикъ заговорилъ понятно. Содержаніе его разсказа относилось къ разговору, начатому въ трактирѣ, болѣе, нежели можно было бы предполагать. Сиппъ сообщилъ, что онъ прошелъ по огороду только для того, чтобы скорѣе дойти до трактира, и на дорогѣ, у самаго забора, замѣтилъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ несъ ружье, а другой кирку и лопату. Недалеко отъ него они остановились, и онъ узналъ, что эти люди были докторъ и его слуга. Сверхъ того, онъ услыхалъ, что они хотятъ перенести умершаго індіянца домой въ мѣшкѣ.

Сиппъ перепугался единственно потому, что отъ своего господина слышалъ объ опасности возбудить недовольство індіянцевъ, бродящихъ въ окрестностяхъ. Священникъ говорилъ, что этимъ людямъ терять нечего, и они станутъ мстить съ полнымъ убѣжденіемъ, что наказываютъ за нанесенное имъ оскорбленіе, и потому будутъ совершенно спокойно убивать бѣлыхъ, грабить ихъ имущество и, что было главное для Сиппа, брать въ плѣнъ негровъ.

Послѣднее, собственно говоря, было весьма невѣроятно, потому что послѣ насилія індіянцы

могли убѣжать только въ Канаду. Но Сиппъ не былъ знакомъ съ географіею Америки, и полагалъ, что находится въ крайней опасности. А потому онъ, со слезами на глазахъ, просилъ, чтобы они воспрепятствовали злымъ людямъ исполнить ихъ намѣренія.

— Гм! пробормоталъ Уэппель, подумавъ немного: проклятый докторъ, пожалуй, еще надѣлаетъ намъ хлопотъ.

— Пойдемте вслѣдъ за нимъ, воскликнулъ Джози: чего бояться его ружья, которое никогда не стрѣляетъ? Посмотримъ, можетъ ли онъ, вопреки нашей волѣ, подвергать опасности жизнь нашу.

— Правда, сказалъ Уэппель, онъ просилъ насъ выдать ему мертвеца, но мы ему отказали. Если же теперь онъ хочетъ украсть трупъ, то намъ не слѣдуетъ позволять этого.

— Позволять! громогласно крикнулъ кузнецъ: пусть ему позволитъ чортъ, и пусть онъ возьметъ самого ирландца и отнесетъ на его родину, гдѣ нѣтъ лягушекъ и змѣй. Если же онъ хочетъ оставаться у насъ, то долженъ покоряться существующимъ законамъ; не то я познакомлю его съ парою молотковъ, подъ которые онъ въ другой разъ не захочетъ подставить своей спины. Пойдемте со мною, и если

я не излечу его отъ охоты къ похищенію труповъ, то назовите меня болваномъ!

Честный кузнецъ, надвинувъ шляпу на глаза, казалось, готовился уже исполнить свое намѣреніе; но Шеркъ взялъ его за руку и сказалъ, поглаживая свой гладко-выбритый подбородокъ:

— Господа, дѣло имѣетъ двѣ стороны. Индіянецъ не принадлежалъ штату и лежитъ въ землѣ Конгреса. Мы имѣемъ на него такое же право, какъ и докторъ. Слѣдовательно, по закону, мы не имѣемъ никакихъ правъ мѣшать доктору. Если мы затѣемъ дѣло и начнемъ споръ, то на него будетъ обращено болѣе вниманія, чѣмъ сколько нужно, и индіянцы станутъ смотрѣть на Уатертонъ непріязненнѣе теперешняго. Дѣло надобно покончить какъ-нибудь иначе.

— Да къ могилѣ ли индіянца онъ пошелъ? спросила мистрисъ Гласи. Вѣдь курганъ лежитъ совершенно на другой сторонѣ.

— Разумѣется, онъ не пойдетъ съ киркою и лопатою по городу, сказалъ учитель: на столько у него ума хватитъ. Но я уже думалъ, что докторъ попытается похитить мертвеца.

— Чего тутъ думать! прервалъ разсерженный кузнецъ. Чортъ возьми всякое раздумы-

ванье! Отдуть его хорошенько и тѣмъ вразумить, что если онъ хочетъ жить въ Америкѣ, то долженъ поступать, какъ требуютъ американцы.

— Господа! возразилъ Шеркъ, противъ этого я долженъ сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, у меня страшно гнилой зубъ, который опять начинаетъ болѣть, и я хочу, чтобы докторъ выдернулъ его завтра; во-вторыхъ, проклятое ружье можетъ выстрѣлить — этотъ инструментъ обыкновенно не пережидаетъ минуты, когда ему не слѣдовало бы стрѣлять, а напротивъ стрѣляетъ именно не во́-время. Въ одномъ случаѣ докторъ выломаетъ мнѣ половину челюсти, чтобы отомстить, а въ другомъ—ружье можетъ застрѣлить кого-нибудь изъ насъ, что еще хуже. Оттого я предлагаю придумать что-нибудь получше. Не обѣщать ли ему перваго негра, который умретъ въ нашемъ городѣ?

— О, господинъ Голли! съ ужасомъ воскликнулъ Сипнъ: что сдѣлали вамъ бѣдные негры? Нѣтъ, Сипнъ знаетъ лучшее средство.

— Говори, черный чертенокъ, смѣясь сказалъ Уэппель: высказывай намъ твои хорошія мысли.

— Масса Ботермъ очень боится индіянцевъ, а я умѣю кричать словно индіянецъ.

Не ожидая приказанія присутствующихъ, мальчикъ внезапно пронзительно крикнулъ, какъ индіянцы виннебаги передъ боемъ. Подражаніе

было до того удачно, что не только мистрисъ Гласи, но даже мужчины вздрогнули. Шеркъ тотчасъ понялъ, чего хочетъ мальчикъ, и радостно воскликнулъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, Сиппъ задумалъ превосходную шутку. Мы разыграемъ индіянцевъ. Теперь темно, и луна зашла. Намъ достаточно накинуть по бѣлому одѣялу, и гардеробъ нашъ готовъ. Мы отправимся къ кургану, и тамъ Сиппъ примется кричать, а мы вторить ему. Тогда добрый докторъ вѣрно подумаетъ, что его преслѣдуютъ всѣ выселившіяся племена.

— Возьмемъ съ собою также ружья, замѣтилъ Джози, которому предпріятіе очевидно нравилось, потому что онъ самодовольно улыбался.

— Боже сохрани! сказалъ нѣсколько боязливо лавочникъ. Къ чему? Лѣсъ густой, и такая штука нечаянно можетъ выстрѣлить. Вѣдь мы вовсе не хотимъ сдѣлать серіознаго нападенія.

— А если докторъ вздумаетъ защищаться? замѣтилъ Уэппель.

— Нѣтъ, за это я отвѣчаю, возразилъ со смѣхомъ трактирщикъ.

— Если онъ услышитъ шумъ въ кустахъ, а затѣмъ настоящій боевой крикъ, я готовъ прозакладывать голову, что онъ побѣжитъ со всѣхъ ногъ.

— Во всякомъ случаѣ, намъ не слѣдуетъ проболтаться, произнесъ Шеркъ: не то докторъ позднѣе все-таки возьметъ свое.

— Если онъ убѣжитъ разъ, то не скоро воротится, сказалъ Гласи. Впрочемъ, все равно, будемъ ли мы кричать настоящимъ или ненастоящимъ боевымъ призывомъ — докторъ въ этомъ толку не знаетъ. Во всякомъ случаѣ, намъ надобно спѣшить, чтобы не опоздать. Сиппъ сказалъ, что они пошли по полямъ. Значитъ, они сдѣлаютъ большой обходъ прежде чѣмъ дойдутъ до бревна, перекинутаго черезъ рѣку. Мы можемъ идти скорѣе ихъ по большой дорогѣ и по мосту, и такимъ образомъ опередить доктора. Ты, хозяюшка, пока приготовь хорошаго пуншу. Когда мы воротимся, намъ надобно будетъ погрѣться.

Была ночь. На небѣ ярко блестѣли тысячи звѣздъ, и южный вѣтерокъ почти безъ шума вѣялъ по обширной равнинѣ, слегка склоняя гибкую траву, увлаженную росою. Достигнувъ лѣса, вѣтеръ, казалось, пріобрѣлъ новую силу, потому что шумно колыхалъ сучья и вѣтви. Природа, казалось, праздновала день покоя, какъ и весь міръ. Даже лягушки, и тѣ тихо и боязливо напѣвали однообразную свою пѣсню, словно не рѣшаясь квакать во все горло. Въ лѣсу было темно; сквозь чащу вѣтвей не проникалъ даже слабый свѣтъ мерцающихъ звѣздъ. Только тамъ,

гдѣ по плодородной почвѣ извивалась маленькая рѣка, исполинскія вершины разошлись, и ясное небо отражалось въ чистомъ потокѣ, на слегка взволнованной поверхности котораго по временамъ появлялся трепещущій свѣтъ.

Нѣсколько больше свѣта было еще и въ другомъ мѣстѣ лѣсистой низменности, именно въ одной изъ множества маленькихъ полянъ, разсѣянныхъ повсюду въ западныхъ лѣсахъ. Тутъ расли только травы и цвѣты, на пространствѣ, окруженномъ могучими; высокими деревьями. Казалось, что тутъ вырвали нѣсколько громадныхъ стволовъ, и окружающее море лѣса готовилось опять покрыть обнаженное мѣсто. Это открытое пространство имѣло въ поперечникѣ не больше 60 футовъ. Въ самой серединѣ находился холмъ, вышиною въ сажень; онъ густо поросъ травою; только на вершинѣ его былъ снятъ недавно дернъ, и плотно убитая земля указывала мѣсто, подъ которымъ покоилось отъ земныхъ трудовъ и страданій окоченѣвшее тѣло человѣка.

Тутъ все было тихо посреди зелени лѣса; только волкъ обошелъ свѣжую могилу, постоялъ на ней, завывая, и оставилъ слѣдъ острыхъ когтей своихъ на рыхлой землѣ.

Но что стоитъ тамъ у самой гробницы? Не памятникъ ли это, поставленный жителями Уа-

тертона иноплеменному воину? Неужели они до такой степени почитаютъ его память, что означили мѣсто погребенія изгнанника? Нѣтъ, объ этомъ они вовсе не помышляли; напротивъ, они старались предать его землѣ какъ можно скорѣе и удобнѣе, и ограничились однимъ выраженіемъ вниманія къ племени, похоронивъ старика въ индіянской гробницѣ.

Что же это былъ за камень?

Если бы ты видѣлъ темные, блестящіе глаза подъ гордо воздымающимися орлиными перьями; если бы ты слышалъ тихое, монотонное пѣніе, походившее на едва замѣтный шопотъ и выражавшее сѣтованіе объ умершемъ, то не подумалъ бы, что это камень. Это былъ памятникъ живой. Здѣсь сидѣлъ начальникъ въ полной одеждѣ надъ гробницею своего отца. Въ то время, какъ лѣвая рука у него погрузилась до запястье въ мягкую, рыхлую землю, правая была неподвижно протянута къ звѣздамъ, какъ будто индіянецъ хотѣлъ привлечь тѣло и душу усопшаго къ себѣ.

Вдругъ онъ быстро поднялъ темную свою голову и сталъ вслушиваться. Длинныя перья заколебались отъ этого почти невольнаго движенія; индіянецъ нѣсколько секундъ, казалось, вслушивался съ величайшимъ вниманіемъ въ отдаленный шумъ, значительный, однако, для его остраго слуха.

Шумъ приближался; индіянецъ различилъ голоса, ясно услышалъ трескъ ломающихся сухихъ сучьевъ и, не спуская глазъ съ мѣста, откуда доносились звуки, медленно отступилъ подъ тѣнь деревъ и черезъ нѣсколько мгновеній исчезъ во мракѣ.

— Говорю тебѣ, Патрикъ, ты просто оселъ! воскликнулъ докторъ Макъ Ботермъ, когда онъ по крайней мѣрѣ въ пятидесятый разъ споткнулся на сукъ, лежащій на дорогѣ, и опять всталъ, потирая ноги. — Ты говоришь такую дичь, что благоразумный христіанинъ долженъ придти въ отчаяніе у себя въ комнатѣ, а тѣмъ болѣе въ этой проклятой путаницѣ деревъ, выросшихъ, кажется, только для того, чтобы люди ломали себѣ кости. Боже мой!.... прервалъ докторъ самого себя, силясь не вскрикнуть отъ боли, потому что ему вонзился въ лице острый шипъ свѣсившагося вьющагося растенія. Бѣднякъ осторожно провелъ рукою по лбу и щекѣ, чтобы пощупать, не идетъ ли кровь.

— Послушайте, докторъ! сказалъ непоколебимый Патрикъ своимъ грубымъ ирландскимъ нарѣчіемъ. Тутъ онъ остановился, положилъ на землю кирку и лопату, и боязливо сталъ осматриваться во всѣ стороны.—Развѣ не сына моей матери что-то каждую минуту удерживаетъ то съ правой, то съ лѣвой стороны, какъ бы го-

воря: «Патрикъ, голубчикъ мой, дорогой мой, не иди дальше, ты погибнешь, ты пропавшая овца!»

— Ты сущій оселъ, Патрикъ, мой голубчикъ! вскричалъ докторъ съ досадою, которому весьма не нравилась боязнь его сообщника. Развѣ я не говорилъ тебѣ десять тысячъ разъ, что тебя задерживаютъ сучья и дикая лоза, за которую ты зацѣпляешься? Если бы ты не падалъ на колѣни и каждый разъ не принимался молиться, то увидѣлъ бы это самъ.

— Господи Боже мой! простоналъ ирландецъ: да проститъ меня Пресвятая Дѣва Марія, что я въ такую ночь рѣшился пойти въ лѣсъ безбожничать. Я знаю только, что если ворочусь въ городъ, то ни за какія блага въ мірѣ не пойду ночью въ лѣсъ. Еще трупъ отрывать!— продолжалъ онъ плаксивымъ голосомъ, между тѣмъ, какъ докторъ, ни сколько не слушая жалобъ слуги, осматривалъ мѣстность, въ которой находился:—отрывать трупы, какъ дикіе звѣри въ Африкѣ, тащить человѣческое тѣло домой и варить, какъ говядину! Господи Іисусе! если сегодня не овладѣетъ мною нечистый, то его вовсе не существуетъ.

Въ отчаяніи, Патрикъ выпустилъ изъ рукъ взятыя съ собою орудія и опустился на колѣни, скрестивъ руки. Но Макъ Ботермъ зналъ, чѣмъ разогнать страхъ слуги. Онъ

вынулъ изъ кармана бутылку, переплетенную въ кожу, откупорилъ ее и подалъ перепуганному слугѣ.

— Вотъ, Патрикъ, — произнесъ онъ: — твое воображеніе сохнетъ, полей немного росы на корень его, чтобы поправиться, и не забудь, что если теперь ты мнѣ услужишь вѣрно, то по окончаніи дѣла получишь два доллера чистыми деньгами и два галлона, слышишь, два галлона водки самаго лучшаго сорта.

— Ахъ ты, моя дорогая! сказалъ Патрикъ, который уже при откупориваніи поднялъ голову и съ восторгомъ смотрѣлъ на бутылку:—Докторъ Макъ Ботермъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который умѣетъ ободрить несчастнаго въ минуту отчаянія. Докторъ Макъ Ботермъ, дѣйствительно, добрый человѣкъ, какого описываетъ отецъ О'Руль.

— Молчи, Патрикъ,—успокоительно сказалъ докторъ, боязливо осматриваясь:—Мы уже недалеко отъ цѣли нашего предпріятія, и чѣмъ спокойнѣе мы займемся своимъ дѣломъ, тѣмъ лучше. Вѣдь можетъ же случиться, что какой-нибудь проклятый дикарь шляется по лѣсу, и въ такомъ случаѣ лучше всего какъ можно меньше говорить. Пойдемъ, Патрикъ; мы кончимъ все дѣло не болѣе какъ въ часъ.

Докторъ собрался уже идти, когда Патрикъ,

завладѣвшій бутылкою, внезапно схватилъ его за руку и со страхомъ прошепталъ:

— Неужели краснокожіе черти сдираютъ съ головы истиннаго христіанина кожу, чтобы дѣлать изъ нея кошельки? Неужели докторъ Ботермъ опасается, что здѣсь есть краснокожіе индіянцы, которымъ хочется содрать золотые волосы Падди-О-Флаэрти?

— Полно говорить глупости, Патъ,—возразилъ докторъ, высвобождая свою руку:—Лучше пойдемъ дальше, и будь благоразумнѣе, думай о о водкѣ и доллерахъ. Если ты станешь теперь много толковать, то не получишь ни копѣйки денегъ и ни капли водки.

Почтенный докторъ, повидимому сердился, чтобы подавить собственный страхъ; не ожидая ни какихъ возраженій, онъ быстро пошелъ впередъ и такимъ образомъ безсознательно воспользовался лучшимъ способомъ заставить своего спутника слѣдовать за собою, потому что Патрикъ ни за что въ мірѣ не хотѣлъ остаться въ лѣсу одинъ. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, они достигли цѣли своего странствованія, и Патрикъ затрепеталъ при видѣ тихаго мѣста, миръ котораго онъ долженъ былъ дерзко нарушить.

— Патрикъ,—шепнулъ докторъ,—вотъ здѣсь въ самой серединѣ гробница. Бери кирку и лопату, а я между тѣмъ заряжу ружье. Я на-

дѣюсь, что оно намъ не будетъ нужно, но вполнѣ на это располагать нельзя. Лучше принять мѣры предосторожности. Ну, развѣ ты не слыхалъ? Давай же пороховницу.

— Чего вы спрашиваете?—сказалъ изумленный Патрикъ:—пороховница вѣрно у васъ въ карманѣ.

— Полно, Патъ,—возразилъ докторъ съ сердцемъ, ощупывая свои карманы и предполагая, что онъ дѣйствительно засунулъ пороховницу въ карманъ:—Полно, Патъ, ея нѣтъ ни здѣсь, ни тамъ.... Да вѣдь я, кажется, далъ ее тебѣ въ руки, когда мы уходили?

— Въ самомъ дѣлѣ, сударь!—воскликнулъ поспѣшно Патрикъ,—вы вѣрно ищете длинный коровій рогъ на зеленомъ шнуркѣ?

— Да, да, дай его сюда.

— Ахъ, сударь, не хлопочите, онъ спокойно виситъ у васъ на стѣнѣ.

— Болванъ!—съ досадою крикнулъ докторъ:— не говорилъ ли я тебѣ, чтобы ты не замочилъ пороховницы?

— Оттого, сударь, я и повѣсилъ ее у дверей,— отвѣчалъ ирландецъ:—не могла же она остаться сухою, если бы сегодня ночью пошелъ дождь.

— Вотъ тебѣ и разъ!—пробормоталъ докторъ, — вотъ мы и попались. Если бы теперь пришли индіянцы, Патрикъ, если бы они при-

шли,—это было бы величайшею глупостью, которую когда-либо сдѣлалъ сынъ твоего отца! Къ чему же я тащилъ сюда тяжелое ружье, отъ котораго у меня на лѣвомъ плечѣ будетъ синякъ?

Патрикъ, имѣвшій о заряженіи ружья столько же понятія, сколько объ игрѣ на фортепіано, не постигалъ, почему его господинъ такъ сердится, тѣмъ болѣе, что не позабыли взять съ собою водки. Онъ довольствовался однимъ покачиваніемъ головы, и ревностно исполнилъ приказаніе сложить орудія для копанія земли. Онъ бросилъ ихъ въ траву и взялъ въ руки кирку, боязливо осматриваясь, какъ бы не зная, долженъ ли онъ работать ею или защищаться. Медленно и очевидно съ неохотою пошелъ онъ къ гробницѣ и остановился на ней, продолжая безпокойно осматриваться.

Докторъ, между тѣмъ, снялъ съ себя большой грузный мѣшокъ, развернулъ его и вынулъ топоръ и долото, чтобы не было никакой задержки, когда товарищъ его доберется до гроба. Затѣмъ онъ обратился къ своему слугѣ, который все еще не принимался за дѣло.

— Любезный Патрикъ, — сказалъ почтенный врачъ, взявъ лопату и быстро всходя на холмъ:— голубчикъ Патрикъ, примемся за дѣло. Чѣмъ болѣе мы будемъ медлить, тѣмъ сдѣлается позд-

нѣе. Вотъ могила, и краснокожій старикъ лежитъ въ ней. Вспомни о водкѣ, Падди!

— Развѣ я не живу до сихъ поръ только благодаря водкѣ.—При этихъ словахъ Патрикъ выпилъ порядочный глотокъ изъ пустой почти бутылки, и рачительно засунулъ ее въ карманъ.—Это вещь прекрасная, отъ которой становится тепло на душѣ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы все было уже кончено! Страшная работа быть могильщикомъ навыворотъ.... Что̀ это?

— Что̀ это?—повторилъ докторъ съ испугомъ, осматриваясь во всѣ стороны:—Господи, что̀ это такое?

Оба стали внимательно вслушиваться, но слышенъ былъ только тихій шелестъ листьевъ и грустное кваканье лягушекъ, повсюду господствовало безмолвіе, какъ въ могилѣ.—Это ободрило доктора, и онъ сердито сказалъ:

— Мнѣ это надоѣло. Принимайся за дѣло, не то мы простоимъ здѣсь всю ночь!

— Начнемъ, — сказалъ Патрикъ,—и тотчасъ снялъ сюртюкъ, бросилъ на землю старую свою шляпу, засучилъ рукава, плюнулъ въ здоровую руку и готовился сдѣлать первый ударъ. Тутъ затрещали и стали ломаться недалеко отъ нихъ сучья, и по полянѣ пролетѣла испуганная сова. Похитители мертвеца стояли, какъ вкопанные, и имъ казалось, что по су-

химъ прошлогоднимъ листьямъ что-то проскакало, но они не могли разобрать, человѣкъ это или животное.

— Докторъ, что́ это такое?—шепнулъ Патрикъ, медленно опуская кирку.

— Чортъ знаетъ,—пробормоталъ МакъБотермъ, — не былъ ли это олень, испуганный упавшимъ сукомъ? Вѣрно олень; кому же быть здѣсь объ эту пору?

— Докторъ, господинъ докторъ! — шепнулъ Патрикъ, оглядываясь со страхомъ,—мнѣ страшно. Какъ былъ бы я счастливъ, если бы лежалъ теперь въ постелѣ въ Уатертонѣ и никогда въ жизни не держалъ въ рукахъ кирки.

Господинъ и слуга нѣсколько времени стояли неподвижно и вслушивались съ напряженнымъ вниманіемъ,—но все было тихо и даже вѣтеръ пересталъ дуть.

— Патрикъ,—произнесъ докторъ, но уже едва слышнымъ голосомъ, — Патрикъ, окончимъ поскорѣе наше дѣло, чтобы раньше воротиться домой: непріятно стоять здѣсь на полянѣ посреди темнаго лѣса.

Патрикъ не отвѣчалъ ни слова, а оглянулся въ чащу и затѣмъ посмотрѣлъ передъ собою, поднялъ кирку и всадилъ ее въ рыхлую землю по самую рукоятку. Казалось, этотъ ударъ былъ мановеніемъ чародѣя, вызвавшаго съ быстротою

молніи всѣхъ адскихъ духовъ. Казалось, что весь лѣсъ крикнулъ, и въ то же время въ кустахъ зашумѣло, затрещало и изъ чащи выбѣжали, точно привидѣнія, фигуры въ развѣвающихся одѣялахъ и побѣжали прямо къ холму, гдѣ стояли оцѣпенѣвшіе похитители трупа.

Дѣйствительно, изумленіе ихъ не имѣло границъ. Имъ казалось, что они видятъ сонъ, и не могли постигнуть, чтобы могли совершиться такіе ужасы. Внезапно у Патрика, однако, блеснула ясная мысль, члены пріобрѣли у него прежнюю гибкость или даже сдѣлались ловчѣе, чѣмъ когда-либо, потому что онъ съ громкимъ крикомъ бросилъ свое орудіе и въ нѣсколько скачковъ достигъ лѣса и скрылся въ немъ. Доктору вовсе не хотѣлось остаться одному, чтобы защищать своего товарища съ тыла, а потому и онъ побѣжалъ съ такою же быстротою, крича Патрику, чтобы тотъ ради Бога остановился и обождалъ его.

Патрикъ, не смотря на шумъ отъ ломающихся подъ его ногами сучьевъ дѣйствительно, слышалъ за собою голосъ, но вовсе не думалъ останавливаться, потому что не могъ различить, кто ему кричитъ. Полагая же, что его преслѣдуетъ краснокожій дикарь, онъ побѣжалъ еще скорѣе и, не обращая вниманія ни на какія препятствія, вскорѣ достигъ рѣчки, которую,

однако, замѣтилъ уже тогда, когда былъ по горло въ водѣ! Только при величайшихъ усиліяхъ онъ могъ добраться до противоположнаго берега, который хотя былъ крутъ и скользокъ, но ирландецъ въ страхѣ взобрался на него съ неимовѣрною быстротою. Въ это время Макъ Ботермъ, побѣжавъ къ противоположному берегу рѣки, нѣжнымъ голосомъ звалъ своего слугу, но послѣдній даже не оборачивался и по-прежнему продирался сквозь чащу тернистыхъ вьющихся растеній.

Докторъ весьма охотно послѣдовалъ бы за своимъ слугою, но не умѣлъ плавать. Впрочемъ, онъ имѣлъ еще на столько присутствія духа, чтобы сообразить, что если его не преслѣдуютъ индіянцы, то нѣтъ никакой опасности. Разъѣзжая въ сосѣднія поселенія къ больнымъ, докторъ довольно хорошо зналъ мѣстность, а потому ему было извѣстно, гдѣ онъ приблизительно находится. Оттого онъ рѣшился пойти внизъ по рѣкѣ, чтобы добраться до моста и затѣмъ выйти на дорогу, въ городъ. Но безпрерывное вниманіе сдѣлало его слухъ острѣе, такъ что, къ величайшему своему ужасу, онъ услышалъ, что именно по тому направленію, по которому намѣревался идти, въ кустахъ что-то зашумѣло.

Недолго ему пришлось размышлять, что́ именно это такое, потому что черезъ мгновеніе вѣтви кустовъ разошлись, и изъ нихъ вы-

ступила темная фигура, которая, какъ ему тогда казалось, имѣла лице, расписанное бѣлою краскою, и дикими прыжками бросилась къ нему.

Докторъ Макъ Ботермъ и Патрикъ О'Флаэрти, впрочемъ, весьма основательно перепугались, потому что на нихъ напали внезапно со всѣхъ сторонъ, въ то время, какъ они занимались не совсѣмъ чистымъ дѣломъ. Они могли ожидать величайшей опасности, попавъ въ руки дикихъ своихъ непріятелей, которые, по мнѣнію Патрика, были непремѣнно людоѣды. Слѣдовательно, ихъ нельзя укорять въ томъ, что они оставили свои вещи на полянѣ. Весело и со смѣхомъ общество изъ трактира взбѣжало на холмъ, вовсе не намѣреваясь преслѣдовать свои жертвы. Черный Сипъ, корча рожи, прыгалъ около нихъ и въ порывѣ радости громко крикнулъ по-индіянски, чтобы, такъ сказать, придать всему дѣлу послѣдній лоскъ. Бѣглецы ясно слышали этотъ крикъ, который заставилъ ихъ бѣжать еще поспѣшнѣе.

— Господа!—воскликнулъ Шеркъ, махая шляпою,—мы одержали побѣду, крѣпость взята приступомъ, гарнизонъ покинулъ ее, и мы можемъ завладѣть ихъ флагомъ и орудіями, потому что....

При этихъ словахъ, онъ отскочилъ, какъ ужаленный. Передъ нимъ стоялъ, съ поднятымъ

блестящимъ топоромъ, слегка откинувъ шерстяное одѣяло и быстро раскачивая перьями на головѣ, дѣйствительный живой индіянецъ, любитель сдирать съ головы кожу, дикарь, готовящійся отомстить за святотатство.

Американцы не замѣчали его до сихъ поръ, потому что обращали вниманіе на однихъ бѣглецовъ. Шеркъ нѣсколько мгновеній стоялъ совершенно неподвижно. Сипъ хотѣлъ сбѣжать съ холма, вѣроятно, чтобы въ послѣдній разъ напугать бѣгущихъ своимъ крикомъ, и при этомъ едва не наткнулся на индіянца, который также былъ изумленъ. Въ первую минуту онъ принялъ американцевъ за своихъ соплеменниковъ, теперь же распозналъ бѣлыхъ, но не могъ рѣшить, имѣетъ ли онъ передъ собою враговъ или друзей.

Сипъ не могъ долго стоять передъ настоящимъ индіянцемъ, и потому поспѣшно оттолкнулъ Шерка и пустился бѣжать въ лѣсъ. Присутствіе духа Сипа пробудило и Шерка. Не обращая ни какого вниманія на товарищей, онъ послѣдовалъ примѣру маленькаго негра, но при первомъ шагѣ зацѣпился за кирку, засѣвшую въ землѣ, и съ крикомъ упалъ, полагая, что по крайней мѣрѣ съ него дерутъ уже кожу.

Уэппель, также боявшійся индіянцевъ, не

старался вникнуть въ причину страха своихъ товарищей, но тотчасъ воспользовался гибкостью своихъ членовъ. Остался одинъ Джози; хотя онъ былъ изъ числа самыхъ отважныхъ людей, привыкшій сопротивля́ться всякой опасности и, въ случаѣ нужды, не отступилъ бы отъ цѣлой толпы дикарей, но часть его товарищей убѣжала съ очевиднымъ выраженіемъ страха; одинъ изъ нихъ повалился съ крикомъ, а на вершинѣ гробницы, при слабомъ ночномъ свѣтѣ, онъ видѣлъ передъ собою индіянскаго воина. Что́ же оставалось ему дѣлать? Онъ полагалъ, что какое-нибудь племя находится въ засадѣ, а безъ оружія онъ могъ надѣяться спасти свою жизнь однимъ только бѣгствомъ.

Проворно бросился онъ въ сторону, чтобы избѣжать губительной стрѣлы или смертоносной пули, и старался добраться до чащи.

Шеркъ, который нѣсколько ушибъ себѣ ногу, также вскочилъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ лѣсъ, не обращая ни какого вниманія на направленіе, по которому убѣгалъ. Онъ бросился въ колючую чащу и, раздирая себѣ одежду и кожу, старался только избавиться отъ предполагаемыхъ преслѣдователей. При этомъ онъ перескакивалъ черезъ рвы, черезъ свалившіяся деревья, попадалъ въ ямы, ушибался о деревья и, наконецъ, добрался до берега рѣчки. Тутъ онъ, бѣжавши какъ бѣ-

шеный, внезапно, къ величайшему своему ужасу, наткнулся, какъ онъ думалъ прямо на врага, потому что очутился передъ какою-то темною фигурою, которая, казалось, хотѣла схватить его.

Въ одно мгновеніе онъ кинулся въ сторону и упалъ въ рѣку. Между тѣмъ возбудившій въ Шеркѣ такой ужасъ былъ докторъ Макъ Ботермъ, который, въ свою очередь, испугавшись внезапнаго появленія Шерка, съ быстротою молніи побѣжалъ опять въ лѣсъ, тѣмъ болѣе, что, при паденіи своего мнимаго врага въ воду, услышалъ плескъ и полагалъ, что непріятели хотятъ отрѣзать ему путь къ спасенію. Отбѣжавъ нѣсколько сотъ шаговъ отъ рѣки, докторъ совершенно изнеможенный, отказываясь отъ всякой попытки къ спасенію, прилегъ къ полусгнившему дубовому дереву, въ надеждѣ, что онъ за нимъ успѣетъ скрыться отъ вниманія преслѣдователей. Нѣчто въ родѣ того онъ читалъ въ какой-то книгѣ.

Бѣглецы разсѣялись по лѣсу во всѣ стороны, а на гробницѣ осталась, при тусломъ свѣтѣ звѣздъ, только торжественная фигура индіянскаго воина, который пѣлъ тихимъ голосомъ монотонную надмогильную пѣснь.

На слѣдующее утро всѣ въ Уатертонѣ были сильно взволнованы. Джози воротился въ городъ первый. Этотъ, обыкновенно спокойный

человѣкъ, отвага котораго была извѣстна, сообщилъ, что вчера на него съ товарищами, бывшими въ лѣсу безъ оружія, напали индіянцы. Это, конечно, привело всѣхъ въ ужасъ. Вскорѣ узнали и причину ночнаго странствованія въ лѣсъ, и это еще болѣе обезпокоило горожанъ.

Чтó имъ было дѣлать? Послать нарочнаго въ Винсенъ за помощью? Во всякомъ случаѣ, хитрые дикари предвидѣли это и сторожили на дорогахъ. Еслибы и дѣйствительно кто-нибудь взялся за такое опасное предпріятіе, то навѣрное погибъ бы. Слова Уэппеля и Гласи, прибывшихъ послѣ Джози, увеличили страхъ горожанъ, потому что они не только подтвердили первую вѣсть, но еще сообщили, что видѣли цѣлое племя, расписанное военными цвѣтами. По этому въ Уатертонѣ ожидали страшнаго нападенія.

О Шеркѣ сожалѣли, какъ о первой жертвѣ мести, потому что Джози видѣлъ, какъ онъ свалился. Оба ирландца еще не возвращались въ городъ, почему предполагали, что они попали въ руки индіянцевъ, находившихся въ засадѣ. Это опасеніе подтвердилось тѣмъ, что до заката солнца слѣдующаго дня никто изъ трехъ пропавшихъ не возвращался въ Уатертонъ. Между тѣмъ, жители маленькаго городка съ лихорадочною поспѣшностью собирали все, что

могло бы служить орудіемъ защиты, и каждое мгновеніе ожидали нападенія. Особенно боялись утра слѣдующаго дня, потому что индіянцы обыкновенно нападаютъ передъ восходомъ солнца.

Но нападенія не было. Солнце взошло спокойно и величественно надъ шумными вершинами деревъ и не освѣщало никакого дикаго кровопролитія или дымящихся домовъ и умирающихъ людей.

Медленность индіянцевъ сдѣлалась загадочною. Прошелъ полдень, солнце стало склоняться къ западу, а все еще никто не подходилъ къ городу. Наконецъ, въ сумерки, явился совершенно блѣдный, въ оборванной одеждѣ и истощенный голодомъ и страхомъ докторъ Макъ Ботермъ. Еще вчера на него всѣ непомѣрно досадовали и считали его виновникомъ всѣхъ предполагаемыхъ опасностей. Теперь же онъ казался горожанамъ спасителемъ, который можетъ избавить ихъ отъ страха.

Макъ Ботермъ, однако, не могъ доставить имъ утѣшительныхъ извѣстій. Онъ разсказалъ страшныя вещи, какія могутъ померещиться только во время самаго тяжелаго сна. По его словамъ, весь лѣсъ былъ биткомъ набитъ дикарями. Они выскакивали изъ-за каждаго дерева, плавали по рѣкѣ, какъ рыбы, и только чудомъ ему удалось увернуться отъ нихъ. Голодный, онъ заблудился въ лѣсу и наконецъ набрелъ

на извѣстную ему дорогу и рѣшился идти къ Уатертону на всякій случай, уничтоженъ ли городъ индіянцами или нѣтъ.

Въ то время, какъ всѣ столпились вокругъ доктора и съ боязливымъ вниманіемъ вслушивались въ его слова, поставленная стража сообщила, что по проѣзжей дорогѣ идетъ одинокій человѣкъ. Къ величайшему своему изумленію, Джози вскорѣ узналъ, что подходящій былъ Шеркъ, котораго считали убитымъ. Но въ какомъ видѣ явился несчастный! Почти 36 часовъ онъ пробѣгалъ по лѣсу, томимый страхомъ, и оттого изнурился до такой степени, что безъ чувствъ повалился передъ своими согражданами. За нимъ принялись ухаживать, и онъ въ короткое время оправился. Его донесеніе вполнѣ согласовалось съ словами доктора, почему уатертонцы нисколько не сомнѣвались, что ихъ городъ находился въ большой опасности, но индіянцы, вѣроятно, отказались отъ серіознаго нападенія, боясь мести бѣлыхъ. Доктору, конечно, хотѣлось узнать, почему находилось въ тотъ вечеръ столько уатертонцевъ въ лѣсу; но сообщники задуманной шутки сохраняли въ этомъ отношеніи молчаніе. Патрикъ О'Флаэрти, между тѣмъ, не возвращался, и это обстоятельство побуждало къ осторожности, почему никто не осмѣливался покидать своего семейства,

чтобы отправиться на могильный холмъ, гдѣ предполагали найти остатки большаго индіянскаго стана.

Когда же наконецъ рѣшились отправиться въ лѣсъ въ полномъ вооруженіи, чтобы, въ случаѣ надобности, вступить въ бой съ врагами, весьма удивились, что тамъ не было ни какого слѣда индіянцевъ. Мѣсто было по-прежнему пусто и даже лежали еще лопата, кирка и одежда обоихъ похитителей трупа, — только холмъ представлялъ важное измѣненіе: могила индіянца была открыта, гробъ сломанъ, а трупъ исчезъ.

Никто не могъ постигнуть, какъ пропали индіянцы, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, и что сдѣлалось съ похороненнымъ старикомъ. Только Джози нашелъ у рѣки глубокіе слѣды индіянской обуви (мокасиновъ) у далеко выдававшагося корня сикоморы, почему можно было полагать, что здѣсь стояла лодка. Все это были, конечно, одни предположенія. Лица же, бывшія ночью въ лѣсу, всѣ единогласно утверждали, что видѣли толпу дикарей, и потому никто не сомнѣвался въ правдивости ихъ словъ. Патрика О'Флаэрти и Сипа считали убитыми.

Но оба они вовсе не умерли, а побѣжали по различнымъ направленіямъ и случайно достигли поселеній, въ которыхъ также навели ужасъ

своими разсказами. Сипъ воротился въ Уатертонъ лишь черезъ двѣ недѣли, Патрикъ же поскорѣе отправился въ Винсенъ, а оттуда въ восточные штаты, потому что, по его словамъ, онъ не принесъ своихъ золотыхъ волосъ въ Иллиноисъ, чтобы какой-нибудь проклятый краснокожій мошенникъ украсилъ себя ими. Что касается до Уатертона, то Патрикъ, говоря объ этомъ городѣ, всегда замѣчалъ, что тамъ его счастью помѣшали индіянцы, которые напали посреди ночи, содрали кожу со всѣхъ бѣлыхъ и сожгли домы, причемъ онъ самъ чудомъ спасся отъ смерти.

Между тѣмъ, по тѣнистому Фоксъ-Риверу плылъ одинокій воинъ племени Винебаго въ легкомъ челнокѣ, въ передней части котораго лежалъ трупъ индіянца, завернутаго въ шерстяное одѣяло. Молодой начальникъ, при тихихъ ударахъ весла, пѣлъ мѣрную, грустную свою пѣснь.

Лодка скользила по журчащей рѣчкѣ между ивами, ольхами и стройными бѣлыми березами. Ночной соколъ съ крикомъ слетѣлъ съ узловатаго сука, на которомъ отдыхалъ. Занялась заря, и птицѣ хотѣлось до наступленія дня добыть себѣ лакомый кусокъ. Встрепенулась также сова и далеко на равнинѣ ей отвѣчалъ сѣрый волкъ, который оканчивалъ ночное свое стран-

ствованіе и неслышными шагами крался къ скрытому логовищу. Тамъ, подъ влажными нависшими вѣтвями, медленно плыла, на прозрачныхъ водахъ, трепещущихъ отъ ударовъ весла, лодка индіянца, котораго погребальная пѣснь смѣшивалась съ веселыми кликами птицъ, привѣтствовавшихъ наступающій день.

ОХОТА ЗА БАРСОМЪ.

Съ своемъ и лаемъ бѣжали три сильныя и стройныя ищейки, опустивъ морду къ землѣ и прилежно отыскивая слѣдъ звѣря въ сухихъ листьяхъ и между старыми, свалившимися стволами. Все это были вѣрные признаки близости крупнаго звѣря, медвѣдя или барса, который извилистымъ бѣгомъ старался обмануть ищеекъ.

Собаки достигли мѣста, гдѣ врагъ ихъ очевидно останавливался на нѣсколько времени или гдѣ слѣды его перекрещивались, потому что животныя остановились и съ дикимъ лаемъ прыгали взадъ и впередъ, по пространству, окруженному нависшими вьющимися растеніями, какъ сплошною стѣною. Собаки постоянно возвращались къ серединѣ этого пространства и отсюда снова начинали свои поиски.

Внезапно сучья кустарника раздвинулись и явился молодой человѣкъ, на малорослой вороной индіянской лошадкѣ, съ широкимъ обнажен-

нымъ охотничьимъ ножемъ въ рукахъ, которымъ онъ разсѣкъ нѣсколько вьющихся растеній, грозившихъ сбросить его съ лошади. Появленіе господина на мгновеніе обрадовало собакъ, которыя, ласково помахивая хвостомъ, подбѣжали къ нему, и затѣмъ съ новымъ рвеніемъ принялись искать звѣря.

— Хорошо, собаченки, — воскликнулъ молодой охотникъ, удерживая лошадь, засовывая кортикъ въ ножны и кладя длинную винтовку передъ собою на сѣдло:—хорошо, ищите, ищите; вы напали на слѣдъ, и неужели мы теперь не доберемся до похитителя поросятъ, который столько разъ увертывался отъ насъ!

— Хупи!—крикнулъ онъ, поднявшись на сѣдлѣ, когда увидѣлъ, что старшая собака опять отыскала слѣдъ и вмѣстѣ съ остальными двумя исчезла въ чащѣ. Закинувъ ружье на плечо, молодой человѣкъ пришпорилъ лошадь, которая вскачь бросилась въ лѣсъ.

Путь преграждался свалившимися деревьями, густымъ кустарникомъ, ямами и рытвинами, но все это нисколько не уменьшало рвенія лошади, которая, фыркая, слѣдила, какъ и ея сѣдокъ, за убѣгающими собаками.

Внезапно ищейки опять остановились. На этотъ разъ онѣ болѣе не сомнѣвались въ направленіи, по которому убѣжалъ звѣрь. Яро-

стно лая и завывая, онѣ вскакивали къ дубу и свирѣпо грызли корни и шаршавую кору исполинскаго дерева, на которое спасся преслѣдуемый ими врагъ.

Этого мѣста достигъ и охотникъ. Онъ немедленно соскочилъ съ лошади, не останавливая ея, и предоставилъ животное самому себѣ. Молодой человѣкъ принялся внимательно осматривать густую зелень дерева и вскорѣ открылъ между нѣсколькими сучьями живое существо, которое старалось скрыться и вѣроятно предполагало, что его не замѣчаютъ.

Подъ сѣнью зелени было довольно темно, и глазъ менѣе опытный, чѣмъ у молодаго охотника, не могъ бы опредѣлить, какого рода животное прильнуло къ сучьямъ. Уистонъ же очень скоро распозналъ молодаго барса по хвосту, котораго животное не могло вполнѣ скрыть.

Охотникъ поднялъ уже винтовку, чтобы застрѣлить звѣря, а собаки присмирѣли и внимательно глядѣли то на винтовку, то на вершину дерева, какъ бы ожидая грохота выстрѣла и паденія врага. Но умныя животныя на этотъ разъ ошиблись въ ожиданіяхъ; молодой человѣкъ, казалось, внезапно одумался, спустилъ ружье и принялся осматривать дерево внимательнѣе прежняго.

Послѣ продолжительнаго осмотра, онъ, казалось, убѣдился въ томъ, что желалъ знать, поставилъ винтовку къ лежащему по близости дереву, отстегнулъ поясъ съ охотничьимъ ножемъ и топоромъ, снялъ куртку и затѣмъ воротился къ дубу, держа въ рукахъ поясъ. Собаки, по-прежнему, стояли у дерева, не спуская глазъ съ своего господина.

— Попытаюсь,—пробормоталъ молодой человѣкъ, — поймать его живьемъ. Если я доставлю молодаго барса въ Литльрокъ живаго, то достану за него 10 или 15 доллеровъ, а если застрѣлю, то за кожу дадутъ мнѣ пустяки. Матка, должно быть, убѣжала, потому что ея нигдѣ не видно на деревѣ; а за 10 доллеровъ, право, стоитъ перенести нѣсколько царапинъ молодаго дьявола. Послушай, барсикъ, я скоро буду у тебя.

При этихъ словахъ охотникъ пошелъ къ лошади, спокойно щипавшей траву, снялъ съ ея шеи веревку, надѣлъ поясъ, въ который засунулъ охотничій ножъ, положилъ топоръ и затѣмъ сталъ взлѣзать на дерево, которое было до того толсто, что онъ не могъ охватить его, а потому, онъ окинулъ его веревкою какъ можно короче и съ ея помощью мало-по-малу поднимался то правою, то лѣвою рукою.

Собаки, повидимому, понимали намѣреніе

господина и, радостно прыгая и пища, бѣгали у подножія дуба.

Такимъ образомъ, охотникъ лѣзъ медленно, но надежно до высоты въ 40 футовъ, гдѣ находились первые сучья. Здѣсь онъ перевелъ духъ, сталъ осматриваться, пощупалъ, при немъ ли кортикъ, поглядѣлъ на молодаго барса, по-прежнему сидѣвшаго на сучкѣ, накинулъ на плечо веревку и сталъ всходить на дерево по сучьямъ, какъ по лѣстницѣ. Такимъ образомъ онъ скоро и легко добрался до молодаго звѣря, который не трогался, но пламенѣющими глазами глядѣлъ на приближающагося врага.

Между тѣмъ, гораздо болѣе свирѣпые глаза слѣдили за движеніями охотника, который вовсе не предполагалъ опаснаго сосѣдства. Матка сторожила своего дѣтеныша на ближайшемъ засохшемъ деревѣ, котораго сучья переплетались съ сучьями дуба. Звѣрь припалъ къ суку, готовясь сдѣлать прыжокъ, и слегка покручивалъ хвостомъ, очевидно ожидая приближенія охотника, чтобы броситься на смѣльчака и растерзать его зубами и когтями. Уистонъ беззаботно перебирался съ сучка на сучокъ и совершенно приблизился подъ молодаго животнаго, медленно вставшаго и согнувшаго по-кошачьи спину. Оно глядѣло на охотника, не понимая опасности, грозящей ему при такой близости человѣка. Здѣсь Уи-

стонъ остановился, снялъ съ плечъ веревку, поспѣшно сдѣлалъ изъ нея петлю и, держась на двухъ вѣтвяхъ, сталъ осматриваться, какъ бы удобнѣе поймать звѣря. Въ это мгновеніе онъ увидѣлъ, не далѣе какъ въ 10-ти шагахъ, сверкающіе глаза матки, спустившейся, чтобы сдѣлать рѣшительный скачокъ.

Уистонъ, воспитанный въ лѣсу и вполнѣ знакомый съ опасностями, которыя встрѣчаются одинокому охотнику, имѣлъ въ это страшное мгновеніе довольно хладнокровія, чтобы поспѣшно стать за стволъ дерева противъ животнаго. Медлить долѣе было нельзя, потому что въ то же мгновеніе барсъ очутился на томъ самомъ мѣстѣ, которое только-что покинулъ охотникъ, и огненные глаза звѣря глядѣли на неустрашимаго молодаго человѣка, обвившаго лѣвою рукою дерево, между тѣмъ какъ правою онъ держалъ охотничій ножъ и ожидалъ скачка разъяреннаго звѣря.

Матка, повидимому, изумилась выраженію взгляда охотника, который не спускалъ съ нея глазъ, и довольствовалась тѣмъ, что внимательно стала слѣдить за каждымъ движеніемъ врага, на разстояніи не болѣе сажени.

Въ первое мгновеніе Уистонъ полагалъ, что его гибель неизбѣжна. Хотя ножъ его былъ отличнымъ орудіемъ противъ самаго свирѣпаго

звѣря, но мѣсто боя было такого рода, что при малѣйшемъ неловкомъ движеніи, онъ долженъ былъ слетѣть на землю и разбиться. Когда же онъ увидѣлъ, что старый барсъ довольствуется однимъ наблюденіемъ, Уистонъ медленно и осторожно засунулъ ножъ въ ножны и сталъ отступать.

Замѣтивъ, что охотникъ постепенно удаляется, барсъ послѣдовалъ за нимъ и много разъ Уистонъ хватался за рукоятку ножа, когда стройная кошка припадала, чтобы сдѣлать скачекъ; но она все-таки не рѣшалась на прямое нападеніе.—Такимъ образомъ молодой человѣкъ добрался до послѣдняго сука. Тутъ Уистонъ перекинулъ черезъ него веревку и осторожно, но, по возможности, скоро спустился на землю. Собаки, между тѣмъ, замѣтили въ сучьяхъ врага, слѣдовавшаго за ихъ господиномъ, и съ отчаянною яростью прыгали, лаяли и выли.

Наконецъ, Уистонъ опять стоялъ на землѣ съ разорванною одеждою и окровавленною кожею, протертою корою. Силы его истощились и колѣни дрожали; но онъ не позволилъ себѣ ни одного мгновенія покоя, бросился къ ружью, и приподнялъ его, чтобы застрѣлить матку. Но напрасно охотникъ старался удержать грузное оружіе, хотя на одну секунду, неподвижно. Всѣ его члены трепетали, и онъ поневолѣ дол-

женъ былъ отдохнуть. Уистонъ ни на мгновеніе не спускалъ глазъ съ стараго животнаго, которое, считая себя, вѣроятно, въ безопасности, улеглось возлѣ молодаго барса, самодовольно ластившагося съ приподнятымъ хвостомъ къ своей маткѣ.

Уистонъ вскорѣ оправился, опять взялся за винтовку, долго цѣлился, и наконецъ выстрѣлилъ. Смертельно раненое животное вздрогнуло, вскочило и быстро полѣзло къ вершинѣ дерева. Тонкая часть верхушки заколебалась, звѣрь хотѣлъ лѣзть еще выше, но слабое дерево подалось и барсъ свалился на землю, цѣпляясь при паденіи за вѣтви и листья. Тутъ слабое животное расшиблось и издохло у ногъ Уистона.

Теперь, конечно, болѣе не было препятствій поймать молодаго барса, который боязливо последовалъ за маткою до самаго нижняго сука; но Уистонъ до того утомился при первой попыткѣ, что не могъ повторить ея. Оттого, онъ вновь зарядилъ ружье и мѣткимъ выстрѣломъ убилъ молодаго звѣря.

Въ нѣсколько минутъ кожа съ обоихъ животныхъ была содрана, и съ этими трофеями молодой, отважный охотникъ, поѣхалъ на своей лошади, съ собаками, отыскивать новой добычи и новыхъ опасностей.

СТРАНСТВУЮЩІЕ ТОРГОВЦЫ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ фермеры и плантаторы не живутъ, какъ въ Европѣ, въ деревняхъ и мѣстечкахъ, но селятся одиноко посреди своей земли. Оттого весьма естественно, что торговля и сношенія между различными одинокими владѣніями, хотя и не прерываются, но значительно затрудняются, и постоянныя лавки доставляютъ пользу и удобства только ближайшимъ поселенцамъ.

Различныя работы удерживаютъ фермера, а потому онъ неохотно покидаетъ свою землю, чтобы купить какой-нибудь незначительный предметъ, безъ котораго можно обойтись. Такимъ образомъ онъ остается на время безъ предметовъ, которые, навѣрное, купилъ бы, если бы имѣлъ ихъ подъ рукою. Оттого торговцы находятъ нужнымъ не ожидать покупателей, но ходить къ нимъ. Для этого они отправляются съ товаромъ къ фермерамъ сами

или, когда остаются при своихъ лавкахъ, посылаютъ къ нимъ прикащиковъ.

Подобнаго рода торгомъ занимаются всего болѣе евреи изъ Германіи. Они неутомимо странствуютъ по всѣмъ уголкамъ штатовъ, отправляясь изъ Нью-Іорка въ Новый Орлеанъ или Цинциннати.

Въ Америкѣ можно вполнѣ убѣдиться, что израильтяне проникнуты духомъ торговли. Тамъ они ничѣмъ не стѣснены: ни какой предразсудокъ или законъ не заставляетъ ихъ заниматься опредѣленнымъ дѣломъ, и они вполнѣ уравнены съ остальнымъ населеніемъ. Чѣмъ бы они ни занимались въ своемъ отечествѣ, ремесломъ или искусствомъ, въ Америкѣ евреи непремѣнно принимаются торговать, и лишь въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ они не становятся купцами. Если же для этого у нихъ нехватаетъ средствъ, они дѣлаются мелочными торговцами и разнощиками, которыхъ называютъ въ Америкѣ педларъ. Лишь очень немногіе такіе педлары, какъ мы уже замѣтили, христіане; почему они совершенно исчезаютъ въ огромномъ числѣ евреевъ, единственные соперники которыхъ только настоящіе янки (уроженцы сѣверовосточныхъ штатовъ), которые въ этой отрасли промышлености занимаютъ первое мѣсто.

Прослѣдимъ жизнь подобнаго торговца. По прибытіи въ американскую гавань, капиталъ такого торгаша, по крайней мѣрѣ въ бѣдномъ классѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ доллеровъ. Нисколько не медля, онъ начинаетъ дѣлать этою ничтожною суммою торговые обороты. Сперва онъ добываетъ себѣ узкую корзину для навѣшиванія, и кладетъ въ нее небольшое количество нитокъ, тесемокъ, нѣсколько гребней и щетокъ, подтяжекъ и зубочистокъ, блестящихъ запанокъ, булавокъ, иголокъ и тому подобныхъ мелочей. Этимъ торгашъ начинаетъ свою карьеру.

Сначала онъ нисколько не умѣетъ говорить языкомъ общеупотребительнымъ въ Америкѣ и прежде всего выучивается произносить yes, no и еще нѣсколько часто употребляемыхъ выраженій, въ родѣ very cheap (очень дешево), very good (очень хорошо). Съ такимъ запасомъ товара и знанія языка, торгашъ съ любезною дерзостью идетъ преимущественно въ американскіе домы (у нѣмцевъ плохая надежда на выгодную торговлю) и, при помощи нѣсколькихъ варварскихъ оборотовъ рѣчи и выразительныхъ тѣлодвиженій, начинаетъ бесѣдовать, если его не тотчасъ же выгоняютъ изъ дома. Часто покупаютъ у торгаша какія-нибудь рѣшительно ненужныя мелочи только для того, чтобы наслаждаться живописными тѣлодвиже-

ніями, разнообразнымъ выраженіемъ лица и причудливымъ языкомъ *молодаго американца.*

Это продолжается однако лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Въ неимовѣрно короткое время разнощикъ выучивается говорить по-англійски, по крайне мѣрѣ столько, чтобы выражаться понятно. Послѣ этого начинается настоящая жизнь разнощика.

Точно бабочка изъ куколки, онъ выползаетъ изъ тѣсныхъ городскихъ улицъ съ громаднымъ тюкомъ и здоровою дорожную палкою, и отправляется къ отдаленнымъ фермерамъ съ различными прелестями, которыя закуплены на наличныя деньги съ аукціоновъ или взяты въ кредитъ отъ знакомыхъ купцовъ.

Въ штатѣ, гдѣ разнощикъ занимается торговлею, онъ обязанъ внести извѣстную плату за право продажи. Другихъ стѣсненій онъ не имѣетъ и можетъ торговать, чѣмъ и гдѣ ему угодно. Евреи распространились преимущественно по восточнымъ, среднимъ и южнымъ штатамъ, а западные предоставили почти однимъ американцамъ, потому что тамъ рыскаютъ дикіе звѣри, которые встрѣчаются хотя и рѣдко, но все-таки чрезвычайно непріятны.

Разумѣется, торговецъ всегда отыскиваетъ мѣстности, гдѣ всего больше поселеній и куда всего рѣже заходятъ другіе разнощики. Тамъ

онъ идетъ отъ одного селенія къ другому, отыскивая людей, нуждающихся въ его товарѣ. Обыкновенно жители говорятъ, что имъ ничего не нужно. Впрочемъ, мужья рѣдко бываютъ дома, а жены ихъ весьма охотно разглядываютъ прелести, уложенныя въ тяжелый тюкъ—оттого торговцамъ часто позволяютъ разложить ихъ товаръ. Если же такого позволенія не даютъ, торговецъ все-таки вынимаетъ свой товаръ и показываетъ его жителямъ фермы, не обращая вниманія на то, ласковы ли жители или разсержены.

Раскладываніе товара въ одинокихъ домахъ, лежащихъ далеко отъ города, имѣетъ двойную пользу. Жители такихъ уединенныхъ селеній при этомъ случаѣ видятъ множество вещей, которыя имъ годятся и даже необходимы, но забыты. Сверхъ того, новый товаръ на грубомъ деревянномъ столѣ въ простой хижинѣ получаетъ совершенно особый прекрасный видъ. Какъ привлекательно блещутъ тамъ роговыя гребенки съ подражаніемъ черепахи для краснѣющей дѣвушки, какъ очаровательно красуются большія булавки съ украшеніями и серьги на чистыхъ черныхъ бархатныхъ подушечкахъ, или золотыя кольца съ бриліантами и рубинами, нанизанныя на черныхъ валикахъ, какъ баранки. Съ какимъ удовольствіемъ разглядыва-

ютъ обитательницы фермъ причудливые рисунки ситца, которые заставляютъ ахнуть даже старушку хозяйку, а когда появятся шелковые платочки и ленты, перламутровыя пуговицы, цвѣтныя стекляныя бусы, браслеты и цѣпочки въ бревенчатомъ домѣ посреди лѣса, они, конечно, кажутся въ такой пустынѣ, вдали отъ всякой роскоши, необычайно прекрасными и пробуждаютъ желаніе къ покупкѣ.

Разнощикъ обыкновенно продаетъ товаръ только за наличныя деньги. Когда же онъ у людей знакомыхъ или по всему окружающему видно, что опасаться нечего, онъ отпускаетъ товаръ и въ долгъ, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣмъ охотнѣе, что такой кредитъ даетъ ему право предложить товаръ и въ слѣдующій разъ. Такимъ образомъ, однако, не поступаютъ разнощики драгоцѣнностей (jewel pedlars), которые имѣютъ только золотыя вещи, нѣсколько часовъ и серебряныхъ ложекъ. Они никогда не отдаютъ своихъ вещей въ кредитъ, потому что по весьма основательной причинѣ не являются въ одномъ и томъ же мѣстѣ два раза. Они мнительны и рѣдко склонны придти опять къ тому, кто разъ купилъ у нихъ какую-нибудь вещь. Сверхъ того, иные торговцы не возвращаются къ своимъ покупателямъ изъ опасенія, что послѣдніе откроютъ ихъ обманъ. Особенно часто продаютъ

ложки изъ новаго серебра за настоящія серебряныя. Въ Америкѣ новое серебро извѣстно подъ именемъ нѣмецкаго, и нерѣдко легковѣрные поселенцы, особенно въ штатѣ Огайо, допускаютъ уговорить себя, что нѣмецкое серебро только видоизмѣненіе настоящаго и имѣетъ одинаковую съ нимъ цѣнность. Оттого хитрому торговцу удается получить за дюжину ложекъ изъ мнимаго серебра по 18 и 20 доллеровъ. Если бы покупатели вздумали преслѣдовать продавцевъ за такой обманъ, они не могли бы выиграть тяжбы, потому что продавецъ предлагалъ товаръ подъ общеупотребительнымъ именемъ нѣмецкаго серебра и только потребовалъ за него очень высокую цѣну. Потому обманутые весьма естественно желаютъ отомстить и наказать продавца, когда онъ попадется имъ въ руки. Торговецъ, между тѣмъ, уже успѣваетъ перейти въ другой штатъ, обойти такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ всю Сѣверную Америку и изъ бѣднаго разнощика сдѣлаться болѣе достаточнымъ торговцемъ съ значительнымъ выборомъ дѣйствительно хорошаго товара.

Всего многочисленнѣе разнощики въ Луизіанѣ. Тамъ нерѣдко нѣсколько торговцевъ сообща покупаютъ лошадь для перевозки своего товара. Такое несчастное животное должно терпѣть очень много. На него не только взвалива-

ютъ весьма большой грузъ, но сверхъ того купцы попеременно садятся на возъ. Поэтому не удивительно, что иногда бѣдная лошадь выбивается изъ силъ и не можетъ продолжать путь.

Въ Луизіанѣ разнощики имѣютъ всего больше пользы отъ торга съ неграми и особенно съ негритянками. Эти работники не могутъ покидать плантацій и оттого вынуждены покупать все нужное для нихъ отъ разнощиковъ. Молодыя мулатки и местисы обыкновенно имѣютъ деньги, и любятъ тратить ихъ на наряды и украшенія, предлагаемые разнощиками въ большомъ выборѣ. Въ Луизіанѣ легко сбыть ярко-красные платки, стекляныя бусы, ситецъ, бросающійся въ глаза, и всякаго рода украшенія. Торговцы имѣютъ отъ всего этого значительный барышъ, потому что покупаютъ вещи, большею частью, на аукціонахъ за безцѣнокъ. Всего же больше доставляла имъ выгоды продажа запрещеннаго товара. Въ штатахъ, гдѣ существовало рабство, было запрещено продавать неграмъ водку, и за нарушеніе этого закона наказывали весьма строго. Разнощики, однако, умѣли очень хорошо избѣгать опасности быть открытыми. Со стороны негровъ имъ опасаться было нечего, а въ двойныхъ стѣнахъ повозки искусно скрывалось вмѣстилище драгоцѣнной жидкости, которую переливали въ бутылку негра.

Въ болѣе значительныхъ размѣрахъ торгуютъ водкою съ лодокъ, подъѣзжающихъ на короткое время къ берегамъ для покупки куръ, поросятъ, индѣекъ, маиса и другихъ произведеній, которыя составляютъ собственность негровъ или украдены ими. Разнощики, конечно, не могутъ принимать подобныхъ предметовъ, потому что не въ состояніи скрыть ихъ, а въ случаѣ преслѣдованія, не могутъ спастись, между тѣмъ какъ лодочники быстро уплываютъ внизъ по рѣкѣ и теряются въ числѣ многихъ другихъ подобныхъ же лодокъ, а затѣмъ продолжаютъ такой же торгъ, можетъ быть, миль на десять дальше.

Весьма замѣчательно, что особенно въ нѣкоторыхъ штатахъ разнощикамъ вообще удается получать довольно барыша, чтобы содержать себя. Напримѣръ: въ Луизіанѣ, Огайо, Пенсильваніи и даже Кентуки ихъ чрезвычайно много. Но американцы весьма хорошо знаютъ разнощиковъ. Имъ извѣстно, что отъ нихъ не избавишься, не купивъ какой-нибудь мелочи, и оттого они покоряются неизбѣжной судьбѣ, попавъ въ руки торговца.

Когда разнощикъ, наконецъ, благодаря своей неутомимости, сберегъ нѣсколько денегъ, онъ перестаетъ странствовать и дѣлается стеркиперомъ, т. е. нанимаетъ гдѣ-нибудь мѣсто у пароходной пристани городка или города и

если не можетъ получить его, то открываетъ лавку въ самомъ городѣ. Тутъ онъ продаетъ всякаго рода одежду, а также шляпы, фуражки, башмаки, сапоги, ножи, пистолеты, кольца, булавки и другой мелкій товаръ. Всѣ лавки готоваго платья въ Соединенныхъ Штатахъ (такихъ лавокъ найдутся тысячи), съ рѣдкими исключеніями, принадлежатъ нѣмецкимъ евреямъ, которые часто въ немного лѣтъ успѣваютъ собрать порядочное имущество. Всѣ города, лежащіе у рѣкъ и другихъ водяныхъ путей сообщенія, въ полномъ смыслѣ слова окаймлены развѣвающимся готовымъ платьемъ, посреди котораго у каждой двери стоитъ молодой человѣкъ, весьма рачительно причесанный, щегольски одѣтый, съ кольцами на красныхъ пальцахъ, чудовищною часовою цѣпочкою и большою булавкою въ галстукѣ. Этотъ продавецъ громогласно повторяетъ прохожимъ: «Пожалуйте сюда, отличный выборъ!» и т. п. Прохожихъ, особенно плохо одѣтыхъ, продавцы насильно тащатъ въ лавку и, посреди безчисленныхъ болтающихся панталонъ, понуждаютъ свою жертву къ покупкѣ.

Эти торговцы, бывшіе нѣкогда сами разносчиками, рѣдко или никогда не кредитируютъ бѣднымъ своимъ странствующимъ товарищамъ. Можетъ быть, они не довѣряютъ имъ, потому что помнятъ, какъ поступали нѣкогда сами, какъ

иногда не всегда платили исправно за ввѣренный имъ товаръ и даже исчезали съ первымъ выданнымъ имъ тюкомъ, и затѣмъ снова являлись въ другомъ штатѣ, верстъ за тысячу. Преслѣдовать такого обманщика законнымъ образомъ едва ли возможно, потому что кредиторъ успѣваетъ узнать о мѣстопребываніи своего должника иногда лишь по истеченіи законнаго срока жалобы.

Я самъ былъ однажды свидѣтелемъ, какъ забавно отомстили торговцы платья въ Новомъ Орлеанѣ одному разнощику, который въ различныхъ городахъ обманулъ пятерыхъ изъ нихъ и вовсе не полагалъ, что всѣ они случайно сойдутся въ этомъ городѣ. Законный срокъ требованія уплаты миновалъ, и потому собраніе, въ которое пригласили должника, придумало, чтобы каждый кредиторъ далъ ему двадцать палочныхъ ударовъ. Разнощикъ, сознавая свою вину, покорно принялъ такое рѣшеніе. Когда четвертый кредиторъ, которому онъ задолжалъ очень много, принялся колотить бѣдняка особенно крѣпко, виновникъ сталъ сопротивляться и схватилъ наказывающаго такъ ловко, что у послѣдняго выпала изъ рукъ палка, и онъ радъ былъ избавиться отъ сильнаго своего должника. Это такъ перепугало остальныхъ кредиторовъ, которыхъ собралось еще человѣкъ четырнадцать, что они

отказались бить несчастнаго и ограничились одними ругательствами.

Нѣмцы рѣдко торгуютъ стѣнными и столовыми часами и лекарствами. Для продажи первыхъ, они не довольно ловки, а чтобы сбывать послѣднія — недостаточно безсовѣстны. Оттого этими отраслями промышлености завладѣли преимущественно янки, т. е. жители сѣверовосточныхъ штатовъ. Они извѣстны подъ именемъ clock-pedlars. На довольно статной, но по большей части весьма малосильной лошади, запряженной въ небольшую повозку, clock-pedlars разъѣзжаютъ по западнымъ и юго-западнымъ штатамъ съ цѣлью продавать часы. И они продаютъ ихъ, или, лучше сказать, почти насильно вручаютъ покупателю, каковъ бы онъ ни былъ, сговорчивый или нѣтъ. Торговцы часами такъ ловко умѣютъ обходиться съ покупателями, что люди, даже никогда не помышлявшіе о возможности пріобрѣсть дорогую вещь, безъ которой легко могли бы обойтись, неожиданно становятся владѣльцами механизма, кажется, доставшагося имъ почти волшебствомъ. И вотъ покупка стоитъ на грубой не обстроганной доскѣ, между развѣшанными оленьими и енотовыми мѣхами, безпрерывно тикаютъ и доставляетъ ихъ владѣльцу дѣйствительное удовольствіе своими украшеніями, посреди которыхъ ласково смотритъ

улыбающаяся дама въ удивительно блестящемъ платьѣ огненнаго цвѣта, съ огромнымъ розаномъ въ одной рукѣ и китайскимъ опахаломъ въ другой. Изумленный фермеръ самодовольно смотритъ на чудное произведеніе, между тѣмъ, какъ передъ нимъ стоитъ хитрый продавецъ, обыкновенно высокій, чисто-обритый съ гладко-причесанными волосами, сѣрыми, живыми глазами и нѣсколько искривленными чертами лица, бо́льшею частью вслѣдствіе того, что торговецъ постоянно имѣетъ за лѣвою щекою табакъ. Разнощикъ чуть ли не въ третій разъ увѣряетъ фермера, что онъ не заѣдетъ къ нему даже въ теченіе года, а, можетъ быть, не успѣетъ у него быть и долѣе; но все-таки проситъ подписать, ради порядка, небольшой вексель, съ обязательствомъ уплатить немедленно по его предъявленіи. На другое утро, продавецъ, получивъ желанный вексель, садится въ свою маленькую повозку, выкрашенную зеленою краскою, ласково прощается съ фермеромъ и исчезаетъ въ лѣсу, посреди котораго проложена дорога. Торговецъ дѣйствительно держитъ свое слово. Онъ самъ не является въ теченіе года, но уже черезъ мѣсяцъ его товарищъ предъявляетъ вексель и требуетъ уплату, увѣряя, что имѣетъ крайнюю нужду въ деньгахъ. О годовомъ срокѣ онъ не знаетъ, потому что товарищъ ни-

чего не сказалъ ему объ этомъ, а на векселѣ написано, что деньги должно выплатить немедленно по предъявленіи. Несчастный обитатель лѣса, волею или неволею, собираетъ нѣсколько долларовъ и расплачивается съ разнощикомъ. Лѣсные жители обыкновенно хитры и смышлены, какъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, такъ и въ ежедневной жизни, но, попавъ въ руки янки, кажется, лишаются способности мыслить и дѣйствовать. Они сознаютъ превосходство торговца и безъ сопротивленія предаются своей судьбѣ. При возвращеніи продавца часовъ на родину, въ его повозку запряжена уже хорошая лошадь, которую онъ вымѣнялъ на свою плохую.

Случается, однако, что какой-нибудь хитрый лѣсной житель успѣваетъ провести и опытнаго торговца. Напр.: въ Арканзасѣ поселился нѣкто Джексонъ изъ Тенеси и истратилъ всѣ свои деньги на покупку сорока акровъ земли, двухъ дойныхъ коровъ и лошади. Однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ за скромнымъ своимъ ужиномъ, состоявшимъ изъ сала, кукурузнаго хлѣба и молока, къ его дому подъѣхалъ торговецъ часами. Джексонъ ласково пригласилъ его къ себѣ ночевать. Торговецъ, разумѣется, охотно принялъ предложеніе, распрягъ лошадь и, вмѣстѣ съ хозяиномъ дома, внесъ въ комнату часы. Здѣсь, конечно, продавецъ старался сбыть свой товаръ.

Но Джексонъ былъ, какъ говорятъ въ Америкѣ: an oldhand (тертый калачъ). Онъ весьма хорошо зналъ весь планъ торговца и оттого ласково сказалъ ему, что слишкомъ бѣденъ для покупки часовъ и, если бы дѣйствительно желалъ купить ихъ, то все-таки не имѣетъ денегъ для уплаты. Но какъ это было обыкновенною отговоркою, то она нисколько и не озадачила продавца. Напротивъ того, спокойствіе обитателя лѣса подало ему надежду, что онъ успѣетъ здѣсь обдѣлать отличное дѣло. Оттого онъ разставилъ всѣ свои часы передъ фермеромъ, который внутренно смѣялся, и, не заводя рѣчи о томъ, купитъ ли фермеръ часы или нѣтъ, старался только вывѣдать, которыя изъ нихъ онъ возьметъ. Фермеръ напрасно повторялъ ему, что не можетъ купить часовъ. Педларъ неотступно просилъ его взять которыя-нибудь. Тогда фермеръ рѣшительно всталъ и сказалъ: «Хорошо, я возьму часы, но вы неполучите отъ меня денегъ!

— Въ первомъ году я не получу, улыбаясь отвѣчалъ продавецъ; но если часы пробудутъ у васъ годъ, вы навѣрное не разстанетесь съ ними.

— Въ такомъ случаѣ, я возьму часы. Что стоятъ они?

— 48 доллеровъ (торговецъ зналъ очень хорошо, что при жалобѣ за неуплату суммы

болѣе 50-ти доллеровъ, тяжба можетъ длиться болѣе года).

Жена Джексона боязливо смотрѣла на своего мужа, но послѣдній успокоительно мигнулъ ей, и, растянувшись самодовольно на медвѣжьей шкурѣ, далъ поставить надъ каминомъ на дощечку навязанные часы.

— Но вы не получите за нихъ денегъ, сказалъ онъ неотвязчивому янки.

— Знаю, возразилъ послѣдній, вѣдь вы выдадите вексель, это такъ водится.

— Хорошо, вексель я вамъ дамъ, сказалъ фермеръ, и подписалъ поданную ему расписку.

Торговецъ, на слѣдующее утро уѣхалъ дальше. До появленія сборщика денегъ за проданные часы, Джексонъ уѣхалъ въ ближайшій городъ и продалъ тамъ навязанную покупку.

Черезъ три мѣсяца прибылъ товарищъ торговца и удивился, что въ хижинѣ фермера нѣтъ часовъ, но, не выражая своего изумленія, представилъ вексель. Фермеръ хладнокровно сказалъ, что онъ откровенно сообщилъ продавцу часовъ о своей несостоятельности и не только не хочетъ, но и не можетъ уплатить 48-ми доллеровъ ни теперь, ни когда-либо позже. Онъ взялъ часы только потому, что продавецъ навязалъ ихъ ему насильно. Если же владѣлецъ векселя

полагаетъ выиграть что-либо тяжбою, то можетъ жаловаться на него.

Товарищъ продавца дѣйствительно отправился къ ближайшему судьѣ. Ему приходилось судиться въ Арканзасѣ въ первый разъ. Жаловаться на должника онъ имѣлъ полное право, но получить денегъ не могъ, потому что фермеръ не въ состоянiи былъ платить. Напрасно янки говорилъ, что у фермера много домашней утвари, ружье, коровы и лошадь, которыя можно было бы описать для обезпеченiя уплаты. Судья возражалъ ему, что, по законамъ Арканзаса, у фермера нельзя отнять ружья, инструментовъ, двухъ коровъ и двухъ лошадей, потому что все это составляетъ неприкосновенную собственность поселенца, и что Джексона нисколько нельзя стѣснять, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ только одну лошадь и половину утвари и снарядовъ, считаемыхъ у жителей Арканзаса неприкосновенною собственностiю. Когда янки убѣдился въ невозможности насильно получить деньги, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, взять обратно часы; но и это было уже поздно. Съ той поры ни одинъ разнощикъ часовъ не предлагалъ Джексону своего товара.

Другой предметъ монополiи янки составляетъ торговля лекарствами. Старый американецъ, который хочетъ, чтобы его сынъ посмотрѣлъ

на свѣтъ и научился опыту жизни, предлагаетъ ему, на 22-мъ году, сдѣлаться продавцемъ часовъ или докторомъ. Если молодой янки избираетъ послѣднюю отрасль промышлености, ему вовсе не надобно столько наставленій, какъ для успѣшной продажи часовъ, потому что въ изумительно короткое время онъ знаетъ наизустъ цѣлебную силу всѣхъ веществъ, сложенныхъ въ маленькомъ его чемоданѣ.

Средства такого американскаго доктора очень просты. Главную роль между ними играетъ каломель и при другихъ лекарствахъ съ блистательными названіями составляетъ средоточіе всей его аптеки. Кромѣ того, странствующій врачъ продаетъ растворъ опія, касторовое масло, глауберову соль, немного рвотнаго корня, хинной корки и рвотнаго камня. Такой запасъ средствъ вполнѣ достаточенъ для весьма обширной практики.

Уже въ восьми или десяти верстахъ отъ своей родины молодой человѣкъ величаетъ себя докторомъ, и его паціенты должны считать себя счастливыми, если ихъ лечатъ только солью или другими безвредными лекарствами, потому что повсюду, гдѣ мнимый врачъ предполагаетъ существованіе денегъ, жертвы должны покупать патентованныя лекарства, и горе имъ, если они проглотятъ какую-нибудь пачкотню этихъ тор-

говцевъ! Если они совсѣмъ здоровы, то получаютъ, можетъ быть, только излишнюю колику или слабыя судороги; а когда они въ самомъ дѣлѣ больны, то нерѣдко должны гибнуть жертвою своей неосторожности.

Иногда такіе странствующіе разнощики или доктора, какъ они всего охотнѣе называютъ себя, занимаются дѣломъ весьма забавно, когда они, можетъ быть, добросовѣстны или знаютъ болѣе удобный способъ добыванія денегъ отъ фермеровъ. Напр.: въ 1843 году, по сѣвернымъ и сѣверозападнымъ штатамъ два янки разъѣзжали столь удачно, что въ нѣсколько мѣсяцевъ добыли порядочную сумму денегъ. Вотъ какъ они пріобрѣтали ихъ:

Одинъ изъ нихъ, безъ товара и поклажи, ѣхалъ на маленькой горячей лошади впереди, по дорогѣ, по которой оба сговорились странствовать. Онъ останавливался у каждаго дома, ласково здоровался съ жителями, отправлялся къ ведру воды и пилъ. Проболтавъ нѣсколько времени съ обитателями дома, онъ съ благодарностью прощался съ ними, но внезапно возвращался и таинственно говорилъ которому-нибудь изъ мужчинъ, что страдаетъ злокачественною накожною болѣзнію и проситъ, не могутъ ли дать ему какой-нибудь цѣлебной мази. При этомъ онъ крѣпко держалъ руку фермера и гля-

дѣлъ на него умоляющими глазами. Когда же послѣдній постигалъ смыслъ словъ проѣзжаго, онъ поспѣшно отдергивалъ руку отъ зараженнаго и съ ужасомъ отступалъ. Послѣ этого, жители весьма не ласково старались избавиться отъ путешественника, что послѣдняго вовсе не огорчало, такъ какъ онъ достигъ своей цѣли. Онъ садился на лошадь и уѣзжалъ, жалобно поглядывая на фермеровъ. Въ послѣдующемъ селеніи повторялась та же самая сцена.

Покинутое семейство, между тѣмъ, возмущалось опасеніемъ, что и къ нему перейдетъ гадкая болѣзнь проѣзжаго, который ласково пожималъ всѣмъ руку и даже пилъ изъ ихъ посуды. Они были убѣждены, что неизбѣжно должны заболѣть. Но вотъ вскорѣ подъѣзжаетъ другой незнакомецъ и останавливается передъ домомъ. Все семейство еще совершенно озадачено и едва обращаетъ вниманіе на прибывшаго, который снимаетъ небольшой чемоданъ и, вступая въ домъ, спрашиваетъ, не нужно ли кому лекарства?

Лекарства! Бѣдные обитатели лѣса считаютъ появленіе доктора въ минуту своего страха даромъ, ниспосланнымъ съ неба, и радуются, что могутъ получить средство, избавляющее ихъ отъ заразы. По словамъ торговца, у него осталось лишь ничтожное количество цѣлебной мази, ко-

торое, хотя и слишкомъ велико для одного семейства, но все-таки едва достаточно, въ случаѣ, когда при дальнѣйшемъ ходѣ страданія окажется, что оно дѣйствительно злокачественно. Мазь, конечно, стоитъ довольно дорого. Но о цѣнѣ перепуганные едва говорятъ, потому что обрадованы возможностью получить средство избавленія отъ грозящей имъ опасности. На самомъ же дѣлѣ у хитраго продавца, въ мѣшкѣ, находится почти одна прославляемая имъ мазь, и только для виду къ ней присоединены нѣкоторыя другія лекарственныя вещества. Онъ спокойно беретъ деньги и спѣшитъ по слѣдамъ своего товарища, который уже успѣлъ вселить страхъ въ другомъ поселенцѣ и подготовить новыя жертвы обмана. Такимъ образомъ оба спекулятора ѣхали все далѣе, не опасаясь послѣдствій открытія обмана. Въ Америкѣ рѣдко можно добыть въ короткое время сравнительно столько денегъ, сколько эти два ловкіе американца.

Къ разнощикамъ, собственно говоря, относятся очень многіе лодочники, разъѣзжающіе по большимъ рѣкамъ. Они отличаютъ свои лодки отъ другихъ тѣмъ, что становятъ жерди съ развѣвающимся вымпеломъ. Они останавливаются у всякаго большаго селенія и раскладываютъ тамъ свой товаръ, состоящій изъ произведеній сѣвера, а также тканей и жестянаго товара.

Иногда они имѣютъ съ собою театры и различные предметы, которые и показываютъ за деньги. Окончивъ свои дѣла у одной пристани, они ѣдутъ дальше и продолжаютъ свой промыселъ въ другой мѣстности. Особенно прибыльную торговлю они ведутъ водкою, продавая ее, какъ мы уже замѣтили, втайнѣ неграмъ южныхъ штатовъ, преимущественно за произведенія почвы и мелкую скотину, которую негры или воспитываютъ сами, или крадутъ.

НЕВОЛЬНИЦА.

Почтовый пароходъ только что пріѣхалъ изъ Новаго Орлеана, а уже къ нему съ пристани городка Баю-Сара тянулась непрерывной вереницею толпа людей, какъ дѣловыхъ, такъ и ничѣмъ незанятыхъ, чтобы получить письма, поглядѣть на пріѣзжихъ или выпить въ красивомъ буфетѣ рюмку водки или стаканъ плодовой воды.

Капитанъ судна, маленькій живой французъ, въ сѣромъ сюртукѣ, черной поярковой шляпѣ и удивительно свѣтло-вычищенныхъ сапогахъ, казалось, былъ повсюду. Потъ катился съ него градомъ, и, бѣгая, онъ на чемъ свѣтъ стоитъ ругалъ, ломанымъ англійскимъ языкомъ, особенно почтмейстера, который, при большомъ своемъ рвеніи, унесъ пакетъ съ письмами.

— Ахъ, онъ проклятый! крикнулъ капитанъ, ударивъ по столу такъ, что изъ чернилицы разбрызгались чернила, — какъ смѣлъ рыться у меня въ конторѣ этотъ пластырщикъ (почтмейстеръ

былъ также аптекаремъ и мелочнымъ лавочникомъ). Какъ смѣлъ онъ утащить письма? Погоди, я тебя. — попадешь ты въ мои руки....

— Капитанъ, есть ко мнѣ письма? спросилъ молодой человѣкъ, ударяя съ улыбкою разсерженнаго по плечу.

— Убирайтесь къ чорту или къ пачкуну въ городѣ, произнесъ французъ, не глядя на того, кто заговорилъ съ нимъ.

— Послушайте, что съ вами? — расхохотавшись произнесъ молодой плантаторъ. Котелъ хочетъ лопнуть? Кажется, пару довольно, чтобы взорвать три судна! Все по старому! Всѣ вы, французы, таковы, воспламеняетесь отъ всякой мелочи.

— Почтмейстеръ унесъ письма, отвѣчалъ бухгалтеръ за капитана.

— Чортъ его возьми! крикнулъ французъ, хлопая дверьми, такъ что задребезжали стекла.

— Вотъ какъ! произнесъ плантаторъ: ему хочется заработать четвертакъ, все для блага дядюшки Сама *). Впрочемъ, аптекарь человѣкъ не корыстолюбивый. Только кто беретъ у него письма, того онъ уговариваетъ купить что-ни-

*) Шуточное названіе Соединенныхъ Штатовъ, произведенное отъ начальныхъ буквъ U. S., которыя вмѣсто United States читаютъ Uncle Sam, т. е. дядюшка Самуилъ.

будь или взять коробку лекарства. Когда отецъ мой былъ въ послѣднiй разъ въ городѣ, онъ навязалъ ему коробку кровоочистительныхъ пилюль. У насъ заболѣлъ негръ, надъ которымъ мы сдѣлали первый опытъ. Отецъ далъ Сципiону коробку, чтобы онъ принялъ лекарство, если до послѣдняго дня ему не будетъ лучше. Сципiонъ принялъ сперва одну половину пилюль, а потомъ другую, и сталъ оттого такъ нездоровъ, что ночью призвали къ нему моего отца. Батюшки не было дома, и когда онъ воротился на другое утро изъ Пуэнтъ-Купе, Сципiону было уже легче, и онъ жаловался только на стѣсненiе желудка. Буракъ, не зная отъ боли что́ ему дѣлать, сперва съѣлъ печатное указанiе употребленiя пилюль, а потомъ и самую коробку. Онъ съ полнымъ убѣжденiемъ утверждалъ, что ему стало гораздо легче, когда онъ проглотилъ коробку. Какъ ни въ чемъ не бывало, онъ живъ и здоровъ понынѣ.... Мнѣ, однако, надобно посмотрѣть, нѣтъ ли чего для меня на почтѣ.

При этихъ словахъ молодой человѣкъ пошелъ по пароходной лѣстницѣ и перескочилъ на берегъ. Тутъ его неожиданно кто-то взялъ за плечо и ласково сказалъ:

— Куда спѣшишь ты, Недъ, неужели ты ожидаешь важныхъ новостей?

— Ты откуда взялся, Густонъ, съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ Недъ. Какъ ты попалъ сюда, я думалъ, что ты совсѣмъ поселился въ Конектикутѣ. Развѣ тебѣ уже надоѣли восточные штаты?

— Совершенно, братецъ,—возразилъ Густонъ. Чортъ побери свободные штаты. Плантатору нельзя существовать, гдѣ нѣтъ невольниковъ. Сначала я набрался разныхъ идей о свободѣ и равенствѣ людей,—продолжалъ пріѣзжій, взявъ Неда подъ руку: — я полагалъ, что грѣшно колотить и мучить черныхъ братьевъ, какъ называютъ негровъ методисты. Оттого я попросилъ у отца денегъ и отправился въ Нью-Іоркъ. Оттуда я писалъ тебѣ, что намѣренъ купить помѣстье и поселиться на сѣверѣ этого штата, или въ Конектикутѣ. Еслибъ я тогда выполнилъ это намѣреніе, мы не стояли бы здѣсь на землѣ Луизіаны; но въ ту пору я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ вскорѣ подружился. Моему пріятелю по дѣламъ надобно было отправиться въ Европу, и онъ уговорилъ меня сопутствовать ему. Такимъ образомъ я попалъ въ Старый Свѣтъ.

— Вотъ какъ! ты былъ въ Европѣ?—съ изумленіемъ прервалъ молодой человѣкъ своего знакомца.

— Да, въ Англіи, Ирландіи и даже Германіи. Новый мой другъ влюбился въ Ирландіи въ одну дѣвушку такъ сильно, что уже черезъ мѣсяцъ женился на ней, и, вѣроятно, охотится теперь съ различными скуэйрами и джентльменами за лисицами и зайцами и упражняется въ верховой ѣздѣ со всевозможными препятствіями. Мнѣ такія удовольствія вскорѣ надоѣли, и я воротился въ Англію, а оттуда проѣхалъ по Германіи, гдѣ имѣлъ случай ознакомиться съ жизнію тамошнихъ бѣдняковъ. Послѣ этого зрѣлища, право, Недъ, я пересталъ жалѣть негровъ. Конечно, жестоко не обладать свободою и покоряться волѣ господина, иногда слишкомъ жестокаго, но въ Европѣ много бѣдняковъ, которые обременены страшною заботою о насущномъ хлѣбѣ, какъ для себя, такъ и для бѣдныхъ своихъ дѣтей, и живутъ въ самомъ дѣлѣ хуже собакъ. Оттого я съ радостью покинулъ Старый Свѣтъ и теперь здѣсь.

— За этимъ тебѣ, право, не нужно было бы ѣздить такъ далеко. У насъ всякій знаетъ, что негру жить лучше, чѣмъ бѣднымъ людямъ въ Ирландіи, а все-таки они недовольны.... Сегодня ты останешься у меня, а завтра поѣдешь на моей лошади къ своему отцу. Онъ тебя не видалъ уже такъ долго, что пождетъ и еще день.

— Хорошо, — отвѣчалъ Густонъ: — но пойдемъ куда-нибудь въ тѣнь, здѣсь на берегу нестерпимо жарко. Веди меня; я, право, не знаю куда идти. Какъ здѣсь все перемѣнилось. Когда я уѣхалъ, тутъ было лишь съ десятокъ домовъ, а теперь стоитъ уже порядочный городъ.

Оба отправились къ близлежащей кофейнѣ, откуда раздавался смѣхъ и веселые голоса.

Кофейня состояла не изъ очень большой комнаты, открытой на улицу. Въ глубинѣ этого помѣщенія стоялъ длинный прилавокъ (bar), сдѣланный изъ твердаго дерева, покрытаго мраморными плитами, съ которыхъ легко стирается пролитая жидкость. На большомъ подносѣ, покрытомъ бѣлою салфеткою, стояли нѣсколько дюжинъ чистыхъ стакановъ, а на другомъ большая чаша съ мелкимъ сахаромъ и двѣ плотно закупоренныя бутылки съ воткнутыми въ нихъ стволами пера для капанія въ напитки жидкостей (Стоутоновой горькой воды и перечной мяты), придающихъ имъ острый вкусъ. За прилавкомъ стояли рядами всякаго рода напитки, вина и ликеры въ красивыхъ графинахъ и бутылкахъ, посреди апельсиновъ и лимоновъ, такъ что все имѣло весьма привѣтливый видъ. Подъ прилавкомъ стоялъ большой сосудъ со льдомъ, который клали въ стаканы для охлажденія питья, и одинъ молодой человѣкъ, въ бѣлой курткѣ и

такихъ же панталонахъ, усердно услуживалъ многочисленнымъ жаждущимъ посѣтителямъ. Высокій докторъ съ другаго берега Мисиссиппи, изъ Пуэнтъ-Купе, казалось, особенно дѣятельно опоражнивалъ стаканъ и ободрялъ присутствующихъ къ тому же, увѣряя, что ему скучно пить одному. Многіе товарищи доктора уже не могли больше соперничать съ нимъ, и онъ искалъ глазами новыхъ жертвъ. Тутъ онъ замѣтилъ входящихъ молодыхъ людей и принялъ ихъ съ радостными возгласами.

— Уиллисъ, хотите пить? Вѣрно васъ томитъ жажда.

— Вотъ, докторъ, мой другъ, его зовутъ....

— Вашъ другъ? онъ долженъ пить со мною. Дайте руку, сударь...., вотъ такъ.... Я докторъ Силь изъ Пуэнтъ-Купе, вы вѣрно слышали обо мнѣ? Чего хотите вы пить? Подать сюда поскорѣе.... Вотъ, такъ.... положите въ стаканы льду.... Мнѣ не нужно льду, я хочу прогнать жаръ жаромъ.... Что тамъ за вытянутое лице у окна? Чего вамъ угодно пить?... пожалуйте сюда.

— Благодарю, сказалъ вошедшій, безъ церемоніи принимая стаканъ.

Это былъ необыкновенно рослый человѣкъ съ выдавшимися скулами и сѣроватыми, умными глазами, но по всѣмъ чертамъ лица въ немъ легко было узнать янки. Не смотря на жаркую

погоду, фракъ былъ у него застегнутъ на всѣ пуговицы. Высокую поярковую шляпу онъ надѣлъ далеко назадъ, что дѣлало эту длинную фигуру еще длиннѣе. Совершенно новые сапоги его имѣли самый модный фасонъ, но, вѣроятно, сильно жали ему ноги, потому что въ нихъ былъ сдѣланъ крестообразный разрѣзъ подъ пальцами. Вообще казалось, что вошедшій любилъ удобства, почему тотчасъ же спокойно усѣлся на прилавкѣ и выпилъ стаканъ воды съ можжевельникомъ.

— Господа! произнесъ янки,— я думаю, мы можемъ обдѣлать дѣльцо.

— Ужъ не продаете ли вы стѣнныхъ часовъ? спросилъ докторъ, пресмѣшно скорчивъ лице, какъ бы отъ испуга.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ янки, я не торгую часами.

— Вы, господа, кажется, ни отъ чего не отказываетесь, замѣтилъ Густонъ, подходя къ высокому американцу.

— Въ этотъ разъ я торгую человѣчиною, отвѣчалъ янки,—а при такомъ товарѣ нельзя продавать другихъ предметовъ, развѣ только скотъ и лошадей. Но я продалъ послѣдняго мустанга, (маленькую лошадь) въ Батонъ-Ружѣ, и у меня осталась только негритянка лѣтъ 15-ти. Сегодня, въ 4 часа пополудни, я намѣренъ

разыграть ее въ кофейнѣ Мюллера, а въ среду хочу уѣхать въ Новый Орлеанъ, чтобы оттуда воротиться домой.

— А почемъ билетъ? спросилъ Уиллисъ.

— По пяти доллеровъ, отвѣчалъ промышленникъ. Розыгрышъ будетъ на костяхъ! Дѣвушка отличная, здоровая, сильная и красивая, какой вамъ не случалось видѣть.

— Гдѣ же она? спросилъ докторъ: — подать ее сюда. Если она хороша, такъ я возьму три или четыре билета.

— Она здѣсь недалеко, отвѣчалъ янки, вставая съ своего мѣста. Погодите, тотчасъ приведу ее сюда, тѣмъ болѣе, что и другіе господа могутъ посмотрѣть ее.

Торговецъ вышелъ и вскорѣ воротился съ очень красивою негритянкою.

Короткіе, курчавые волосы были у нея совсѣмъ черны, носъ сплющенъ, но малъ и красивъ, и между не очень пухлыми губами проглядывали отличные зубы, когда она говорила. Дѣвушка была не высока, но стройнаго и чрезвычайно красиваго тѣлосложенія, такъ что даже докторъ, едва помнившій себя, съ проклятіями замѣтилъ, что эта негритянка чертовски хороша.

Подошли еще нѣсколько плантаторовъ, которые также взяли билеты. Послѣ этого янки

увелъ дѣвушку, чтобы пойти съ нею въ Сенъ-Францисвиль, гдѣ надѣялся получить еще участниковъ въ игрѣ.

Непосредственно за дѣвушкою въ кофейню вошелъ весьма хорошо одѣтый блѣдный молодой человѣкъ, которй очень внимательно слѣдилъ за описанною сценою. Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ. Повидимому, онъ хотѣлъ купить два билета, потому что пересчитывалъ свои деньги нѣсколько разъ. Но у него оказалось для этого слишкомъ мало денегъ, оттого онъ со вздохомъ спряталъ нѣсколько бумажныхъ доллеровъ въ потертый свой бумажникъ и купилъ за пять доллеровъ одинъ билетъ.

Когда докторъ вскорѣ послѣ того сталъ искать глазами блѣднаго молодаго человѣка и клялся, что онъ долженъ съ нимъ выпить, его уже не было въ кофейнѣ.

Къ четыремъ часамъ пополудни въ кофейнѣ Мюллера собралось довольно много народа въ ожиданiи янки. Наконецъ, онъ явился вмѣстѣ съ молодою негритянкою. За ними въ нѣкоторомъ разстоянiи шелъ блѣдный молодой человѣкъ.

Янки приняли съ шумною радостью. Билліардъ въ большой комнатѣ поспѣшно обратили въ игорный столъ, и хозяинъ кофейни помѣстился у доски, съ кускомъ мѣла въ рукахъ, чтобы

записывать имена тѣхъ, которые выкинутъ самое большое число очковъ.

Негритянка стояла въ углу на возвышеніи, чтобы всѣ могли видѣть ее. На глазахъ выступили у нея слезы, и она потупила взоръ.

Во всей толпѣ принималъ дѣйствительное участіе въ судьбѣ дѣвушки только блѣдный молодой человѣкъ, который стоялъ у окна со стиснутыми зубами и съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ. Скрестивъ руки на груди онъ вперилъ глаза въ полъ и только по временамъ со страхомъ глядѣлъ на негритянку. Когда подали знакъ къ началу игры, и вниманіе всѣхъ обратилось къ билліарду, жертва игры боязливо взглянула на молодаго человѣка, глаза ихъ встрѣтились, и молодой человѣкъ немедленно подошелъ къ ней и шепнулъ:

— Ободрись, Зелинда, ободрись, ты должна быть моею, еслибъ даже мнѣ пришлось отнять тебя насильно.

Дѣвушка на мгновеніе улыбнулась сквозь слезы, но затѣмъ тотчасъ же грустно склонила голову и тихо заплакала.

Розыгрышъ между тѣмъ начался, и участники игры тѣснились у билліарда, слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за разсыпающимися костями.

— «45!» крикнулъ Уиллисъ. — Достаньте больше, если можете, докторъ.

— Что же, у меня вѣдь пять билетовъ, я могу еще потерпѣть. Впрочемъ, попытаюсь.

Онъ выкинулъ кости. Выпали три единицы.

— Хорошее начало, произнесъ онъ съ досадою при всеобщемъ смѣхѣ. Это, однако, не бѣда... У меня есть еще 4 билета.

Онъ отошелъ отъ билліарда, и его замѣстилъ другой игрокъ. Долго господствовало совершенное безмолвіе, прерываемое только стукомъ костей.

Блѣдный молодой человѣкъ, котораго, повидимому ни кто не зналъ, подошелъ къ столу и тихо, но твердымъ голосомъ произнесъ:

— Пожалуйте мнѣ кости.

Хотя молодой человѣкъ говорилъ тихо, голосъ его подѣйствовалъ на дѣвушку какъ электрическій ударъ. Она судорожно вздрогнула и съ полуоткрытымъ ртомъ и сдерживая дыханіе стала внимательно вслушиваться. Кости застучали, разсыпаясь по зеленому сукну. Выпали двѣ шестерки и четверка.

— «16!» монотонно произнесъ записывающій хозяинъ кофейни. — Еще разъ!

Молодой человѣкъ еще два раза бросилъ кости.

— «38» сказалъ хозяинъ. Плохо!

Лице молодаго человѣка покрылось смертельною блѣдностью, и онъ отошелъ отъ билліарда, уступая мѣсто другому. Негритянка, трепеща

всѣмъ тѣломъ, едва могла устоять и почти неслышнымъ голосомъ попросила у бѣлаго, стоящаго близъ нея, стаканъ воды.

— Ахъ ты, проклятая!... Пойди, возьми сама, развѣ я твой ниггеръ *), сказалъ съ досадою человѣкъ, къ которому она обратилась.

Не говоря ни слова, дѣвушка подошла къ бару, взяла тамъ стаканъ, налила въ него холодной воды и выпила. Подкрѣпивъ себя такимъ образомъ, она твердою, легкою поступью воротилась на прежнее свое мѣсто и, прислонившись къ стѣнѣ, закрыла лице руками, не обращая ни на что вниманія. Лишь иногда, когда она слышала радостные клики при счастливо выпавшихъ костяхъ, страхъ ея, казалось, увеличивался, и она вздрагивала.

Игра продолжалась около получаса и уже скоро должна была окончиться. Молодой человѣкъ между тѣмъ отошелъ въ сторону и стоялъ въ раздумьѣ. Ему, повидимому, очень хотѣлось обладать негритянкою. Вдругъ онъ подошелъ къ янки и тихимъ голосомъ просилъ дать ему билетъ.

— Извольте, отвѣчалъ продавецъ невольниковъ: я могу уступить вамъ одинъ билетъ. Но, позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю только два

---

*) Презрительное названіе цвѣтнаго человѣка.

билета, и потому не могу уступить вамъ билетъ дешевле 10-ти доллеровъ.

— Послушайте, — воскликнулъ несчастный, судорожно схвативъ янки за плечо, — у меня толко 6 доллеровъ.

— Конечно, этого мало, чтобы начать какое-нибудь дѣло, — съ сожалѣніемъ сказалъ янки. Впрочемъ, братъ мой Исай...

— Вотъ еще кольце, — прервалъ его молодой человѣкъ, снимая съ пальца простое, гладкое, золотое кольце. Оно осталось у меня на память отъ моей матери. Возьмите его и дайте мнѣ билетъ. Оно стоитъ вдвое больше,—нетерпѣливо продолжалъ незнакомецъ, замѣтивъ, что янки сомнительно осматриваетъ кольцо и взвѣшиваетъ его на рукѣ.

Слова молодаго человѣка были излишни. Янки очень хорошо зналъ цѣну золоту и оттого подалъ бѣдняку билетъ. Потомъ онъ подошелъ къ билліарду и самъ бросилъ кости, но несчастливо. Молодой человѣкъ между тѣмъ отступилъ въ уголъ комнаты и издали слѣдилъ за игрой.

Докторъ бросилъ свои кости въ послѣдній разъ и радостно вскричалъ: «46! Дѣвушка моя.»

— Позвольте, я имѣю еще билетъ! сказалъ молодой человѣкъ, подходя къ билліарду.

— Чего же вы ждали такъ долго? съ досадою возразилъ докторъ.

— Развѣ я не имѣлъ права ждать до конца, какъ вы? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Какъ угодно, — спокойно сказалъ докторъ. Вамъ все-таки не бросить сорока шести, и вы могли бы сберечь свои 5 доллеровъ. Послушайте, — продолжалъ онъ, взявъ молодаго человѣка за руку, — отступитесь, дѣвушка мнѣ очень нравится; я дамъ вамъ 50 доллеровъ, если вы откажетесь.

— Пусть дѣло рѣшатъ кости, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, отходя отъ доктора къ билліарду. У него выступилъ румянецъ, который однако тотчасъ же смѣнился смертельною блѣдностью. Кости застучали, и хозяинъ спокойно произнесъ:

— Семнадцать!

— Ого, какъ много! воскликнули нѣкоторые изъ присутствующихъ, съ любопытствомъ подходя къ билліарду.

Кости опять застучали въ стаканѣ, въ комнатѣ всѣ притихли и вперили глаза на руки игрока между тѣмъ какъ негритянка, молясь упала на колѣни и старалась подавить рыданіе. Кости разсыпались по зеленому сукну.

— Опять 17!

— Чортъ возми! пробормоталъ докторъ.

— Бросьте третій разъ, бросьте! — закричали присутствующіе, когда увидѣли, что молодой че-

ловѣкъ задумчиво и со страхомъ держалъ въ рукахъ стаканъ. Судорожно схвативъ стаканъ, онъ, повидимому, не рѣшался бросить кости. Но ему нельзя было медлить: всѣ ждали съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ высыпалъ кости: выпало только 11.

— Ура! заревѣлъ докторъ. — Выигралъ! Кто хочетъ пить? Я подчую всѣхъ. Мюллеръ, поскорѣе давайте сюда стаканы — пусть всякій пьетъ, сколько хочетъ, я за все плачу. .

Сѣвъ на билліардъ, обрадованный докторъ продолжалъ кричать: «Приведите мнѣ сюда дѣвушку, дайте мнѣ поглядѣть на нее!»

При радостныхъ кликахъ доктора, Зелинда едва не лишилась чувствъ и упала бы, если бы ее не поддержалъ молодой незнакомецъ; но она ободрилась и шепнула своему защитнику:

— Альфонсъ, бѣги, бѣги, пока тебя еще не узнали!

Потомъ она твердою поступью подошла къ новому хозяину, чтобы выслушать его приказанія.

— Красивая дѣвушка, пробормоталъ докторъ, смотря на нее мутными глазами.—Хорошо, хорошо, моя жена не очень обрадуется, когда я приведу ей такого ниггера, но...

Онъ не могъ высказать всей мысли. Дѣйствіе крѣпкихъ напитковъ одержало верхъ, и докторъ,

лишившись сознанія, повалился на билліардъ, съ котораго его понесли на постель, чтобы онъ выспался. Хозяинъ между тѣмъ отвелъ негритянку въ особенную комнату, гдѣ заперъ ее, чтобы передать владѣльцу, когда онъ проснется.

Пока происходило все это, нѣсколько молодыхъ людей перешептывались, поглядывая на блѣднаго незнакомца, котораго негритянка назвала Альфонсомъ. Длинныя черныя кудри безпорядочно висѣли у него на лбу, губы были блѣдны, а глаза красны. Внезапно одинъ изъ молодыхъ людей подошелъ къ нему, положилъ руку на его плечо и произнесъ грубо: «Альфонсъ!»

Какъ укушенный змѣею, несчастный вскочилъ и дико сталъ смотрѣть на окружающихъ. Наконецъ онъ вперилъ взоры въ молодаго человѣка, не спускавшаго съ него глазъ. Постепенно онъ сталъ припоминать черты лица молодаго человѣка, ударилъ себя кулакомъ по лбу, глубоко вздохнулъ и изнеможенный опустился на стулъ. Молодой же человѣкъ, замѣтивъ такую перемѣну, сказалъ товарищамъ:

— Я знаю этого молодца и позволю назвать себя мошенникомъ, если это не дрянной ниггеръ.

— Какъ, это ниггеръ? вскричали присутствующіе, тѣснясь къ сидящему Альфонсу.

Негръ осмѣливается быть въ обществѣ бѣлыхъ?

— Вонъ его! Отколотить собаку! Выкинуть его за окно! кричали присутствующіе. Они не ограничились одними возгласами, но здоровыя руки ухватили несчастнаго и выбросили его изъ окна. Бѣднякъ упалъ на мостовую лишь съ высоты въ сажень и потому не сильно расшибся. Озлобленные посѣтители кофейни не хотѣли однако ограничиться этою грубостью, и Альфонсъ вскорѣ услышалъ голоса преслѣдователей, выходящихъ изъ кофейни. Несчастный вскочилъ и обратился съ окровавленнымъ лицомъ къ своимъ врагамъ. Его глаза выражали не страхъ, но отчаянную отвагу. Тутъ раздался изъ верхняго этажа голосъ Зелинды, которая, опасаясь гибели своего друга, со страхомъ закричала:

— Бѣги, Альфонсъ, бѣги.... ради меня.

Альфонсъ взглянулъ на бѣдную дѣвушку, стоявшую у окна, и во взглядѣ его выразились любовь, тоска и отвага. Внезапно у него, казалось, появилась новая мысль; не ожидая приближенія толпы преслѣдователей, онъ пустился бѣжать по улицѣ и вскорѣ скрылся за деревьями, окружающими городъ.

Спотыкаясь, бѣжали за нимъ многіе пьяные преслѣдователи, но наконецъ должны были от-

казаться отъ надежды достигнуть проворнаго бѣглеца и поклялись, что если имъ гдѣ-либо удастся увидать проклятаго негра, они свяжутъ его по рукамъ и по ногамъ и бросятъ въ Байю.

Густонъ не принималъ во всемъ этомъ никакого участія и спокойно смотрѣлъ изъ окна. Только когда несчастнаго выкинули изъ окна, онъ вздрогнулъ, какъ бы желая подскочить, но тотчасъ же сѣлъ на свое мѣсто по-прежнему совершенно спокойно и, казалось, не принималъ во всемъ происходившемъ никакого участія. Когда же разгоряченные преслѣдователи Альфонса успокоились и опять принялись пить, Густонъ тихо ушелъ, такъ что этого не замѣтилъ даже Уиллисъ, и задумчиво пошелъ по улицамъ Францисвиля.

Солнце между тѣмъ зашло, и когда Густонъ достигъ подножія холма, было уже темно. Налѣво увидѣлъ онъ тусклый свѣтъ сквозь щели небольшаго бревенчатаго дома, гдѣ, какъ онъ зналъ жили двѣ мулатки, мать и дочь. Ему какъ-то вспало на мысль, не скрылся ли туда бѣглецъ. Безъ опредѣленной цѣли, онъ поспѣшно взошелъ на холмъ и вскорѣ достигъ дверей, запертыхъ изнутри на запоръ.

Въ домѣ говорили шепотомъ. Густонъ приложилъ ухо къ щели и услышалъ голосъ дѣвушки, ободрявшей кого-то и по временамъ глубоко вздыхав-

шей. Изъ этого Густонъ заключилъ, что бѣглецъ, можетъ быть, нашелъ здѣсь убѣжище. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ, не зная, стучаться ли ему въ двери, потому что запуганные обитатели дома навѣрное приняли бы его за преслѣдователя бѣглеца. Вдругъ онъ услышалъ голосъ матери, которая подходя къ двери сказала:

— Мнѣ надобно снять бѣлье, не то до утра еще кто-нибудь украдетъ его. Поставь котелъ на огонь. Бѣднякъ долженъ покушать и отдохнуть.

Въ то же мгновеніе она отдернула тяжелый засовъ и отворила двери. Замѣтивъ молодаго человѣка, она въ испугѣ отскочила и хотѣла захлопнуть двери, но Густонъ быстро вскочилъ въ домъ. Женщины вскрикнули отъ испуга, а Альфонсъ, бросившійся отъ утомленія на постель, съ ужасомъ вскочилъ и выхватилъ изъ-за пояса ножъ. Но Густонъ поднялъ руку въ знакъ молчанія, самъ помогъ запереть дверь и, придвинувъ стулъ къ столу, сѣлъ спокойно и хладнокровно, какъ будто не случилось ничего особеннаго.

— Мистеръ Густонъ! воскликнула старая мулатка, которая теперь только узнала молодаго человѣка,—мистеръ Густонъ, вы опять въ Луизіанѣ и пришли къ намъ? Неужели вы хотите погубить этого бѣдняка?. ..

— Не бойся, матушка, прервалъ ее Густонъ: я не имѣю дурныхъ намѣреній, но пришелъ сюда единственно изъ любопытства и, можетъ быть, могу помочь этому несчастному. Но какъ ты осмѣлился—продолжалъ онъ обратясь къ безмолвно сидящему молодому квадрону—дерзко присоединиться къ бѣлымъ и даже играть и пить вмѣстѣ съ ними?

— Я не пилъ! грустно отвѣчалъ Альфонсъ.

— Все равно, возразилъ Густонъ—вѣдь ты за это подвергаешься опасности безъ всякой цѣли и пользы. Еслибъ ты дѣйствительно выигралъ дѣвушку, ты не могъ бы обладать ею.

Альфонсъ глубоко вздохнулъ.

— Но откуда ты? продолжалъ Густонъ:—Ты также бѣлъ, какъ и мы, и я не могъ бы предполагать, что ты происходишь отъ негра. Въ какихъ ты отношеніяхъ къ негритянкѣ? Безъ сомнѣнія, ты имѣлъ какой-нибудь поводъ рѣшиться на столь дерзкое предпріятіе.

— Я нисколько не помогу горю, если и разскажу вамъ свои страданія! отвѣчалъ Альфонсъ грустно. — Со мною случилось то же, что и со многими моими собратьями въ южныхъ штатахъ прекрасной свободной страны. Да, мы въ странѣ свободы! воскликнулъ онъ, судорожно ухватившись обѣими руками за голову.

— Но вѣдь самъ ты не рабъ? спросилъ плантаторъ, вставая.

— Я свободенъ, пробормоталъ несчастный, грустно покачивая головою. Вотъ, убѣдитесь сами, продолжалъ онъ, вынимая нѣсколько бумагъ. Мой отецъ даровалъ мнѣ свободу. Я тогда думалъ, что мнѣ сдѣланъ превосходный подарокъ. Меня не воспитывали съ прочими дѣтьми негровъ, позволяли мнѣ учиться читать и писать, и я, по бѣлизнѣ своей кожи, полагалъ, что могу быть свободенъ и счастливъ, какъ любой американецъ. Но все это было лишь кратковременнымъ, пріятнымъ сномъ. Меня вездѣ знали. Всѣмъ было извѣстно, что моя мать мулатка, и проклятый ниггеръ никуда не смѣлъ показаться, не перенося величайшихъ оскорбленій. Оттого я охотно покинулъ бы свою родину, еслибъ меня не удерживала привязанность къ одной невольницѣ моего отца, той самой дѣвушкѣ, которую сегодня разыгрывали въ кости. Зелинда также любила меня, и мой отецъ обѣщалъ подарить мнѣ ее, чтобы я могъ жениться на ней. Но неожиданно я лишился единственнаго своего покровителя. Мой отецъ умеръ вскорѣ послѣ смерти моей матери, а имущество его попало въ руки чужихъ людей, которымъ онъ задолжалъ, вслѣдствіе неосторожныхъ спекуляцій. Съ нѣсколькими доллерами въ карманѣ, меня

выгнали изъ дома отца, а Зелинду, вмѣстѣ съ другими невольниками и невольницами, продали одному торговцу невольниками изъ Георгіи. Этотъ торговецъ перешелъ изъ Алабамы въ Новый-Орлеанъ, гдѣ ему удалось выгодно продать всѣхъ рабовъ, такъ что у него осталась одна Зелинда, которую онъ хотѣлъ оставить у себя. Но здѣсь онъ, повидимому, передумалъ, потому что разыгралъ ее. Я безпрерывно слѣдилъ за Зелиндою и иногда подвергался величайшимъ опасностямъ, чтобы видѣть ее. Сегодня утромъ я услышалъ о предстоящемъ розыгрышѣ Зелинды, и у меня пробудились новыя надежды. Я полагалъ, что меня тутъ никто не знаетъ и оттого осмѣлился войти въ кофейню и на послѣднія деньги и кольцо своей матери купилъ два билета. Остальное вы уже знаете. Молодой человѣкъ, который узналъ меня, племянникъ моего отца и мой двоюродный братъ.

Альфонсъ замолчалъ. Обѣ женщины сидѣли въ углу и плакали. Разсказъ его тронулъ даже Густона.

— Какимъ же образомъ ты не обратилъ на себя вниманія торговца невольниками? спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ молчанія. вѣдь онъ вѣрно видѣлъ тебя на плантаціяхъ твоего отца.

— Дѣйствительно, онъ видѣлъ меня часто. Но

я спалъ въ господскомъ домѣ, а невольники всѣ называли меня мистеромъ Альфонсомъ. Оттого онъ нисколько не подозрѣвалъ, что и я принадлежу къ презрѣнной расѣ.

—Что жъ ты теперь думаешь дѣлать? спросилъ Густонъ съ участіемъ, возвращая Альфонсу его бумаги.

— Что мнѣ дѣлать, не знаю!?—прошепталъ квадронъ.

— Будь завтра вечеромъ опять здѣсь, произнесъ Густонъ, вставая:—я поговорю съ докторомъ. Можетъ быть, мнѣ удастся помочь горю.

Альфонсъ съ горькою улыбкою покачалъ головою.

— Сегодня ничего нельзя сдѣлать, продолжалъ Густонъ, говоря какъ бы про себя. Сегодня вечеромъ въ 10 часовъ докторъ уѣзжаетъ на пароходѣ въ Пуэнтъ-Купе, и оттого...

— Сегодня вечеромъ въ 10 часовъ? спросилъ Альфонсъ, вскакивая.

— При нынѣшнемъ мелководіи пароходы болѣе не ходятъ такъ поздно, замѣтила мулатка.

— Я слышалъ, что тутъ есть дамы съ плантаціи Тейлера, которыя непремѣнно хотятъ переправиться на другой берегъ, отвѣчалъ Густонъ, и докторъ намѣренъ воспользоваться случаемъ сегодня же воротиться домой. До вечера онъ

выспится, протрезвится и будетъ въ состояніи стеречь свою покупку. Впрочемъ, довольно на сегоднишній день. Я, можетъ быть, слишкомъ съ большимъ участіемъ слушалъ тебя. По законамъ штата, въ которомъ мы живемъ, ты заслуживаешь скорѣе казни, нежели сочувствія. Но не станемъ толковать объ этомъ. Посмотримъ, что можно сдѣлать для тебя. Пока старайся не попадать на глаза твоему двоюродному брату. Кажется, родство твое ему не очень нравится.... Хорошо, хорошо, продолжалъ онъ отступая, когда увидѣлъ, что Альфонсъ хочетъ взять его за руку, тебѣ не за что благодарить меня.... Развѣ только за то, что я тебя не выдамъ. Но къ этому я не имѣю никакой охоты. Прощай же, старушка, прощай, Анна.

Отодвинувъ засовъ, онъ перескочилъ черезъ высокій порогъ и вскорѣ исчезъ въ темнотѣ.

Едва онъ вышелъ на большую дорогу, ведущую въ Байю-Сара, какъ изъ кустарника выскочили два человѣка и схватили его. Густонъ, не ожидая ничего добраго, уже выхватилъ изъ-за пояса ножъ, чтобы освободиться отъ предполагаемыхъ грабителей. Но онъ еще во время узналъ голосъ Уиллиса, который, отпуская его со смѣхомъ, тихо сказалъ:

— Чортъ возьми! одного изъ нашихъ бѣгле-

цовъ мы поймали, но не того, котораго намъ хотѣлось. Какъ ты попалъ сюда?

— Я хотѣлъ пойти въ Францисвиль, но передумалъ, отвѣчалъ Густонъ. Но съ какой стати вы нападаете на людей на большой дорогѣ, какъ разбойники? Въ первую минуту я, право, подумалъ, что на меня напали бѣглые негры, и уже намѣревался прочистить себѣ дорогу ножемъ. Къ счастію, я во время еще узналъ твой голосъ. Кто тутъ еще и чего они хотятъ? продолжалъ Густонъ, замѣтивъ довольно много подходящихъ людей, въ главѣ которыхъ, повидимому, былъ торговецъ невольниками и двоюродный брата Альфонса.

— Молчи, сказалъ Уиллисъ, мы знаемъ, что дерзкій мошенникъ, который такъ оскорбилъ насъ, вмѣшавшись въ наше общество, скрылся у старушки Гойеръ. Мы окружимъ домъ, изловимъ этого каналью и познакомимъ его съ луизіянскимъ кнутомъ.

— Чего еще вы хотите отъ бѣдняка?—добродушно замѣтилъ Густонъ. Вѣдь вы разъ уже наказали его, выкинувъ за окно, такъ и оставьте его. Онъ навѣрное не осмѣлится въ другой разъ присоединиться къ бѣлымъ.

— Молчи, братъ, ты говоришь какъ европеецъ, сухо возразилъ Уиллисъ. Я ни за что не по-

зволю, чтобы ниггеръ такъ легко отдѣлался послѣ неслыханной своей дерзости.

— Жаль только, что мы не связали его тотчасъ по ногамъ и по рукамъ и не бросили въ рѣку, съ досадою промолвилъ двоюродный братъ несчастнаго. Я никогда не терпѣлъ этого мальчишку. Но пойдемте! Мы только теряемъ дорогое время. Вотъ тамъ свѣтится огонекъ!

Густонъ съ презрѣніемъ отворотился отъ безчувственныхъ людей и пошелъ въ городъ, между тѣмъ какъ преслѣдователи Альфонса тихими шагами подкрадывались къ дому мулатки. Внезапно Густонъ обернулся и пробормоталъ: пусть они по крайней мѣрѣ не убьютъ его!

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ человѣка, перебѣгающаго черезъ дорогу. Густонъ остановился и крикнулъ, но незнакомецъ не откликнулся, а скрылся въ темнотѣ. Достигнувъ домика, онъ увидѣлъ, что преслѣдователи Альфонса окружили хижину безъ всякаго шума, между тѣмъ какъ его обитатели, не догадываясь о грозящей имъ опасности, тихо разговаривали и, казалось, плакали. Уиллисъ наконецъ подошелъ къ дверямъ и постучалъ толстымъ концомъ бича, употребляемаго для наказанія негровъ.

Нѣсколько мгновеній въ хижинѣ господствовало совершенное безмолвіе. Лишь при повто-

реніи ударовъ раздался голосъ старухи, которая сказала:

— Идите дальше своею дорогою. Ночью чужимъ дверей здѣсь не отворяютъ, потому что въ этомъ домѣ живутъ только двѣ одинокія женщины.

— Мы лучше тебя знаемъ, кто тутъ въ домѣ, проклятая вѣдьма, крикнулъ Уиллисъ во все горло, ударяя со всею силою по дверямъ. Отворяй, не то мы снесемъ крышу надъ твоею головою.

Тутъ къ дому подошли и другіе и, казалось, хотѣли дѣйствительно исполнить угрозу Уиллиса, но старуха уже отодвигала засовъ. Не дожидая, пока дверь отворятъ совсѣмъ, Уиллисъ стремительно бросился впередъ и толкнулъ мулатку такъ сильно, что она безъ памяти упала на полъ.

Дѣвушка съ громкимъ крикомъ припала къ тѣлу матери. Не обращая на все это ни малѣйшаго вниманія, нѣсколько человѣкъ вторгнулись въ комнату, чтобы схватить свою жертву. Напрасно однако они перешарили всѣ углы, передвинули всѣ ящики и даже перерыли постели— Альфонса не было нигдѣ. Тогда Уиллисъ грозно подскочилъ къ едва опомнившейся старухѣ, которая стояла опираясь на плечо дочери, и крикнулъ ей:

— Гдѣ мошенникъ ниггеръ, который еще не-

давно былъ здѣсь? Говори, вѣдьма, не то мы свернемъ тебѣ шею!

— Оставьте, сударь, мою мать въ покоѣ! воскликнула дѣвушка, отталкивая руку свирѣпаго Уиллиса. Вы и безъ того уже едва не убили ее.

— Ахъ ты, ниггера! яростно заревѣлъ Уиллисъ. Ты хочешь указывать мнѣ, что дѣлать!

Размахнувшись бичемъ, онъ хотѣлъ уже стегнуть отважно стоявшую противъ него дѣвушку, когда Густонъ взялъ его за руку и шепнулъ ему:

— Не тронь дѣвушки, не то тебѣ придется имѣть дѣло со мною.

—Убирайся къ чорту! чего ты суешься не въ свое дѣло? гнѣвно отвѣчалъ Уиллисъ своему другу. Но, встрѣтивъ серіозный взглядъ Густона, онъ опустилъ руку и продолжалъ съ полусмѣхомъ и полудосадою: Отчего она такъ нагла? Я вовсе не хотѣлъ обижать ее; пусть она только скажетъ, куда ушелъ ниггеръ, который еще за нѣсколько минутъ сидѣлъ у нихъ.

Дѣвушка боязливо посмотрѣла на Густона, чтобы узнать, не выдалъ ли онъ ихъ. Но ея опасенія очевидно тотчасъ уничтожились, потому что, покачивая головою, она прошептала:

— Я никого не видала.

— Она вретъ! закричали многіе. Мы знаемъ, что онъ былъ здѣсь. Давно ли онъ ушелъ отсюда?

— Я никого не видала, повторила тихимъ голосомъ трепещущая дѣвушка.

— Господа! сказалъ Густонъ, обращаясь къ людямъ, тѣснившимся въ хижинѣ. Вы видите, что тутъ нѣтъ того, кого вы ищете. Куда онъ ушелъ, для насъ все равно, потому что въ такую темную ночь намъ невозможно найти его. Воротимтесь лучше въ городъ и проведемъ вечеръ пріятно вмѣстѣ... Я угощаю; завтра мы, можетъ быть, удачнѣе отыщемъ бѣглеца. Кто идетъ со мною?

— Я думаю, мы пойдемъ всѣ, спокойно произнесъ торговецъ невольниками, отрѣзывая кусокъ табаку и засовывая его за щеку.

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдемте; къ чорту ниггера! закричали многіе, и всѣ поспѣшили выйти изъ хижины.

Густонъ вышелъ изъ дома послѣдній, и дѣвушка провожала его со слезами благодарности на глазахъ, потому что считала его спасителемъ своей матери.

Смѣясь и шутя, толпа пошла къ городу и вскорѣ достигла гостиницы, гдѣ Густонъ обѣщалъ угостить. Бесѣда была шумная, и особенно торговецъ невольниками много ругалъ бѣглеца, увѣряя, что онъ видалъ его болѣе двадцати разъ, но всегда считалъ за бѣлаго. Въ то время какъ торговецъ разглагольствовалъ, въ дверяхъ

показалось заспанное блѣдное лице доктора. Потягиваясь и зѣвая, онъ приблизился къ знакомцамъ, которые встрѣтили его съ громкими кликами. Ему, конечно, немедленно разсказали о неслыханной дерзости ниггера и о преслѣдованіи его.

— Ахъ онъ, ниггеръ! воскликнулъ докторъ съ негодованіемъ,—а я думалъ, что онъ только смуглый креолъ. Въ самомъ дѣлѣ, креола иногда трудно отличить отъ мулатовъ, а еще труднѣе отъ квадроновъ. Но вѣдь вы схватили его и отколотили или по крайней мѣрѣ заперли куда-нибудь?

Уиллисъ сознался, что преслѣдованіе неудалось имъ, и они намѣрены заняться этимъ на слѣдующее утро.

— У меня есть отличная собака, пріученная отыскивать ниггеровъ, продолжалъ Уиллисъ, и если мы найдемъ слѣды...

— Вотъ еще! съ досадою закричалъ докторъ: Неужели вы думаете, что онъ станетъ сидѣть всю ночь въ кустахъ и болотѣ тамъ, гдѣ есть на берегу столько лодокъ? Онъ непремѣнно украдетъ лодку, и завтра вы не найдете уже слѣда его. Впрочемъ, онъ можетъ попасться въ другой разъ; я его теперь знаю... Послушайте, кажется, вы думаете, что я пороховой магазинъ, потому что не даете мнѣ ни капли жидкости? Хо-

зяинъ! чего нибудь попить!... Вѣдь вы хорошо припрятали мою дѣвушку?

— Все въ порядкѣ, отвѣчалъ хозяинъ, подавая доктору стаканъ и бутылку. Но, послушайте докторъ, вамъ скоро придется ѣхать, если вы хотите сегодня воротиться домой. Въ послѣдній разъ поѣдутъ въ 10 часовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, ѣхать ли?... Нѣтъ, лучше поѣду. Приведите мою дѣвушку... Пусть она готовится къ отъѣзду.

— Ея узелъ лежитъ въ кухнѣ, сказалъ янки. У нея, конечно, мало имущества, но...

— Можно ли ожидать, что вы, янки, много оставите невольникамъ!—смѣясь, замѣтилъ докторъ. Знаемъ мы васъ! Впрочемъ, если она будетъ прилежна, я куплю кое-что.

Густонъ, прислонясь къ билліарду, молча слушалъ разговоръ. Когда дѣвушку подвели къ дверямъ и докторъ готовился къ отъѣзду, Густонъ подошелъ къ послѣднему и просилъ выйти съ нимъ, чтобы поговорить наединѣ.

Оба вышли изъ дома на улицу, которая была совершенно пуста, и только бѣдная дѣвушка стояла у столба, къ которому обыкновенно привязывали лошадей.

— Что вамъ угодно отъ меня? спросилъ докторъ, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ невольницы.

— Мнѣ хочется купить у васъ эту дѣвушку, отвѣчалъ Густонъ твердо и спокойно.

— Какъ бы не такъ! воскликнулъ изумленный докторъ. Что это вамъ вздумалось?

— Она мнѣ нравится, равнодушно произнесъ плантаторъ.

— И мнѣ также, сказалъ докторъ. Я не продамъ этой дѣвушки. Женѣ моей давно уже нужна служанка, и эта дѣвушка, кажется, будетъ хороша. Она красива, ловка и сильна.

— Докторъ, я не стану съ вами торговаться, если вы не потребуете непомѣрной цѣны.

— Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ его докторъ. Намъ нечего толковать больше. Еслибъ я нуждался въ деньгахъ, такъ дѣло другое, но вчера мнѣ заплатили за вексель въ 1,000 доллеровъ, вѣрный какъ наличныя деньги, а потому я дѣвушку продавать не стану. Вотъ къ Рождеству, или даже раньше, мы, можетъ быть, сговоримся, а теперь вамъ, право, не стоитъ терять со мною время.

Когда дѣвушка замѣтила, что рѣчь идетъ о ней, она съ испугомъ стала всматриваться, кто желаетъ купить ее. Но въ темнотѣ, при одномъ слабомъ свѣтѣ звѣздъ, на ясномъ небѣ невозможно было различить черты лица. Оттого она вскорѣ опять впала въ забытье, тѣмъ болѣе, что уже привыкла, чтобы съ нею обращались какъ съ товаромъ, переходящимъ изъ рукъ въ

руки. Сверхъ того, ей было все равно кому она будетъ принадлежать, потому что, во всякомъ случаѣ, она должна была отказаться отъ надежды, видѣться съ Альфонсомъ, при воспоминаніи о которомъ у нея выступали слезы, которыя она не могла вытереть, потому что была привязана къ столбу.

Между тѣмъ вышли другіе плантаторы и купцы, чтобы проводить доктора до парохода. Густонъ отворотился и, не говоря ни слова, пошелъ возлѣ Уиллиса, который разсказывалъ ему о различныхъ своихъ проказахъ, мало заботясь о томъ, слушаетъ ли его товарищъ, котораго онъ велъ къ себѣ въ Францисвиль ночевать.

Густонъ долго оставался въ странахъ, гдѣ нѣтъ рабства, и оттого судьба Альфонса и Зелинды очень его тронула, такъ что онъ рѣшился купить негритянку у доктора и осчастливить молодыхъ людей. Но торгъ не состоялся. Полагая, что съ своей стороны онъ сдѣлалъ все возможное для устраненія горя несчастливцевъ, Густонъ успокоился мыслью, что онъ помочь не можетъ. Не доходя холма, на которомъ стояли первые домы городка, онъ развеселился и принялся болтать съ Уиллисомъ о своихъ странствованіяхъ и похожденіяхъ.

Въ то же время на пароходъ помѣстились желающіе переправиться въ Пуэнтъ Купе, а съ

ними вмѣстѣ и докторъ съ Зелиндою. Когда судно отвалило, она грустно стояла у борта и задумчиво глядѣла въ воду стремительной рѣки.

Докторъ отправился въ каюту съ двумя плантаторами и семействомъ Тейлера, и разсказывалъ имъ о томъ, что случилось въ теченіе этого дня. Судно медленно плыло и достигало Малаго Байю.

— Не пойдете ли съ нами? спросилъ штурманъ человѣка, стоявшаго въ лодкѣ.

— Нѣтъ, я переправлюсь въ своей лодкѣ, отвѣчалъ незнакомецъ.

Тогда пароходъ пустили на всѣхъ парахъ, чтобы скорѣе достигнуть противоположнаго берега.

Судно поднялось вверхъ по рѣкѣ приблизительно до того мѣста, откуда слѣдовало направиться къ противоположному берегу. Вскорѣ по шуму и плеску воды узнали, что пароходъ находится въ сильномъ токѣ. Медленно онъ подходилъ къ мели, которая въ лѣтніе мѣсяцы тянулась на протяженіи нѣсколькихъ верстъ посреди рѣки. Чтобы подойти къ обыкновенной пристани въ Пуэнтъ-Купе, слѣдовало объѣхать часть этой мели. Когда судно отплыло шаговъ 300 отъ берега, посреди рѣки три раза раздался стонущій голосъ луна. Такъ называется одна гагара, водящаяся въ водахъ южныхъ штатовъ

Сѣверной Америки, особенно на Мисисипии. хозяинъ парохода не обратилъ большаго вниманія на крикъ птицы, обыкновенной на рѣкѣ, но Зелинда вздрогнула, какъ бы испугавшись при второмъ крикѣ и, задержавъ дыханіе, ожидала третьяго. Нѣсколько минутъ все было безмолвно, но затѣмъ снова раздались три грустные стона луна. Зелинда нагнулась черезъ бортъ и старалась проникнуть ночную темноту глазами, чтобы узнать, кто издаетъ такіе печальные звуки.

— Какъ жалобно кричитъ лунъ! замѣтилъ кормчій.

— Вѣрно пойдетъ дождь, отвѣчалъ хозяинъ, поглядывая на небо, на которомъ, повидимому, не было ни какого признака дурной погоды, потому что ни одно облачко не скрывало ярко блестящихъ звѣздъ.

Пароходъ приближался къ мели, и вступивъ въ болѣе тихія воды, поплылъ скорѣе. Лунъ стоналъ по-прежнему, но замолкъ, когда пароходъ подошелъ къ мели.

— Держать повыше, крикнулъ хозяинъ кормчему. Вотъ такъ, не то мы наѣхали бы на мель.

Пароходъ пошелъ очень скоро, потому что вдоль мели не было почти никакого теченія. Внезапно кормчій замѣтилъ, что въ водѣ чернѣется что-то похожее на лодку.

— Я ничего не могу разобрать! сказалъ хозяинъ, напрягая свое зрѣніе и перегибаясь черезъ бортъ. Приближающаяся къ намъ, лодка, должно быть, оторвалась. Жаль, что у насъ нѣтъ съ собою ялика, мы изловили бы ее. Ахъ, какъ досадно, вотъ ѣдутъ на катерѣ. Лодка достанется имъ. Мы даже не смѣемъ подъѣхать поближе, чтобы не сѣсть на мель.

Между тѣмъ пароходъ еще болѣе приблизился къ чернѣвшемуся предмету. Оказалось, что это дѣйствительно была лодка, но не пустая, а съ одинокимъ сѣдокомъ, который гребъ, очевидно, такъ, чтобы подойти къ пароходу. Въ то же мгновеніе раздался вблизи крикъ луна.

— Берегитесь, попадете подъ пароходъ, крикнулъ хозяинъ съ палубы гребцу, который совсѣмъ подплылъ къ судну, не обращая вниманія на предостереженіе.

— Зелинда! тихо произнесъ сѣдокъ съ лодки.

Въ то же мгновеніе дѣвушка соскочила къ Альфонсу въ объятія, но тотчасъ же отодвинулась отъ него, зная, какъ нужны теперь ему руки. Люди на палубѣ не имѣли времени опомниться, какъ лодка уже отплыла въ болѣе глубокое мѣсто рѣки.

— Держи! Стой! Помогите! — закричали хозяинъ и кормчій. Но, благодаря темнотѣ, лодка

скрылась, и только мѣрные удары веселъ указывали, по какому направленію уплывали бѣглецы.

— Чего тутъ кричатъ?—сказалъ докторъ, выходя съ другими пасажирами изъ каюты. Что тутъ за страшный шумъ?

— Ваша негритянка убѣжала! воскликнулъ хозяинъ.

— Какъ? убѣжала съ парохода? — заревѣлъ докторъ, подскочивъ къ хозяину. Послѣдній приказалъ повернуть пароходъ внизъ по рѣкѣ въ погоню за бѣглецами, и нѣсколькими словами объяснилъ доктору, въ чемъ дѣло. Яростно и съ проклятіями докторъ бросился къ кормчему, предложилъ ему 10 доллеровъ, если онъ догонитъ бѣглянку, и послѣ этого задумчиво сталъ расхаживать, размышляя, что́ онъ сдѣлаетъ съ преступниками, когда ихъ изловятъ, и какъ ему слѣдуетъ наказать ихъ. Мысли свои онъ сопровождалъ живыми тѣлодвиженіями и громкими восклицаніями. Бурный ходъ идей доктора прервалъ хозяинъ, который подошелъ къ нему, прося его замолчать, чтобы расслушать удары веселъ уплывающихъ.

Всѣ стали внимательно вслушиваться. Дѣйствительно, мѣрные, поспѣшные удары раздавались совершенно ясно. Но гребли не бѣглецы, а на другой лодкѣ, потому что удары раздава-

лись со стороны Байю-Сара. Наконецъ кормчій прервалъ молчаніе, сказавъ, что удары веселъ раздаются съ паруснаго судна.

— Въ такомъ случаѣ, попросимъ ихъ помочь намъ при преслѣдованіи.

Сложивъ руки воронкою, хозяинъ громко кликнулъ лодку. Уже при второмъ его призывѣ съ лодки отвѣчали. Пароходъ быстро подплылъ къ мели, держась отъ нея на разстояніи шаговъ полутораста, чтобы не наѣхать на нее. Находящіеся на палубѣ внимательно вглядывались въ пространство воды между пароходомъ и мелью. Весьма основательно можно было предполагать, что, пользуясь темнотою, бѣглецы скорѣе постараются уйти на сушѣ, нежели положатся на свои силы и поплывутъ посреди рѣки, гдѣ неминуемо попадутъ въ руки преслѣдователей, если ихъ замѣтятъ. Внезапно хозяинъ парохода схватилъ доктора за руку, и, указывая пальцемъ на мель, воскликнулъ:

— Вотъ они, въ самомъ дѣлѣ, вотъ они!..

— Гдѣ, гдѣ?—спросилъ докторъ, отыскивая темную лодку.

— Смотрите тамъ бѣлую точку, — отвѣчалъ хозяинъ.—Это платье дѣвушки.

Не говоря болѣе ни слова, онъ подскочилъ къ рулю, чтобы скорѣе направить судно опять вверхъ по рѣкѣ, къ бѣлой точкѣ. Альфонсъ

дѣйствительно подплылъ къ крутому берегу, полагая, что тамъ трудно его замѣтить. Онъ надѣялся, что пароходъ пройдетъ мимо него, послѣ чего намѣревался спуститься внизъ по рѣкѣ и такимъ образомъ избавиться отъ преслѣдованія.

— Теперь они не увернутся отъ насъ, сказалъ хозяинъ, убѣдившись, что бѣглецы въ самомъ дѣлѣ стоятъ у берега.

— Здѣсь вода глубока, и я думаю намъ можно подплыть къ самому берегу. Во всякомъ случаѣ, попытаемся!

Бѣглецы находились между тѣмъ въ весьма затруднительномъ положеніи, потому что плоскодонное судно дѣйствительно могло совершенно приблизиться къ нимъ. Въ эту рѣшительную минуту Альфонсъ не потерялъ присутствія духа. Быстрыми ударами веселъ онъ на разстояніи 50 шаговъ отъ своихъ преслѣдователей поплылъ прямо на нихъ, такъ что на пароходѣ уже надѣялись навѣрное схватить бѣглецовъ. Докторъ взялъ веревку, чтобы, какъ онъ выразился, перевязать проклятыхъ ниггеровъ. Но Альфонсъ неожиданно въѣхалъ въ полосу мелкой воды, между двумя узкими мелями.

Преслѣдователи, увлеченные рвеніемъ, пошли съ пароходомъ за бѣглецами, но черезъ нѣсколько мгновеній засѣли въ рѣчномъ руслѣ, и лодка успѣла скрыться въ темнотѣ.

Внезапно раздался по близости крикъ съ подплывающей лодки, которую уже прежде замѣтили съ парохода.

— Что вы такъ раскричались, произнесъ креолъ, сидящій въ лодкѣ. Не правда ли, вѣдь это вы, докторъ?

— Бове! воскликнулъ докторъ, васъ посылаетъ на помощь мнѣ само небо! Подъѣзжайте скорѣе сюда, и пустите меня къ себѣ въ лодку. Съ парохода сбѣжала моя негритянка съ бѣлымъ ниггеромъ, не далѣе какъ за три минуты. Они, должно быть, совсѣмъ близко отсюда; намъ надобно догнать ихъ.

— Скорѣе садитесь ко мнѣ, отвѣчалъ креолъ, подходя къ пароходу. Если мои ребята не застигнутъ бѣлаго мошенника въ десять минутъ, я всю жизнь не трону гумбо (*), а это было бы для меня такъ же тягостно, какъ вамъ отказаться отъ водки.

Докторъ, хозяинъ парохода и одинъ плантаторъ пересѣли въ лодку, которая съ неимовѣрною быстротою поплыла въ погоню за бѣглецами.

— Я слышу весельные удары, произнесъ хозяинъ парохода, приложивъ руку къ уху. Удары ясно раздаются прямо подъ этою звѣздою. Такъ,

---

*) Любимое кушанье креоловъ.

немного вправо, прибавилъ онъ, когда Бове измѣнилъ направленіе лодки по его указанію. Теперь мы скоро настигнемъ ихъ.

Альфонсъ былъ между тѣмъ также очень дѣятеленъ. Онъ гребъ изъ всѣхъ силъ, такъ что потъ катился у него съ лица градомъ. Онъ и Зелинда долго сидѣли молча. Наконецъ дѣвушка съ трепетомъ прошептала:

— Я выдала тебя, Альфонсъ. Мое бѣлое платье показало нашимъ преслѣдователямъ, куда мы скрылись. О, какъ я несчастна!

— Бѣдная моя Зелинда! отвѣчалъ въ утѣшеніе Альфонсъ, ни на мгновеніе не переставая гресть,— успокойся, мы все-таки уйдемъ отъ нихъ Еслибъ только не было лодки. Я слышалъ, какъ они перекликнулись съ нею. Намъ, пожалуй, придется выйти на берегъ и скрыться въ болотѣ Мнѣ не хотѣлось бы попасть имъ въ руки на водѣ. А между тѣмъ они слышатъ, куда мы ѣдемъ. Проклятыя весла, они такъ скрипятъ. Я уже слышу, какъ за нами гонится лодка. Жаль, что мнѣ не чѣмъ обвернуть весла, а каждое замедленіе увеличиваетъ нашу опасность.

— Мое платье насъ выдало, такъ пусть же оно и спасетъ насъ, сказала дѣвушка, улыбаясь сквозь слезы, отрывая полосы изъ своего платья и подкладывая ихъ подъ весла.

Тогда лодка стала скользить по водѣ безъ всякаго шума, и дѣвушка, молясь, стояла на колѣняхъ.

— Ахъ, они проклятыя собаки, воскликнулъ докторъ, когда гребцы на мгновеніе остановились, чтобы опять вслушаться въ затихшій шумъ веселъ.

— Вотъ тамъ плыветъ барка, продолжалъ докторъ: можетъ быть, съ нея замѣтили бѣглецовъ?

Когда убѣдились, что дѣйствительно болѣе нельзя разслышать весельныхъ ударовъ, лодка подплыла къ баркѣ. Докторъ поспѣшно спросилъ:

— Не видали вы лодки?

— Шаговъ сто отсюда мимо насъ прошла лодка съ однимъ гребцомъ.

— Куда?

— Болѣе къ берегу.

— Кто сидѣлъ въ ней?

— Не знаю, отвѣчалъ барочникъ. Вы ищете бѣглаго невольника?

— Да, да! воскликнулъ Бове. Почему вы знаете?

— Кажется, я догадался вѣрно. Мошенникъ обвернулъ весла тряпками,—это мнѣ тотчасъ показалось подозрительнымъ.

— Это они! крикнулъ докторъ. Ну, ребята, навалитесь!

Лодка стрѣлою понеслась къ берегу, куда дѣйствительно направился несчастный Альфонсъ, чтобы въ крайнемъ случаѣ скрыться въ лѣсу. Хозяинъ парохода̀ внимательно всматривался и внезапно вскочивъ, крикнулъ:

— Вотъ они, я вижу лодку!

— Отлично! ребята, не жалѣйте рукъ, а вы, хозяинъ, дайте мнѣ вашъ ножъ. Покажу я этому блѣдному ниггеру, что́ значитъ украсть въ Луизіанѣ невольницу!

Не говоря ни слова, хозяинъ вытащилъ длинный ножъ и подалъ его доктору, который поспѣшно схватилъ оружіе и принялся размахивать имъ.

Альфонсъ съ неимовѣрными усиліями плылъ отъ своихъ преслѣдователей; но когда услышалъ, что они опять приближаются къ нему, то постигнулъ, что долѣе грести не стоитъ, и потому онъ повернулъ къ берегу, въ надеждѣ достигнуть, въ темнотѣ, лѣса, гдѣ безъ собакъ человѣка нельзя найти. Но при напряженіи послѣднихъ силъ у него сломилось весло.

Бове и хозяинъ парохода тотчасъ поняли, что теперь бѣглецамъ уйти нельзя. Бове обратился къ доктору и просилъ его не убивать преступника. Но вотъ лодки столкнулись и разсерженный владѣлецъ негритянки перескочилъ, къ бѣглецамъ размахивая ножемъ.

Но ему недолго пришлось наслаждаться успѣхомъ. Альфонсъ, зная, что теперь болѣе нѣтъ никакой надежды, рѣшился не отдать себя живаго въ руки врагамъ. Схвативъ обломокъ весла, онъ вскочилъ на скамейку лодки и нанесъ доктору жестокій ударъ, отъ котораго послѣдній повалился на спину, выпустивъ изъ руки ножъ.

Бове, послѣдовавшій за докторомъ, раздѣлилъ бы его участь, если бы хозяинъ парохода, имѣвшій съ собою заряженный пистолетъ, не выстрѣлилъ въ Альфонса. Бѣдный молодой человѣкъ вздрогнулъ, упалъ, выпуская изъ руки обломокъ весла, простоналъ «Зелинда» и свалился въ воду.

— Альфонсъ! съ отчаяніемъ закричала дѣвушка раздирающимъ голосомъ и бросилась за тонущимъ. Но Бове во́-время еще схватилъ ее за платье и вмѣстѣ съ гребцами втащилъ обмершую въ лодку.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого случая, докторъ еще разъ былъ въ Байю Сара, но лишь на короткое время. Поспѣшно окончилъ онъ свои дѣла и готовился уѣхать въ Пуэнтъ-Купе. Онъ былъ блѣденъ и имѣлъ на лбу широкій, не совсѣмъ еще зажившій рубецъ. Когда онъ подошелъ къ берегу, чтобы занять мѣсто на перевозномъ пароходѣ, онъ услышалъ, что его зовутъ. Оборотившись, онъ увидѣлъ Густона.

— Каково вы поживаете, докторъ? спросилъ его молодой человѣкъ.—Что съ вашимъ лбомъ? Хватилъ же онъ васъ!

— Да, порядочно хватилъ. Свалилъ меня, какъ полѣно. Но собакѣ отплатили.

— Говорятъ, что онъ утонулъ, спросилъ Густонъ, посматривая на доктора.

— Чортъ его знаетъ, куда онъ дѣлся. Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, онъ твердо стоялъ на скамейкѣ и ударилъ меня весломъ, но отважный хозяинъ парохода..... Не ѣдете ли вы въ Пуэнтъ-Купе? внезапно прервалъ онъ самого себя.

— Ниггеры говорятъ, что хозяинъ застрѣлилъ его, замѣтилъ Густонъ, не обращая вниманія на вопросъ.

— Ниггеры ничего не знаютъ и не могутъ быть свидѣтелями въ судѣ. Впрочемъ, мнѣ жаль, что я въ тотъ вечеръ не принялъ вашего предложенія и не уступилъ вамъ дѣвушку.

— Развѣ вы не довольно ею? Я не отказываюсь отъ своего предложенія и теперь.

— Къ сожалѣнію, я далъ похоронить ее сегодня утромъ.

— Похоронить эту молодую, сильную дѣвушку?! съ изумленіемъ спросилъ Густонъ, отступая на шагъ отъ доктора.

— Не видалъ бы я лучше ее никогда, ни

долговязаго янки. Дѣвушка обошлась мнѣ довольно дорого. У меня эта чертовка сдѣлалась больною. Сначала я думалъ, что она притворяется и, по совѣту моей жены, велѣлъ поколотить ее. Она не пикнула. Затѣмъ я отправилъ ее въ больницу и поручилъ попеченію одной старухи. Мнѣ не хотѣлось лишиться дѣвушки, которая стоила по крайней мѣрѣ 500 доллеровъ. Но канальѣ вздумалось ничего не ѣсть и уморить себя голодомъ. Напрасно пытался я образумить и грозить жесточайшими наказаніями и даже приказалъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, ударить ее нѣсколько разъ. Она не сказала ни слова. Вчера я опять пошелъ къ ней и хотѣлъ испытать, не помогутъ ли болѣе сильныя угрозы и мѣры. Тогда она вскочила на постелѣ, наболтала всякія глупости объ Альфонсѣ, отцѣ и матери и повалилась мертвая.

— Жаль, очень жаль, что вы тогда не уступили ее мнѣ, отвѣчалъ Густонъ задумчиво и, простившись съ докторомъ, воротился въ Байю-Сару.

ОХОТА ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Однажды, въ февралѣ, при порядочномъ морозѣ, когда солнце еще не имѣло довольно силы, чтобы ослабить рѣзкость холоднаго воздуха, и даже на проточныхъ водахъ еще держался на краяхъ толстый ледъ, у источниковъ Спиритъ-Крика шли три человѣка по труднымъ горнымъ дорогамъ, какъ бы нарочно избирая самые крутые склоны и мѣста, гдѣ въ дикомъ безпорядкѣ лежали валуны и обломки скалъ.

Это были три охотника. Они шли на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ другъ отъ друга, внимательно вглядываясь въ землю и растенія. Внезапно крикъ одного изъ нихъ, индіянца (оба другіе были бѣлые), обратилъ на себя вниманіе его спутниковъ. Они спустились къ нему, такъ какъ онъ объяснилъ знаками, что ему удалось что-то найти. Индіянецъ былъ стройный человѣкъ, лѣтъ 30, очень крѣпкаго тѣлосложенія, судя по сильнымъ рукамъ, которыя нѣ-

сколько выглядывали изъ-подъ длиннаго шерстянаго одѣяла. На ногахъ онъ имѣлъ кожаные легины (штиблеты) и мокасины. Рубашка изъ тонкаго пестраго ситца держалась на тѣлѣ только поясомъ, потому что была на плечахъ въ лохмотьяхъ. Голова у индіянца была не покрыта, такъ что черные, гладкіе волосы висѣли на лбу и вискахъ, а лице не испачкано красками, какъ это водится у его соплеменниковъ, но съ естественнымъ мѣднобуромъ оттѣнкомъ. Въ блестящихъ глазахъ выражалась отвага. Чрезъ лѣвое плечо была перекинута винтовка, а за поясомъ находились подъ одѣяломъ ножъ, томагоукъ и жестянка.

Его спутники были одѣты подобнымъ же образомъ, но имѣли кожаные камзолы и носили шерстяныя одѣяла на спинѣ. Одинъ изъ нихъ былъ стройный молодой человѣкъ, по бѣлокурымъ волосамъ котораго было видно, что онъ обитатель сѣвера. Грубо сшитую шапку изъ енотоваго мѣха онъ плотно надѣлъ на голову; его товарищъ съ короткою винтовкою носилъ шерстяной вязаный колпакъ.

Всѣ трое, очевидно, привыкли карабкаться по крутому склону и вскорѣ добрались до индіянца, который, завернувшись въ одѣяло, ожидалъ ихъ приближенія. Когда къ нему подошли оба охотника, онъ опять вытащилъ руку изъ-подъ одѣяла и, указывая на объѣденные кусты, произнесъ:

— Медвѣдь любитъ сасафрасъ, потому что на немъ мягко спать, и когда настанетъ теплая погода, здѣсь будутъ слѣды къ тому ручью.

— А если звѣрь между тѣмъ увернется отъ насъ, Тесаке! замѣтилъ стройный охотникъ, внимательно разглядывая признаки близости мѣстопребыванія медвѣдя.—Но гдѣ же черный мишка? Здѣсь гдѣ нибудь долженъ быть по близости входъ въ его берлогу, а я все-таки не вижу пещеры.

— Вотъ! воскликнулъ индіянецъ, указывая на отверстіе, въ которое могъ пролѣзть только одинъ человѣкъ: оно вело въ отвѣсное углубленіе.

— Какъ же мы влѣземъ туда? спросилъ охотникъ, засунувъ голову въ отверстіе. Чортъ возьми! Кажется, оно очень глубоко.... Какъ тамъ темно!

При этомъ онъ бросилъ въ отверстіе камешекъ. Раздался плескъ.

— Тамъ вода? замѣтилъ англичанинъ, нагибаясь и вслушиваясь. — Будетъ футовъ 20 глубины?

— Право, у меня нѣтъ охоты лѣзть туда, даже еслибы тамъ находился самый жирный медвѣдь, отъѣвшійся желудями. Впрочемъ, тамъ вовсе не можетъ быть медвѣдя. Къ чему звѣрю занимать такое сырое мѣсто. Здѣсь вѣдь нѣтъ недостатка въ сухихъ логовищахъ.

— Медвѣдь хитеръ! замѣтилъ Тесаке; потомъ еще разъ бросилъ камень въ отверстіе и, вслушиваясь въ его ударъ, повторилъ: очень хитеръ! Онъ умѣетъ пріискать мѣсто, гдѣ лежать ему спокойно и сухо.... Но бѣлый человѣкъ глядитъ на облака, когда ему слѣдуетъ смотрѣть на землю... Развѣ онъ сломалъ сучекъ, на которомъ стоитъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — воскликнулъ Редгемъ, поднимая сухой сучекъ сасафраса у отверстія,— этотъ сучекъ вѣрно занесенъ сюда медвѣдемъ. Но звѣря оттуда не вытащишь цѣликомъ, если даже и удастся убить его, а чтобы достать медвѣдя, надобно спуститься въ берлогу.

Не говоря ни слова, Тесаке внимательно осмотрѣлся, подошелъ къ молодому дереву, стоящему шагахъ въ 50 выше мѣста, гдѣ они находились, и срубилъ его въ нѣсколько ударовъ томагаукомъ. Затѣмъ со ствола онъ обрубилъ сучья, оставивъ куски длиною въ нѣсколько дюймовъ. Такимъ образомъ устроилъ онъ лѣстницу, чтобы спуститься въ берлогу. Но стволъ былъ слишкомъ длиненъ и оттого пришлось отрубить на нижнемъ концѣ безъ сучьевъ кусокъ длиною въ сажень.

— Редгемъ, пойдете вы съ нами?—спросилъ Вернеръ, снимая одѣяло и сумку съ пулями и привязывая пороховницу. Дѣло будетъ, я думаю,

занимательное, и было бы жаль, еслибъ вамъ пришлось скучать здѣсь одному...

— Удовольствіе я предоставляю вамъ вполнѣ, отвѣчалъ Редгемъ, высѣкая огонь. Полѣзайте туда и принесите мнѣ къ ужину кусокъ медвѣжины, потому что я, въ самомъ дѣлѣ, голоденъ, и мы сегодня утромъ съѣли послѣдній кусокъ мяса. Я разведу между тѣмъ костеръ и буду сторожить у выхода.

Тесаке также сбросилъ одѣяло и досталъ изъ мѣшка короткую, толстую свѣчку, грубо смятую изъ сотоваго воска. Вернеръ также вынулъ изъ своего одѣяла свѣчку, но гораздо длиннѣе. Индіянецъ плотно подтянулъ поясъ, на которомъ висѣлъ кортикъ, и положилъ свое ружье къ разведенному между тѣмъ огню.

— Развѣ я одинъ только возьму съ собою ружье? спросилъ Вернеръ, когда увидѣлъ, что Тесаке собирается лѣзть въ пещеру безъ огнестрѣльнаго оружія.

— Ружье Тесаке длинно, а когда его заряжаютъ, то оно дѣлается длиннѣе еще 4 футами, отвѣчалъ индіянецъ.

— Правда, если эта пещера такъ же тѣсна, какъ та, въ которой мы были съ тобою въ послѣдній разъ, то намъ обоимъ нельзя будетъ заряжать ружье, смѣясь, замѣтилъ Вернеръ.—Такъ пойдемъ же, Тесаке, пойдемъ! Покажемъ на-

шему товарищу, что мы не боимся ни темноты, ни воды. Если медвѣдь тамъ, то къ вечеру мы добудемъ мяса, въ которомъ такъ нуждаемся.

При этихъ словахъ онъ, съ ружьемъ на плечѣ, хотѣлъ уже спуститься въ отверстіе, но Тесаке удержалъ его и сказалъ, покачивая головою и указывая на дуло ружья:

— У бѣлаго человѣка безопасный конецъ. Тесаке пойдетъ впередъ, и если мой братъ хочетъ помѣняться мѣстомъ внизу, онъ первый можетъ показать медвѣдю восковую свѣчку.

Не дожидаясь отвѣта, онъ спустился въ отверстіе и черезъ нѣсколько мгновеній исчезъ. Редгемъ едва имѣлъ время замѣтить ему:

— Смотрите, Вернеръ, не стрѣляйте, если не увѣрены, что попадете навѣрное, и помните, что пуля въ такой пещерѣ легко вылетаетъ, но очень трудно вложить въ дуло другую, особенно когда еще надобно возиться съ раненымъ звѣремъ.

Вернеръ кивнулъ головою, и весело сказалъ: «желаю вамъ много удовольствій», и также исчезъ въ темномъ отверстіи, обращая однако вниманіе, чтобы ружье не выстрѣлило само собою.

Оба охотника ловко пустились по стволу и Тесаке сталъ у края воды, которая оказалась не глубже 6 или 7 дюймовъ. Вернеръ стоялъ возлѣ него.

Оба разглядывали пещеру при тускломъ свѣтѣ зажженныхъ свѣчей. Она имѣла около 9 футовъ вышины и 16 до 18 футовъ ширины съ отверстіями на высотѣ 5 футовъ и внизу въ водѣ. При содѣйствіи Вернера, Тесаке взлѣзъ въ верхнее отверстіе, чтобы поискать тамъ слѣдовъ медвѣдя и другихъ звѣрей и узнать, заняли ли обитатели пещеры сухое или влажное отдѣленіе. Вернеръ долженъ былъ остаться, потому что безъ посторонней помощи и съ ружьемъ онъ не могъ взлѣзть въ высокое отверстіе. Послѣ продолжительнаго ожиданія, когда его начало уже трясти отъ холода, явился Тесаке у входа въ верхнее отдѣленіе и увѣрялъ, что оно такъ узко, что въ немъ нѣтъ мѣста для большаго медвѣдя, который очевидно предпочелъ влажный ходъ, ведущій, безъ сомнѣнія, въ какое-нибудь сухое мѣсто.

Этотъ входъ былъ, однако, очень непривлекателенъ, потому что имѣлъ вышины около 20 дюймовъ. Въ немъ, конечно, могъ лежать человѣкъ, но на днѣ его была вода, глубиною въ 5 или 7 дюймовъ, и въ самомъ ходѣ господствовалъ совершенный мракъ.

— Тамъ есть медвѣдь, сказалъ Тесаке, послѣ продолжительнаго молчанія и осмотра входа.— Хочетъ мой братъ напасть на звѣря, если не боится за свою жизнь? Теперь холодно, олень

ищетъ жолудей, а Редгемъ великій охотникъ, онъ навѣрное достанетъ мясо, прежде нежели будетъ полдень.

— Правда, Тесаке, сказалъ Вернеръ, задумчиво поглядывая на опасный и неудобный ходъ. Но мы уже на мѣстѣ и вѣроятно при терпѣніи убьемъ звѣря. Хочешь ты идти за мною, или будешь ждать меня. Я долженъ попытаться!

— Мой братъ отваженъ и можетъ идти на медвѣдя, но когда онъ оглянется, всегда увидитъ за собою глаза Тесаке, отвѣчалъ индіянецъ.

Не говоря ни слова, Вернеръ сталъ въ воду къ отверстію пещеры и принялся свѣтить въ нее. Казалось, тамъ не было никакихъ особенныхъ опасностей. Положивъ ружье на лѣвое плечо дуломъ впередъ и придерживая его лѣвою рукою, въ которой у него была зажженная свѣчка, охотникъ спустился на одинъ локоть и медленно влѣзъ въ узкое отверстіе. За нимъ послѣдовалъ Тесаке, которому безъ ружья ползти было удобнѣе. Голова Вернера и лѣвое плечо выдавались изъ воды; но, чтобы не замочить пороха, онъ долженъ былъ держать въ зубахъ шнурки пороховницы. Оба смѣльчака отважно ползли по мокрому темному пути. Дрожа отъ холода, они подвинулись такимъ образомъ шаговъ 30 или 40 впередъ и достигли сухой части пе-

щеры, которая здѣсь поднималась вверхъ и имѣла три отверстія. Тесаке вскочилъ тотчасъ на ноги, стряхивая съ себя воду, какъ собака. Затѣмъ принялся внимательно разглядывать мягкую землю, на которой было видно множество слѣдовъ. Послѣ осмотра, онъ, улыбаясь, обратился къ товарищу, который снялъ съ себя поясъ и выжималъ воду изъ мокрой своей рубашки и смотрѣлъ, въ порядкѣ ли его винтовка и не замочилась ли она.

— Охотники часто находили эту пещеру, но моего брата и Тесаке между ними не было. Они зажигали огонь у входа, но до сихъ поръ никто не приносилъ сюда искры. Они дѣлали, какъ волкъ, ходящій около мѣста, гдѣ спитъ охотникъ. Они замѣчали, что есть чѣмъ поживиться, но боялись идти дальше.

— Въ которой изъ трехъ пещеръ сидитъ звѣрь? спросилъ Вернеръ, надѣвая выжатую рубашку и поясъ съ ножемъ:—Всѣ пещеры походятъ одна на другую и всѣ равно неудобны.

Тесаке между тѣмъ продолжалъ осматриваться и наконецъ показалъ на широкіе слѣды у лѣваго отверстія, гдѣ были видны отпечатки лапъ, идущіе взадъ и впередъ. Опустивъ свѣчку, индіянецъ вымѣрилъ рукою слѣды, чтобы сообразить, какъ великъ медвѣдь.

— Вотъ!—произнесъ онъ, показывая Вернеру

растопыренными пальцами величину слѣда: онъ большой и тежелый, его лапы глубоко вдавились въ землю, и онъ вѣроятно спитъ.

Вернеръ между тѣмъ привелъ винтовку въ порядокъ и, для большей надежности выстрѣла, насадилъ новый пистонъ.

— Если онъ спитъ, отвѣчалъ Вернеръ, намъ легче будетъ справиться съ нимъ. Только трудно будетъ вытащить его на свѣтъ. Впрочемъ, намъ нечего терять времени. Редгему очень скучно, и мнѣ хотѣлось бы доставить ему къ ужину хорошій кусокъ медвѣжины.

— Къ ужину! замѣтилъ Тесаке улыбаясь. Нашъ братъ увидитъ, какъ взойдетъ солнце, и все еще будетъ подкладывать дрова въ огонь, поджидая насъ. Пещера узка, и мы должны будемъ много работать, чтобы вытащить изъ нея тяжелаго медвѣдя.

— Это плохо, проборматалъ Вернеръ, которому была весьма непріятна сырость одежды, повидимому, вовсе не замѣчаемая индіянцемъ. Но здѣсь нѣтъ другаго пути, какъ впередъ, а потому полѣземъ. Чѣмъ болѣе мы станемъ медлить, тѣмъ позднѣе кончимъ наше дѣло. Итакъ впередъ, Тесаке!

— Хочетъ бѣлый братъ дать мнѣ свое ружье и лѣзть за мною? спросилъ индіянецъ, останавливаясь.

— Нѣтъ, я вовсе не посылалъ тебя идти передъ собою. Я полѣзу впереди, мнѣ вовсе не страшно. Мнѣ непріятны теперь не опасеніе и страхъ, а вѣроятность немного долго попоститься. Итакъ, впередъ!

При этихъ словахъ онъ приблизился къ лѣвой пещерѣ и полѣзъ, приподнимая ружье и держа лѣвою рукою свѣчку. Тесаке, не возражая ни слова, слѣдовалъ за молодымъ человѣкомъ, повидимому довольный, что послѣдній самъ добровольно подвергался большей опасности.

Сначала пещера была достаточно просторна, такъ что охотники могли по крайней мѣрѣ ползти на колѣняхъ, но на разстояніи 50 шаговъ ходъ сталъ постепенно суживаться и наконецъ имѣлъ лишь около фута вышины, и широкоплечій Вернеръ едва могъ протѣсняться. Затѣмъ слѣдовала часть нѣсколькими дюймами шире; но здѣсь представилось неожиданное препятствіе. Хотя пещера продолжалась прямо внутрь горы, но въ этомъ мѣстѣ находилось колодцеобразное углубленіе, длиною футовъ въ 5 и неизвѣстной глубины, потому что Вернеръ, всунувъ въ разсѣлину свѣчку, увидѣлъ только непроницаемый мракъ.

— Что, мой братъ ужъ слышитъ медвѣдя? тихо спросилъ Тесаке, замѣтивъ, что Вернеръ остановился.

— Нѣтъ, но здѣсь глубокая разсѣлина. Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ она глубока, и я не придумаю, какъ это сдѣлать, потому что здѣсь нѣтъ ни одного камня.

— А есть у тебя пули въ мѣшкѣ? лаконически возразилъ индіянецъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Тесаке, о пуляхъ я и не подумалъ, отвѣчалъ Вернеръ. Пятью пулями я здѣсь не выстрѣлю.

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ своего мѣшечка пулю, которую бросилъ въ разсѣлину. Судя по плеску воды, разсѣлина имѣла футовъ 30 глубины. Этотъ результатъ былъ вовсе не утѣшителенъ.

— Плохо! произнесъ Вернеръ: если мы и переберемся на другую сторону, то какъ же мы перетащимъ звѣря? Въ самомъ дѣлѣ, я не знаю, что намъ дѣлать.

— Надобно идти впередъ, если только возможно. Трудно знать, какъ тяжела птица, когда она еще летитъ. Когда Тесаке увидитъ кровь убитаго звѣря, онъ будетъ знать, какъ его вытащить.

— Хорошо, сказалъ Вернеръ, но ты будешь отвѣчать, когда всѣ наши труды будутъ напрасны.

При этихъ словахъ, молодой человѣкъ повѣсилъ себѣ на шею винтовку и, упираясь локтемъ и колѣнями въ шероховатую стѣну пе-

щеры, повисъ надъ пропастью, въ которую свалился бы при малѣйшемъ ослабленіи силъ. Медленно подвигаясь впередъ, онъ достигъ противоположнаго края, или продолженія хода, который былъ столь узокъ, что ему едва можно было оборотиться. Не дожидаясь индіянца, онъ полѣзъ дальше по слѣдамъ, ясно отпечатлѣвшимся на довольно мягкой землѣ. Пройдя шаговъ сто дальше, онъ внезапно услышалъ слабый пискъ. Онъ сталъ вслушиваться; дѣйствительно, раздавался стонъ медвѣдя, сосущаго лапу.

— Тесаке,—прошепталъ Вернеръ, оборачивая голову,—я слышу медвѣдя.

Отвѣта не было, и Вернеръ видѣлъ за собою лишь непроницаемый мракъ.

— Тесаке! повторилъ онъ громче, полагая, что індіянецъ отсталъ отъ него. Но напрасно прислушивался Вернеръ къ отвѣту. Раздавались только отдаленные стоны медвѣдя посреди гробоваго безмолвія. Съ досадою Вернеръ легъ на бокъ отдохнуть и поразмыслить, идти ли ему впередъ одному, или воротиться, чтобы узнать, не случилось ли съ товарищемъ какого-либо несчастія.

— Гмъ! пробормоталъ онъ про себя. Еслибъ онъ упалъ въ пропасть, онъ крикнулъ бы, а если онъ остался на той сторонѣ, предоставивъ мнѣ одному возиться съ звѣремъ, то я

покажу ему, что мнѣ не нуженъ помощникъ при стрѣльбѣ. Въ крайнемъ случаѣ, медвѣдь меня только истерзаетъ.

Утѣшаясь такимъ выводомъ, Вернеръ полѣзъ впередъ и все болѣе приближался къ мѣсту, откуда раздавался стонъ.

Пещера была здѣсь менѣе тѣсна, но повсюду выдавались капельники, такъ что лазанье сдѣлалось довольно затруднительнымъ по причиняемой боли.

Въ этой части пещеры было также много летучихъ мышей, погрузившихся въ зимній сонъ. Когда свѣчка слишкомъ приближалась къ нимъ, онѣ издавали рѣзкіе шипящіе звуки. Но отважный охотникъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и хотѣлъ уже завернуть въ боковое углубленіе, гдѣ, полагалъ онъ, лежалъ медвѣдь, какъ увидѣлъ близъ себя большую гремучую змѣю, устремившую на него свои блестящіе глаза, которые она впрочемъ закрывала, потому вѣроятно, что ее ослѣплялъ яркій свѣтъ свѣчки. Притянувъ голову и быстро двигая раздвоеннымъ языкомъ, змѣя подняла хвостъ, причемъ раздались предостерегательные звуки гремушки.

Вернеръ невольно отодвинулся и не зналъ, на что ему рѣшиться. Хотя онъ и не боялся змѣи, но близость животнаго была весьма непріятна, тѣмъ болѣе, что онъ не смѣлъ стрѣлять,

такъ какъ въ тѣснотѣ нельзя было зарядить ружья. Въ то время, какъ онъ находился въ недоумѣніи, къ величайшему его удовольствію, вдругъ показалось мерцаніе свѣчки, а затѣмъ и самъ индіянецъ скоро приблизился къ нему и спросилъ, отчего онъ остановился. Вернеръ нѣсколькими словами объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Показываетъ она зубы? спросилъ Тесаке.

— Нѣтъ, но она гремѣла.

— Змѣя точно гончая на слѣду медвѣдя. Она шумитъ, но когда врагъ къ ней приблизится, она уходитъ. Мой братъ можетъ смѣло ползти мимо нея,—она закроетъ глаза и будетъ спать.

Вернеръ послушался его и очень неохотно, но осторожно поползъ, вытянувъ впередъ винтовку. Такимъ образомъ онъ приблизился къ змѣѣ, которая нѣсколько разъ открывала маленькіе свои глаза и загремѣла сильнѣе прежняго. Вернеръ совершенно подползъ къ ней, и, хотя прижался почти совершенно къ противоположной стѣнѣ пещеры, однако пространство было до того узко, что его рука почти касалась страшнаго врага. Вернеръ медленно поползъ дальше, но въ это мгновеніе змѣя, имѣя совсѣмъ подлѣ себя огонь, широко раскрыла пасть и готовилась скакнуть и вцѣпиться въ смѣльчака своими бѣлыми ядовитыми зубами.

Съ отчаяніемъ Вернеръ вытащилъ изъ-за пояса

ножъ, но въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ, что Тесаке схватилъ его за бедро, и увидѣлъ, какъ топоръ индіянца съ быстротою молніи разсѣкъ змѣю, которая стала извиваться плавая въ крови.

Теперь Вернеръ, конечно, зналъ, что опасности нѣтъ, но тѣмъ не менѣе онъ вздрогнулъ отъ ужаса, когда змѣя, судорожно извиваясь, коснулась его лица. Тесаке между тѣмъ спокойно схватилъ тѣло змѣи и отрѣзалъ гремучки, которыя прицѣпилъ себѣ къ поясу.

Послѣ этого Вернеръ хотѣлъ ползти дальше, но Тесаке удержалъ его и шепнулъ:

— Стой!—я болѣе не слышу писка; медвѣдь проснулся и открылъ глаза. Если онъ почуетъ насъ, онъ заворчитъ. Но вѣтеръ уноситъ дымъ свѣчей назадъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Вернеръ,—звѣрь вѣрно проснулся и не очень обрадуется освѣщенію пещеры. Проклятая змѣя до того отвлекла мое вниманіе, что я позабылъ о медвѣдѣ. Когда ты.....

— Тс!—шепнулъ индіянецъ, поднимая руку; я слышу звѣря....онъ очень безпокоится.

Оба охотника нѣсколько минутъ вслушивались, но въ пещерѣ царствовало совершенное безмолвіе. Вернеръ осмотрѣлъ винтовку, увѣрился, что пистонъ насаженъ совершенно

хорошо, стеръ со ствола глину и опять полѣзъ дальше.

Вскорѣ раздалось ворчаніе, и посреди мрака показалась черная фигура медвѣдя, котораго глаза блестѣли, какъ раскаленные угли, отражая свѣтъ свѣчекъ. Онъ ворчалъ и нюхалъ, стараясь опредѣлить, какого рода посѣтители зашли въ его пещеру. Хотя воздухъ текъ отъ него, и ему нельзя было учуять совершенно ясно, однако враги были слишкомъ близки, и животное поняло, что находится въ опасности, почему и ушло въ глубину пещеры, прежде нежели Вернеръ успѣлъ вѣрно прицѣлиться въ подвижную голову звѣря.

Оба охотника знали, что настала пора дѣйствовать рѣшительно, и, не говоря ни слова, двигались впередъ по шероховатой землѣ за уходящимъ звѣремъ, котораго вскорѣ и настигли. Къ величайшему своему ужасу, Вернеръ увидѣлъ, что животное засѣло въ самомъ концѣ пещеры, довольно впрочемъ просторной, чтобы стоять въ ней на колѣняхъ, но не представляющей медвѣдю никакого другаго пути спасенія, какъ по тѣсному проходу, занятому имъ и индіянцемъ.

— Уа! воскликнулъ Тесаке, привставъ возлѣ Вернера, который мѣтился въ безпокойно движущееся животное.—Уа! здѣсь очень удобный виг-

вамъ, но плохое мѣсто для драки съ медвѣдемъ.

Замѣтивъ, что Вернеръ цѣлится въ голову звѣря, Тесаке шепнулъ ему: «Не стрѣляй въ голову! Если промахнешься, мы оба пропали.... Звѣрь ни на минуту не держится спокойно. Прицѣлься въ грудную кость, если пуля и не попадетъ въ сердце, рана все-таки будетъ смертельна, животное скорчится, и намъ тогда нечего бояться его.... Но постой, я заставлю медвѣдя быть смирнѣе, а бѣлый братъ пусть тогда скорѣе прицѣлится и попадетъ хорошенько!»

Едва Тесаке сказалъ это, какъ принялся, очень удачно подражать крику молодаго оленя. Медвѣдь сталъ вслушиваться въ неожиданный крикъ. Въ то же мгновеніе въ тѣсной пещерѣ раздался громъ выстрѣла. Какъ пораженный электрическимъ ударомъ и прежде нежели вышелъ весь дымъ изъ дула, медвѣдь бросился на стрѣлка, который даже не успѣлъ выпустить изъ рукъ винтовки и схватить ножъ. Опрокинутый грузомъ медвѣдя, Вернеръ ударился головою объ стѣну и лишился чувствъ.

Тесаке между тѣмъ лежалъ на брюхѣ съ ножемъ въ рукахъ, во́-время замѣтивъ скачекъ звѣря и догадываясь, что онъ вовсе не хотѣлъ напасть, а только спастись. Въ то мгновеніе

когда медвѣдь пробѣжалъ по немъ, онъ вонзилъ ему въ животъ острый ножъ.

Оглушенный Вернеръ очнулся, но не могъ тотчасъ сообразить своего положенія, потому что въ пещерѣ было совсѣмъ темно. Наконецъ онъ услыхалъ ударъ стали о камень, и, вспомнивъ, гдѣ находится, произнесъ:

— Тесаке, гдѣ наши свѣчи?

— Если медвѣдь не взялъ ихъ съ собою, то онѣ должны лежать возлѣ насъ, коротко отвѣчалъ индіянецъ. Но у меня мокро, и я чувствую вкусъ крови. Ударъ Тесаке вѣренъ и медвѣдь не воротится посмотрѣть, лежатъ ли враги въ пещерѣ.

Между тѣмъ Тесаке раздулъ трутъ и зажегъ свѣчку. Охотники осмотрѣли мѣсто, гдѣ лежалъ медвѣдь, и увидѣли тамъ большія капли черной крови. Кромѣ того, кровь была разбрызгана по всей пещерѣ. Вернеръ хотѣлъ снова зарядить винтовку, но Тесаке удержалъ его, говоря:

— Выстрѣлъ былъ хорошъ, и хотя крови не потекло довольно тотчасъ послѣ выстрѣла, но я вѣдь порядочно ранилъ звѣря ножемъ. Намъ не нужно далеко искать медвѣдя.

— Къ чему ты потушилъ свѣчку, Тесаке? Кажется, здѣсь не слишкомъ свѣтло.

— Знаетъ ли братъ мой, какъ долго мы оста-

немся въ пещерѣ, если медвѣдь лежитъ въ узкомъ проходѣ передъ пропастью? Бѣлый у огня увидитъ, какъ покажется и уйдетъ солнце, прежде нежели мы воротимся къ нему.

— Это скверно! Объ этомъ я вовсе и не подумалъ! воскликнулъ Вернеръ:—Если медвѣдь засѣлъ въ тѣсномъ проходѣ, мы тутъ заперты. Уже и теперь мнѣ кажется, что здѣсь душно. Полѣземъ скорѣе, Тесаке, мнѣ какъ-то тяжело на душѣ и хочется поскорѣе узнать, въ какомъ мы положеніи.

Не говоря болѣе ни слова, охотники поползли по проходу, не встрѣтивъ на пути медвѣдя; только куски спекшейся крови указывали, что тяжело раненое животное имѣло еще довольно силъ, чтобы ползти дальше.

— Было бы досадно, пробормоталъ Вернеръ, если медвѣдь провалился въ пропасть. Тогда пропали наши труды.... У меня нѣтъ никакой охоты спускаться за звѣремъ.

— Уа! воскликнулъ Тесаке, посмотрѣвъ въ пропасть и затѣмъ взглянувъ на продолженіе хода на другой сторонѣ.

— Чтó? медвѣдь внизу? поспѣшно спросилъ нѣмецъ.

— Я былъ бы очень радъ, еслибы онъ лежалъ внизу, проборматалъ индіянецъ:—Наши свѣчки

сгорятъ, и мы умремъ тутъ голодною смертью, потому что не вылѣземъ изъ пещеры.

— Что же мѣшаетъ намъ ползти дальше? спросилъ испуганный Вернеръ, стараясь протѣсниться возлѣ индіянца, чтобы узнать причину страха Тесаке.

Индіянецъ прижался въ сторону и, свѣтя огаркомъ, сказалъ:

— Вотъ пропасть, а гдѣ выходъ?

Даже спокойный нѣмецъ съ ужасомъ застоналъ, когда увидѣлъ, что выходъ на другой сторонѣ совсѣмъ закрытъ медвѣдемъ, вѣроятно, издохшимъ. Проложить себѣ путь охотники очевидно не могли, потому что возлѣ медвѣдя не было никакого выступа, за который можно было бы удержаться рукою.

Наконецъ Вернеръ прервалъ тягостное молчаніе.

— Здѣсь намъ, сложа руки, сидѣть нельзя; на помощь Редгема разсчитывать мы тоже не можемъ, потому что у него нѣтъ свѣчки, а безъ нея онъ не найдетъ къ намъ дороги, особенно въ проходѣ съ водою. Допустимъ даже, что ему предстояло бы спасти шестерыхъ, то его и тутъ нельзя осудить, если онъ не полѣзетъ сюда безъ свѣчки.... Мнѣ и со свѣчкой было страшно. Наше положеніе становится здѣсь каждую минуту опаснѣе, потому что наши свѣчки сгараютъ. Попы-

таемся же, съ Богомъ! Если я не смогу протѣсниться возлѣ медвѣдя и свалюсь въ пропасть, тогда конечно, дѣло плохо, и мы будемъ погребены заживо; если же мнѣ удастся пролѣзть, то я постараюсь сдвинуть звѣря.

Индіянецъ не отвѣчалъ ни слова, а Вернеръ положилъ на землю винтовку и пороховницу и снялъ мокрые леггины, чтобы ничто не стѣсняло его движеній. Опираясь по-прежнему въ стѣны локтемъ и колѣнями, онъ повисъ надъ пропастью и въ нѣсколько минутъ добрался до другой стороны. Тщетно старался онъ сдвинуть тяжелый трупъ звѣря, чтобы протѣсниться въ проходъ. Чудовище неподвижно запирало отверстіе и даже мертвое грозило отмстить своимъ убійцамъ. Напрягая всѣ силы, дарованныя ему природою и смертнымъ страхомъ, онъ въ послѣдній разъ наперъ правою рукою, а лѣвою въ тоже время держался, чтобы не свалиться. Внезапно правая нога у него соскользнула съ выступа камня. Лишившись точки опоры, Вернеръ свалился бы въ пропасть, еслибъ не успѣлъ ухватиться за край скалы.

Но это только задержало паденіе, потому что черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ свалиться, по невозможности держаться долѣе. Тесаке быстро постигъ всю опасность положенія своего товарища и крикнулъ, чтобы онъ потерпѣлъ

минуту, потому что есть надежда на спасеніе. Поставивъ свѣчку на край пропасти, онъ сталъ обходить край ея задомъ. Ему удалось втиснуть ноги въ бокъ медвѣдя и такимъ образомъ предохранить себя отъ паденія въ разсѣлину. Съ отчаяннымъ напряженіемъ силъ онъ старался протиснуть свое тѣло, болѣе тонкое, нежели у нѣмца, между стѣною прохода и медвѣдемъ. Пещера была непомѣрно тѣсна, а звѣрь очень толстъ. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько минутъ послѣ неимовѣрныхъ усилій, онъ протѣснился до другой стороны медвѣдя. Но и здѣсь трудно было сдвинуть медвѣдя, тѣмъ болѣе, что Тесаке не могъ отдохнуть, не обрекая товарища вѣрной смерти. Но тутъ ему много помогли выступы капельника. Опираясь въ нихъ ногами, онъ сталъ тащить къ себѣ грузное животное. Потъ катился съ него градомъ, и когда онъ остановился, чтобы перевести духъ, то услышалъ слабый голосъ Вернера, который увѣрялъ, что не выдержитъ и полуминуты.

— Погоди, Вернеръ! — закричалъ Тесаке, — медвѣдь двигается, и мой братъ вскорѣ будетъ дышать свободно.

Индіянецъ снова напрягъ силы, чтобы сдвинуть звѣря. Вотъ онъ подался, подвинулся еще немного и вошелъ въ пещеру на столько,

что освободился край пропасти. Съ быстротою молніи Тесаке проскользнулъ назадъ мимо медвѣдя и схватилъ Вернера за руку.

— Приподнимись, чтобы я могъ взять тебя за поясъ, — сказалъ индіянецъ. Но нѣмецъ совсѣмъ истощился и могъ только пробормотать: Не могу.... Я долженъ спуститься.

Дѣйствительно, Тесаке видѣлъ, что его товарищъ лишился силъ. Не теряя ни мгновенія, индіянецъ выпустилъ руку Вернера, поспѣшно прорѣзалъ въ шкурѣ медвѣдя дырку, ухватился за нее лѣвою рукою, наклонился и взялъ Вернера за поясъ. Едва послѣдній почувствовалъ облегченіе груза своего тѣла, висѣвшаго на рукѣ, какъ сдѣлалъ еще усиліе и, при содѣйствіи индіянца, легъ туловищемъ на край пещеры. Въ этомъ положеніи онъ могъ по крайней мѣрѣ отдохнуть, не опасаясь свалиться въ пропасть. Тесаке между тѣмъ снова принялся тащить медвѣдя; наконецъ его усилія увѣнчались успѣхомъ, и Вернеръ могъ пролѣзть въ пещеру. Оба охотника устали непомѣрно, въ особенности нѣмецъ. Послѣдній даже отъ тѣлеснаго напряженія и отъ смертельнаго страха до того изнемогъ, что тотчасъ, какъ только пролѣзъ въ пещеру, упалъ и съ полчаса почти безъ памяти пролежалъ возлѣ Тесаке. Индіянецъ же оправился скорѣе товарища и сталъ ободрять

его, уговаривая не поддаваться чувству усталости.

— Нашъ путь длиненъ, и мой братъ недолго вытерпитъ голодъ.... Станемъ ѣсть сырое мясо. Передъ пещерою горитъ свѣтлый огонь и тамъ въ теплѣ можно отдохнуть. Здѣсь сыро и скоро будетъ совсѣмъ темно, потому что свѣчки догараютъ!

Вернеръ очень хорошо понималъ, что медлить нечего, потому что, можетъ быть, имъ придется лѣзть по темнымъ извилинамъ пещеры безъ свѣта. Но при этой мысли онъ ободрился и оба соединенными силами потащили грузнаго звѣря. Тесаке тащилъ медвѣдя спереди, а Вернеръ толкалъ его сзади. Такимъ образомъ они оттащили медвѣдя въ болѣе широкую часть пещеры, гдѣ могли сидѣть.

Здѣсь индіанецъ покинулъ бѣлаго, который болѣе его нуждался въ отдохновеніи, и полѣзъ обратно къ пропасти за одеждою, оружіемъ и свѣчкою. Отъ послѣдней остался лишь коротенькій огарокъ, а потому Тесаке поспѣшно воротился къ Вернеру, чтобы приняться за перетаскиваніе убитаго звѣря изъ тѣсной пещеры.

Вернеръ предложилъ снять съ медвѣдя шкуру и взять съ собою только бедра и ребра его, завернувъ ихъ въ шкуру; но Тесаке весьма основательно замѣтилъ, что въ такой тѣсной пещерѣ

снятіе шкуры займетъ столько же времени, какъ и перетаскиваніе животнаго цѣликомъ.

— Мой братъ увидитъ, какъ легко мы вытащимъ медвѣдя, и скажетъ: Тесаке правъ,— возразилъ индіянецъ. И, не теряя времени на дальнѣйшія разсужденія, оба тотчасъ принялись за дѣло, какъ только Вернеръ надѣлъ леггины.

Медленно, очень медленно они двигались впередъ и добрались до болѣе широкаго мѣста, а затѣмъ и до прохода съ водою.

До этого мѣста свѣчка горѣла, но тутъ она вспыхнула въ послѣдній разъ и погасла. Охотниковъ окружилъ совершенный мракъ, и нѣсколько минутъ они молчали. Первый заговорилъ Тесаке:

— Хорошо, намъ все-таки пришлось бы оставить свѣчку, потому что у моего брата не три руки, чтобы двумя тащить медвѣдя, а третьею держать свѣчку. Возьмемся за работу.

— Послушай, Тесаке, здѣсь въ темнотѣ лежать въ водѣ, право, не совсѣмъ пріятно!—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Вернеръ.

— Развѣ мой братъ разсуждалъ, когда онъ едва не свалился въ пропасть? спросилъ индіянецъ.

— Разсуждалъ? Было ли тогда время разсуждать! со смѣхомъ отвѣчалъ Вернеръ:—Что же мнѣ было дѣлать?

— Что же братъ мой хочетъ дѣлать теперь: уши мои открыты и слушаютъ бѣлаго.

— Ты правъ, Тесаке, отвѣчалъ Вернеръ, правъ теперь, какъ и всегда. Я вполнѣ покоряюсь тебѣ. Мы, однако, должны ползти внимательно, чтобы не сбиться съ пути.

— Пещера совсѣмъ пряма, возразилъ индіянецъ; мы никакъ не ошибемся и скоро будемъ у огня нашего бѣлаго товарища.

Вернеръ полѣзъ впередъ ощупью, и вмѣстѣ съ Тесаке потащили звѣря въ воду.

Положеніе охотниковъ въ тѣсномъ проходѣ, до двухъ третей занятомъ водою, было незавидно. Но оба они привыкли къ невзгодамъ и опасностямъ въ лѣсу, и оттого безъ ропота стали подвигаться впередъ.

Хотя по водѣ ползти было непріятно, но медвѣдь тащился въ ней гораздо легче, и потому черезъ четверть часа охотники добрались уже до мѣста, куда сверху проникалъ дневной свѣтъ и гдѣ стояла жердь, служившая имъ лѣстницею.

— Эй!—закричалъ Вернеръ, держа руки передъ ртомъ воронкою. — Эй, Редгемъ!

Черезъ минуту отверстіе затемнилось и раздался радостный голосъ Редгема:

— Какъ я радъ, что вы наконецъ воротились. Я уже думалъ, что вы остались тамъ жить.

— Мы не были тамъ даже ни одной минуты

больше, чѣмъ было нужно, отвѣчалъ Вернеръ, взбираясь по стволу съ ловкостью кошки.

Когда онъ опять былъ подъ открытымъ небомъ, то съ удивленіемъ увидѣлъ у костра пять залѣсниковъ и лошадей. Собаки залаяли, и люди вскочили, чтобы привѣтствовать охотника, вылѣзающаго изъ пещеры.

Онъ поспѣшно выскочилъ изъ темной пещеры и радостно дохнулъ свѣжимъ воздухомъ. Тесаке вылѣзъ вслѣдъ за Вернеромъ. Всѣ американцы, сидѣвшіе у огня, окружили смѣльчаковъ, дружески пожимали имъ руки и разспрашивали, какъ они охотились въ пещерѣ, тѣмъ болѣе, что Вернеръ и индіянецъ были залиты кровью. Молодой нѣмецъ спокойно поднялся на цыпочки и, увидѣвъ отлично жарившіеся куски оленины и индѣйки, отодвинулъ окружающихъ его людей, сѣлъ у огня, срѣзалъ ножомъ кусокъ мяса и принялся утолять мучившій его голодъ. На всѣ вопросы онъ не отвѣчалъ ни слова.

Присутствующіе, смѣясь, послѣдовали его примѣру, и черезъ полчаса все жаркое исчезло, по чему на свѣжую палку насадили для жаренія новые куски мяса. Тогда только у Вернера развязался языкъ, и, попивая кофе, сваренный для него Редгемомъ, онъ принялся разсказывать объ опасностяхъ, которымъ подвергался въ пещерѣ, и о томъ, какъ Тесаке два раза

спасъ ему жизнь. При этомъ онъ пожалъ засаленную руку индіянца, который самодовольно глодалъ возлѣ него кости индѣйки.

— Тесаке, сказалъ Вернеръ,—ты обязалъ меня навѣки, и будетъ не моя вина, если я не отплачу тебѣ подобною же услугою.

— Мой братъ говоритъ хорошо, отвѣчалъ краснокожій, освобождая свою руку изъ руки Вернера и продолжая прежнее занятіе:—Мы съ тобою не въ первый и вѣрно не въ послѣдній разъ. Гдѣ Тесаке расположится на ночлегъ, крыша изъ коры будетъ закрывать отъ дождя двухъ человѣкъ. Тесаке и бѣлый его братъ будутъ неразлучны.

— Хватило ли у васъ свѣчей? спросилъ Редгемъ: вѣдь вы пробыли въ пещерѣ 18 часовъ.

— Нѣтъ, онѣ у насъ сгорѣли, и намъ пришлось ползти въ темнотѣ и по водѣ. Бррръ!... меня и теперь деретъ морозъ по кожѣ при одной мысли, что надобно лѣзть туда еще разъ за винтовкою.

— А медвѣдь у входа? спросилъ одинъ изъ охотниковъ.

— Онъ лежитъ у самаго ствола, опущеннаго въ пещеру.

— Чтó же мы сидимъ тутъ и зѣваемъ, — воскликнулъ одинъ изъ залѣсниковъ, — когда

возлѣ насъ лежитъ отличная медвѣжина: мы всѣ поможемъ.

При этихъ словахъ онъ вскочилъ и снялъ съ шеи лошади, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ, длинную веревку, которою она была привязана.

— Вернеръ, продолжалъ онъ, пусть спустится и перевяжетъ тѣло медвѣдя.... Вѣдь онъ ужъ промокъ... а пока онъ сходитъ за ружьемъ, мы вытащимъ мишку!..

— Хорошо, отвѣчалъ Вернеръ; но нѣтъ ли у кого свѣчки? Мнѣ было бы пріятно прогуляться по пещерѣ при свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что я не знаю, найду ли въ темнотѣ отверстіе.

— Вотъ свѣчка,—сказалъ одинъ изъ прибывшихъ залѣсниковъ, вынимая ее изъ своего одѣяла, и если вамъ пріятно сообщество, то я буду сопутствовать вамъ.

— Благодарю, благодарю! произнесъ Вернеръ, подходя съ зажженною свѣчкою къ пещерѣ:—это излишне, вы промокнете напрасно. Идти не далеко.. Бросьте мнѣ веревку....

При этихъ словахъ онъ исчезъ въ тѣсномъ отверстіи и вскорѣ подалъ знакъ къ подниманію. Но Тесаке боялся, что медвѣдь оборвется на одной веревкѣ, и оттого спустилъ другую, прося Вернера привязать ее къ переднимъ лапамъ звѣря. Соединенными силами и при ободрительныхъ кликахъ, охотники съ

трудомъ вытащили медвѣдя, котораго съ лаемъ привѣтствовали собаки. Послѣ того опять спустили вынутую импровизированную лѣстницу, по которой вскорѣ взлѣзъ Вернеръ съ винтовкою. На ярко пылающемъ огнѣ принялись жарить вырѣзанныя части медвѣдя, мясо котораго было слабымъ вознагражденіемъ за опасности, перенесенныя отважными охотниками. Оба они единогласно говорили, что если въ пещерѣ будутъ двадцать медвѣдей, они не полѣзутъ туда болѣе, и индіянецъ весьма вѣрно замѣтилъ: «Слишкомъ много труда и мало мяса.»

ШКОЛА ВЪ ДРЕМУЧЕМЪ ЛѢСУ.

Школы и дремучій лѣсъ, собственно говоря,— понятія очень противоположныя. Мрачно и дико шумящія вершины деревъ и изученіе предметовъ, всего менѣе примѣнимыхъ подъ ихъ сѣнью, кажется, вовсе не могутъ быть соединены. Но жизнь въ лѣсу напоминаетъ басню о деревѣ, которое позволило человѣку взять съ себя кусокъ для топорища, и которое позднѣе должно было отдать себя совсѣмъ и пасть подъ ударомъ топора. Нѣчто въ родѣ того происходитъ въ дремучемъ лѣсу со школами. Тамъ также изъ ничтожныхъ началъ постепенно развивается нѣчто великое. Сначала въ грубо построенныхъ хижинахъ, въ тѣни и подъ кровомъ дикой природы, собираются дѣти и молодые люди изъ одинокихъ жилищъ охотниковъ и поселеній.

Способности юныхъ жителей лѣса возрастаютъ, вскорѣ имъ становится слишкомъ тѣсно подъ

окружающими ихъ исполинскими стволами. Дерево свергается за деревомъ, въ лѣсу образуются поляны, землю разрабатываютъ, на воздѣланной почвѣ возникаютъ фермы и города, и тяжело нагруженныя повозки движутся со скрипомъ тамъ, гдѣ недавно еще совершенно спокойно лежали медвѣди и гдѣ лѣсное безмолвіе не нарушали никакіе звуки, кромѣ крика барсовъ и страшныхъ вздоховъ совы.

Нельзя отрицать грустной истины, что за поэзіей жизни слѣдуетъ сухая, серіозная проза; за веселою юностью—старость со всѣми ея заботами; за пестрыми, блестящими, воздушными за́мками ребенка—мрачное, холодное строеніе возмужалаго; за свободною, беззаботною жизнью въ лѣсу—плугъ и борона земледѣльца и душныя комнаты ученаго и купца. Говорятъ, что міръ улучшается, и что плоды просвѣщенія выражаются волнующимися нивами и мирно взвивающимся дымомъ хижинъ земледѣльца, цвѣтущими городами и оживленными проѣзжими дорогами, которыя проходятъ между зеленѣющимися изгородями и плодовыми деревьями. Но при всемъ томъ, природа груститъ. Задушающій дымъ клубится изъ тысячи фабричныхъ трубъ и стелется смертоносно на зеленый дернъ, пыль большой дороги покрываетъ листья и цвѣты, а изсохшая, разстрескавшаяся земля

лишается прохладной тѣни лѣсовъ и болѣе не освѣжается росою.

Міръ просвѣщенъ и достигаетъ, конечно, своей цѣли усовершенствованія. Такъ говорятъ бѣлые, но индіянецъ молча завертывается въ свое одѣяло и грустно смотритъ на просвѣщеніе, которое уничтожило его родину и разрушило все дорогое для него: онъ смотритъ и умираетъ безнадежно.

Впрочемъ, я высказываю здѣсь мысли, которыя въ Европѣ едва ли найдутъ сочувствіе. Тамъ міръ просвѣщенъ и онъ неизвѣстенъ въ другой формѣ, тамъ всѣ сознаютъ только одно стремленіе, что, можетъ быть, совсѣмъ хорошо. Дикая жизнь должна уступить мѣсто просвѣщенію, грубая сила высшему уму. Оттого оставы индіянцевъ вмѣстѣ съ дремучимъ лѣсомъ увеличиваютъ плодородіе полей бѣлаго.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки такое измѣненіе совершается съ изумительною быстротою, какъ пожаръ, который тысячью языковъ пламени распространяется во всѣ стороны. Просвѣщеніе и культура проникаютъ на сѣверъ, западъ и югъ сквозь дремучіе лѣса и даже въ вигвамы первобытныхъ жителей, и являются цвѣтущія плантаціи, церкви, школы передъ глазами изумленныхъ индіянцевъ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ повсюду

назначаетъ въ пользу воспитанія дѣтей шестнадцатую часть тауншипа (640 акровъ). Эта земля называется школьною, и доставляемый ею доходъ поступаетъ на содержаніе училищъ и учителей. Въ западныхъ штатахъ или въ такъ называемыхъ заднихъ лѣсахъ (backwoods) такая земля имѣетъ ничтожное значеніе. Она состоитъ или изъ превосходной почвы или изъ очень плохой, и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ на ней можетъ быть выстроенъ небольшой бревенчатый домъ для школы. Въ этомъ домѣ школьный учитель учитъ не болѣе одного или двухъ лѣтъ, а иногда только одно время года, зимою, обрабатываетъ небольшой участокъ земли, на которомъ разводитъ картофель или маисъ, и если слѣдующій затѣмъ учитель не захочетъ заботиться объ этой землѣ, то она заростаетъ травою, и приходитъ въ прежнее природное состояніе. Лѣсопромышленикамъ строго запрещено срубать въ такой землѣ деревья.

Тамъ, гдѣ поселенцы живутъ одиноко безъ сосѣдей, какъ напримѣръ въ болотахъ восточной части Арканзаса и Миссури, гдѣ надобно идти иногда верстъ 20, 30 и болѣе, чтобы найти слѣды человѣческой дѣятельности, въ такихъ мѣстностяхъ дѣтямъ, конечно, невозможно ходить въ школу. Мальчики шляются по лѣсу, охотятся и ловятъ рыбу, а дѣвочки остаются при мате-

рахъ и прядутъ хлопчатую бумагу, принесенную отцемъ изъ ближайшаго городка или выращенную на большемъ полѣ подлѣ дома. Когда же домы поселенцевъ лежатъ только на разстояніи шести или десяти верстъ, фермеры начинаютъ помышлять о школьномъ учителѣ. Обыкновенно кому-нибудь изъ нихъ удается завербовать странствующаго янки или нѣмца, который полагаетъ основаніе просвѣщенію лѣснаго юношества.

Когда есть учитель, является необходимость построить для школы домъ, въ постройкѣ котораго учитель дѣятельно помогаетъ жителямъ лѣса. Они въ нѣсколько дней возводятъ хижину съ крышею и дверями. Каминъ тамъ, конечно, въ первобытномъ состояніи, а пола вовсе нѣтъ, потому что домъ этотъ только школа, въ которой полъ не важенъ.

Если жители области, гдѣ дѣти должны учиться вмѣстѣ, считаютъ обязанностью испытать человѣка, намѣреннаго просвѣтить молодыхъ американцевъ, они подвергаютъ его экзамену, при чемъ ему задаютъ затруднительные вопросы изъ грамматики и исторіи Америки. Кромѣ того, ему даютъ прочитать по складамъ отборныя длинныя слова въ пять и шесть слоговъ. Если онъ отвѣтитъ на всѣ вопросы удовлетворительно и умѣетъ писать (все равно красиво или нѣтъ) очень скоро и мелко, слава его утвердилась, и

фермеры соглашаются, что онъ knows a heap (знаетъ кучу), или, другими словами, что онъ очень толковый и образованный человѣкъ. Ученье начинается со слѣдующаго понедѣльника.

Съ этого времени учитель человѣкъ бездомный, потому что переходитъ изъ рукъ въ руки или живетъ одну недѣлю у одного, а другую у другаго переселенца. Онъ нигдѣ не имѣетъ мѣста, которое могъ бы назвать домомъ, исключая, можетъ быть, школьнаго зданія, гдѣ однако жить нельзя. Жалованье учителя составляетъ 10, 15 и даже 20 доллеровъ въ мѣсяцъ, за что онъ обязанъ учить дѣтей по 6 или 7-ми часовъ въ день. Ученики являются въ школу рано утромъ и садятся на устроенныя для нихъ грубыя скамьи. Живущіе далѣе полуторы версты пріѣзжаютъ на маленькихъ индіянскихъ лошадкахъ, которыхъ привязываютъ къ кустамъ у школьнаго дома. Ученики приносятъ съ собою въ школу не только книги, но и обѣдъ въ жестянкахъ.

Оконъ въ школьномъ домѣ нѣтъ, но для того, чтобы въ комнатѣ было свѣтло, отворяются настежь двери.

Вмѣсто стола для писанья, тянется вдоль стѣны доска, наискось укрѣпленная на двухъ столбахъ. Этотъ столъ освѣщается дневнымъ свѣтомъ, проникающимъ сквозь отверстіе, нарочно для того оставляемое въ стѣнѣ между двумя брев-

нами. Такое отверстіе дѣлаютъ всегда на южной или юго-восточной сторонѣ дома, чтобы въ комнату не попадалъ дождь.

Главное занятіе въ такихъ школахъ состоитъ въ чтеніи по складамъ и вѣрномъ раздѣленіи словъ, что въ англійскомъ языкѣ дѣло не легкое. Не удивительно поэтому, что чтеніемъ по складамъ страстно занимаются даже взрослые, и образуются общества, раздѣляющіяся на двѣ партіи, задающія одна другой затруднительныя слова. Когда ученикъ пріобрѣлъ въ чтеніи нѣкоторый навыкъ, его учатъ писать и преподаютъ грамматику, а иногда и исторію, причемъ, разумѣется, обращаютъ особое вниманіе на исторію войны за освобожденіе американцевъ отъ правленія англичанъ.

Вотъ каковъ правильный курсъ въ обыкновенной лѣсной школѣ. Иногда преподавателемъ въ ней становится какой-нибудь странствующій разнощикъ или купецъ, котораго спекуляціи не удались, почему онъ рѣшается на время быть учителемъ. Если такой человѣкъ попалъ въ мѣстность, гдѣ до него еще не было школы, онъ объявляетъ (т. е. самъ идетъ изъ дома въ домъ), что въ зимнее полугодіе будетъ давать за извѣстную плату уроки, къ слушанію которыхъ приглашаетъ не только дѣтей, но и взрослыхъ молодыхъ людей. Я зналъ объ одномъ подобномъ

случаѣ въ Тенеси. Тамъ одинъ купеческій прикащикъ изъ Мемфиса открылъ курсъ чистописанія, на который собралось около 30 учениковъ и преимущественно ученицъ отъ десяти до двадцати-двухъ лѣтъ. Всѣ онѣ, за исключеніемъ трехъ, не умѣли читать и выучились только списывать буквы и слова по прописямъ подъ личнымъ руководствомъ преподавателя, въ чѣмъ пріобрѣли довольно большой навыкъ. Послѣдствія такого обученія были весьма естественны. Учитель оставался въ лѣсу лишь четыре мѣсяца и воротился съ полученными деньгами въ Тенеси, потому что не могъ избавиться отъ лихорадки. Проѣзжая по тѣмъ мѣстностямъ, я ночевалъ у одного поселенца, котораго взрослыя дѣти также учились писать у заѣзжаго учителя. Я просилъ ихъ написать мнѣ что-нибудь на аспидной доскѣ. Они согласились на это весьма охотно, но рѣшительно не знали, что́ такое означаютъ начертанные ими знаки, потому что ихъ учили только писать, а не значенію буквъ и словъ.

Ариѳметика причисляется къ высшимъ наукамъ, но ею занимаются всегда какъ предметомъ необходимымъ въ ежедневной жизни. Географіею учителямъ лучше не заниматься. Дѣйствительно, я знаю одинъ примѣръ весьма неудачнаго преподаванія этой науки. Одинъ старый обитатель лѣса просилъ показать себѣ карту

Арканзаса и Мисури, по которымъ учили въ школѣ географіи. Ему объяснили значеніе линій и цвѣтовъ на картѣ. Посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени, старикъ съ негодованіемъ вскочилъ и приказалъ сыну взять книгу и уйти съ нимъ, причемъ съ досадою вскрикнулъ: «Гдѣ учатъ такой безтолковщинѣ, туда я не стану посылать своего сына!»

Когда учитель посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, поселенецъ гнѣвно выхватилъ изъ-за пояса ножъ, концомъ котораго и сталъ показывать на картѣ, говоря:

— Такъ отсюда вытекаетъ Уайтъ-Риверъ—о? а тутъ онъ впадаетъ? А здѣсь мелкія черточки и пучки травки, это болота — о?

— Да, такъ представлено на картѣ по новѣйшимъ измѣреніямъ, отвѣчалъ учитель.

— Вотъ какъ, и этому я долженъ вѣрить! такомъ случаѣ Буффалофоркъ не гора, не правда ли? А Мульберри впадаетъ выше Озарка въ Арканзасъ? А гдѣ же Ричлендъ и Уареллъ? гдѣ Спириткрикъ и Фрокъ-Бейю? Значитъ, сынъ мой долженъ учиться этому вранью, и когда затѣмъ пойдетъ въ лѣсъ, онъ какъ дуракъ и заблудится. Нѣтъ, всему этому я самъ могу научить васъ, и мнѣ не нужно пачкуна бумаги.

Старый охотникъ дѣйствительно взялъ сына домой, и нужно было все краснорѣчіе его жены

и невѣстки, чтобы уговорить его позволить сыну опять ходить въ школу. Онъ наконецъ согласился, но сказалъ мальчику: «Смотри, не вѣрь ничему, что тебѣ станетъ болтать этотъ янки.»

По субботамъ въ Соединенныхъ Штатахъ, по крайней мѣрѣ въ западныхъ, нѣтъ преподаванія. Учатся только пять дней въ недѣлю и по пятницамъ упражняются въ разговорѣ и размышленіи. Въ такихъ упражненіяхъ принимаютъ участіе не одни дѣти, но и взрослые. Должно сознаться, что такого рода упражненія весьма хороши и не только пріучаютъ молодыхъ людей глубоко размышлять о трудныхъ и запутанныхъ вопросахъ, но уже съ самой ранней юности развиваютъ въ нихъ способность произносить рѣчи и учатъ безбоязненно говорить публично.

Такія собранія называются по-просту преніями, и къ нимъ всякій имѣетъ доступъ. На преніяхъ избираютъ сначала двухъ судей, которые обыкновенно садятся подальше отъ огня противъ камина. Затѣмъ слѣдуетъ выборъ двухъ капитановъ, управляющихъ ходомъ пренія, и каждый изъ нихъ присвоиваетъ себѣ тѣхъ изъ присутствующихъ, которые, по ихъ мнѣнію, всего способнѣе защищать свое мнѣніе. Каждый капитанъ поочередно беретъ на свою сторону одного изъ присутствующихъ, которые

такимъ образомъ всѣ раздѣляются на двѣ партіи. Обѣ противоположныя стороны размѣщаются у камина одна противъ другой, и тогда судьи предлагаютъ предметъ спора. Капитаны опредѣляютъ, въ какомъ смыслѣ каждый изъ нихъ намѣренъ защищать предложенный предметъ. Если капитаны не могутъ согласиться въ этомъ отношеніи, то окончательное опредѣленіе зависитъ отъ судей. Обыкновенно прибѣгаютъ въ такомъ случаѣ для разрѣшенія несогласій къ жребію, т. е. бросаютъ монету и, смотря по тому, которою стороною она упала, опредѣляютъ, что̀ должна защищать каждая партія.

Предметъ для пренія избирается весьма различно, иногда серіозный, но бо́льшею частью забавный, причемъ дѣти представляютъ иногда весьма странные доводы. Для примѣра мы приведемъ нѣсколько темъ спора:

«Кто претерпѣлъ отъ бѣлыхъ больше несправедливостей, негры или индіянцы?» (Странный предметъ спора въ американскомъ невольничьемъ штатѣ, но его задали въ школѣ въ Арканзасѣ).

«Которая вѣра лучше, католическая или еврейская?» (Судьи были два строгіе методиста и не могли рѣшить вопроса въ пользу какой-либо изъ этихъ религій).

«Что́ доставило Америкѣ больше пользы, порохъ или бумага?» (По рѣшенію судей, порохъ оказался полезнѣе).

«Кого долженъ признавать своею матерью цыпленокъ, высиженный уткою,—курицу, которая положила яйцо, или утку?»

«Что́ лучше, злая женщина или дымящаяся печь?» и т. д.

Особенно похвально, что такими преніями занимаются совершенно серіозно, такъ что присутствующіе внимательно вслушиваются иногда въ самую безтолковую дичь, особенно когда говоритъ ребенокъ. Онъ можетъ болтать, что угодно, никто не засмѣется, если разбираемый предметъ самъ по себѣ не забавенъ. Въ этомъ случаѣ поступаютъ весьма основательно, стараясь не пугать молодыхъ людей и не лишать ихъ смѣлости при первыхъ попыткахъ.

Польза, доставляемая упражненіемъ подобнаго рода, очевидна, особенно въ западныхъ штатахъ. Я видѣлъ молодыхъ людей, которые казались очень застѣнчивыми, между тѣмъ, какъ на политическихъ собраніяхъ они отважно становились на какой-нибудь пень и произносили очень длинныя рѣчи, хотя и не основательно обдуманныя, но высказанныя безъ запинки. Въ произношеніи подобныхъ рѣчей упражняются уже дѣти между собой.

Отношеніе учителя къ ученикамъ въ Америкѣ не такое, какъ въ Европѣ. Господствующая свобода и равенство, соединяющее всѣ сословія, распространяется также и на учениковъ. Въ школѣ учитель серіозенъ и строгъ, но внѣ ея и между уроками онъ обращается съ учениками совершенно непринужденно. Дѣти рѣдко предпринимаютъ игры, въ которыхъ не участвуетъ учитель, иногда самый рѣзвый въ толпѣ. Я не знаю случая, чтобы учитель въ лѣсахъ наказывалъ мальчика или дѣвочку ударами. Дѣти возбуждаютъ другъ друга къ ученію соревнованіемъ, и упомянутыя еженедѣльныя собранія и пренія составляютъ, такъ сказать, часто повторяемые экзамены въ присутствіи родителей и друзей, причемъ молодому американцу ни за что не хочется представиться публикѣ послѣднимъ ученикомъ, чтобы не подвергнуться осмѣянію дома и въ классѣ. Сверхъ того, надъ нимъ подтрунивали бы дѣвочки (мальчики и дѣвочки учатся тамъ всегда вмѣстѣ), а это было бы страшное несчастіе. Слѣдовательно, въ мальчикѣ существуетъ естественное стремленіе учиться, и со времени поступленія въ школу онъ уже болѣе не думаетъ объ играхъ и бѣганьѣ по лѣсу, но сидитъ серіозно и важно въ углу комнаты и выводитъ на аспидной доскѣ буквы и цифры.

Дѣтскую жизнь и веселыя дѣтскія игры американецъ знаетъ только понаслышкѣ, потому что съ того времени, какъ ребенокъ можетъ одѣваться самъ, онъ уже не принадлежитъ самому себѣ, а родителямъ, которымъ начинаетъ помогать при рѣшеніи великой задачи жизни. Мальчикъ долженъ отправляться со взрослыми въ поле, собирать хворостъ, сбрасывать его въ кучу и разжигать костеръ, таскать матери и сестрамъ щепки и кору и дѣлать различныя мелкія услуги, Когда онъ немного подросъ, то долженъ носить изъ кладовой кукурузу для корма лошадямъ, рубить дрова и подготовлять землю на поляхъ. Дѣвушка, которая едва доросла до высоты стола, должна мыть посуду и размѣшивать тѣсто, а позднѣе — прясть и ткать. Куклы онѣ знаютъ только по названію, а съ другими дѣвочками вовсе не сходятся, потому что селенія лежатъ слишкомъ далеко одно отъ другаго. Оттого не удивительно, что уже восьми и девяти-лѣтнія дѣвочки охотно даютъ называть себя an old woman (старушками). Необходимость иногда заставляетъ такихъ дѣтей браться за труды, вовсе не соотвѣтствующіе ихъ лѣтамъ. Напр., въ Ричлендѣ, въ Озаркскихъ горахъ, умерла жена одного поселенца отъ тифа. Бѣднякъ не могъ получить врача и лекарствъ, и давалъ больной каломель до самой ея смерти. Послѣ матери осталось ше-

стеро дѣтей, изъ которыхъ старшая была девятилѣтняя дѣвочка, а младшій—младенецъ. Чтобы имѣть на будущій годъ чѣмъ прокормиться, отецъ долженъ былъ заняться разведеніемъ маиса и не имѣлъ никакой возможности заботиться о домашнемъ хозяйствѣ. Слѣдовательно попеченіе о всемъ домѣ и дѣтяхъ должна была принять на себя бѣдная дѣвочка, которая передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ ухаживала за больной матерью. Все это семейство жило въ домикѣ, который едва можно было назвать хижиною. Въ стѣнахъ были большія щели и даже не на чѣмъ было спать. Отцу приходилось на ночь раскладывать себѣ и двумъ своимъ мальчикамъ у печи кору, разстилать на нее оленью шкуру и спать съ ними на такой постели подъ шерстяными одѣялами, чтобы охранить себя отъ вѣтра, проникавшаго въ домъ со всѣхъ сторонъ, остальныя четверо дѣтей, скорчившись, лежали на двухъ постеляхъ, если можно такъ назвать тонкія перины, набитыя перьями индѣекъ и покрытыя легкими стегаными одѣялами. Не смотря на то, дѣти были совершенно довольны, потому что не знали ничего лучшаго, и я помню, какъ привѣтливо они приняли насъ, когда мы однажды зашли къ нимъ съ охоты съ огромнымъ индюкомъ.

Въ восточныхъ штатахъ и въ городахъ школы,

конечно, гораздо лучше. Тамъ селенія несравненно многочисленнѣе и соединены между собою хорошими, широкими дорогами. Въ этихъ мѣстностяхъ не довольствуются какимъ-нибудь странствующимъ торгашемъ или янки, но нанимаютъ дѣйствительно хорошихъ учителей. Въ Цинциннати уже въ 1841 году возникли три школы, гдѣ учили не только ариѳметикѣ, чтенію и письму, но также англійскому и нѣмецкому языкамъ, географіи и исторіи. Въ Сенъ-Луи и вообще на сѣверѣ Соединеныхъ Штатовъ воспитаніе дѣтей сдѣлало большіе успѣхи; особенно хороши школы въ Луивиллѣ, куда преимущественно отправляютъ молодыхъ индіянцевъ съ запада Арканзаса, чтобы ознакомить съ искусствами и науками бѣлыхъ.

Что касается школъ у индіянцевъ, то онѣ въ рукахъ однихъ мисіонеровъ. Только просвѣщенныя племена Чактау, Шерокезовъ, Шауни и нѣкоторыя другія живущія близъ бѣлыхъ, имѣютъ собственныхъ учителей по крайней мѣрѣ для первоначальнаго обученія. Американскіе мисіонеры заботятся однако не объ одномъ душевномъ спасеніи своей паствы. Американцы слишкомъ спекулятивный народъ, чтобы поставить религію выше всѣхъ интересовъ. Такимъ образомъ, особенно въ области Орегона, нѣкоторые богомольные люди начали съ того,

что весьма серіозно и ревностно обращали въ христіанство дикарей. Когда же послѣдніе покорились ихъ власти, добрые мисіонеры оказались разсчетливыми янками. Дѣйствительно, подъ предлогомъ ознакомленія индіянцевъ съ выгодами отъ занятій земледѣліемъ, такіе миссіонеры заводили для себя большія фермы. Утвердившись такимъ образомъ въ своей собственности, они ограничивались наставленіемъ и усовершенствованіемъ только тѣхъ дикарей, которые жили въ сосѣдствѣ или случайно сходились съ ними. Такимъ образомъ мисіонеры обращались въ фермеровъ и замѣняли монашескую рясу болѣе удобною охотничьею одеждою.

ОХОТА ЗА АЛЛИГАТОРАМИ.

Въ огромныхъ болотахъ Луизіаны и вообще на югѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ теплыхъ водахъ лагунъ и рѣкъ водится множество аллигаторовъ (crocodilus lucius).

Это животное относится къ ящерицамъ и имѣетъ ихъ форму и строеніе. Оно достигаетъ, особенно въ южной части Луизіаны и Флориды, длины нерѣдко болѣе двухъ саженъ. Громадная голова составляетъ почти четвертую часть всей длины тѣла, и на ней, какъ у акулы, ротъ открывается движеніями не нижней, а верхней челюсти, причемъ видна громадная пасть. Тѣло покрыто бронею маленькихъ твердыхъ угловатыхъ пластинокъ, которыя подъ брюхомъ переходятъ въ бѣлую твердую чешую. На концѣ морды выдаются ноздри, близко лежащія одна подлѣ другой. Поэтому, когда аллигаторъ, въ теплую, ясную погоду, такъ сказать, покоится на водѣ, изъ нея выдаются только глаза да

большая часть головы и затылка, а на разстояніе 16 или 20 дюймовъ — ноздри. Глаза малы и имѣютъ коварное выраженіе, какъ у кошки; лапы коротки и неудобны для ходьбы, но составляютъ отличные плавники. Аллигаторы очень любятъ лежать подъ палящими лучами солнца на песчаныхъ отмеляхъ озеръ или рѣкъ, и съ разинутою пастью поджидать насѣкомыхъ, привлекаемыхъ, вѣроятно, мускусообразнымъ запахомъ, который распространяется отъ желѣзъ подъ шеею аллигатора. Когда послѣдній полагаетъ, что насѣкомыхъ набралось довольно, онъ закрываетъ пасть и пожираетъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ. Яйца аллигаторы кладутъ въ маѣ, въ особыя гнѣзда изъ ила и камыша. Въ такомъ гнѣздѣ лежатъ 120 и даже 130 яицъ. Въ нихъ молодыя ящерицы развиваются при содѣйствіи одной солнечной теплоты. Ихъ преслѣдуютъ хищныя птицы, змѣи и даже самцы-аллигаторы, которые, какъ говорятъ, иногда пожираютъ всѣхъ молодыхъ животныхъ въ гнѣздѣ. Тѣмъ не менѣе остается еще довольно ящерицъ для населенія всѣхъ рѣкъ и озеръ несмѣтнымъ числомъ этихъ чудовищъ.

Длинный хвостъ, покрытый твердыми пластинками, вообще оружіе не очень опасное. Впрочемъ аллигаторъ пользуется имъ не для умерщвленія своей добычи, но только для ея захва-

тыванія. Онъ подбрасываетъ жертву хвостомъ и затѣмъ схватываетъ ее пастью.

Аллигаторъ, можетъ быть, вовсе не такъ ужасенъ, какъ носятся о немъ слухи. Въ самомъ дѣлѣ, страшные разсказы о его лютости и неимовѣрной ненависти къ людямъ вообще преувеличены. Бѣлый, который не нападаетъ на аллигатора и не ранитъ его, почти не подвергается никакой опасности отъ этой ящерицы. Что касается до негровъ, то животныя дѣйствительно преслѣдуютъ ихъ. Причиною тому, вѣроятно, сильный запахъ, свойственный этой расѣ и, по правдѣ сказать, вовсе непріятный, особенно въ жаркій лѣтній день. Для аллигаторовъ же этотъ запахъ, повидимому, привлекателенъ, и за такой вкусъ укорять ихъ нечего. Жуютъ же нѣкоторые люди, для *очищенія* выдыхаемаго ими воздуха, вонючую асу, отчего же аллигаторамъ не любить пахучихъ негровъ и не воспользоваться иногда рукою или ногою черныхъ сыновъ Африки? Оттого не удивительно, что негры никогда не полѣзутъ въ болотистую лагуну. Кромѣ того, аллигаторы большіе охотники до собакъ и поросятъ. Счастливый аллигаторъ обыкновенно пожираетъ поросенка цѣликомъ одинъ, а собакою ему надобно дѣлиться съ товарищемъ, потому, что, попавъ въ пасть ящерицы, она успѣваетъ еще взвизгнуть, а

этотъ визгъ привлекаетъ другихъ аллигаторовъ, которые также принимаются дергать за части, еще не проглоченныя ловкимъ ихъ товарищемъ. Слѣдовательно, аллигаторы вредны только тѣмъ, что иногда захватываютъ поросенка и очень рѣдко увлекаютъ молодаго негра или негритянку, которые неосторожно моются на берегу. Съ другой стороны, эта ящерица доставляетъ очень мало пользы и, сверхъ того, отличается чрезвычайно гадкою наружностью. Потому не удивительно, что по мѣрѣ возможности ее убиваютъ пулями и гарпунами и ловятъ крючками.

Впрочемъ, аллигаторы не совсѣмъ безполезны. Самыхъ большихъ и жирныхъ кладутъ въ котелъ для вытапливанія сала, особенно годнаго для смазыванія машинъ, употребляемыхъ при обработкѣ хлопчатой бумаги. Хвостъ молодыхъ аллигаторовъ (не длиннѣе 5 или 6 футовъ) очень вкусенъ, но мясо съ него должно снимать какъ можно скорѣе, потому что оно въ короткое время пріобрѣтаетъ особый мускусный запахъ, свойственный ящерицѣ.

Одинъ плантаторъ, живущій въ Пуэнтъ Купе, давно уже приглашалъ меня принять участіе въ охотѣ за аллигаторами, потому что ему хотѣлось добыть нѣсколько галлоновъ жира, а я одинъ въ окрестностяхъ обладалъ хорошимъ гарпуномъ. Однажды утромъ онъ пришелъ съ сво-

имъ сыномъ и двумя совершенно черными невольниками и разсказалъ мнѣ, что уже вчера вечеромъ подвелъ два легкіе челнока въ озеро, находящееся за нашимъ домомъ и соединенное узкими рукавами съ нѣсколькими другими озерами. Я согласился отправиться на охоту, взялъ гарпунъ, засунулъ за поясъ ножъ и предоставилъ молодому Гербуру мою винтовку, которою онъ умѣлъ владѣть довольно хорошо. Безъ всякой поспѣшности, мы пошли къ озеру, лежавшему отъ насъ на разстояніи двухъ верстъ.

— Что ты несешь, Бенъ? спросилъ я негра, тащившаго въ кускѣ бумажной ткани что-то, повидимому, живое.

— Самъ баринъ можетъ сказать, отвѣчалъ негръ, оскаливая зубы и разинувъ ротъ до ушей. При этомъ онъ притиснулъ локтемъ мѣшокъ, бывшій у него подъ мышкою, и раздался громкій визгъ поросенка, который сталъ биться въ мѣшкѣ.

— Молчать, маленькій! успокоительно произнесъ негръ: — хорошо, вотъ такъ!

Поросенка взяли съ собою, чтобы его крикомъ привлечь аллигаторовъ и, возбудивъ ихъ вниманіе, легче стрѣлять по нимъ. Наконецъ мы достигли узкаго мыса, раздѣлявшаго озеро на двѣ равныя части. Тамъ стояли двѣ привязанныя лодки. Хотя уже былъ конецъ іюня, но вода

въ озерѣ стояла еще довольно высоко, потому что окрестности оставались наводненными, и низменности походили на громадныя озера, посреди которыхъ узкими полосами выдавались болѣе возвышенныя части почвы. Даже та полоса земли, по которой мы подходили къ лодкѣ, находилась лишь нѣсколько дюймовъ выше воды и была пропитана ею какъ мокрая губка.

Къ намъ присоединились еще два типографа, которые были редакторами, наборщиками и печатниками газеты Point Coupé Chronicle. Старикъ Гербуръ принялся равномѣрно распредѣлять пасажировъ въ лодкахъ. Въ каждую изъ нихъ онъ посадилъ по негру гребцомъ, и затѣмъ по типографу зрителемъ (болѣе пользы отъ нихъ мы не ожидали). Въ одну лодку сѣлъ я, а въ другую молодой Гербуръ, чтобы охотиться. Ко мнѣ въ лодку помѣстили поросенка и для уравновѣшенія числа пасажировъ въ другую лодку помѣстился Гербуръ отецъ, замѣчая совершенно хладнокровно, что онъ точно поросенокъ обязывается хрюкать и пищать.

Солнце жгло жесточайшимъ образомъ и на всей обширной поверхности воды нигдѣ не было ни малѣйшей тѣни, кромѣ бросаемой одинокими кипарисами, которые обросли длиннымъ мхомъ. Воздухъ былъ совершенно неподвиженъ, ни одна птица не щебетала, ни одна лягушка не квакала:

все предалось вялой лѣни, и даже одинокіе аллигаторы, лежавшіе на поверхности воды, какъ куски обугленнаго дерева, казалось, также спали, но на самомъ дѣли были довольно дѣятельны, потому что по временамъ широко разѣвали пасть и, смыкая ее, громко щелкали.

— Здѣсь скучаютъ даже аллигаторы, замѣтилъ Килли, типографъ, сидящей въ моей лодкѣ.

— Они сдѣлаются живыми, баринъ,—со смѣхомъ возразилъ негръ, — когда маленькій заговоритъ.

Поросенокъ жалобно хрюкалъ въ мѣшкѣ.

Мы отвалили. Сначала обѣ лодки плыли одна возлѣ другой, приближаясь къ аллигаторамъ. Но эти животныя были боязливы и, не подпуская насъ къ себѣ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, погружались въ воду. Помѣстившись на носъ лодки, я спокойно ожидалъ появленія ящерицы на достаточно близкомъ разстояніи, чтобы мѣтнуть гарпунъ. Нетерпѣливый Гербуръ крикнулъ съ другой лодки.

— Чортъ возьми, потискайте немножко поросенка!

Типографъ стоялъ въ лодкѣ и осматривалъ поверхность воды, когда услышалъ возгласъ Гербура. Вѣроятно не желая наклоняться онъ спокойно наступилъ поросенку на животъ. Несчастное животное страшно завизжало.

— Баринъ, Бога ради! воскликнулъ перепуганный негръ, переставая гресть: это моя свинья, вы ее задавите до смерти!

Попытка имѣла желаемый успѣхъ. Нѣсколько аллигаторовъ, которые до этого, завидѣвъ насъ, уплыли, теперь вернулись и медленно оборотились къ намъ. Негръ долженъ былъ перестать грести и сидѣть совершенно спокойно. На разстояніи 30 шаговъ отъ насъ подплыло огромное животное длиною футовъ въ 12; на мгновеніе оно остановилось, не осмѣливаясь приблизиться къ лодкѣ. Негръ, который между тѣмъ наклонился къ поросенку, заставилъ послѣдняго пискнуть, и это побудило осторожнаго аллигатора подплыть къ самой лодкѣ.

— Пали! крикнулъ отецъ Гербуръ.

Въ то же время раздался выстрѣлъ, и смертельно раненое чудовище повернулось вверхъ чешуйчатымъ своимъ брюхомъ. При своихъ предсмертныхъ движеніяхъ аллигаторъ достаточно приблизился къ моей лодкѣ, такъ что я надежно вонзилъ въ него свой трезубчатый гарпунъ.

Пуля ранила ящерицу въ голову, а потому она не могла долго сопротивляться; дѣйствительно мы безъ труда привлекли ее къ своей лодкѣ, но не могли, однако, положить въ нее огромное животное и потому поспѣшно повлекли его къ берегу и вытащили на сушу, причемъ

оно еще порядочно ударяло во всѣ стороны хвостомъ.

Опытъ съ поросенкомъ мы повторяли еще нѣсколько разъ, и молодой Гербуръ застрѣлилъ еще четырехъ аллигаторовъ, изъ которыхъ я подцѣпилъ гарпуномъ только двухъ. Сверхъ того, мнѣ удалось попасть гарпуномъ въ трехъ животныхъ, до того приблизившихся къ лодкѣ, что я могъ удобно мѣтнуть въ нихъ оружіемъ. Двое изъ нихъ были молоды, почему я немедленно срѣзалъ съ нихъ для себя хвосты. Постепенно, кажется, ящерицы поняли, что поросенокъ не болѣе какъ приманка. Дѣйствительно, они плавали все дальше отъ насъ вокругъ лодки, и ни одинъ изъ нихъ болѣе не подходилъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и потому мы не трогали болѣе поросенка, а старались подкрасться къ аллигаторамъ; но негръ въ моей лодкѣ былъ до того неловокъ, что надѣлалъ страшный шумъ, за что я и прогналъ его со скамьи и принялся грести самъ, вручивъ гарпунъ типографу, который неотступно просилъ меня доставить ему удовольствіе охоты, увѣряя, что въ Кентуки онъ нерѣдко ловилъ гарпунами крупныхъ рыбъ. Обѣ лодки разъѣхались. Я положилъ одно весло и гребъ другимъ, держа его только въ рукѣ, потому что такимъ способомъ оно не производило шума.

Долго старался я приблизиться къ одному крупному аллигатору, но онъ постоянно увертывался отъ меня,—хотя я всегда внимательно замѣчалъ, гдѣ онъ погружался въ воду и на какомъ разстояніи обыкновенно выходилъ изъ нея. Вотъ онъ опять опустился, и я, напрягая всѣ свои силы, съ быстротою молніи поплылъ къ мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ снова явиться на поверхности воды, и сказалъ Килли, чтобы онъ смотрѣлъ въ оба. Едва успѣлъ я произнести эти слова, какъ надъ водою уже показалась голова чудовища. Аллигаторъ немедленно опять погрузился въ воду, но онъ находился отъ насъ только на разстояніи шести шаговъ, почему Килли не могъ промахнуться, и острый гарпунъ засѣлъ въ тѣлѣ ящерицы.

Гарпунъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: трезубчатый, заершенный желѣзный наконечникъ длиною дюймовъ 18 и вѣсомъ въ 3 или 4 фунта, насаживается на легкое древко длиною футовъ въ 10. При метаніи тяжелый наконечникъ соскользаетъ съ древка и летитъ, увлекая за собою привязанную къ нему веревку, длиною въ 12 или 16 футовъ, прикрѣпленную къ противоположному концу древка. Конецъ веревки обернутъ вокругъ ручной кисти мѣтающаго, для того, чтобъ онъ не потерялъ въ одно время и добычу, и оружіе.

Зная по опыту дѣйствіе гарпуна, я предупредилъ Килли, чтобы при метаніи онъ твердо держался на ногахъ и не терялъ равновѣсія. Но въ минуту радости, что ему удалось попасть въ аллигатора, типографъ позабылъ мое предостереженіе. Быстро уплывающее животное увлекло бы съ собою и ловца, еслибъ негръ, который, можетъ быть, догадывался о вѣроятности такого случая, не бросился на падающаго и не успѣлъ ухватить его за ногу. Онъ держалъ его, пока мы оба соединенными силами не привлекли къ себѣ типографа и неразлучнаго съ нимъ аллигатора, перваго за ногу, а другаго за веревку.

Молодой Гербуръ, между тѣмъ, убилъ еще одного маленькаго аллигатора. Довольные охотою и утомленные отъ зноя мы медленно возвращались домой, между тѣмъ какъ негры везли убитыхъ животныхъ на телѣжкахъ, потому что лошадь сопротивлялась нести громадную ящерицу на своей спинѣ.

Нерѣдко охотился я за аллигаторами ночью при свѣтѣ факела, тогда глаза ихъ свѣтятся, какъ раскаленные уголья, и служатъ надежною точкою для прицѣливанія.

ОБИТАТЕЛИ ДРЕМУЧАГО ЛѢСА

ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Подъ именемъ backwoods men (залѣсники или обитатели западныхъ лѣсовъ) американцы разумѣютъ людей, которые живутъ въ лѣсахъ западныхъ береговъ Мисисиппи. Эти лѣсные жители еще подраздѣляются: одни изъ нихъ называются пейонирами (первыми поселенцами, такъ сказать, пролагающами путь поселенію), а другіе скуаттерами (поселившимися на землю, еще никѣмъ не занятую). Въ образѣ жизни этихъ людей есть столько особенностей, не подходящихъ къ нашему понятію о гражданственности, что читателямъ не будетъ безъинтересно узнать о нихъ нѣкоторыя подробности. Я прожилъ съ ними нѣсколько лѣтъ, полюбилъ ихъ и опишу, какъ умѣю.

Въ своемъ Гаукеѣ, Куперъ представляетъ намъ залѣсника, какой существовалъ въ преж-

нія времена и встрѣчается понынѣ только между скуаттерами отдаленнаго Запада. Нынѣшніе же залѣсники не походятъ на Куперова.

Настоящій охотникъ встрѣчается нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ рѣдко, развѣ только въ Скалистыхъ горахъ, потому что дикихъ животныхъ въ лѣсу теперь мало, и одна охота не составляетъ уже надежнаго промысла для обезпеченія человѣка пищею на зиму и лѣто. Нынѣшній залѣсникъ дѣйствительно охотится въ теченіе зимы, но лѣтомъ обработываетъ небольшое свое поле, на которомъ выращиваетъ для себя, своего семейства и лошади кукурузу и тыквы. Есть даже залѣсники, которые берутся за винтовку лишь тогда, когда къ ихъ дому приблизятся дикая кошка или лисица.

Немногіе изъ нынѣшнихъ обитателей Мисури и Арканзаса родились въ этихъ мѣстностяхъ, но бóльшею частью переселились туда изъ восточныхъ штатовъ Виргиніи, Алабамы, Каролины и т. д. Они переходятъ на западъ, чтобы имѣть въ незатронутомъ еще первобытномъ лѣсу болѣе плодородную почву, лучшіе луга и больше дичи, нежели въ заселенной восточной Америкѣ.

Если залѣсникъ переселяется, онъ укладываетъ свое имущество на одну или двѣ повозки, которыя медленно тащатъ крѣпкіе волы по плохому лѣсному пути, между тѣмъ какъ жена и

дѣти ѣдутъ на маленькихъ индіянскихъ лошадкахъ, погоняя коровъ и свиней. Когда переселенецъ нашелъ мѣсто, которое ему нравится, онъ останавливается. Повозку обращаютъ въ спальню для женщинъ, покрывая ее парусиною, между тѣмъ какъ мужчины ложатся въ шалашахъ, поспѣшно сложенныхъ изъ коры. Затѣмъ американецъ показываетъ, какъ онъ *можетъ* работать, когда *хочетъ* или *долженъ*. Отъ могучихъ ударовъ его топора валятся исполины лѣса. Въ короткое время строится небольшой бревенчатый домъ. Для его крыши колютъ доски, а полъ стелютъ изъ тесаныхъ досокъ. Такимъ образомъ домъ пейонира или скуаттера готовъ. Если онъ имѣетъ довольно времени, то въ первомъ еще году дѣлаетъ глиняную печь, въ противномъ же случаѣ это дѣло откладывается до слѣдующей зимы или еще далѣе, если онъ, между тѣмъ, не переселяется въ другое мѣсто.

Когда женщины и дѣти имѣютъ убѣжище, залѣсникъ приступаетъ къ расчисткѣ мѣста подъ пашню. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: всѣ деревья срубить невозможно, потому что они такъ покрыли бы землю, что ее нельзя было бы и обработывать, и потому большія деревья прежде всего умерщвляютъ, т. е. слупляютъ съ нихъ кольцемъ кору, чтобы прекратить

обращеніе соковъ, отчего дерево гибнетъ. Меньшія деревья, толщиною не болѣе фута, рубятъ на мелкіе куски и складываютъ кучами, чтобы послѣ легче сжечь ихъ. Корни вытаскиваютъ киркою. Срубленныя деревья колютъ на полѣнья длиною въ 10 или 11 футовъ и дѣлаютъ изъ нихъ заборъ вышиною футовъ въ 7. Тогда ферма готова; остается только сжечь до весны всѣ кучи дровъ, чтобы можно было обработать землю плугомъ и сдѣлать на ней первый посѣвъ.

Пищу залѣсника составляютъ маисъ, откармливаемыя свиньи, молоко и масло, получаемыя отъ коровы, и, при случаѣ, дикія индѣйки, олени или даже медвѣди. Сверхъ того, переселенцы покупаютъ въ ближайшемъ городѣ или лавкѣ немного кофе и даже сахара. Залѣсникъ совершенно доволенъ и счастливъ, когда имѣетъ утромъ чашку кофе съ маисовымъ хлѣбомъ и кускомъ жаренаго сала; въ обѣдъ то же самое, но безъ кофе, который замѣняется стаканомъ пахтанья; къ ужину подаютъ то же самое, что къ завтраку. Одежда обитателя лѣса состоитъ или изъ кожи домашняго дубленія, или же изъ ткани, приготовленной женою. Обувь залѣсникъ шьетъ самъ и не чувствуетъ потребности къ другимъ предметамъ роскоши.

Въ прежнія времена пейониры безпрерывно

подвергались нападеніямъ индіянцевъ, которые убивали цѣлыя семейства, сдирали съ умерщвленныхъ кожу съ головы и сожигали ихъ хижины. Нынѣ подобнаго рода нападенія рѣдки, потому что красные туземецы изгнаны, и силы ихъ весьма уменьшились. Слѣдовательно залѣсникъ живетъ мирно со всѣмъ свѣтомъ, о которомъ знаетъ весьма мало, потому что къ нему рѣдко попадаютъ газеты, которыя доставляютъ ему извѣстія о событіяхъ, совершившихся по крайней мѣрѣ за три мѣсяца. Тѣмъ не менѣе, залѣсникъ интересуется политикою, особенно при выборѣ новаго президента, и обыкновенно придерживается демократической партіи. Онъ требуетъ, чтобы президентъ охранялъ его право перваго заселенія, по возможности уменьшалъ узаконенную плату за землю (по $1^1/_4$ доллеру за акръ) или, по крайней мѣрѣ, не возвышалъ ея и не давалъ бы слишкомъ скоро промѣрить занятое имъ мѣсто, потому что послѣ промѣрки надобно вносить поземельную подать.

Право перваго заселенія (preemption right)—превосходный законъ для бѣднаго человѣка, потому что даже при самыхъ малыхъ средствахъ даетъ ему возможность даромъ завладѣть участкомъ земли его, и обработать пока онъ не вымѣренъ еще правительствомъ; но и въ этомъ

случаѣ законъ предоставляетъ ему право купить занятую имъ землю по $1^1/_4$ доллера за акръ, даже если кто-либо другой предлагалъ бы въ 20 разъ больше. Впрочемъ, если переселенецъ послѣ промѣрки не платитъ, что слѣдуетъ, онъ лишается права на владѣніе занятою имъ землею.

Для пріобрѣтенія права перваго заселенія, онъ долженъ поставить хижину, огородить мѣсто и прожить на немъ нѣсколько времени. Тогда, по закону, онъ въ правѣ считать себя владѣльцемъ участка въ 160 акровъ. Если близъ его жилища нѣтъ хорошей земли, онъ не обязанъ платить за 160 акровъ, а можетъ взять себѣ сначала лишь 80. Если же переселенецъ очень бѣденъ и не имѣетъ собственной земли, ему дозволяется выплатить только за 40 акровъ. Случается, что переселенецъ, занявшій мѣсто въ отдаленномъ Западѣ, владѣетъ имъ много лѣтъ и, пока оно не измѣрено, не платитъ никакихъ податей, кромѣ поголовныхъ, которыя составляютъ только одинъ доллеръ съ человѣка.

Съ самаго дѣтства залѣсникъ пріучается къ лишеніямъ и умѣренности и закаляется противъ всѣхъ пагубныхъ вліяній природы, какъ индіянецъ. Объ изнѣженной жизни въ городахъ онъ знаетъ лишь кое-что по разсказамъ. Лѣсъ составляетъ для него весь міръ, и безъ него онъ не можетъ

представить себѣ возможности жить. Залѣсникъ обработываетъ столько земли, сколько нужно для полученія хлѣба и нѣкотораго количества корма животнымъ. Скотоводство—главное занятіе залѣсника. Въ короткое время около фермы разводится многочисленное стадо, которое не требуетъ почти никакого ухода—только по временамъ надобно посыпа́ть около дома соль, чтобы скотина не отучалась отъ хозяйскаго жилища и не слишкомъ удалялась отъ него. Для содержанія скотины, залѣснику нужно много мѣста, и если сосѣди селятся слишкомъ близко, т. е. на разстояніи 8 или 10 верстъ, ему становится тѣсно. Стада смѣшиваются, и вечеромъ ему случается видѣть у своего забора чужихъ коровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣчно зеленѣющій тростникъ, лучшій кормъ для скота, дѣлается жиже, переселенецъ слышитъ въ лѣсу чужіе выстрѣлы, и мѣсто, которое онъ считалъ своею родиною, кажется ему болѣе неудобнымъ для житья. Женѣ своей онъ ничего не говоритъ о своемъ недовольствѣ, потому что еще не имѣетъ покупателя на свое имѣніе. Но вотъ съ востока пріѣзжаетъ европеецъ, обыкновенно нѣмецъ, часто ирландецъ или французъ, который хочетъ поселиться на предѣлахъ просвѣщеннаго міра. Американецъ узнаетъ, что пріѣзжій ищетъ себѣ мѣсто, гдѣ уже есть домикъ. Залѣсникъ предлагаетъ

прибывшему свою ферму съ 4 или 5 акрами обработанной земли за 50 долларовъ. Торгъ состоялся, и уже черезъ двѣ недѣли пейониръ выселяется съ женою и дѣтьми изъ мѣста, гдѣ прожилъ, можетъ быть, только два года, и отправляется далѣе, занять мѣсто въ менѣе заселенной области.

При многолѣтнемъ упражненіи западный американецъ пріобрѣтаетъ неимовѣрную ловкость въ рубкѣ лѣса, потому что еще ребенкомъ, когда едва могъ поднимать топоръ, рубилъ дрова для отопленія, а въ плохихъ каминахъ на Западѣ въ теченіе дня истрачивается дровъ немало. Топоръ — единственный инструментъ, которымъ залѣсникъ дѣлаетъ все для своего дома, нарубаетъ жерди для забора и поправляетъ различныя деревянныя части повозки. По навыку залѣсникъ владѣетъ топоромъ такъ искусно, что въ срубленное дерево надобно вглядѣться очень внимательно, чтобы убѣдиться, что оно не спилено.

Въ случаѣ нужды, залѣсникъ умѣетъ работать съ неимовѣрною быстротою, но зато бываютъ времена, когда онъ цѣлыя недѣли ходитъ по лѣсу съ ружьемъ и собаками, бо́льшею же частью онъ охотится верхомъ и вообще питаетъ отвращеніе къ ходьбѣ. Лошадей своихъ онъ не кормитъ, но пускаетъ ихъ отыскивать себѣ пищу

въ лѣсу на свободѣ, и потому лѣсной житель не всегда находитъ лошадь, когда она ему нужна. Тогда онъ охотнѣе пробѣгаетъ по лѣсу верстъ 10, отыскивая лошадь, нежели рѣшится пройти двѣ версты охотясь. Особенно невыгодно отыскивать лошадей весною, когда нужно обработывать поля. Умныя животныя знаютъ, что въ эту пору имъ предстоитъ тяжкая работа, и, чтобы не выдать себя звукомъ колокольчика повѣшеннаго имъ на шею, движутся чрезвычайно осторожно. Разумѣется, въ такомъ случаѣ фермеръ теряетъ лучшую часть утра на поиски. Хотя бы рабочая лошадь 20 разъ повторила подобную хитрость, лѣсной житель и въ 21-й снова отпускаетъ ее вечеромъ на свободу, а на другое утро поиски возобновляются.

Въ обхожденіи залѣсникъ кажется холоднымъ и равнодушнымъ. Хотя онъ дѣйствительно любитъ своихъ домочадцевъ, но и съ ними обходится такъ же равнодушно, какъ съ чужими. Уходя, онъ скажетъ не болѣе какъ сухое «прощай», и если воротится, пробывъ въ отсутствіи нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ, то почти всегда заботится сперва о своей лошади и затѣмъ уже обращаетъ вниманіе на семейство или, можетъ быть, предварительно молча поужинаетъ и затѣмъ уже станетъ разспрашивать, каково оно поживало въ его отсутствіе.

Не смотря на простой и умѣренный образъ жизни, на вновь разработываемой землѣ, посреди болотъ и низменностей, поселенецъ большую часть года претерпѣваетъ тяжкія болѣзни, особенно лихорадку, которая ослабляетъ даже самыхъ сильныхъ людей. Врачей, кромѣ странствующихъ знахарей, залѣсники имѣть не могутъ и потому должны лечить себя сами. Если бы они и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, слѣдовали примѣру первобытныхъ краснокожихъ жителей, т. е. вникали въ цѣлебныя свойства травъ, растущихъ въ лѣсу, они могли бы поддержать свои силы и здоровье; но переселенцы употребляютъ одно только лекарство—каломель (сладкую ртуть), которую даютъ не однимъ взрослымъ, но и груднымъ младенцамъ, даже при самомъ незначительномъ нездоровьѣ. Каждый американецъ носитъ это всеобщее средство съ собою даже на охотѣ, чтобы принять его въ случаѣ нуждѣ. Оттого вредное дѣйствіе ртути обнаруживается во многихъ случаяхъ слабостью глазъ, порчею зубовъ и дряблостью костей. Мнѣ извѣстенъ случай, что одинъ весьма сильный залѣсникъ при боксированіи ударилъ противника въ лобъ, причемъ у него самого переломилась ручная кость повыше сочлененія ручной кисти.

Залѣсникъ обыкновенно отличный стрѣлокъ и

употребляетъ только длинныя винтовки, утверждая, что короткій стволъ онъ не можетъ держать спокойно; пулю спускаетъ онъ отрѣзаннымъ концемъ и, по мѣрѣ возможности, вытираетъ внутренность ствола послѣ каждаго выстрѣла. Обыкновенно, каждый залѣсникъ умѣетъ слесарничать и можетъ поправить кремневый курокъ, къ которому имѣетъ больше довѣрія, чѣмъ къ пистонному. Сверхъ того онъ умѣетъ заниматься и различными другими ремеслами и становится оттого независимымъ и свободнымъ, имѣя возможность доставать себѣ все нужное. Особенно замѣчательна способность залѣсника отыскивать не только тѣ мѣста посреди лѣса, гдѣ онъ бывалъ хоть разъ, но даже отдаленные ручьи, деревья и обломки скалъ по одному только описанію. Въ этомъ отношеніи его не превосходятъ даже индіянцы.

Одинъ охотникъ забылъ перочинный ножъ, въ предшествующемъ году, верстахъ въ 10 отъ того мѣста, куда мы въ настоящее время собирались ѣхать. Когда онъ услыхалъ о нашемъ намѣреніи охотиться въ той мѣстности, то и просилъ моего спутника сыскать ему ножъ.

— А гдѣ онъ лежитъ? спросилъ залѣсникъ.

Охотникъ сдѣлалъ слѣдующее описаніе:

«Если вы пойдете вверхъ по теченію этого ручья до его источника, то дойдете до гор-

наго хребта, отдѣляющаго нашу рѣку отъ текущей по ту сторону. Держась все къ западу, пойдете по возвышенности до того мѣста, гдѣ ураганъ вырвалъ дерево. Тамъ неудобно ѣхать верхомъ. Спустясь пониже, т. е. болѣе къ югу, вы достигнете ручья, текущаго сначала, повидимому, къ югозападу, но затѣмъ поворачивающагося влѣво. Поѣзжайте вдоль него до мѣста, гдѣ я въ прошедшемъ году зажигалъ костеръ. Ручей огибаетъ тамъ подножіе низкаго холма, и шагахъ въ 200 оттуда вы найдете мѣсто, гдѣ мы срубили жерди для палатки. Самую палатку мы раскинули подъ сосною, расщепленною молніею: тамъ и долженъ лежать мой ножикъ.»

Въ тотъ же вечеръ мы достигли описаннаго мѣста. Мой спутникъ вполнѣ узналъ его и нашелъ потерянное.

Залѣсникъ гостепріименъ и не беретъ платы за ночлегъ, если не живетъ при какой-нибудь дорогѣ, по которой много проѣзжаютъ, безпрерывно странствуютъ переселенцы, напр., при дорогѣ въ Техасъ, проходящей къ Арканзасу. Тутъ, весьма естественно, и у залѣсника развивается спекулятивность. Онъ запасается нѣсколькими постелями и обыкновенно беретъ за ночлегъ по доллеру съ человѣка съ лошадью. Такую плату онъ однако взимаетъ лишь съ

проѣзжихъ, а не съ сосѣдей. Понятіе о сосѣдѣ, особенно въ Арканзасѣ и Техасѣ, у залѣсниковъ весьма обширно. Такъ я помню, какъ одинъ изъ нихъ жаловался мнѣ, что его совсѣмъ позабыли ближайшіе сосѣди, между тѣмъ какъ въ окружности не было ни одного дома отъ него ближе 30 верстъ.

Залѣсникъ знаетъ всѣхъ жителей на разстояніи 75 верстъ въ окружности, и ему кажется чистою ложью, если европеецъ увѣряетъ, что въ городѣ живешь въ домѣ иногда нѣсколько лѣтъ и не знаешь, кто занимаетъ этажъ выше или ниже.

Устройство школъ посреди дикаго лѣса весьма затруднительно. Училище возникаетъ только тамъ, гдѣ поселеній столь много, что на разстояніи 8 или 10 верстъ отъ извѣстнаго средоточія есть человѣкъ 20 дѣтей, которымъ можно было бы учиться. Тогда сосѣди строятъ домъ и нанимаютъ въ учители кого-нибудь изъ проѣзжихъ, знающаго больше ихъ самихъ. Многіе однако вовсе не имѣютъ возможности пользоваться уроками школьнаго учителя, и потому не удивительно, что не умѣющихъ писать между залѣсниками очень много. Впрочемъ, къ чему залѣснику умѣнье писать, развѣ только для подписи векселя, выданнаго продавцу часовъ? Писемъ залѣсникъ ни къ кому не пишетъ и контрактовъ ни съ кѣмъ не заключаетъ. Если онъ умѣетъ управлять топоромъ и

ружьемъ, то ему въ лѣсу не нужны никакія знанія.

Что залѣсникамъ хорошо́ посреди ихъ дикаго мѣстопребыванія, убѣждаетъ уже то, что городскіе жители нерѣдко переселяются въ лѣсъ, между тѣмъ какъ настоящій залѣсникъ никогда не помышляетъ поселиться близъ города. Онъ отступаетъ по мѣрѣ приближенія къ нему цивилизаціи и даже не любитъ, когда слышитъ близъ своихъ владѣній звонъ колокольчика чужой скотины.

Впрочемъ, залѣсники люди добродушные и ласковые. Хотя они и носятъ за поясомъ ножъ, но рѣдко обижаютъ заѣзжаго безъ уважительныхъ причинъ и весьма выгодно отличаются отъ хвастливыхъ кентукійцевъ и лодочниковъ на Мисисиппи. Но если залѣсника оскорбляютъ, онъ не жалѣетъ ни стали, ни пуль. Съ друзьями онъ охотно раздѣляетъ нужды и опасности, но врагамъ не прощаетъ обиды и мститъ. Совершенно ложно распространилось мнѣніе, что залѣсники всегда вооружены съ ногъ до головы. Это рѣшительно неправда. Они вооружены только широкимъ охотничьимъ ножемъ. Безъ сомнѣнія, въ дикихъ лѣсахъ малонаселеннаго Арканзаса есть довольно негодяевъ, называемыхъ также залѣсниками и занимающихся преимущественно кражею лошадей. Но въ новѣйшее

время жители западныхъ штатовъ ревностно стараются уничтожить дурную молву объ обитателяхъ лѣсовъ, строго наказывая преступниковъ и изгоняя мошенниковъ, которые, вѣроятно, вскорѣ не будутъ болѣе безчестить почтеннаго имени залѣсниковъ.

ЖЕНЩИНЫ

ВЪ ПЕРВОБЫТНЫХЪ ЛѢСАХЪ ЗАПАДА

Сѣверной Америки.

Объ американскихъ залѣсникахъ случается слышать часто, но о женщинахъ, поселяющихся въ лѣсахъ, говорятъ рѣдко. Между тѣмъ онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія, потому что должны терпѣть гораздо больше мужчинъ отъ трудностей и лишеній, которымъ подвергаются въ пустынномъ лѣсу. Мужчина съ ранняго дѣтства пріучается къ бурямъ и непогодамъ и привыкаетъ къ лѣсной жизни, проводя время подъ открытымъ небомъ съ ружьемъ или топоромъ. Оттого не удивительно, что онъ основываетъ себѣ новое отечество тамъ, гдѣ еще не ступала человѣческая нога: хорошая постель и шерстяное одѣяло—вотъ все, что достаточно для того, чтобы охранить его отъ бурь и непогодъ. Но

женщина, проведя все свое дѣтство въ домѣ, незнакомая съ подобными лишеніями и принужденная, можетъ быть, печься о грудномъ младенцѣ и малыхъ дѣтяхъ, должна выказать всю силу своей души, чтобы переносить изъ любви къ мужу трудности лѣсной жизни; въ теченіе многихъ лѣтъ она не имѣетъ никакихъ радостей и не можетъ отдохнуть ни на минуту, потому что безпрерывно должна заботиться и бороться съ нуждою и опасностями.

Въ помѣщеніи, огороженномъ только съ трехъ сторонъ бревнами, она должна проводить не дни и недѣли, а мѣсяцы, иногда даже цѣлый годъ, да еще и при такой обстановкѣ, что можетъ колебаться здоровье даже самаго крѣпкаго европейца. Жилище ея сыро и уединенно; его никто не посѣщаетъ, потому что ближайшій сосѣдъ живетъ иногда на разстояніи полудня пути. Если она заболѣваетъ, ей даже нельзя воспользоваться врачебною помощью. Въ первое заселеніе съѣстные припасы иногда истрачиваются, когда новый посѣвъ еще не созрѣлъ. Тогда для избавленія семейства отъ голодной смерти, залѣсникъ беретъ ружье и отправляется за дичью; но иногда ему приходится покинуть свое семейство на много дней, потому что онъ, по несчастью, не встрѣчаетъ такое животное, которое стоило бы застрѣлить. И вотъ бѣдная женщина должна оставаться въ уединен-

номъ лѣсу совершенно одна и въ длинныя ночи вслушиваться въ страшный вой волковъ и рѣзкіе стоны барса, которые, чуя добычу, рыскаютъ около дома, но боятся подбѣжать къ нему очень близко. При такихъ обстоятельствахъ душевныя силы, кроющіяся въ женщинѣ, выказываются вполнѣ. Безбоязненно мать заботится о тѣснящихся около нея дѣтяхъ и утѣшаетъ ихъ, жхотя сама нуждается въ утѣшеніи. Онадаже воодушевляется мужествомъ мужчины и приготовляется къ оборонѣ, если хищныя животныя слишкомъ приближаются къ дому и когда должно опасаться, они чтасть но попытаются па на ея жителей. Мужъ взялъ съ собою винтовку, но дома остался топоръ. Жена становится съ нимъ въ дверяхъ, разведя прежде въ печкѣ огонь. Простороживъ всю ночь, она съ радостью привѣтствуетъ наступленіе дня, разгоняющаго звѣрей.

Наконецъ возвращается и мужъ съ богатою добычею и принимается за различныя работы около дома. Отъ его сильныхъ и ловкихъ ударовъ валятся исполинскія деревья, и съ каждымъ днемъ занятое мѣсто болѣе и болѣе теряетъ свою дикость. Жена между тѣмъ занимается ежедневными своими работами. Утромъ она приготовляетъ завтракъ. Для этого она мѣситъ тѣсто изъ маисовой муки съ водою и солью, дѣлаетъ изъ него на

желѣзной крышкѣ плоскія лепешки и печетъ на раскаленныхъ угляхъ. Кофейной мельницы въ домѣ нѣтъ, но залѣсница умѣетъ обойтись и безъ нея. Она кладетъ жареные бобы въ жестяной охотничій кубокъ своего мужа и толчетъ кофе топорищемъ. Полученный такимъ образомъ порошокъ она пересыпаетъ въ большой жестяной кофейникъ съ кипяткомъ. Когда плоскій хлѣбъ зарумянился, она разрѣзываетъ сало тонкими кусками и жаритъ ихъ на желѣзной сковородкѣ съ отрѣзками оленины. Въ кипящій кофе она наливаетъ немного холодной воды, чтобы въ немъ скорѣе осѣлась гуща, и послѣ всѣхъ этихъ приготовленій приглашаетъ свое семейство завтракать.

Посуду, если можно назвать такимъ образомъ нѣсколько вещей, которыя имѣетъ залѣсникъ, жена его вымываетъ очень скоро, а послѣ уборки садится къ огромной самопрялкѣ и прилежно принимается за бумажную пряжу.

Когда окончились полевыя работы и настали длинные зимніе вечера, залѣсникъ устроиваетъ ткацкій станокъ, а если затѣмъ дни становятся теплѣе, то дѣятельная хозяйка принимается ткать изъ пряжи, изготовленной въ предъидущемъ году, ткань на одежду для своего семейства. При этомъ она исполняетъ еще и многія другія работы. Ей надобно посмотрѣть за маленькимъ огородомъ,

выращивать куръ и поросятъ, варить мыло и печься о телятахъ. Иногда она также приготовляетъ масло, впрочемъ очень мало, потому что у нея нѣтъ маслобойни; приготовлять же масло, сбивая молоко въ бутылкѣ, довольно медленно.

Мало-по-малу дочери и сыновья подрастаютъ; стадо умножается; разрабатываемая земля увеличивается, и всего необходимаго для жизни есть вдоволь. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ взвивается легкій дымъ изъ сосѣднихъ хижинъ, въ лѣсу перекрещиваются по всѣмъ направленіямъ дороги, и одинокій покинутый залѣсникъ обращается въ почтеннаго мызника. Всѣ работы теперь облегчаются, потому что сосѣди охотно помогаютъ другъ другу. Если нужно свалить на поле огромныя деревья, чтобы они легче сгорѣли, если необходимо поскорѣе вылущить маисъ, чтобы онъ не сгнилъ, если слѣдуетъ построить домъ— сзываются сосѣди; они охотно сходятся на помощь даже съ женами, и въ то время, какъ мужья заняты на полѣ, ихъ жены дѣятельно шьютъ большое стеганое одѣяло или помогаютъ вылущивать кукурузу. По окончаніи работы, одѣяло поспѣшно убираютъ и навѣшиваютъ его на перекладины подъ крышею. Нѣсколько женщинъ принимаются стряпать, а другія приготовляютъ хорошій стью (steco), любимый американскій напитокъ, который состоитъ изъ водки, горячей воды, сахару,

пряностей и небольшаго количества масла. Затѣмъ сходятся мужчины и женщины, чтобы проплясать англійскіе или ирландскіе танцы, исполняемые ими съ изумительною легкостью и неутомимостью. Случается, что солнце всходитъ и опять заходитъ, прежде нежели веселящіеся разойдутся. Часто пляски смѣняются играми въ фанты; но танцы остаются любимою забавою.

Обитательницамъ лѣсовъ рѣдко представляется свои случай выказать передъ молодыми людьми наряды, а потому въ это время всякая изъ нихъ старается украсить себя всѣми своими богатствами. Только очень бѣдная дѣвушка не переодѣвается на такомъ балѣ по крайней мѣрѣ два раза. Болѣе достаточныя мѣняютъ одежду по пяти разъ, но не перечесываются, хотя головной ихъ уборъ очень простъ. Впрочемъ, онѣ не стремятся обладать дорогими тканями и любятъ всего болѣе красивый ситецъ. Для нихъ главное—хорошій покрой платья, и въ этомъ отношеніи онѣ нисколько не уступаютъ городскимъ дамамъ, на которыхъ походятъ и по обращенію.

Вообще въ Америкѣ крестьянинъ не отличается отъ горожанина до такой степени, какъ въ Старомъ Свѣтѣ. Пріѣзжій вовсе не замѣтитъ у американскаго крестьянина и слѣда неуклюжести и неловкости, бо́льшею частью свойственныхъ европейскимъ крестьянамъ, вѣроятно, за-

висящимъ оттого, что они слишкомъ мало имѣютъ сношеній съ высшими сословіями. Американскій крестьянинъ не знаетъ высшаго сословія и проникнутъ сознаніемъ своей независимости. Такое чувство свободы выражается и въ движеніяхъ. Оттого его обращеніе весьма пріятно, и вы легко встрѣтите его въ любомъ общественномъ кругу.

Такою же особенностью отличаются и женщины. Чрезвычайно интересно наблюдать естественную грацію *дочерей лѣса*, никогда, можетъ быть, не покидавшихъ дикой своей родины. Источникъ такого сознанія своего достоинства заключается, большею частью, въ почтеніи, которое оказываютъ въ Америкѣ бѣлой женщинѣ. Дѣйствительно, кто оскорбитъ даже самую бѣдную женщину, тотъ дорого поплатится за свою дерзость. Нерѣдко молодыя дѣвушки и женщины путешествуютъ однѣ безъ спутниковъ и защитниковъ, потому что всякій встрѣченный путешественникъ для нихъ надежный покровитель.

Молодые люди вступаютъ въ бракъ весьма рано, и я нерѣдко встрѣчалъ матерей четырнадцати и пятнадцати лѣтъ. Такому раннему браку содѣйствуетъ легкость пріобрѣтенія средствъ пропитанія и ограниченность потребностей, особенно земледѣльцевъ на западѣ. Они весьма непритязательны, а вмѣстѣ съ увеличеніемъ се-

мейства размножаются ихъ стада и хлѣбные сборы. Не должно однако полагать, что у обитателей лѣса вступаютъ въ бракъ по одному взаимному влеченію. Гораздо чаще главную роль играетъ разсчетъ. Нельзя отрицать, что при различныхъ сходбищахъ молодые люди знакомятся съ дѣвушками, и между ними возникаетъ привязанность, но при выборѣ невѣсты, большею частью, дѣло рѣшается нѣсколькими парами коровъ или свиней, нѣсколькими акрами земли или даже парою рабовъ. Во всякомъ случаѣ, способъ соискательства молодаго американца весьма замѣчателенъ, и я не забуду одного молодаго человѣка, который избралъ себѣ жену чисто поамерикански.

Гейнрихъ, благодаря неутомимому своему прилежанію, обработалъ участокъ земли, построилъ хорошій домъ и накопилъ нѣсколько тысячъ жердей для частокола, съ намѣреніемъ огородить ими новое поле. Сверхъ того, онъ развелъ плодовый садъ съ персиками, размножилъ прекрасныхъ куръ и завелся поросятами. Оттого всѣ сосѣди утверждали, что вѣрно Гейнриху надоѣло жить холостякомъ, и онъ хочетъ жениться. Не смотря на всѣ побужденія и шутки друзей, Гейнрихъ постоянно отвѣчалъ, что онъ еще успѣетъ жениться,—на самомъ же дѣлѣ онъ вовсе не былъ такого мнѣнія. Однажды, въ будничный день

онъ особенно рачительно одѣлся въ праздничную одежду и обулъ лучшіе свои сапоги.

— Послушай,—сказалъ ему старый его отецъ, съ которымъ онъ жилъ вмѣстѣ, — куда ты собираешься и къ чему одѣваешься въ будни въ праздничное платье? Ужъ не отправляешься ли свататься?

— Что за пустяки! — отвѣчалъ Гейнрихъ, ревностно продолжая чистить щеткою воротникъ сюртука. Я иду къ новому поселенцу, чтобы узнать, не продастъ ли онъ пару коровъ.

— Гм! пробормоталъ старикъ, весьма недовѣрчиво покачивая головой, когда сынъ снялъ съ сѣдла старый кусокъ медвѣжьей шкуры и положилъ на него отличную мерлушку, употребляемую только въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Но его предположенія утвердились еще болѣе, когда сынъ посреди недѣли надѣлъ чистую рубашку и принялся расчесывать волосы передъ осколкомъ зеркала, въ которое рѣдко смотрѣлся даже когда брился. Окончивъ свой туалетъ, молодой человѣкъ, посвистывая, уѣхалъ рысью.

Предположенія отца были весьма основательны. Гейнрихъ поѣхалъ вовсе не къ новому поселенцу, а прямо вдоль рѣки и черезъ три часа достигъ дома довольно богатаго сосѣда, имѣвшаго двухъ весьма хорошенькихъ дочерей. Мо-

лодой человѣкъ еще не рѣшилъ, которой дочери руку просить ему, но онъ все предоставлялъ случаю, спѣшился и пустилъ лошадь пастись у дома.

Было еще рано утромъ, и обѣ дѣвушки занимались хозяйствомъ. Старшая сбивала масло, а младшая пряла, между тѣмъ какъ мать сидѣла у ткацкаго станка и живо перекидывала челнокъ съ одной стороны на другую. Гейнриха ласково пригласили присѣсть. Онъ придвинулъ стулъ къ печкѣ и принялся вертѣть въ рукахъ шляпу.

— Вы уже сѣяли въ нынѣшнемъ году, господинъ Гейнрихъ? спросила старуха.

— Я только-что хочу приняться сѣять маисъ,— отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Нынѣ сухая весна.

— Очень сухая.

— Каково поживаетъ вашъ отецъ?

— Благодарю васъ; помаленьку.

— Какъ вы думаете, пойдетъ сегодня дождь?

— Нѣтъ.

Бесѣда остановилась, и Гейнрихъ пуще прежняго вертѣлъ шляпою. Старшая дочь попыталась было еще разъ заговорить съ гостемъ, но ея старанія остались тщетными, потому что Гейнрихъ ограничивался лишь самыми короткими отвѣтами. Молодой человѣкъ, повидимому, погрузился въ глубокое размышленіе. Наконецъ

настала пора обѣда, накрыли столъ и подали кушанье. Тогда Гейнрихъ всталъ, разгладилъ шляпу и сказалъ: прощайте!

— Не угодно ли вамъ откушать у насъ, господинъ Генрихъ?

— Пожалуй, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, спокойно возвращаясь. Онъ поставилъ шляпу себѣ подъ стулъ, сѣлъ и казалось, углубился въ изслѣдованіе вкуса жаренаго сала и картофеля.

Кушанье убрали, и женщины принялись за свое дѣло. Такимъ образомъ прошло время до вечера. Застѣнчивый женихъ по-прежнему сидѣлъ молча на стулѣ, вопросительно посматривая то на младшую, то на старшую сестру, которыя давно уже догадывались зачѣмъ онъ пріѣхалъ къ нимъ и едва могли удерживаться отъ смѣха. Наконецъ воротился отецъ дѣвушекъ изъ лѣсу, поставилъ двухъ коровъ въ коровникъ, вошелъ въ комнату, поздоровался съ гостемъ и сѣлъ возлѣ него. Тутъ Гейнрихъ сталъ какъ-то разговорчивѣе, но все-таки не рѣшался высказаться, а далъ пригласить себя къ ужину, говоря постоянно, что ему пора уже ѣхать домой. При наступленіи ночи, погода испортилась и разразилась гроза. Потому, само собою разумѣется, Гейнрихъ остался у сосѣда. Молодой человѣкъ безотговорочно разсѣдлалъ лошадь и поставилъ ее въ конюшню.

Всѣ улеглись спать, и женихъ спокойно уснулъ подъ двумя шерстяными одѣялами. На другое утро, на разсвѣтѣ, обѣ дѣвушки, спавшія вмѣстѣ со всѣми другими въ одной комнатѣ, тихо встали, сварили кофе, выдоили коровъ и приготовили завтракъ, состоявшій изъ сала и маисоваго хлѣба. Теперь Гейнрихъ сталъ безпокоенъ; каждую минуту онъ хотѣлъ просить руки одной изъ дочерей, но слова какъ-то останавливались у него на языкѣ. Старикъ замѣчалъ это, тѣмъ болѣе, что мать сообщила ему о своихъ догадкахъ. Чтобы избавить бѣднаго молодаго человѣка отъ затрудненій, онъ вышелъ съ нимъ изъ дому и разсказалъ ему, что обѣ его дочери помолвлены и въ слѣдующее воскресенье будутъ вѣнчаться.

Гейнрихъ произнесъ при этомъ только «странно!» плотно надѣлъ на голову шляпу, пожалъ старику руку, попросилъ его вынести изъ комнаты сѣдло и черезъ десять минутъ уже ѣхалъ по дорогѣ къ себѣ домой.

Но онъ въ самое рабочее время потерялъ цѣлый день, и потому не могъ воротиться домой, не достигнувъ цѣли. Проѣзжая мимо другой маленькой хижины, гдѣ жила также молодая дѣвушка, онъ сошелъ съ лошади, вступилъ въ домъ и окончилъ свое дѣло въ полтора часа, получивъ согласіе родителей дѣвушки, которые

знали, что онъ человѣкъ прилежный. Черезъ четыре часа послѣ этого онъ уже опять стоялъ на своемъ полѣ съ засученными рукавами у плуга, которымъ проводилъ борозды для посѣва маиса, а черезъ недѣлю уѣхалъ съ невѣстою къ мировому судьѣ, отъ котораго воротился женатымъ человѣкомъ.

Какъ бы ни былъ залѣсникъ бѣденъ, онъ не допуститъ, чтобы жена его исполняла очень трудную работу. Занятія женщины ограничиваются стряпнею, стиркою бѣлья, пряденьемъ и тканьемъ. Удовольствій, кромѣ случайныхъ баловъ, обитательница лѣса не знаетъ, а городовъ она никогда не видитъ. Впрочемъ, залѣсница не желаетъ ничего кромѣ благоденствія своего семейства и умноженія стада. Въ воскресенье она ѣдетъ верхомъ возлѣ своего мужа на красивомъ сѣдлѣ (покупаемомъ непремѣнно, даже если для этого нужно продать корову) въ молитвенное собраніе и, можетъ быть, кстати, посѣщаетъ знакомую, живущую не очень далеко.

Слѣдующій примѣръ показываетъ, какая сила кроется въ такой женщинѣ.

Въ апрѣлѣ 1840 года одинъ мисуріецъ случайно открылъ на охотѣ съ товарищами богатую свинцовую руду, верстахъ въ 75 отъ своего жилища и верстахъ въ 60 отъ обитаемаго мѣста. Онъ былъ при открытіи случайно

одинъ и потому рѣшился утаить находку и переселиться на открытое мѣсто съ семействомъ, чтобы сдѣлаться законнымъ его владѣльцемъ. Уже на третій день послѣ этого онъ возвратился домой. Тотчасъ ему нельзя было найти покупателя на свое маленькое имѣніе, а потому онъ сложилъ на лошадь необходимѣйшія вещи и инструменты, посадилъ жену и двухъ дѣтей на другую и съ прекраснѣйшими надеждами отправился къ новой своей родинѣ. Но какъ грудной младенецъ его былъ боленъ, то семейство и не могло пройти всего пространства въ одинъ день. Остановились въ старой покинутой хижинѣ, тѣмъ болѣе, что къ вечеру стали собираться тучи, предвѣщавшія грозу. Едва семейство вступило въ хижину, какъ дѣйствительно полился дождь, заблистали молніи, и сталъ перекатываться страшный громъ. Семейство коекакъ устроилось на ночь. Постель положили въ одномъ углу, съ лошади сняли котелъ, и мужъ развелъ огонь старыми досками, которыя валялись въ хижинѣ.

Хижина, занятая на ночь переселенцами, была построена однимъ изъ піонеровъ запада, которые всю жизнь проводятъ въ такихъ грубыхъ бревенчатыхъ домикахъ. Они покидаютъ такія жилища единственно для того, чтобы отправиться далѣе на западъ и устроиться тамъ,

можетъ быть, еще менѣе удобно. Домъ былъ крытъ колотыми досками, которыя скрѣпили тяжелыми жердями. Эта крыша удерживала дождь, такъ что лишь нѣсколько капель проникало во внутренность хижины сквозь сгнившія мѣста. Стѣны на сѣверной и западной сторонахъ были обшиты досками, а полъ состоялъ изъ грубо обтесанныхъ бревенъ съ большими просверленными дырками, по которымъ видно было, что они нѣкогда входили въ составъ барки. Провалившаяся печная труба придавала внутренности хижины нѣсколько мрачный и дикій видъ, но все-таки въ ней было лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, не смотря на дымъ, который впрочемъ отлично предохранялъ отъ нападенія москитовъ, летающихъ по лѣсу несмѣтными стаями послѣ влажной зимы.

Утомленные путешественники легли и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ домѣ господствовало безмолвіе, прерываемое только равномѣрнымъ дыханіемъ спящихъ. Внезапно проснулся грудной младенецъ, принялся кричать и не могъ успокоиться.

— Достань, пожалуйста, стаканъ воды,—сказала жена своему мужу:—ребенокъ хочетъ пить, да и у меня совсѣмъ засохло въ горлѣ.

— Хорошо, подожди немного.... Я раздую

огонь и зажгу лучину, потому что въ темнотѣ не могу найти источника.

Послѣ этого онъ всталъ и ощупью пошелъ къ печкѣ. Внезапно залѣсникъ вскрикнулъ и отскочилъ въ противоположную сторону печки.

— Бога ради, что съ тобою?—произнесла перепуганная жена.

— Ничего!—простоналъ мужъ, переводя духъ: я на что-то наступилъ.

— Я встану и раздую огонь,—сказала жена, поднимаясь на постели.

— Не вставай, Бога ради, не вставай!—поспѣшно и повелительно закричалъ мисуріецъ: не трогайся, пока не настанетъ день?

— Что съ тобою, Уильямъ? говори, умоляю тебя! произнесла жена.

— Въ комнатѣ есть змѣи, и я наступилъ на одну изъ нихъ.

— Не укушенъ ли ты?—съ ужасомъ спросила жена.

— Кажется, нѣтъ. На меня наскочила одна, но вѣрно промахнулась. Оставайся только въ постели и не спускай дѣтей.

— Боже мой! жалобно проговорила несчастная женщина.—Если бы поскорѣе насталъ день... Я умру съ тоски.... не трогайся ты только съ мѣста, чтобы съ тобою не случилось несчастія.

— Да, да, отвѣчалъ мужъ; я останусь, гдѣ стою, держи только дѣтей!

Перепуганная женщина долго вслушивалась въ малѣйшій шумъ, но наконецъ утомленіе одержало верхъ, и она опять уснула, когда притихъ ея младенецъ. Сонъ ея не былъ однако спокоенъ, страшныя сновидѣнія слѣдовали одно за другимъ, и она проснулась, вскрикнувъ отъ ужаса.

Былъ уже день, солнце пробивалось сквозь щели, дѣти спали, а отецъ лежалъ неподвижно у противоположной стѣны. Въ комнатѣ не было ни одного опаснаго животнаго: ихъ разогналъ утренній свѣтъ. Тутъ залѣсница поспѣшно вскочила, накинула платье и подошла къ мужу, чтобы разбудить его; но едва коснулась его плеча, какъ отскочила, вскрикнувъ отъ ужаса такъ громко, что дѣти проснулись отъ страшнаго отголоска въ пустой комнатѣ. Мужъ бѣдной женщины былъ мертвъ и холоденъ; члены его опухли, и онъ глядѣлъ широко раскрытыми глазами безъ всякаго выраженія. Заливаясь слезами, жена бросилась на бездыханное тѣло и всѣми силами старалась пробудить въ немъ жизнь. Но всѣ ея старанія были тщетны, и въ отчаяніи она могла только рыдать. Дѣти, не привыкшія къ такимъ громкимъ выраженіямъ страданія ласковой своей матери, принялись вторить ей; но ихъ голосъ пробудилъ въ ма-

тери всю силу, и она почувствовала въ себѣ мужество, котораго до того не сознавала. Съ спокойствіемъ отчаянія она ласково принялась утѣшать дѣтей и, давъ имъ позавтракать, приготовилась къ погребенію мужа. Между взятыми съ собою орудіями было также нѣсколько лопатъ. Взявъ одну изъ нихъ, одинокая женщина вырыла мужу могилу у журчащаго ручья. Съ неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ она дотащила тѣло мужа до вырытой ямы, закрыла ее нѣсколькими досками, сложила руки, помолилась надъ тѣломъ усопшаго и уже хотѣла засыпать его, когда старшій ребенокъ, 4-хъ-лѣтняя дѣвочка бросилась къ ней и стала кричать: «Не бросай на папеньку земли.»

При этихъ словахъ дитяти, мать опять упала духомъ; громко рыдая, прижала дѣвочку къ своей груди и на короткое время предалась горю. Но она вскорѣ превозмогла себя, цѣлуя отвела они дѣвочка отъ мѣста погребенія у поспѣшно окончила печальную свою работу.

Теперь ей слѣдовало сосредоточить всю силу своего характера. Оставаться на мѣстѣ она не могла, хотя пищи имѣла на нѣсколько дней. Самое мѣсто гибели ея мужа наводило на нее ужасъ. Оттого она поспѣшно стала готовиться въ дорогу. То, въ чемъ бѣдная мать не имѣла крайней надобности, она сложила въ хижину,

остальное вынесла подъ открытое небо, взяла съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней, оставила младшаго младенца на нѣсколько минутъ подъ надзоромъ старшей дѣвочки, а сама отправилась ловить кобылу, которая паслась неподалеку. Она осѣдлала лошадь, взяла винтовку, огнестрѣльныя принадлежности и ножъ мужа, чтобы быть вооруженною, во время странствованія посреди пустыни.

Все это она сдѣлала съ неимовѣрнымъ трудомъ, взлѣзла сама на лошадь съ повалившагося ствола и подняла къ себѣ дѣтей. Теперь слѣдовало побѣдить новую трудность,—найти точное направленіе къ дому, потому что она, полагаясь на мужа, вовсе не обращала вниманія на пройденный путь. Она помнила только, что, по словамъ ея мужа, новое поселеніе лежитъ на сѣверозападѣ. Впрочемъ, одинокая женщина много надѣялась на чуткость лошади. Но, казалось, что лошадь была совершенно довольна новымъ пастбищемъ и вовсе не намѣревалась промѣнять его на болѣе тощій кормъ своей родины. Когда хозяйка свободно опустила поводья, лошадь принялась спокойно ѣсть траву, не смотря на крики и угрозы.

Слѣдовательно, молодая безпомощная женщина должна была положиться только на свою силу и направила лошадь къ юговостоку, сколько

умѣла опредѣлить это направленіе. Но она не могла ѣхать скоро, потому что дѣти и тяжелое длинное ружье заставляли ее соблюдать осторожность, чтобы не быть сброшенною какимъ-нибудь выдавшимся сукомъ.

Къ полудню ясное до того небо покрылось облаками, почему несчастная женщина лишилась единственнаго указателя пути, потому что по древесной корѣ она не умѣла опредѣлять страны свѣта. По возможности, она старалась держаться принятаго первоначально направленія и при наступленіи вечера остановилась у подошвы небольшаго холма на берегу ручья. Ночью дѣти очень боялись воя волковъ и мрачнаго крика совъ, но мать старалась успокоить ихъ, хотя и у нея сердце билось отъ страха. Она насыпала на полку ружья свѣжаго пороха и съ боязливымъ вниманіемъ вслушивалась во всякій шумъ.

На другое утро она опять снарядилась въ путь, но небо было пасмурно, и у бѣдной женщины все сильнѣе билось сердце отъ страха, когда она помышляла о томъ, что блуждаетъ въ дикомъ лѣсу безъ дорогъ. Въ слѣдующій вечеръ она съ дѣтьми съѣла послѣднія крошки, и на третій день, ко всѣмъ невзгодамъ, присоединился еще жестокій голодъ. На пути заблудившаяся видѣла многихъ оленей, даже довольно близко

отъ себя, но боялась стрѣлять, изъ опасенія, что лошадь перепугается и сброситъ дѣтей. Но вечеромъ третьяго дня она увидѣла стаю индѣекъ, взлетѣвшихъ на деревья, и поспѣшно остановилась, чтобы застрѣлить по крайней мѣрѣ одну изъ этихъ небоязливыхъ птицъ.

Несчастной предстояла безпокойная ночь. Грудной младенецъ безпрерывно кричалъ, и его голосъ, похожій на клики оленицы, привлекалъ волковъ, которые съ воемъ рыскали вокругъ разожженнаго костра, почему перепуганная женщина не знала другаго средства, какъ разогнать звѣрей выстрѣлами. Но кто опишетъ ея чувство, когда на одинъ изъ выстрѣловъ не въ дальнемъ разстояніи отвѣчалъ человѣческій голосъ! Какъ радостно стала она кричать, чтобы указать спасителямъ къ себѣ путь.

Можно себѣ представить изумленіе залѣсника, когда онъ увидѣлъ слабую женщину, одну, съ двумя безпомощными дѣтьми, посреди дикаго лѣса! Не теряя времени на разспросы, залѣсникъ повелъ заблудившуюся въ свой домъ, находившійся по близости, гдѣ несчастную съ большимъ участіемъ приняла жена залѣсника. Мужъ слышалъ вечеромъ сперва выстрѣлы, а затѣмъ при порывахъ вѣтра до него доходили крики ребенка, которые онъ однако принялъ за крики барса, весьма похожіе на дѣтскіе. На

все это онъ сначала не обратилъ особеннаго вниманія, которое, однако, пробудилось усиливающимся воемъ волковъ. Когда онъ вышелъ изъ своего дома, раздался второй выстрѣлъ, который убѣдилъ его, что въ лѣсу кто-нибудь заблудился. Во всякомъ случаѣ, онъ не ожидалъ найти одинокую женщину посреди лѣса.

Домъ фермера находился далеко отъ пути, по которому слѣдовало ѣхать вдовѣ домой, куда ее привезъ на другой день американецъ въ повозкѣ.

До того силы несчастной держались подъ вліяніемъ болѣе могучаго духа, но наконецъ природа одержала верхъ. Вдова заболѣла нервною горячкою, и пролежала въ постели нѣсколько мѣсяцевъ.

Между тѣмъ, нѣсколько молодыхъ людей отправились къ хижинѣ, гдѣ погибъ переселенецъ, чтобы перевезти оставленныя тамъ вещи. Они рѣшились остаться въ покинутомъ домѣ, чтобы перебить змѣй. При свѣтѣ факеловъ они черезъ часъ послѣ заката солнца увидѣли, какъ выползли двѣ страшныя гремучія змѣи. Четырьмя пулями ихъ немедленно убили и повѣсили, какъ побѣдный, трофей надъ могилою несчастнаго залѣсника.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СПОСОБЪ
ДОБЫВАТЬ СЕБѢ КВАРТИРУ.

У Магуаломе, въ такъ называемыхъ южныхъ рудникахъ Калифорніи, которой ущелья доставляютъ золотоискателямъ богатую добычу, въ маленькомъ городкѣ рудокоповъ нѣсколько времени находился ирландецъ Петръ Макъ Керти. Въ одно изъ двухъ мѣстъ, богатыхъ золотомъ, онъ ввалился, въ настоящемъ смыслѣ слова, и добытое золото обратилъ послѣ промывки немедленно въ водку или спустилъ его въ американской или испанской игорной палаткѣ, гдѣ мошенники-игроки избавляли его отъ грузнаго металла гораздо скорѣе продавца водки. Прокутивъ всю добычу, Керти шлялся нѣсколько времени между хижинами и палатками, къ величайшей досадѣ своихъ знакомыхъ и торговцевъ водкою, отъ которыхъ ирландецъ требовалъ крѣпкихъ напитковъ въ долгъ. Притомъ онъ заби-

рался ночевать къ какому-нибудь пріятелю и пытался поправить свое состояніе мелочною игрою на нѣсколько занятыхъ доллеровъ. Такимъ образомъ онъ жилъ до тѣхъ поръ, пока всѣ перестали одолжать его, и ему поневолѣ приходилось снова браться за лопату и кирку.

Макъ Керти былъ образцомъ безпутнаго ирландца. Онъ былъ ростомъ почти въ шесть футовъ, немного рябоватъ и весь въ веснушкахъ, имѣлъ рыжіе курчавые волосы и свѣтлую кожу. Свѣтлоголубые его глаза смотрѣли на свѣтъ отважно и весело, когда онъ не былъ пьянъ. Притомъ Петръ обладалъ природнымъ юморомъ, свойственнымъ сынамъ зеленаго острова, почему онъ легко переносилъ тяжкіе удары судьбы. Дѣйствительно, онъ велъ такую превосходную жизнь, какой не представлялъ себѣ и во снѣ: онъ работалъ мало и получалъ много водки. Оттого не удивительно, что во всемъ Магуаломе не находилось болѣе разгульнаго и веселаго человѣка, какъ Макъ Керти.

Петръ былъ однажды опять на промежуточной станціи, какъ онъ выражался самъ, или въ slack-water (порѣ между отливомъ и приливомъ моря), какъ говорили другіе работники, т. е. вполнѣ разработалъ и потратилъ добытое золото до того, что торговцы уже неохотно давали ему въ долгъ. Даже трактирщикъ, у котораго онъ

поселился теперь, а передъ этимъ прокутилъ большую часть своихъ денегъ, усталъ имѣть около себя почти всегда пьянаго и иногда задорнаго человѣка.

Трактирщикъ французъ, собственно говоря, любилъ ирландца и переносилъ отъ него больше непріятностей, нежели кто-либо въ Калифорніи. Наконецъ, ирландецъ надоѣлъ и ему, такъ что онъ отказалъ вѣчно пьяному Петру въ квартирѣ. Непоколебимый ирландецъ отвѣчалъ, что онъ останется у трактирщика и будетъ его покупателемъ, а потому французъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству — вынесъ изъ палатки одѣяло и орудія Петра и рѣшительно запретилъ ему входить въ трактиръ. Ирландецъ понялъ, что здѣсь силою ничего не возьмешь, потому что французъ имѣлъ полное право съ оружіемъ въ рукахъ преградить входъ къ нему въ палатку тому, кому онъ запретилъ войти. Такой непріятности Керти подвергаться не хотѣлъ.

Къ счастію, день былъ совершенно исключительный въ томъ отношеніи, что ирландецъ до вечера оставался трезвымъ, иначе онъ едва ли покорился бы справедливымъ требованіямъ француза. Нѣсколько минутъ Керти оставался въ раздумьѣ, съ одѣяломъ подъ мышкою и лопатою и киркою въ рукахъ. Затѣмъ онъ повернулся на правомъ истоптанномъ каблукѣ, вѣрномъ при-

знакѣ работающаго въ копяхъ, прошелъ нѣсколько шаговъ и снова остановился.

— Послушайте, монсиръ, воскликнулъ онъ наконецъ, обращаясь къ французу, стоящему у входа въ палатку:—достану ли я сегодня отъ васъ стаканъ водки? Чортъ васъ побери! неужели вы выгоните христіанина посреди ночи, не надѣливъ его глоточкомъ.

— Я дамъ тебѣ цѣлый стаканъ, Петръ, произнесъ французъ, радуясь, что дѣло обошлось такъ дешево,—цѣлый стаканъ, полный по края и даромъ, потому что въ долгъ я не дамъ тебѣ ни на копѣйку, пока ты ни примешься за работу

— Чего толковать теперь о работѣ, со смѣхомъ возразилъ Керти. Подавай скорѣе водки; сегодня вѣдь уже поздно идти на пріиски.... Тамъ не увидишь ни одного самородка.

Французъ, который считалъ ирландца способнымъ на всякую хитрость, не отошелъ отъ входа въ палатку, но приказалъ налить водки своему помощнику и затѣмъ подалъ ее Петру, который выпилъ прозрачную жидкость до дна, выразилъ свое удовольствіе громкимъ чмоконьемъ и, поблагодаривъ, ушелъ.

— Прощай, Петръ, крикнулъ ему трактирщикъ Босенъ, который хотѣлъ дружественно проститься съ пьяницею. Поправься и пере-

станъ бражничать, тогда мы можемъ выпить вмѣстѣ не одинъ стаканъ добраго вина.

— Прощай, отвѣчалъ Петръ, который бросилъ на землю свое одѣяло, лопату и кирку, шагахъ въ 10 отъ палатки и, казалось, приступилъ къ устройству своего ночлега. Прощай, Джони.... Впрочемъ, мы можемъ еще поболтать, я уже переѣхалъ и не знаю, почему намъ не быть добрыми сосѣдями.

— Ты уже переѣхалъ, Петръ? произнесъ французъ, которому близость ирландца не очень нравилась. Развѣ ты хочешь остаться на холодной землѣ, подъ открытымъ небомъ.

— Почему же нѣтъ? Развѣ не ты самъ закрылъ двери сыну моей матери? Сверхъ того, теперь полнолуніе, и на небѣ нѣтъ ни облачка.

— Но ты расположился такъ близко отъ палатки, Петръ; ты долженъ оставить довольно мѣста, чтобы люди могли проходить свободно.... Тебѣ здѣсь оставаться нельзя....

— Нельзя! Это почему, пробормоталъ ирландецъ.—Тутъ довольно просторно, и между мною и палаткою можетъ проѣхать самый огромный возъ, а тѣмъ болѣе пройти какой-нибудь пьяница. Что касается до шатающихся, то заботься только о себѣ, чтобы они не столкнули тебя,— уже съ ними справлюсь. Дайка мнѣ нѣсколько угольковъ развести огонь.

— Ты хочешь развести огонь, Петръ!

— Неужели мнѣ спать ночь безъ огня подъ открытымъ небомъ?

— А если загорится палатка.

— Палатка? у меня нѣтъ палатки!

— Я говорю о своей палаткѣ.

— О своей? А какое мнѣ дѣло до твоей палатки. Всякій долженъ заботиться о себѣ.... Дай же мнѣ угольковъ.

— Полно болтать пустяки, Петръ: ты хочешь только посердить меня, въ надеждѣ, что я опять призову тебя къ себѣ; ошибаешься, любезный; твоя выдумка немножко груба... Я дамъ тебѣ огня.

— Больше мнѣ и не нужно ничего, проворчалъ ирландецъ. Мнѣ идти въ твою палатку? Да я пойду въ нее не иначе, какъ съ извѣстнымъ уговоромъ.

— Хе-хе-хе! просмѣялся французъ:—Что же это за уговоръ?

— Объ этомъ мы потолкуемъ въ другой разъ, сухо отвѣчалъ ирландецъ. Достану ли я угольевъ или нѣтъ? Если ты не дашь ихъ мнѣ, я пойду къ другому сосѣду.

— Ну, ну, братецъ, потерпи маленько; вѣдь тебѣ, право, не къ спѣху, смѣясь возразилъ французъ. Гдѣ же ты добудешь топлива? Я тебѣ не дамъ его, потому что у меня едва

хватитъ его, чтобы сварить завтра кофе. Мнѣ самому придется послать за хворостомъ!

— Это уже мое дѣло! хладнокравно отвѣчалъ Петръ.

Когда французъ насыпалъ полную лопату раскаленныхъ угольевъ на мѣсто, указанное ирландцемъ, послѣднiй принялся подбирать сучки, валявшiеся мѣстами въ небольшомъ количествѣ. Когда костеръ разгорѣлся, ирландецъ сталъ собирать кости, копыта, куски кожи и т. п. выкинутые предметы, и все это побросалъ въ огонь, отчего заклубился вонючiй дымъ, окружившiй палатку француза.

Трактирщикъ между тѣмъ уже заперъ двери своего шатра и готовился лечь спать, когда услышалъ ужасный смрадъ, проникавшiй въ палатку.

— Что за чертовщина! воскликнулъ онъ наконецъ, оборотившись въ ту сторону, откуда, казалось, неслась вонь всего сильнѣе. Этого недоставало! Послушай, Петръ, что ты тамъ затѣялъ? Ты, кажется, топишь старыми подошвами?

— Кажется, въ костеръ попала пара подошвъ, навѣрное не знаю,—спокойно отвѣчалъ ирландецъ, который разложилъ свое одѣяло и подложилъ себѣ подъ голову инструменты, прикрытые старымъ сюртукомъ.

— Тобою вѣрно овладѣлъ бѣсъ! Что тебѣ вздумалось жечь такую мерзость?—закричалъ нѣсколько сердито французъ: — Отъ такого смрада задохнутся всѣ сосѣди.

— Это я сдѣлалъ, чтобы избавиться отъ комаровъ,—замѣтилъ ирландецъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ:—Теперь оставь меня въ покоѣ: мнѣ хочется спать, и я не чувствую никакого расположенія къ бесѣдѣ.

— Полно, братецъ, этимъ ты меня не одолѣешь,—замѣтилъ французъ, полагавшій, что понимаетъ, чего добивается ирландецъ:—Пожалуй, лежи себѣ и жги кожу; это мнѣ нисколько не мѣшаетъ и не заставитъ пригласить тебя къ себѣ въ палатку.

— Да будетъ благословенна твоя душа! Тебѣ много придется упрашивать меня, чтобы склонить войти къ себѣ въ палатку. Спи и оставь меня въ покоѣ!

Бросившись на одѣяло, онъ, казалось, черезъ нѣсколько минутъ заснулъ,—по крайней мѣрѣ онъ не говорилъ болѣе ни слова. Огонь, распространявшій ужаснѣйшій смрадъ, мало-по-малу угасъ.

Этимъ дѣло однако не кончилось. Когда Петръ всталъ на другое утро и принялся варить кофе, казалось, онъ нарочно подбиралъ для разведенія огня изношенную кожаную обувь, шер-

стяныя тряпки, кости, жилы, перья, волосы и всякую дрянь, отчего распространялось больше дыма и смрада, нежели отъ всѣхъ другихъ костровъ въ сложности.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Земляки Петра поняли его хитрость, и съ готовностью помогали ему въ его предпріятіи. Въ то время, какъ горѣлъ костеръ Петра, они входили къ французу въ палатку и приказывали подать себѣ водки, вина и даже шампанскаго, а когда хозяинъ являлся съ заказанными напитками, гости вставали, говоря, что въ шатрѣ нестерпимо воняетъ и въ трактирѣ нѣтъ возможности оставаться. Затѣмъ они уходили, не истративъ ни одного грана золота.

Босенъ выносилъ такія непріятности терпѣливо цѣлую недѣлю, въ надеждѣ, что порядочный дождь заставитъ упорнаго сосѣда измѣнить свое мѣстопребываніе. Притомъ, думалъ онъ, долженъ же наконецъ истощиться запасъ костей и кожи, выброшенныхъ въ окрестности. Но какъ нарочно стояла сухая погода, и Петръ занялся исключительно собираніемъ подобныхъ матеріяловъ для своего костра даже въ самыхъ отдаленныхъ рудникахъ, такъ что смрадный его огонь не угасалъ.

Наконецъ, французъ болѣе не могъ вытерпѣть, и въ надеждѣ, что Петръ вскорѣ примется за

работу, подошелъ къ нему со смѣхомъ, назвалъ его продувнымъ малымъ и предложилъ ему ложиться спать, по-прежнему, въ его палаткѣ. Разумѣется, что въ такомъ случаѣ необходимости въ кострѣ болѣе не было.

Петръ отказался. Онъ говорилъ, что ни съ кѣмъ не хочетъ имѣть сношеній и всего менѣе желаетъ спать въ палаткѣ человѣка, который не давалъ ему въ долгъ водки, въ которой онъ имѣлъ настоятельную надобность. Босенъ не хотѣлъ ни за что давать ирландцу чего-либо въ долгъ и оттого переговоры прекратились. Палатка француза, между тѣмъ, оставалась пустою, потому что ирландецъ, въ полномъ смыслѣ слова, выкуривалъ всѣхъ другъ за другомъ. Вторичная попытка уговорить ирландца прекратить разведеніе огня старыми сапогами и отказаться отъ осады безъ требованія неограниченнаго кредита, не имѣла никакого успѣха. Тогда миръ заключился наконецъ полнымъ стаканомъ водки, безъ которой Петръ ни за что не вступилъ бы въ палатку. Съ той поры прекратилось смрадное топленіе костями и башмаками.

Впрочемъ, Петръ Керти былъ человѣкъ, который не хотѣлъ давать долго кормить себя даромъ. Достигнувъ разъ своей цѣли, онъ былъ доволенъ, и послѣ этого однажды утромъ взялъ

въ руки лопату и кирку и сдѣлался однимъ изъ прилежнѣйшихъ работниковъ. Счастіе повезло ему, и въ двѣ недѣли онъ не только расплатился со всѣми своими кредиторами, но имѣлъ еще довольно въ остаткѣ, чтобы опять остановиться, по его выраженію, на промежуточной станціи.

СУДЪ ВЪ АРКАНЗАСѢ.

Въ первый понедѣльникъ сентября 1841 года одинокій путешественникъ остановился у незнакомаго ему трактира въ городкѣ Элизабеттаунѣ на Уэйтъ-Риверѣ, въ Арканзасѣ. Накинувъ поводья на столбъ у дверей дома, онъ вошелъ въ комнату, откуда раздавались голоса.

Такое необычайное собраніе заставило пріѣзжаго обратиться съ вопросомъ къ одному старому фермеру, который шелъ мимо него съ бутылкою и жестянымъ стаканомъ.

— Скажите, пожалуйста, отчего тутъ сошлось столько народа? Ужъ не хотятъ ли кого вѣшать?

— Нѣтъ, здѣсь никого не вѣшаютъ,—ласково отвѣчалъ фермеръ, подавая пріѣзжему стаканъ вина, налитаго изъ бутылки, которую онъ держалъ въ рукѣ,—но вы почти угадали, въ чемъ дѣло: у насъ сегодня судъ, и онъ скоро начнется. Дѣло тянется только оттого, что долго выбираютъ 12 судей. То одинъ адвокатъ, то

другой не хочетъ принять судью избраннаго, и они спорятъ такъ долго, пока не отвергнутъ 6 человѣкъ, какъ это предоставлено имъ закономъ. Тогда они должны принять всякаго. Но теперь ужъ начнется настоящій выборъ. Я пока сходилъ за виномъ, потому что у товарищей отъ крика пересохло въ горлѣ.

— Можно ли присутствовать при судѣ? — спросилъ пріѣзжій, съ благодарностью возвращая стаканъ.

— Откуда вы пріѣхали?—произнесъ фермеръ съ изумленіемъ:—Развѣ вы не знаете, что въ Арканзасѣ можно присутствовать всюду. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю...

— Я не болѣе какъ за мѣсяцъ прибылъ въ Америку изъ Англіи, и потому не удивляйтесь, что я не знаю здѣшнихъ обычаевъ.

— А! — произнесъ американецъ, кивнувъ головою:—Такъ пойдемте же, я вамъ все объясню, вы не можете имѣть лучшаго руководителя.

— Какой будетъ сегодня судъ? — спросилъ пріѣзжій, останавливаясь.—Дѣло уголовное?

— Уголовное, конечно, уголовное. Одного изъ нашихъ сосѣдей обвиняютъ, что онъ изловилъ нѣсколько свиней, свободно бѣгающихъ здѣсь въ лѣсу, и намѣтилъ на нихъ свой знакъ.

— Какой знакъ? Я этого не понимаю.

— Вотъ видите ли, у всякаго поселенца есть

разная скотина, лошади, свиньи, овцы и рогатый скотъ. Животныя иногда по мѣсяцу не попадаютъ хозяину на глаза. Для предотвращенія ошибокъ и чтобы узнать собственность, всякій дѣлаетъ на своей скотинѣ мѣтки. Одни выжигаютъ начальную букву своего имени въ бокъ животнаго, но всего употребительнѣе ушная мѣтка. Пробиваютъ дырку или дѣлаютъ прорѣзъ на правомъ или лѣвомъ ухѣ и т. п. Когда фермеръ избралъ какой-нибудь знакъ, онъ доноситъ о томъ мировому судьѣ, который записываетъ знакъ и имя фермера. Съ этого времени послѣднему принадлежатъ всѣ животныя, бѣгающія по лѣсу съ такимъ знакомъ, и никто не имѣетъ права словить, застрѣлить или зарѣзать ихъ.

— И обвиненный совершилъ такое преступленіе?—спросилъ пріѣзжій.

— Нѣчто въ родѣ того,—отвѣчалъ фермеръ:— Говорятъ, что онъ подрѣзалъ нѣсколькимъ чужимъ свиньямъ уши, такъ что ихъ нельзя было отличить отъ его собственныхъ. Онъ гналъ будто бы такую скотину, вмѣстѣ съ своею, къ себѣ домой и при томъ встрѣтился съ знакомымъ ему настоящимъ владѣльцемъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ утверждаетъ, что не дѣлалъ на свиньяхъ никакихъ знаковъ. Для рѣшенія этого вопроса сегодня изберутъ судей.

Послѣ такого объясненія фермеръ отворотился

отъ пріѣзжаго и пошелъ къ весьма невидному домику, который онъ гордо назвалъ *нашъ судъ*. Безъ такого объясненія туземца англичанинъ, конечно, не догадался бы, что это столь важное оффиціальное зданіе. Дѣйствительно, оно было низко, длиною въ 24 и шириною въ 20 футовъ, построено изъ бревенъ, пазы которыхъ были замазаны смѣсью изъ глины и соломы. Почти всю длину одной стороны занималъ огромный глиняный каминъ, который топился, какъ видно было по взвивающемуся дыму.

— Неужели это общественное зданіе? — съ удивленіемъ спросилъ англичанинъ.

— Что жъ?—сказалъ фермеръ, улыбаясь:— Развѣ это не хорошій домъ?

— Я видѣлъ получше!—захохотавъ, отвѣчалъ пріѣзжій:—Бревна, кажется, очень сыры и сгнили, и меня вовсе не удивитъ, если весь домъ обвалится на собравшееся въ немъ многочисленное общество.

— Сегодня этого, я думаю, не случится,— серіозно возразилъ старикъ:—Впрочемъ, правда, домъ дѣйствительно нѣсколько опасенъ, особенно на томъ покосившемся углу.

— Отчего же собираются въ такой плохой лачугѣ, между тѣмъ какъ здѣсь столько хорошихъ домовъ?

— Эти домы всѣ частные. Но видите ли,

тамъ, на площади, лежатъ бревна. Тамъ будетъ новый домъ суда; я подрядился строить его. Погода была, однако, до сихъ поръ очень дурная. Но я надѣюсь, что въ четыре недѣли стѣны будутъ возведены. Въ старый домъ собирались методисты, а послѣ онъ остался безъ употребленія, почему имъ и воспользовалось правительство. Теперь онъ биткомъ набитъ адвокатами. Я не пожалѣлъ бы, хоть бы и теперь этотъ домъ обрушился, если бы тамъ не было моихъ сосѣдей.

При этихъ словахъ онъ подошелъ къ дверямъ и постучалъ въ нихъ ногою. Англичанинъ полагалъ, что фермеръ не можетъ отворить дверей, потому что у него заняты руки, и самъ попытался отворить ихъ, но онѣ были заперты изнутри. Вскорѣ ихъ отворили, и мы оба вошли въ такъ называемую судебную комнату.

Она занимала весь домъ и имѣла четыреугольное отверстіе, представлявшее собою окно. Можетъ быть, первые владѣльцы дома имѣли отважную мысль вставить въ это окно стекла, но такая мысль никогда не осуществлялась, почему нижнюю часть проруба заколотили досками, а верхнюю оставили открытою, для пропуска свѣта.

Посреди комнаты, у большаго четыреугольнаго стола, сидѣли на двухъ длинныхъ скамьяхъ

адвокаты и уѣздный писарь, а у камина на стулѣ, спиною къ огню, судья.

— Ну, братцы, вотъ я принесъ вамъ попить,— сказалъ вошедшій фермеръ, поднимая бутылку и стаканъ.

Но со всѣхъ сторонъ ему зашикали, а судья Стоктоно замѣтилъ, что засѣданіе уже началось.

— Хорошо, подождемъ,—равнодушно пробормоталъ фермеръ и поставилъ бутылку подъ скамейку.

Судья всталъ, и въ комнатѣ водворилось совершенное бозмолвіе.

— Всѣ ли присяжные присутствуютъ здѣсь?— спросилъ онъ громкимъ голосомъ.

— Да!—отвѣчали 12 присяжныхъ на другой сторонѣ комнаты.

Вопросъ былъ вовсе не излишенъ, потому что зрители до того тѣснились, что совсѣмъ закрыли собою присяжныхъ, и судья не могъ видѣть ихъ.

— Господа!—произнесъ судья ласково:—прошу васъ нѣсколько очистить мѣсто присяжнымъ.

Когда затихъ шумъ, происшедшій отъ исполненія этой просьбы, судья обратился къ присяжнымъ:

— Господа присяжные, вы созваны сюда и присягнули, что при настоящей жалобѣ будете судить по твердому, чистому убѣжденію, ни-

сколько не лицепріятствуя въ пользу одного и не предаваясь ненависти къ другому. Обдумайте это и судите справедливо.

Послѣ этой короткой рѣчи, судья хотѣлъ сѣсть, но увидѣлъ, что мальчикъ лѣтъ 14 или 15 спокойно привлекъ къ себѣ его стулъ и ревностно срѣзывалъ перочиннымъ ножемъ грубо выточенную шишку, которая сохранилась на лѣвой сторонѣ стула, между тѣмъ какъ на правой она была уже срѣзана прежде.

Нѣсколько секундъ судья стоялъ спокойно. Но какъ молодой человѣкъ не обращалъ на него никакого вниманія, то онъ, наконецъ, сказалъ ему ласково:

— Когда вы срѣжете шишку, прошу васъ отдать мнѣ стулъ.

Эти учтивыя слова нѣсколько смутили молодаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ услышалъ между зрителями сдерживаемый хохотъ. Онъ покраснѣлъ и, ласково улыбаясь, подвинулъ къ судьѣ стулъ, на которомъ отъ шишки остался только тонкій, пріострениый кусокъ. Засунувъ въ карманъ ножъ, онъ очень застѣнчиво сталъ отступать къ камину и навѣрное влѣзъ бы въ огонь, если бы стоящіе вблизи не удержали его во-время.

Хохотъ прекратился, судья занялъ прежнее

мѣсто, и присяжный стряпчій всталъ, чтобы произнести обвиненіе противъ преступника.

— Господа присяжные судьи!—сказалъ онъ обращаясь къ 12-ти внимательно слушавшимъ выборнымъ, которые всѣ были фермеры и ремесленники округа:—Я имѣю грустную обязанность обвинить одного изъ гражданъ этого графства, согражданина, который долго пользовался защитою законовъ и вѣрно и дружно жилъ съ вами. Я могу сказать, что вынужденъ обвинить вашего согражданина въ преступленіи, которое тѣмъ грустнѣе и отвратительнѣе, что оно очень рѣдко, благодаря благомыслію и праводушію жителей Арканзаса. Этотъ человѣкъ оскорбилъ безграничное довѣріе, господствующее въ этихъ лѣсахъ, тѣмъ страшнѣе и позорнѣе, что пытался скрыть свое преступленіе подъ кровомъ закона, охраняющаго собственность каждаго изъ насъ. Онъ измѣнилъ мѣтку свиней своего почтеннаго сосѣда, господина Стифенсона. Можете ли представить себѣ сосѣда прекраснѣе господина Стифенсона? Онъ коварно измѣнилъ мѣтку, такъ что сдѣлалъ ее похожею на свою и пытался загнать чужихъ свиней къ себѣ, чтобы дать имъ тамъ корму и такимъ образомъ пріучить къ своему дому и позднѣе присвоить ихъ себѣ. Господа присяжные судьи! Я не знаю даже, какое прибрать названіе для такого преступленія.

Оно ужаснѣе смертоубійства! При этомъ преступленіи братъ лобызалъ брата и при поцѣлуѣ вонзилъ ему въ сердце ножъ. Но я уже вижу, господа присяжные судьи, въ глазахъ вашихъ негодованіе....

Послѣдніе сбоку поглядѣли другъ на друга, вѣроятно, чтобы видѣть выраженіе негодованія у сосѣда.

— Я вижу, какъ волнуетъ васъ гнѣвъ при мысли о такомъ вѣроломствѣ и измѣнѣ обязанностей дружбы и сосѣдства, и знаю, что вы накажете, строго накажете того, кто посреди васъ посмѣлъ совершить такое вѣроломство. Господа присяжные! Чтобы вѣрнѣе одержать побѣду моими доводами, я могъ бы при этомъ случаѣ обратить ваше вниманіе на то, что на обвиненнаго донесли въ сосѣднемъ графствѣ, близъ Сентъ-Францисвиля, что онъ застрѣлилъ чужую корову и съѣлъ ее, и что позднѣе въ его домѣ подъ поломъ нашли много щетины и слѣды пролитой крови. Но я не дѣлаю этого, считая такое напоминаніе лишнимъ. Уже въ настоящемъ случаѣ доказательства совершенно ясны, и я не сомнѣваюсь, что обвиненный виновенъ, и его накажутъ какъ слѣдуетъ, накажутъ строго. Господа присяжные, позвольте мнѣ представить вамъ моихъ свидѣтелей.

Онъ кивнулъ головою. Выступилъ молодой че-

ловѣкъ, смущенный и съ волненіемъ вертѣвшій поломанную свою поярковую шляпу. Ему приказали подойти къ писарю. Тутъ онъ поспѣшно произнесъ присягу, поцѣловалъ библію и приблизился къ адвокатомъ, чтобы отвѣчать на предлагаемые вопросы. Это былъ самый главный свидѣтель, сынъ фермера, которому принадлежали украденныя свиньи Онъ разсказалъ, послѣ предварительныхъ форменныхъ вопросовъ объ имени и мѣстѣ жительства, что Нитлей, т. е. обвиненный, часто ходилъ въ мѣсто, гдѣ паслись свиньи отца его, и нерѣдко являлся туда съ своею женою. На вопросы, Нитлей каждый разъ отвѣчалъ, что ищетъ свою скотину, но свидѣтель самъ никогда не видѣлъ въ своемъ стадѣ ни свиньи, ни другаго животнаго Нитлея.

На вопросъ, какимъ знакомъ отмѣчена скотина его отца, молодой человѣкъ отвѣчалъ:

— Разрѣзомъ въ лѣвомъ ухѣ и дыркою въ правомъ.

— А какой знакъ имѣетъ скотина обвиненнаго? спросилъ адвокатъ.

— Кусокъ, вырѣзанный изъ лѣваго уха, и двѣ дырки въ правомъ.

Когда молодой человѣкъ хотѣлъ отойти, адвокатъ обвиненнаго просилъ позволенія сдѣлать свидѣтелю два вопроса. Когда ему изъявили на то согласіе, онъ спросилъ сына обвинителя,

можетъ ли онъ, подъ данною присягою, утверждать, что Нитлей измѣнялъ у скотины его отца знаки въ свою пользу?

Молодой человѣкъ отвѣчалъ отрицательно.

Затѣмъ адвокатъ спросилъ: можетъ ли сказать свидѣтель, что Нитлей ходилъ въ лѣсу близъ дома его отца съ какимъ-либо злымъ намѣреніемъ?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ на этотъ вопросъ.

Послѣ этого адвокатъ, мистеръ Ульсей, сѣлъ, и присяжный стряпчій выслушалъ еще десять свидѣтелей, которые всѣ говорили противъ обвиненнаго, но не представляли никакого убѣдительнаго доказательства.

Затѣмъ мистеръ Ульсей всталъ и обратилъ вниманіе присяжныхъ судей на то, что его противникъ, весьма уважаемый и прозорливый присяжный, стряпчій Уеллертонъ, пытался вселить въ нихъ, господъ судей, отвращеніе къ преступленію, приписываемому его кліенту, но ему не удалось представить ни одного дѣйствительнаго доказательства преступленія. Оттого онъ, Ульсей, вполнѣ убѣжденъ, что судья, руководствуясь разумомъ и справедливостью, не увлечется блистательными обвиненіями и не присудитъ невиннаго сограждании перенести оскорбительное, обезчещивающее наказаніе.

Онъ также вызвалъ различныхъ свидѣтелей которые утверждали, что считаютъ Нитлея человѣкомъ честнымъ и не знаютъ о немъ ничего дурнаго. Кромѣ того, они клятвенно говорили, что свиньи разныхъ хозяевъ бѣгаютъ повсюду, и они сами нерѣдко помогали Нитлею сгонять и ловить его скотину.

Послѣ этого Ульсей заговорилъ снова и убѣдительно просилъ судей, чтобы они не увлекались бездоказательными доводами его противниковъ, тѣмъ болѣе, что они сами не знаютъ, не произнесутъ ли противъ нихъ подобнаго обвиненія. Въ заключеніе онъ сказалъ:

— Господа судьи, я убѣжденъ, что ваше сердце давно уже склонилось въ мою пользу, но я также увѣренъ, что и вашъ разсудокъ, разобравъ представленные доводы, говоритъ въ его пользу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ преступно, что онъ искалъ свою скотину у дома какого-либо сосѣда. Господа судьи, кто изъ васъ не дѣлалъ того же самаго. Говорятъ, что онъ гналъ вмѣстѣ съ своими свиньями и чужихъ? Развѣ вы не дѣлали того же самаго? Кто не находилъ въ лѣсу своихъ животныхъ вмѣстѣ съ чужими и бывалъ принужденъ загнать къ себѣ все стадо, чтобы отобрать нужныхъ ему животныхъ? Что касается до обвиненія противъ моего кліента въ другомъ графствѣ, о немъ едва ли стоитъ упо-

минать. Вѣдь тогда мистера Нитлея не признали виноватымъ—и ужъ это указываетъ на его честность. Впрочемъ, жители Арканзаса столь просвѣщенны, что имъ излишне сказать, что нельзя считать человѣка преступникомъ, потому что его когда-то несправедливо обвинили. Это было бы слишкомъ смѣшно. Нѣтъ, господа присяжные, рѣшайте дѣло по вашему убѣжденію, и я ни сколько не боюсь за своего кліента!

Онъ сѣлъ, и присяжный стряпчій заговорилъ еще разъ и сказалъ въ заключеніе:

— Мой почтенный товарищъ говорилъ превосходно, но онъ слишкомъ хорошо знаетъ здравость ума господъ судей и убѣжденъ, что всякое краснорѣчіе излишне въ этомъ случаѣ, въ которомъ доказательства столь ясны. Оттого онъ со стѣсненнымъ сердцемъ предаетъ обвиненнаго горькой его судьбѣ.

Такъ какъ преніе этимъ кончилось, мировой судья всталъ и вниманіе присяжныхъ судей обратилъ на то, что они должны произнести приговоръ по справедливости. Притомъ онъ прочиталъ изъ книги законовъ, какому наказанію подвергается обвиненный за приписываемое ему преступленіе. Это наказаніе состояло въ заключеніи въ исправительномъ домѣ въ теченіе 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и въ уплатѣ расходовъ суда.

— Но если судьи не согласятся въ своемъ мнѣніи,—замѣтилъ онъ въ заключеніе,—и если встрѣтится какой-нибудь сомнительный доводъ, то слѣдуетъ произнести приговоръ въ пользу обвиненнаго. Въ самомъ дѣлѣ, лучше освободить отъ наказанія виновнаго, нежели оскорбить наказаніемъ невиннаго!

Въ комнатѣ царствовало еще глубокое безмолвіе, и присяжные готовились выдти, для совѣщанія въ сосѣдній домикъ, когда фермеръ громко сказалъ англичанину:

— Какъ вамъ это нравится?

Пріѣзжій боязливо осмотрѣлся, вѣроятно опасаясь, что громкій этотъ вопросъ возбудитъ негодованіе присутствующихъ. Но онъ ошибался. Веселый американецъ съ бутылкою водки въ рукахъ ласково кивнулъ ему головою и повторилъ вопросъ.

Въ то же время въ комнатѣ стало свободнѣе, и англичанинъ оттого осмѣлился заговорить съ фермеромъ. Ходъ дѣла ему понравился вообще, но о многомъ ему хотѣлось спросить.

— Я съ удовольствіемъ объясню вамъ все,— отвѣчалъ фермеръ. — Но тутъ много жаждущихъ.... Выпейте, судья.

Когда послѣдній отказался, фермеръ продолжалъ: много жаждущихъ, которыхъ надобно

сперва удовлетворить. Послѣ этого я къ вашимъ услугамъ.

Стаканъ пошелъ изъ рукъ въ руки. Между тѣмъ большая часть зрителей отправились въ близлежащую лавку, чтобы обождать рѣшенія и подкрѣпиться, пробывъ въ судѣ почти четыре часа.

За ними пошли также старый фермеръ и англичанинъ. На дорогѣ они довольно живо заспорили о настоящемъ случаѣ. Американецъ утверждалъ, что судьи должны объявить обвиненнаго невиннымъ, а англичанинъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія, по твердому убѣжденію въ виновности Нитлея.

— Вотъ услышимъ,—возразилъ улыбаясь американецъ,—а пока зайдемте выпить тодди, которое и подкрѣпляетъ и разгорячаетъ.

Оба вошли въ лавку и потребовали горячительный напитокъ. Англичанинъ принялся разглядывать группы посѣтителей и самую лавку, представлявшую для него много интереснаго и новаго. Лавка была мала и содержала все существующее въ арканзасской торговлѣ. На землѣ лежали плуги, лопаты, кирки, пилы и цѣпи; стояли бочки съ гвоздями и разными желѣзными и стальными издѣліями. Болѣе тонкія цѣпи, веревки, сѣдла, узды, стекляныя бусы и другой ходячій товаръ были размѣщены гдѣ только

возможно. На первой полкѣ стояли большіе ящики съ жевательнымъ табакомъ, въ меньшихъ ящикахъ находились знаменитые топоры Коллинса и даже коробки съ миндалемъ и изюмомъ, далѣе стальныя и кофейныя мельницы, пачки ножей и т. д. Надъ ними лежали болѣе дорогія вещи, платки, ситцы, готовое платье, шляпы и фуражки. На правой сторонѣ красовались принадлежности домашняго хозяйства. Тамъ, непосредственно надъ узкими длинными ящиками съ башмаками и сапогами, висѣли всякаго рода жестяные сосуды, особенно кружки для охотниковъ, кофейники, терки, сковороды. Сзади въ другомъ отдѣленіи лавки находился большой складъ чугунныхъ питсбургскихъ издѣлій, распространенныхъ въ Соединенныхъ штатахъ, такъ что въ Арканзасѣ можно получить крышку, которая впору на котелъ, купленный въ Нью-Іоркѣ.

Хозяинъ лавки торговалъ уже 15 лѣтъ, отлично умѣлъ обходиться съ своею публикою и, усмѣхаясь и разговаривая, ходилъ за прилавкомъ, подавая то одно, то другое, то бутылку вина, то кусокъ жевательнаго табаку. Работникъ, обыкновенно занимающійся полевыми работами лавочника и срубавшій для него дрова по случаю сегоднишняго стеченія народа, долженъ былъ помогать при продажѣ и отвѣшивать кофе и чай,

отмѣривать соль или наливать въ бутылки водку. По временамъ ему надобно было уходить въ находящійся по близости домикъ, гдѣ былъ складъ торговца. Изъ любопытства, англичанинъ пошелъ разъ за работникомъ. Тамъ видъ былъ болѣе величественный. Въ одномъ углу лежали мѣшки кофе и соли, а вдоль стѣны стояли бочки, пустыя и полныя водки и патоки. Весь потолокъ занимали копченые оленьи окорока. Еще выше на перекладинахъ и доскахъ лежали медвѣжьи, оленьи, енотовыя и выдровыя шкуры. На другой сторонѣ кучею взгромождены куски воска и сала.

Воротившись въ лавку, англичанинъ выражалъ свое удивленіе, что американцы употребляютъ столь громадное количество крѣпкихъ напитковъ, потому что всѣ требовали ихъ не стаканами, а бутылками и полуштофами.

— Это имѣетъ свою причину, — отвѣчалъ со смѣхомъ фермеръ:—Джони, продолжалъ онъ, указывая согнутымъ большимъ пальцемъ на хозяина лавки, не имѣетъ права продавать водку по мелочи. Бутылка и полуштофъ не мелочь, не стаканъ, и купившіе такое количество могутъ выпить сколько хотятъ. Недопитое они оставляютъ, и эти остатки не киснутъ у Джони.... У него на бочкѣ не даромъ поставлена воронка.

— Не воротиться ли намъ въ судъ?—спросилъ

англичанинъ: мнѣ хотѣлось бы узнать рѣшеніе.

— Оно уже состоялось,—сказали только-что вошедшіе:—Судьи окончили засѣданіе.

— Чѣмъ же они рѣшили?—съ любопытствомъ спросили всѣ.

— Обвиненный невиненъ!

— Вотъ видите ли,—сказалъ смѣясь фермеръ:—противъ обвиненнаго не было довольно доказательствъ. Впрочемъ сознаюсь, что я не очень довѣряю Нитлею и намѣренъ внимательно слѣдить за нимъ. Если я поймаю его на какой-нибудь продѣлкѣ, то порядочно его отдѣлаю.

— Правда,—продолжалъ онъ черезъ нѣсколько времени, когда оба вышли на дорогу, вырубленную въ лѣсу: — правда, у насъ тутъ живетъ много сволочи. Изъ старыхъ штатовъ сюда перебрался самый скверный народъ, и намъ приходится терпѣть отъ нихъ много непріятностей. Можетъ быть, однако, что Нитлей и невиненъ. По одному подозрѣнію никого нельзя считать преступникомъ. Но какъ вамъ нравится наше судопроизводство? Не правда ли — коротко и ясно?

— Мнѣ даже кажется слишкомъ коротко, и присутствующіе позволяютъ себѣ вольности, какъ, напр., съ судьею....

— Ха, ха, ха! засмѣялся фермеръ: вы намекаете на мальчика? Боже мой! молодежь вы-

ростаетъ тутъ въ лѣсу и сходится съ людьми только въ день суда, къ молитвѣ или при нашихъ обыкновенныхъ забавахъ, а потому не удивительно, что молодые люди не соблюдаютъ приличій, а впрочемъ они добры и прилежны. Больше и не нужно здѣсь въ лѣсу.

— Всякій ли можетъ быть избранъ въ судьи, даже если онъ чужеземецъ? — спросилъ англичанинъ.

— Боже сохрани! — отвѣчалъ фермеръ: — нѣтъ, онъ долженъ быть изъ здѣшнихъ переселенцевъ и обладать какимъ нибудь участкомъ земли.... Но не воротиться ли намъ въ судъ? Сегодня станутъ еще разбирать драку, такіе случаи обыкновенно интересны.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ пріѣзжій.

Когда оба прошли мимо лавки опять къ дому собранія судей, англичанинъ спросилъ:

— Что дѣлаютъ эти люди у огня, которые кажутся очень занятыми?

— Теперь время обѣденное, — сказалъ фермеръ, — и какъ большая часть этихъ посѣтителей прибыли верстъ за 15 или 20, то они и должны изготовить себѣ кушанье сами. Но подойдемтекъ нимъ.

Приблизившись къ огню, англичанинъ увидѣлъ, что большая часть прибывшихъ переселенцевъ уже насытились и отдыхали, но многіе еще ревностно жарили на пламени костра ку-

сочки мяса или сыра, или грѣли въ жестяныхъ кубкахъ кофе, чтобы прополоскать себѣ горло послѣ жирнаго кушанья. Всѣ были веселы и повсюду пустые или полуопорожненные стаканы указывали, что фермеры не потеряли времени безъ пользы.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ англичанинъ, осматриваясь:—мнѣ кажется, мѣстность здѣсь весьма нездоровая? Нигдѣ не видно ни холма, ни горки, повсюду только низменности. Хотя здѣсь теперь сухо, но въ дождливую погоду эта мѣстность, вѣроятно, превращается въ болото. Много тутъ больныхъ?

— Больныхъ? Ну, такъ прихварываютъ,—отвѣчалъ американецъ:—Случается, что инаго захватываетъ лихорадка. Но кто перенесъ ее, тотъ чувствуетъ себя лучше прежняго.

— А когда же свирѣпствуетъ болѣзнь всего болѣе?

— Преимущественно лѣтомъ; но она является и въ другое время года; даже зимою обнаруживаются легкіе припадки ея.

— Вотъ тебѣ и разъ... Легкіе припадки,—сказалъ не совсѣмъ чистымъ англійскимъ языкомъ подошедшій переселенецъ. Вотъ каковы всѣ американцы,—вездѣ вы одинаковы! Если вы всю жизнь говорите правду, то непремѣнно лжете, когда васъ спрашиваютъ о здоровости мѣста

вашего жительства. Вамъ говорили о легкихъ припадкахъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ англичанину,—между тѣмъ какъ мало мѣстъ, которыя такъ нездоровы, какъ это болото. Восемь мѣсяцевъ все тутъ залито водою, а въ іюлѣ и августѣ, когда земля просыхаетъ, лихорадка до того свирѣпа, что поражаетъ даже лягушекъ и змѣй..... И этотъ человѣкъ говоритъ о легкихъ припадкахъ!

Американецъ захохоталъ.

— Посмотрите-ка на этихъ людей, какъ они блѣдны и истощены, и какъ всякій поглядываетъ себѣ на ногти, не являются ли у него признаки приступа лихорадки. Ручаюсь головою, что здѣсь, въ той толпѣ не найдется и пяти человѣкъ не пораженныхъ лихорадкою.

— Полноте, вы преувеличиваете!

— Преувеличиваю? Послушайте, Уилькенсъ, будьте откровенны и скажите, можно преувеличить описаніе здѣшней лихорадки?

— Бога ради, что вы говорите,—возразилъ фермеръ съ хохотомъ: такихъ ужасовъ здѣсь нѣтъ!

— Что же можетъ быть еще ужаснѣе? Не хотите ли вы, чтобы всѣ тряслись, такъ чтобы съ него сваливались башмаки. Да и это случается, если они не очень крѣпко привязаны... Впрочемъ, въ этомъ отношеніи вы всѣ равны, какъ мужчины, такъ и женщины. Какъ бы ни была

плоха мѣстность, на вопросъ пріѣзжаго у васъ одинъ отвѣтъ: «Она довольно здорова.» — Послушайте, что случилось со мною, когда я въ прошедшемъ году переселился сюда. Я прибылъ изъ горъ Редъ-Ривера въ Ойль-Тровботтомѣ. Чрезвычайно плодородная почва мнѣ очень понравилась, и я принялся справляться, здорова ли мѣстность, но не могъ узнать ничего положительнаго. Однажды вечеромъ, послѣ заката солнца, я зашелъ въ хижину, гдѣ сидѣла одинокая женщина передъ печкою и тряслась всѣмъ тѣломъ. Это было въ августѣ. Она едва могла произнести обычное привѣтствіе, потому что зубы у нея такъ и стучали. Я съ соболѣзнованіемъ глядѣлъ на нее нѣсколько времени, и наконецъ спросилъ:

— Вѣрно здѣшняя низменность очень нездорова?

— Здѣ-дѣ-дѣсь не-не-нельзя ска-ка-каза-зать, — отвѣчала, она стуча зубами, причемъ я боялся, чтобы она не прикусила себѣ языкъ: — но та-та-тамъ да-дальше! — Послѣ такого отвѣта, право не знаешь, что и подумать.

Англичанинъ и американецъ засмѣялись, и послѣдній сказалъ:

— Дѣйствительно, нельзя утверждать, чтобы здѣсь не терпѣли отъ лихорадки, особенно пріѣзжіе, но къ климату можно привыкнуть.

— Можно привыкнуть ко всему, но не къ

трясучкѣ!—возразилъ нѣмецъ. — Пойдемте однако въ судъ, тамъ начался допросъ.

Всѣ трое пошли къ полуразвалившемуся дому, въ который едва могли протѣсниться, но все-таки достали мѣсто, откуда могли все видѣть.

Разбирался случай драки, при которой одинъ погрозилъ другому, а послѣдній, не ожидая нападенія, ударилъ послѣдняго, такъ что онъ тотчасъ свалился безъ памяти. Многіе присутствовали при дракѣ, и въ томъ числѣ одинъ изъ членовъ большаго суда (Grand-jury) *), который по своему званію долженъ былъ сдѣлать о случаѣ офиціальныя донесенія, хотя прибитый и не жаловался.

Сперва присяжный стряпчій произнесъ рѣчь, по которой можно было бы полагать, что подсудимый по крайней мѣрѣ ограбилъ или убилъ. Послѣ него заговорилъ адвокатъ, избранный обвиненнымъ и получившій узаконенную плату (5 доллеровъ). Когда наши знакомцы вошли въ судъ, этотъ адвокатъ говорилъ съ большимъ жаромъ; но онъ, должно быть, пилъ утромъ слишкомъ много водки, почему у него лице горѣло и языкъ

---

*) Члены этого суда подъ присягою обязаны доносить присяжному суду о всѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ они слышали въ своемъ округѣ.

двигался тяжеловато. Тѣмъ не менѣе, онъ держался еще на ногахъ.

— Господа судьи, — продолжалъ онъ, свирѣпо взглянувъ на вошедшихъ, потому что отъ ихъ входа въ комнату возникъ шумъ, — господа судьи, вы въ Арканзасѣ, безъ сомнѣнія, послѣдніе, которые осудятъ согражданина за то, что онъ отмстилъ за оскорбленіе! Кто изъ васъ, господа судьи, не сдѣлаетъ того же самаго? Кто не поступитъ точно такъ же въ подобномъ случаѣ? Кліентъ мой можетъ быть увѣренъ, что вы его не осудите! Вы не можете осудить его, не оскорбляя человѣческихъ правъ. Нѣтъ, арканзасцы, пусть будетъ забыто время, когда стѣснялись права гражданъ на самозащищеніе. Невозможно, чтобы двѣнадцать согражданъ назначили наказаніе своему другу за то, что онъ защищалъ самое дорогое въ мірѣ—свою честь. Господа судьи, мой кліентъ исполнилъ только свою обязанность и заслуживаетъ за то похвалу, а не порицаніе!

Такимъ образомъ онъ продолжалъ свою рѣчь съ возрастающимъ восторгомъ.

Послѣ того онъ вызвалъ свидѣтелей. При допросѣ расположеніе духа зрителей сдѣлалось очень веселымъ, когда они услышали о подробностяхъ и причинѣ драки, которая началась изъ-за кусочка жевательнаго табаку.

Судья долженъ былъ нѣсколько разъ просить

присутствующихъ успокоиться, потому что изъ-за смѣха нельзя было слышать словъ свидѣтелей. Наконецъ, выбранные судьи вышли и вскорѣ воротились. Обвиненный долженъ былъ заплатить расходы процеса и доллеръ штрафа. Пьяный адвокатъ, повидимому, отплатилъ гражданамъ Арканзаса за ихъ несогласіе съ его мнѣніемъ тѣмъ, что ушелъ отъ нихъ и отправился къ лавочнику пить водку, чтобы подавить свою досаду.

Англичанинъ въ тотъ же вечеръ хотѣлъ переѣхать черезъ Уайтъ-Риверъ, ночевать въ Ойль-Тровботтомѣ, и ведя лошадь за поводья, медленно шелъ за нѣмцемъ и американцемъ къ крутому берегу, чтобы дождаться паро́ма, отвалившаго на противоположную сторону.

Всѣ трое вели очень живую бесѣду, потому что англичанину вовсе не нравилось право самозащищенія, какъ его объяснялъ адвокатъ. Наконецъ онъ спросилъ:

— Почему наказали этого человѣка, если законъ говоритъ въ его пользу?

— Потому, что обвиненный не можетъ доказать, что противникъ ударилъ его или даже дѣйствительно погрозилъ ему.

— Да, въ этомъ отношеніи здѣсь существуютъ странные законы, —смѣясь, замѣтилъ нѣмецъ.

— Странные? — спросилъ американецъ съ

изумленіемъ. Странные? Развѣ у васъ, въ Германіи, нѣтъ ихъ? Если кто-нибудь назоветъ васъ лжецомъ, или ударитъ васъ, развѣ вы не смѣете наказать его?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ нѣмецъ:—право наказанія предоставляется закону.

Американецъ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Какъ, вы не смѣете прибить того, кто ударилъ васъ?—спросилъ онъ наконецъ, съ выраженіемъ изумленія и недовѣрчивости.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ нѣмецъ.—Если мы желаемъ имѣть удовлетвореніе за обиду, то по закону должно жаловаться на обидчика.

— И въ такой землѣ живутъ люди! — воскликнулъ американецъ.—Въ такомъ случаѣ, жить въ Арканзасѣ гораздо лучше. Знать не хочу Стараго свѣта. Если кто меня обидитъ, то, право, не я первый стану кричать о помощи... Пусть кричитъ зачинщикъ... Ему будетъ о чемъ кричать. Если кто ударитъ меня, я испытаю надъ нимъ силу своихъ кулаковъ до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ: довольно... Впрочемъ, какое мнѣ до этого дѣло; чего мнѣ объ этомъ сердиться. Если тамошнимъ жителямъ нравятся такіе законы, такъ и хорошо!... Но вотъ ужъ пристаетъ паро́мъ... Если вы еще сегодня хотите доѣхать до дома Уильямса, то вамъ надобно ѣхать очень скоро... Ошибиться вы не

можете... Это будетъ двухъ-этажный домъ налѣво.

При этихъ словахъ американецъ дружески пожалъ англичанину руку, и его примѣру послѣдовалъ также нѣмецъ. Затѣмъ оба воротились въ городъ, а пріѣзжій спустился съ лошадью на паромъ и скоро достигъ противоположнаго берега.

Мѣсяцевъ черезъ восемь послѣ этого, тотъ же англичанинъ отправлялся изъ Новаго-Орлеана въ Техасъ, чтобы посмотрѣть эту расхваленную страну. Пароходъ Куба несся съ удивительною быстротою по полноводной рѣкѣ, мимо послѣднихъ жилищъ у истока Мисисиппи, и вступилъ въ прекрасныя синія воды Мексиканскаго залива. Когда молодой человѣкъ, отъ нечего дѣлать, прогуливался по палубѣ и вглядывался въ лица пассажировъ третьяго класса, ему показалось, что между ними онъ видитъ знакомую физіономію. Это было настоящее хитрое американское лице, котораго живые глаза вглядывались во все внимательно и нѣсколько разъ вовсе не случайно встрѣчались со взорами англичанина. Послѣдній, однако, никакъ не могъ припомнить, гдѣ онъ видѣлъ этого человѣка, и чтобы рѣшить свое сомнѣніе, подошелъ къ нему.

Американецъ довѣрчиво и дружелюбно про-

тянулъ руку, увѣряя, что онъ тотчасъ узналъ англичанина.

— Но гдѣ мы съ вами видѣлись... право, не могу припомнить!

— Меня зовутъ Нитлей, улыбаясь отвѣчалъ американецъ:—Я былъ подъ судомъ въ Элизабеттаунѣ, когда вы проѣзжали тамъ... Помните ли, это была глупая исторія со свиньями?

— Ахъ, мистеръ Нитлей, воскликнулъ англичанинъ, ясно припомнившій весь случай. Развѣ въ Арканзасѣ вамъ болѣе не нравится? Хотите вы переселиться далѣе на западъ?

— Арканзасъ мнѣ нравится, отвѣчалъ американецъ, оглядываясь, какъ бы для того, чтобы убѣдиться, не подслушиваетъ ли его кто нибудь, но глупую исторію о свиньяхъ вздумали разбирать снова и...

— Но вѣдь тогда все уже окончилось до моего отъѣзда, возразилъ англичанинъ съ изумленіемъ.

— Конечно, отвѣчалъ Нитлей, но близъ моего дома разъ нашли нѣсколько свиныхъ ушей, заброшенныхъ ко мнѣ вѣрно какимъ нибудь злонамѣреннымъ человѣкомъ. Изъ этого сдѣлали самый дурной выводъ. Когда же въ судѣ ничего не могли доказать, заговорили о линчѣ *), про-

*) Линчемъ называется произвольный судъ общественнаго мнѣнія, на основаніи котораго виновнаго лишаютъ жизни, обыкновенно повѣшеніемъ.

должалъ Нитлей, понизивъ голосъ, и потому я подумалъ, что лучше посмотрѣть, каково жить въ Техасѣ. Я уѣхалъ немного поспѣшно и долженъ былъ оставить тамъ жену и дѣтей. Но теперь мнѣ гораздо легче пріискать удобное мѣсто для переселенія и отправиться за ними позднѣе.

— Или написать имъ, чтобы они пріѣхали къ вамъ.

— Пожалуй и это, улыбаясь сказалъ Нитлей: это будетъ даже удобнѣе.

— Скажите-ка, Нитлей, откровенно,—спросилъ англичанинъ, дружески положивъ ему руку на плечо,—что́ было со свиньями, т. е. съ измѣненіемъ знаковъ на ушахъ. Судья призналъ васъ тогда невиннымъ, но скажите между нами..... Видите ли, мы уже тотчасъ въ Техасѣ, между небомъ и водою и даже потеряли изъ глазъ последніе американскіе домы.... Скажите, вѣдь вы измѣнили мѣтки у свиней?

— Милостивый государь! воскликнулъ Нитлей съ тономъ обиженнаго: вѣдь я тогда уже поклялся, что не дѣлалъ мѣтокъ!

— Правда, вы поклялись, и васъ объявили невиннымъ. Но мнѣ тогда казалось...

— Хорошо же, сказалъ Нитлей, смѣясь и взявъ англичанина за руку, чтобы привлечь его къ себѣ:—Мы теперь, такъ сказать, въ Техасѣ, и мнѣ

все равно, узнають ли когда-нибудь въ Арканзасѣ правду.... Напротивъ того, мнѣ будетъ даже пріятно, если они посердятся. Послушайте же, я не давалъ ложной клятвы и никогда не взвалилъ бы на свою душу такого грѣха. Мнѣ также не хочется, чтобы вы были обо мнѣ такого дурнаго мнѣнія. Клянусь вамъ еще разъ, что я не измѣнялъ знаковъ на чужихъ свиньяхъ; но.... продолжалъ онъ шопотомъ и улыбаясь:— я держалъ свиней, а жена моя дѣлала на ушахъ мои мѣтки.»

ПЛОВУЧІЕ ТЕАТРЫ

НА ОГЕЙО И МИСИСИППИ.

Въ Европѣ существуютъ весьма различные театры, но все-таки нѣтъ пловучихъ, какіе путешественникъ часто встрѣчаетъ на западныхъ рѣкахъ Соединенныхъ Штатовъ. Страна, орошаемая по всѣмъ направленіямъ превосходными рѣками, побуждаетъ къ этого рода промышлености. Живая спекулятивность американцевъ пользуется даже стремительными рѣками, для сооруженія на нихъ храма Таліи въ видѣ прозаической плоскодонной барки, которая плаваетъ во всѣ страны, свѣта, вдоль берега рѣки. Чтобы дать понятіе, какъ на отдаленномъ Западѣ, за морями, занимаются искусствами, мы опишемъ такую барку.

На широкомъ Огейо, отцѣ воды Мисисиппи, плыветъ множество плоскодонныхъ барокъ (flat-boats) до Новаго Орлеана. На нихъ развозятъ

различныя произведенія сѣверныхъ странъ, для болѣе выгоднаго сбыта на югѣ. Эти барки ящикообразны, четырехугольныя, длиною въ 50 до 80 и шириною въ 15 до 20 футовъ. Онѣ построены изъ толстыхъ досокъ и при полномъ грузѣ сидятъ отъ 4 до 6 футовъ въ водѣ и на столько же выдаются надъ нею. Слѣдовательно, внутреннее пространство имѣетъ высоту въ 8 или 10 футовъ.

Палуба выпукло покрыта досками, которыя въ серединѣ выше, а по бокамъ спущены и пригвождены. На каждой сторонѣ находится по два простыхъ, длинныхъ, грубо срубленныхъ весла, для того, чтобы грести ими, когда вѣтеръ или теченія слишкомъ прибиваютъ судно къ берегамъ. Обыкновенно же, эти неуклюжія суда плаваютъ, пользуясь теченіемъ или вѣтромъ, и пристаютъ къ берегу лишь въ бурю или при туманѣ.

Такого рода весьма большое судно, украшенное пестрыми флагами и обвѣшенное странною одеждою, стояло вечеромъ 15 сентября 184... на рѣкѣ Огейо, у пристани городка Рейзингъ-Сенъ (Восходящее Солнце), въ штатѣ Иллиноисѣ. Громадная афиша съ исполинскими буквами возвѣщала, что только сегодня вечеромъ общество знаменитаго театральнаго директора Уиндоля будетъ имѣть честь играть Гамлета,

потому что уже на слѣдующее утро намѣрено уплыть внизъ по рѣкѣ, и оттого проситъ любителей искусства пожаловать въ тотъ же вечеръ.

Погода была суровая и непривѣтливая, и дулъ сильный вѣтеръ. Театральная барка, прикрѣпленная къ берегу двумя толстыми канатами, стояла противъ трактира, и пока было еще свѣтло, прохожіе любопытно разглядывали причудливую одежду, развѣшенную на суднѣ.

Наконецъ, солнце зашло, флагъ и одежда исчезли, и въ тѣсномъ театрѣ собрались зрители. Безъ странныхъ своихъ наружныхъ украшеній, эта барка ничѣмъ не отличалась отъ дюжины другихъ подобныхъ же судовъ, приставшихъ къ берегу. Прохожихъ могъ поразить развѣ только свѣтъ, проникавшій сквозь щели, и громкій голосъ Гамлета, который по временамъ былъ слышенъ, не смотря на завываніе вѣтра.

Горожане долго стояли у берега, вслушивались въ отрывки трагедіи, но наконецъ постигли, что это занятіе довольно неблагодарное и разошлись, тѣмъ болѣе, что началъ накрапывать дождь, предвѣщая приближеніе грозы.

Въ самой же лодкѣ было гораздо привѣтливѣе. Синяя занавѣсь раздѣляла театръ на двѣ части, изъ которыхъ одну занимали зрители, а въ другой играли актеры. Шесть сальныхъ свѣчекъ и четыре лампы достаточно освѣщали ма-

ленькое помѣщеніе. Зрители ахнули, когда занавѣсь поднялась въ первый разъ, и явилась терасса Гельзингера, причемъ ночь произвели зелеными ширмами, закрывавшими свѣчи. Вообще и при всѣхъ слѣдующихъ сценахъ посѣтители были очень внимательны и признательны.

Первый актъ оканчивался, и духъ, желая поскорѣе исчезнуть въ очень тѣсное закулисное пространство, потащилъ за собою только одну кулису. Въ это время между зрителями поднялся шумъ. Они стали жаловаться, что вода въ баркѣ не выка́чана достаточно, потому что мочитъ имъ ноги. Тогда директоръ вышелъ и попросилъ публику приподнять немного ноги, до окончанія акта, послѣ чего будутъ приняты мѣры для осушенія палубы. Обѣщаніе свое онъ сдержалъ. Едва занавѣсь опустилась, какъ два здоровые человѣка (Горацій и духъ) стали къ насосамъ, между тѣмъ, какъ публика вышла изъ театра на палубу немного освѣжиться. Гроза миновала городокъ, но тучи висѣли на небѣ густою массою, когда раздался звонокъ, возвѣщающій начало втораго акта. Хотя небо по временамъ и освѣщалось яркимъ свѣтомъ зарницы, зрители въ театрѣ спокойно сидѣли и не обращали вниманія даже на раскаты грома. Когда же, по окончаніи втораго акта, застучалъ дождь, они только сѣли потѣснѣе и не выхо-

дили, тѣмъ болѣе, что перваго, поспѣшившаго выйти изъ театра, встрѣтила такая масса воды, что онъ тотчасъ затворилъ дверь и воротился на свое мѣсто.

Антракты были коротки и третій актъ уже оканчивался. Полоній былъ убитъ и лежалъ неподвижно посреди сцены; королева удивлялась, что Гамлетъ разговариваетъ съ однимъ воздухомъ, а духъ собирался исчезнуть сквозь среднюю дверь. Въ это мгновечіе неожиданное препятствіе очевидно выказало тѣлесное свойство духа и его слабость: лодка ударилась такъ сильно, что духъ потерялъ равновѣсіе. Не успѣвъ ухватиться за дверь, онъ повалился на несчастнаго умершаго Полонія, который, перепугавшись до смерти, забылъ, что онъ умерщвленъ, и вскочилъ съ проклятіями.

Между тѣмъ директоръ, заботясь о своей баркѣ и желая узнать причину толчка, выбѣжалъ на палубу. Духъ съ неимовѣрнымъ присутствіемъ духа исчезъ. Полоній легъ на прежнее мѣсто къ величайшей потѣхѣ публики, которая, однако, перестала хохотать, когда раздался громовой голосъ директора:

— Перестать играть! Всѣ наверхъ!

Разумѣется, всѣ тотчасъ забыли о страшномъ убійствѣ и несчастномъ Гамлетѣ, и, черезъ нѣсколько минутъ, датскій дворъ, вмѣстѣ съ жи-

телями Восходящаго Солнца, вышли на палубу. Но что они увидѣли тамъ! Мракъ, непроницаемый мракъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Барка, вмѣстѣ съ мирными жителями городка, плыла вдали отъ него, увлекаемая быстрымъ теченіемъ. Даже послѣдніе огоньки Восходящаго Солнца исчезли на горизонтѣ.

Въ первое мгновеніе всѣ молчали отъ изумленія. Наконецъ Офелія прервала безмолвіе и весьма наивно сказала:

— Вотъ какъ! не ѣдемъ ли мы къ Новому Орлеану?

Дѣйствительно, они плыли по направленію къ этому городу. Отъ бурнаго вѣтра, или другаго несчастнаго случая, барка сорвалась съ канатовъ и поплыла внизъ по рѣкѣ. Теперь на обоихъ берегахъ видны были одни лѣса и нигдѣ не проглядывалъ привѣтливый огонекъ. Всего хуже было то, что директоръ оставилъ большія весла на берегу, чтобы имѣть во время представленія больше простора. Оттого теперь не было никакихъ средствъ приблизиться къ берегу и должно было спокойно глядѣть, какъ судно пробѣгаетъ мимо дремучаго лѣса. Рѣка Огейо текла очень быстро, потому что въ ней накопилось необыкновенно много воды. Это обстоятельство также лишало надежды остановить судно, если оно, можетъ быть, и приблизится къ берегу.

Раздосадованные горожане, увлекаемые отъ своего мѣста жительства и привѣтливыхъ комнатъ съ пламенѣющими каминами, жестоко ругались и кричали, чтобы привлечь на себя вниманіе прибрежныхъ жителей, и получить отъ нихъ помощь. Но и эти попытки были излишни, потому что береговые жители привыкли слышать крики на проѣзжающихъ судахъ, на которыхъ часто бранятся и даже дерутся на ножахъ и пистолетахъ. Въ такія ссоры не вмѣшивается даже магистратъ города, мимо котораго проѣзжаетъ судно, потому что онъ, по возможности, избѣгаетъ обремененія себя судейскимъ изслѣдованіемъ того, что происходитъ на водѣ, особенно между двумя штатами *). Слѣдовательно, частные люди еще менѣе интересуются шумомъ на баркахъ. Тѣ, которые слышали крики на баркѣ, полагали, что шумятъ пьяные барочники, и оттого не думали подъѣзжать къ судну.

Всего спокойнѣе былъ датскій дворъ. Даже англійскій посланникъ не ропталъ, потому что ему было все равно, играютъ ли они въ Индіанѣ или Кентуки. Внезапно раздался голосъ, обратившій всеобщее вниманіе на свѣтъ у бе-

*) Жители лодокъ вообще пользуются большими преимуществами и свободою и потому предпочитаютъ пребываніе на судахъ болѣе удобнымъ жилищамъ на берегу.

рега. Увезенные жители Восходящаго Солнца снова принялись кричать и въ этотъ разъ не напрасно. Дѣйствительно, сродственники и знакомцы замѣтили отсутствіе театра и, догадываясь, въ чемъ дѣло, поплыли въ своихъ лодочкахъ и догнали барку въ 15 верстахъ отъ города. Театръ привлекли веревками къ берегу и укрѣпили тамъ, а зрители пересѣли на лодки, при страшномъ дождѣ, поплыли къ родному городу и воротились домой лишь на другое утро, утомившись и промокнувъ до костей.

Пловучее общество отправилось далѣе, и уже въ слѣдующій вечеръ разыгрывали Гамлета у городка, лежащаго нѣсколько миль ниже по рѣкѣ. Разумѣется, въ этотъ разъ барку прикрѣпили понадежнѣе, чтобы не уплыть такъ скоро отъ мѣста, гдѣ можно было сдѣлать еще два или три хорошіе сбора.

До Новаго Орлеана барка добралась лишь въ январѣ, и въ теченіе трехъ недѣль на ней съ большимъ успѣхомъ играли посреди судовъ, съѣхавшихся изъ всѣхъ странъ свѣта. Директоръ продалъ свою лодку, купилъ новые костюмы, декораціи и театральныя принадлежности, и на пароходѣ отправился опять въ Питсбургъ, къ истоку Огейо, чтобы отсюда по-прежнему начать на вновь купленной баркѣ странствованіе внизъ по рѣкѣ.

ДЕРЕВО СЪ ПЧЕЛАМИ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки много дикихъ пчелъ, которыя гнѣздятся въ дуплахъ деревъ и доставляютъ превосходный медъ. Оттого тамъ есть люди, которые занимаются отыскиваніемъ бортей или дикихъ ульевъ. Особенно процвѣтаетъ эта промышленость въ Иллиноисѣ, гдѣ обширныя цвѣтущія равнины дѣйствительно рай пчелъ. Но въ Мисури и Арканзасѣ, Луизіанѣ и Техасѣ охотники также ревностно ищутъ мѣсто, гдѣ есть сладкая добыча, составляющая не только лакомство, но и часть продовольствія, вмѣстѣ съ сушеною дичью, медвѣжьимъ саломъ, сушеною тыквою и вылущеннымъ маисомъ.

Самое отыскиваніе пчелъ легко. Если по близости нѣтъ цвѣтовъ, богатыхъ медомъ и привлекающихъ пчелъ, охотники становятъ посреди поляны жердь съ пучкомъ листьевъ, спрыснутыхъ медовою водою.

Не долго приходится ждать пчелъ. Онѣ налетаютъ къ приманкѣ и, насосавшись меду, взлетаютъ большими кругами, какъ бы стараясь опредѣлить мѣсто, гдѣ ихъ борти, а затѣмъ внезапно направляются къ своему улью, чтобы положить собранный сокъ въ общественную кладовую.

Искатели меда должны внимательно слѣдить, куда летитъ пчела съ сладкою ношею, для чего, конечно, нуженъ зоркій глазъ. Послѣ этого онъ становитъ приманку 200 или 300 шаговъ дальше, по направленію, куда улетѣла пчела. Вскорѣ насѣкомыя снова налетаютъ и прежняя операція повторяется. Измѣненіе направленія полета пчелъ указываетъ, что охотникъ миновалъ медовое дерево и что оно находится между двумя послѣдними мѣстами установленія жерди съ приманкою.

Признакомъ близости дерева съ пчелами служитъ нерѣшительное, неправильное взлетаніе насѣкомаго, и тогда легко прослѣдить его до малаго отверстія, въ которое оно вползаетъ. Всматриваясь къ небу, можно замѣтить, какъ пчелы движутся взадъ и впередъ въ видѣ черныхъ точекъ.

Пчелъ отыскиваютъ и находятъ во всякое время года, но дерево срубаютъ не всегда. Дѣйствительно, весною, послѣ долгой зимы, въ

теченіе которой животныя питались прошлогоднимъ запасомъ, дерева срубать не стоитъ. Но открытое дерево могъ бы найти другой охотникъ и также считать его своею собственностью. Для предотвращенія споровъ, въ лѣсахъ установился обычай, строго соблюдаемый всякимъ порядочнымъ охотникомъ. Кто первый нашелъ дерево съ пчелами, вырѣзываетъ на немъ особый знакъ, обыкновенно начальную букву своего имени. Такое дерево никто не рубитъ, если бы оно простояло даже 10 лѣтъ. Это право собственности нарушаютъ развѣ только тѣ, которые не посовѣстятся при случаѣ украсть лошадь или корову сосѣда.

Въ 1840 году я разъѣзжалъ по Мисисиппи, для собиранія тростника, который отправлялъ къ купцамъ въ сѣверныя провинціи. На пароходѣ, идущемъ внизъ по рѣкѣ, я доплылъ до тростниковъ въ штатѣ Тенеси, и поселился тамъ у одного дровосѣка. У него въ домѣ жили трое молодыхъ людей. Двое изъ нихъ были его сыновья, а третій работникъ, нанятый для рубки дровъ, продаваемыхъ проѣзжающимъ судамъ. Мы всѣ четверо вскорѣ подружились, вмѣстѣ охотились, ловили рыбу и разъѣзжали по рѣкѣ. Время это минуло уже давно, но я все еще воспоминаю о немъ съ удовольствіемъ.

Въ этой мѣстности мы имѣли только одного

непріятеля, именно фермера или поселенца Боулея, который поселился позднѣе моего хозяина, но считался владѣльцемъ всего участка, потому что обрабатывалъ землю или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ ее годною для посѣва, между тѣмъ какъ Дехартъ только рубилъ лѣсъ для пароходовъ. Впрочемъ, Дехартъ имѣлъ небольшой огородъ, гдѣ онъ разводилъ немного картофеля, тыквы и арбузовъ и оттого также имѣлъ право считать окрестности своею собственностью. Оттого оба сосѣда жили не очень дружно. Все это можно было бы устроить миролюбиво, еслибы Боулей вообще не былъ человѣкомъ неуживчивымъ, непривѣтливымъ и задорнымъ. Оттого непріязнь между обоими не прекращалась.

Поводовъ къ ссорамъ было вдоволь уже по политическому разногласію. Боулей придерживался партіи виговъ, а мы, особенно Дехартъ, были жаркіе приверженцы демократовъ. Въ то время наставала пора выбора президента, причемъ виги всѣми мѣрами старались, чтобы главою правленія сдѣлался генералъ Геррисонъ. Политическое несогласіе сосѣдей часто подавало поводъ къ весьма забавнымъ сценамъ. Но я не стану говорить о нихъ, потому что одно дерево съ пчелами ожесточило сосѣдей гораздо болѣе вопроса о выборахъ генерала Гер-

рисона, и грозило сдѣлаться причиною серіозной ненависти.

Дехартъ нашелъ это дерево въ февралѣ, не задолго до поселенія Боулея. Пчелы находились въ толстомъ сукѣ дерева, стоящемъ шагахъ въ 80 отъ берега Мисисиппи. Въ то время не стоило срубать дерева, и потому Дехартъ сдѣлалъ на ней обычную мѣтку, чтобы собирать медъ осенью.

Боулей прибылъ лѣтомъ, и дерево, найденное Дехартомъ, попало въ участокъ, огороженный поселенцемъ для своего жилища, а самый домъ онъ выстроилъ подъ деревомъ, повидимому, не обращая никакого вниманія на знакъ. Дехартъ въ первое время также позабылъ о найденномъ имъ медѣ. Вообще же онъ былъ недоволенъ слишкомъ близкимъ сосѣдствомъ. Наконецъ онъ вспомнилъ о деревѣ съ пчелами и пошелъ къ Боулею, чтобы потребовать свою находку. Боулей рѣшительно отказался признать право Дехарта, потому что, поселившись въ занятомъ имъ мѣстѣ, онъ, по закону, былъ владѣльцемъ всѣхъ деревъ. Особенно же Боулей не позволялъ трогать дерева съ пчелами, потому что подъ его тѣнью стоялъ домъ, а изъ-за дряннаго ведра меда, какъ выражался онъ, ему нечего было позволять срубать надъ своею головою отличное дерево.

Дехартъ возразилъ, что онъ вовсе и не срубитъ всего дерева, а желаетъ снять лишь сукъ съ медомъ, что нисколько не можетъ быть непріятно для Боулея, потому что отъ этого сука на его домъ вовсе не падаетъ тѣни.

Это нисколько не убѣдило Боулея, и онъ настаивалъ на своемъ правѣ владѣнія мѣстностью, гдѣ никто кромѣ него не смѣлъ распоряжаться. Сверхъ того, онъ объявилъ, что всякаго, кто вздумаетъ попытаться унести медъ передъ его носомъ, онъ будетъ считать воромъ и застрѣлитъ его. Мы всѣ знали очень хорошо, что законъ на его сторонѣ, потому что право владѣнія помѣченнымъ деревомъ былъ не болѣе какъ обычай, отнюдь не признанный правительствомъ. Тѣмъ не менѣе, дерзость Боулея сильно возмущала насъ, и иногда до глубокой ночи мы разсуждали о томъ, какъ бы намъ настоять на своемъ, т. е. снять у неучтиваго сосѣда сукъ съ медомъ. Но никому не вспадало на мысль ничего хорошаго.

Еще не настало осени, и Дехартъ утѣшался тѣмъ, что когда-нибудь Боулей на время удалится и, пользуясь его отсутствіемъ, можно будетъ срубить сукъ. Именно во время моего пребыванія одинъ изъ молодыхъ людей узналъ, что Боулей намѣренъ съѣздить въ Мемфисъ, ближайшій городъ въ Тенеси, чтобы закупить

различныя вещи. Но въ тотъ же вечеръ старый Дехартъ воротился совершенно раздосадованный. Онъ встрѣтился въ лѣсу съ невольникомъ Боулея и узналъ, что его хозяинъ дѣйствительно уѣзжаетъ на другой день пополудни на пароходѣ въ Мемфисъ, но предварительно намѣревался срубить роковой сукъ съ медомъ.

По мнѣнію стараго залѣсника, это было ужъ слишкомъ дерзко и такъ какъ дѣло дошло до крайности, слѣдовало, во что бы то ни стало, въ ту же ночь снять спорный сукъ. Особенно Бобъ, старшій сынъ Дехарта, клялся небомъ и землею, что зажжетъ старому мошеннику домъ надъ его головою, или всадитъ въ его тупую голову пулю.

Эти слова были не одно хвастовство. Въ крайнемъ случаѣ онъ сдержалъ бы ихъ.

Тотчасъ послѣ заката солнца, мы приготовились втайнѣ, чтобы о нашемъ намѣреніи не узнали даже самые негры, которые своею болтовнею могли бы помѣшать успѣху предпріятія. Мы запаслись острою пилою и веревкою, чтобы спустить спиленный сукъ безъ шума. На всякій случай мы зарядили ружья, твердо рѣшившись защищаться при нападеніи. Около 10 часовъ, когда, по нашему предположенію, Боулей и его люди спали, мы положили всѣ эти вещи въ лодку, отчалили и поплыли внизъ по теченію, обернувъ веслы кожею.

Бобъ Дехартъ зналъ мѣстность превосходно и могъ бы съ завязанными глазами найти спорное дерево. Онъ уже прежде взлѣзалъ на него, чтобы убѣдиться, есть ли еще на немъ медъ. Бобъ начальствовалъ надъ нами при этомъ предпріятіи, въ которомъ старикъ не принималъ участія. Впрочемъ, у насъ было довольно людей, и мы боялись только двухъ собакъ Боулея. Но Бобъ, при частныхъ своихъ охотахъ, нѣсколько познакомился съ этими собаками, днями ходилъ съ ними по лѣсу и даже давалъ имъ ѣсть мяса, котораго они дома никогда не получали, потому что Боулей не охотился и изъ скупости не билъ скота.

Для собакъ мы взяли съ собою мяса, и Бобъ пошелъ впередъ, чтобы предварительно успокоить животныхъ. Это удалось лучше, нежели мы ожидали. Приставъ къ берегу, мы пустили Боба впередъ и подождали его знака, подражанія крику совы.

Какъ можно тише, мы вышли на берегъ, у котораго стояла также лодка Боулея. Опасаясь преслѣдованій въ случаѣ неудачи, мы рѣшились сдѣлать эту лодку на время негодною для плаванія и для этого наклонили ее такъ, что она наполнилась водою. Принявъ такую мѣру предосторожности, мы безмолвно вышли на берегъ къ мѣсту, гдѣ ожидалъ насъ Бобъ. Обѣ собаки

лежали возлѣ него и заворчали при нашемъ приближеніи, но Бобъ успокоилъ ихъ ласками.

Не теряя времени, мы подкрались къ дереву. Погода благопріятствовала намъ, потому что дулъ вѣтеръ и шелъ дождь. Бобу предстояла трудная работа лѣзть на дерево, пропилить и спустить сукъ, который онъ зналъ одинъ. Случайно мы нашли у дома Боулея длинную жердь, которая много облегчила взлѣзаніе. Благополучно взобравшись до сука, Бобъ тихо спустилъ бичевку съ платкомъ, въ который завязалъ камень, чтобы мы могли замѣтить ее. Помощью этой бичевки, Бобъ встащилъ веревку, которою надежно привязалъ сукъ съ медомъ къ дереву, чтобы онъ не свалился неожиданно при пиленіи и шумомъ паденія не разбудилъ Боулея. Послѣ этихъ приготовленій, Бобъ принялся осторожно пилить. Мы нетерпѣливо ждали его внизу. По нашему разсчету, онъ спилилъ порядочно много, когда внезапное колебаніе веревки указало, что ему нужна помощь. Я ловче другихъ умѣлъ лазить по деревьямъ, и оттого сталъ взбираться къ Бобу, чтобы узнать, что ему нужно. Разговаривать громко мы не осмѣливались, изъ опасенія разбудить въ домѣ опаснаго нашего противника. Бобу было очень пріятно, что я присоединился къ нему и онъ не отпускалъ меня, говоря, что ему надобно помочь опустить тяжелый сукъ

безъ шума. Дерево было пропилено на столько, что сукъ ужъ начиналъ гнуться. Я осторожно поддержалъ сукъ, чтобы уменьшить его грузъ при паденіи. Но тяжесть была слишкомъ велика и положеніе очень неудобно и опасно. Когда сукъ былъ пропиленъ почти насквозь, онъ, не смотря на всѣ мои усилія, внезапно сломился и, вися на веревкѣ, глухо ударялся о стволъ.

Одна изъ собакъ залаяла, вѣроятно разсердившись на необычайные звуки, а другая стала вторить ей. Пролаявъ немного, собака сѣла и принялась громко выть.

— Вотъ тебѣ и разъ! сказалъ я, пробормотавъ проклятіе.—Несносныя собаки теперь начали шумѣть и не уймутся, пока всѣ въ домѣ не встанутъ, а мы сидимъ на деревѣ, какъ въ ловушкѣ!

— Пока темно, намъ бояться нечего, прошепталъ Бобъ, но что будетъ послѣ? Ахъ, проклятыя собаки! послушайте, какъ онѣ воютъ.

Сукъ между тѣмъ висѣлъ на веревкѣ и отъ вѣтра ударялся то въ одну, то въ другую сторону. Передъ пиленіемъ, Бобъ изъ предосторожности обвязалъ отверстіе улья платкомъ, чтобы пчелы не вылетѣли. Но спиленный конецъ былъ пустъ, и мы позднѣе увидѣли, что тамъ находилось много меду. Вѣроятно, черезъ эту пустоту пчелы выползли, потому что онѣ вскорѣ стали летать безпорядочно около насъ къ вершинѣ дерева.

— Нечего дѣлать, намъ надобно спустить сукъ, тихо сказалъ мнѣ Бобъ. Онъ внизу пустъ и если долго будетъ висѣть, то все вытечетъ. Но гдѣ найти товарищей?

Мы стали вслушиваться. Заскрипѣли двери, и черезъ нѣсколько секундъ раздался голосъ Боулея, ласкающаго собакъ. Вѣроятно, онъ предполагалъ что-нибудь подозрительное, и надѣялся помощью собакъ разрѣшить сомнѣніе.

Фермеръ спустилъ молодую собаку, которая съ лаемъ бросилась къ дереву, на которомъ мы сидѣли. Къ счастью, дождь лилъ, какъ изъ ведра, а Боулей, вѣроятно не одѣтый, не хотѣлъ выйти. Въ противномъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ бы висячій сукъ и поймалъ насъ обоихъ.

Кто-то въ домѣ, вѣроятно, спросилъ, почему лаютъ собаки, потому что Боулей произнесъ:

— Да что, вѣрно на деревѣ сидитъ какой-нибудь звѣрь. Но теперь нельзя выйти, дождь такъ и льетъ. Впрочемъ собаки не выпустятъ его.

Боулей принялся наускивать собакъ. Затѣмъ мы услышали, какъ онъ захлопнулъ дверь. Бобъ, не говоря ни слова, медленно спустилъ сукъ. Дождь доставилъ намъ услугу въ томъ отношеніи, что мокрый сукъ легче скользилъ по мокрому стволу. Мы поспѣшно спустились по веревкѣ на землю. Наши товарищи, между тѣмъ,

уже отвязали сукъ и пыхтя потащили довольно значительный грузъ, спѣша дойти до рѣки, бросили его на крутой песчаный берегъ и втащили въ лодку, которая отъ груза замѣтно сѣла въ воду. Но множество сучьевъ помѣшали бы намъ гресть, а висящіе въ воду задержали бы плаванье. Оттого младшій Дехартъ принялся спиливать вѣтви. За веревкою ушелъ Бобъ, потому что изъ-за собакъ никто не осмѣливался идти къ дереву. Мы только-что успѣли снять столько вѣтвей, что могли гресть, когда одна изъ собакъ у дома крикнула отъ боли и принялась страшно выть, потому что, какъ мы узнали позже, веревка, спускаемая Бобомъ, ударилась животному въ спину.

— Чортъ побралъ бы проклятую собаку! крикнулъ молодой Дехартъ.—Еслибъ послушались меня, было бы гораздо лучше убить ее.

— Въ лодку, въ лодку! крикнули другіе. Этотъ вой навѣрное заставитъ Боулея выйти. Бобъ безъ сомнѣнія сейчасъ будетъ здѣсь.

Совѣтъ былъ весьма основателенъ. Мы вытащили лодку изъ ила, вскочили въ нее и сѣли къ весламъ, готовясь уплыть. Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ, и мы увидѣли, какъ Бобъ валится съ крутаго берега.

— Мошенникъ, за это ты поплатишься жизнью! воскликнулъ его братъ, хватаясь за ружье. Но

прежде нежели онъ успѣлъ выскочить изъ лодки, Бобъ всталъ и нѣсколькими скачками добрался до лодки, волоча за собою веревку.

— Ѣдемъ! сказалъ онъ, влѣзая въ лодку со смѣхомъ.—Меня хотѣли застрѣлить, но плохо мѣтили. Отваливайте, у него дома есть еще ружье.

Мы всѣ ухватились за весла и тотчасъ поплыли.

— Теперь смотрите, не потечетъ ли гдѣ-нибудь лодка, чтобы заткнуть дырку.

— Кажется, пуля ударила въ сукъ, сказалъ молодой работникъ Дехарта.

— Тѣмъ лучше для насъ, воскликнулъ Бобъ, расхохотавшись. Теперь гребите братцы въ середину рѣки, чтобы насъ не могли видѣть съ берега.

Намъ вовсе не нужно было ободренія; мы гребли изовсѣхъ силъ и слышали съ берега страшныя проклятія. Во всякомъ случаѣ, Боулей нашелъ залитую лодку и убѣдился въ невозможности преслѣдовать насъ, почему намъ нечего было опасаться разсерженнаго переселенца. Тѣмъ не менѣе, мы поспѣшно отъѣхали отъ берега, который вскорѣ представлялся едва замѣтною черною полосою. Съ него нельзя было видѣть нашей лодки. Мы сначала поплыли внизъ по рѣкѣ, а затѣмъ уже направились къ нашему

дому, куда благополучно прибыли еще до разсвѣта.

Боулей нисколько не сомнѣвался, кто сыгралъ съ нимъ шутку, и грозилъ пожаловаться. Но въ лѣсахъ трудно затронуть право обладанія. Медъ былъ съѣденъ гораздо ранѣе, чѣмъ Боулей могъ отыскать въ Мемфисѣ адвоката для своей жалобы.

Такимъ образомъ, немного меда стоило намъ большаго труда и мы безъ сомнѣнія легче и во всякомъ случаѣ безопаснѣе добыли бы его съ другаго дерева. Но никто не жалѣлъ о ночной работѣ, и пустой сукъ долго еще лежалъ, какъ трофей на крышѣ дома Дехарта.

МОЛЧАЛИВЫЙ ТОМЪ.

—

Въ одно довольно холодное, но ясное февральское утро я встрѣтился съ старымъ охотникомъ, извѣстнымъ у сосѣдей подъ именемъ Молчаливаго Тома. Въ ночь передъ тѣмъ выпалъ первый хорошій снѣгъ. Арканзасъ—штатъ довольно теплый, и снѣгъ рѣдко лежитъ тамъ долго, потому что температура почти никогда не понижается ниже 6° по термометру Реомюра. Я и Молчаливый Томъ шли по слѣду оленя и встрѣтились у такъ называемаго ower cup flat *).

Я первый достигъ это мѣсто и не могъ разобрать въ безчисленномъ множествѣ перекре-

*) Преимущественно на болотистой почвѣ растетъ особый видъ дуба, который американцы называютъ ower cup. Онъ доставляетъ очень вкусные и сладковатые желуди. Медвѣди, индѣйки и олени особенно любятъ эти плоды, и гдѣ ихъ много, тамъ почти всегда можно встрѣтить котораго нибудь изъ этихъ животныхъ. Flat называются совершеннно низменныя равнины.

щивающихся слѣдовъ, по которому должно было продолжать поиски. Изъ оленей, которые бѣгали по этому мѣсту, мой былъ самый крупный, и въ то время, какъ я внимательно всматривался въ его слѣдъ, я замѣтилъ приближеніе Молчаливаго Тома, одного изъ лучшихъ охотниковъ въ Арканзасѣ. У него ружье было за спиною, и онъ почти неслышными шагами шелъ по снѣгу. Мы раскланялись молча, чего требовали уже самыя обстоятельства, при которыхъ мы встрѣтились. Мы только кивнули другъ другу головою. Томъ немедленно замѣтилъ, что преслѣдуемый мною олень лучше, и потому движеніемъ руки предложилъ идти по его слѣду вмѣстѣ. Для насъ обоихъ главное дѣло было,—достать мяса, потому что шкуры зимою довольно плохи и одинъ олень былъ для насъ обоихъ болѣе чѣмъ достаточенъ.

Не говоря, однако, объ этомъ ни слова, Томъ вскорѣ нашелъ вѣрный слѣдъ, быстро окинулъ опытными глазами довольно ограниченное мѣсто, на которомъ, повидимому, животныя тщетно искали подъ снѣгомъ желудей. Затѣмъ мы пошли по низменности къ небольшой рѣчкѣ или ланжи (такъ исковеркали американцы французское слово l'anguille), къ которому направился олень.

Дѣйствительно, животное добрело до берега

небольшаго болота, а затѣмъ поворотило въ чащу кустарника, гдѣ, вѣроятно, намѣревалось прилечь. Когда мы замѣтили оленя на разстояніи выстрѣла, онъ шелъ медленно между сучьями, повидимому, нисколько не предчувствуя грозившей ему опасности.

Разумѣется, я изъ учтивости хотѣлъ уступить выстрѣлъ Тому. Но старый охотникъ, приложившись ружьемъ, кивнулъ мнѣ, чтобы я стрѣлялъ. Олень стоялъ не далѣе сотни шаговъ отъ насъ, и моя пуля попала немного низко. Тѣмъ не менѣе, рана была смертельная. Хотя животное убѣжало, но мы знали, что намъ не придется искать его далеко.

— Вотъ такъ! спокойно сказалъ Томъ:—это дѣло окончено. Вы попали нѣсколько низко, Миллеръ, но олень уйдетъ не далѣе 200 шаговъ. Пока пойдемъ туда къ берегу и разведемъ огонь.

Предварительно надобно объяснить читателю, почему Томъ называлъ меня Миллеромъ. Американцы очень плохо произносятъ нѣмецкія фамиліи и съ моею рѣдко кто изъ нихъ могъ справиться. Если меня спрашивали, какъ меня зовутъ?—у вопрошающаго неизбѣжно являлось на лицѣ выраженіе изумленія, а затѣмъ слѣдовало вопросительное: Sir? Когда я повторялъ свою фамилію, почти всегда слѣдовалъ вопросъ:

How do you spell that (Какъ произносите вы это по складамъ)? Тогда я принимался произносить свою фамилію по складамъ. Утомившись вопросами и отвѣтами, американцы наконецъ рѣшались называть меня Миллеромъ, такъ что многіе мои американскіе друзья знаютъ меня только подъ этимъ именемъ.

Старикъ пошелъ къ рѣкѣ. Я замѣтилъ ему, что было бы гораздо естественнѣе расположиться поближе къ оленю, чтобы не имѣть надобности попусту тащить его далеко, тѣмъ болѣе, что сухихъ сучьевъ повсюду для костра довольно, и мы, сверхъ того, имѣемъ съ собою топоры.

Томъ не соглашался со мною. Онъ на мгновеніе остановился, для осмотра окружающихъ насъ деревъ, и въ заключеніе сказалъ, чтобы я только пошелъ съ нимъ, такъ какъ онъ знаетъ хорошо мѣсто, гдѣ расположиться очень удобно, и гдѣ онъ разскажетъ мнѣ кое-что. Относительно отдаленности оленя, онъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ небольшая разница тащить его какіе-нибудь двѣсти шаговъ дальше.

Разумѣется, противъ этого я ничего не могъ возразить. Томъ повелъ меня къ берегу рѣчки, гдѣ намъ слѣдовало зажечь костеръ и, можетъ быть, даже ночевать, съ такою самоувѣренностью, какъ будто зналъ всякое дерево въ лѣсу.

Впрочемъ, онъ дѣйствительно зналъ всякое дерево, по крайней мѣрѣ въ этой части лѣса. Вскорѣ мы дошли до мѣста, совершенно защищеннаго отъ холоднаго вѣтра. Сбросивъ нѣсколько снѣгу, мы достали кучу сухаго дерева. Томъ сказалъ мнѣ, что около того мѣста онъ часто охотился по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, и всегда располагался тутъ. Довольно скоро костеръ у насъ разгорѣлся, и тогда мы отправились за подстрѣленнымъ оленемъ.

Мы не долго искали его. Онъ пробѣжалъ не далеко. Въ нѣсколько минутъ мы срѣзали переднія части оленя, а затѣмъ и заднія. Съ самаго утра мы оба ничего не ѣли, и оттого были при работѣ молчаливы. Когда же каждый изъ насъ срѣзалъ по сочному куску, Томъ произнесъ:

— Тамъ, гдѣ издохъ олень, къ водѣ гораздо ближе и дровъ также вдоволь. Но когда я захожу сюда, мнѣ не хочется располагаться на другомъ мѣстѣ, кромѣ этого, а когда вы узнаете почему, вы вѣрно одобрите меня.

— Такъ скажите же мнѣ, почему? замѣтилъ я, чтобы не лишиться случая послушать разсказъ старика. Охотники, проводящіе всю свою жизнь въ дикомъ лѣсу, нерѣдко имѣютъ весьма удивительныя приключенія, но рѣдко сообщаютъ ихъ, по неразговорчивости. Привыкши проводить время въ пустынномъ безмолвіи, они дѣй-

ствительно почти разучиваются говорить, а потому должно пользоваться мгновеніями, когда они рѣшаются разсказать что-нибудь. Такой разсказъ часто открываетъ удивительныя и занимательныя стороны жизни залѣсниковъ, которые вполнѣ уединены отъ общества, и принадлежатъ одной дикой природѣ. Годами они ходятъ по лѣсу съ ружьемъ и ножемъ, борются съ лютыми звѣрями и нерѣдко съ еще болѣе лютыми людьми. Они переносятъ бури и непогоды, отъ которыхъ укрываются только подъ корою и листьями, и иногда умираютъ одиноко подъ какимъ-нибудь деревомъ. Съ молодости они привыкаютъ къ опасностямъ и знаютъ только ихъ прелесть, но никогда не боятся ихъ. Едва успѣваетъ залѣсникъ избавиться отъ одной опасности, какъ идетъ уже навстрѣчу другой, совершенно спокойно, будто не постигаетъ ея, и ему ни почемъ погибнуть страшнѣйшею смертью.

Старикъ мой, можетъ быть, въ ту минуту углубился въ воспоминанія о такой опасности, воткнувъ въ землю палку съ поджареннымъ мясомъ и прокалывая ножемъ растаявшіе желтые листья. Наконецъ, онъ прилегъ на одѣяло, и началъ свой разсказъ:

— Въ прежнія времена, Миллеръ, здѣсь было звѣрей гораздо больше, чѣмъ теперь. Тогда поселенія лежали одно отъ другаго такъ далеко,

что иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней не случалось наткнуться на заборъ. Оленей и теперь еще много и на мой вѣкъ ихъ хватитъ, но медвѣдей очень мало, и надобно долго искать, чтобы найти слѣдъ какого-нибудь мохнатаго Мишки. Я помню однако пору, когда въ этой низменности я въ одну осень перебилъ 17 медвѣдей. Позднѣе сюда прибыли многіе французы, которые съ своими проклятыми собаками охотились по всему лѣсу. Я переловилъ всѣхъ псовъ въ волчьихъ ямахъ. Послѣ французовъ, сюда забрались нѣмцы, которые принялись срубать дубы, становить заборы и стрѣлять по звѣрямъ дробью. Конечно, такою стрѣльбою они не добыли много шкуръ, но пальба вѣрно не понравилась медвѣдямъ и они ушли дальше.

— Но если вы одни успѣвали застрѣлить въ одну осень 17 медвѣдей, откуда же имъ было взяться наконецъ?

— Ба! произнесъ старый охотникъ,—зато я вѣдь былъ заклятой ихъ врагъ, да и звѣрей тогда было гибель. Впрочемъ, дѣло не въ томъ. Всякій вѣдь знаетъ, что нынѣшнюю охоту никакъ нельзя сравнивать съ тогдашнею. Въ лучшія времена не можно было пройти по лѣсу, не услышавъ шума проходящаго косматаго, если и не удавалось увидѣть его. Однажды я пришелъ сюда на недѣлю поохотиться. Я жилъ

тогда у Кашъ-Ривера, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь переправа. На всемъ протяженіи между почтовой станціей Стронга и болотами Ланжи не было ни души. Вы можете себѣ поэтому представить, что тутъ было тогда нѣсколько пустынно, такъ какъ ближайшіе сосѣди находились на разстояніи 60 верстъ. Слѣдовательно, сношенія между ними были довольно слабы. Только почталіонъ каждыя четыре недѣли проѣзжалъ мимо меня. Иногда насъ посѣщали и индіянцы-чактоу, которые жили особенно въ Озаркскихъ горахъ, но они оставались около меня не долго, потому что встрѣча съ бѣлымъ была имъ не понутру, и я очень хорошо зналъ, почему. Впрочемъ, я не боялся этихъ посѣтителей, потому что они опасны лишь въ томъ отношеніи, что крадутъ повѣшенные куски мяса.... Водку и мясо индіянцы не могутъ видѣть, не чувствуя живѣйшаго желанія стащить ихъ.

— Уже въ ту пору эта низменность была лучшимъ мѣстомъ охоты въ болотѣ, особенно при полноводіи; сюда сбѣгались отвсюду олени и медвѣди, потому что находили тутъ довольно корма и сухое убѣжище. Оленей я стрѣлялъ тогда только, когда не имѣлъ хлѣба, т. е. когда мнѣ нужно было что-нибудь сухое къ медвѣжьему салу. Вы, поэтому, можете судить, что мнѣ не

нужно было долго охотиться, чтобы найти жирнаго медвѣдя. Однажды мохнатый расположился вотъ тамъ, подъ узловатымъ деревомъ и рылся въ листьяхъ, выбирая свалившіеся желуди, а я шелъ почти по той же дорогѣ, по которой мы прибыли сюда сегодня съ вами. Была уже осень, и погода стояла скверная и суровая. Въ то утро шелъ не то холодный дождь, не то снѣгъ. Для охоты это, конечно, было прекрасно, потому что мокрые листья подъ ногами не шумѣли. Вообще же, погода была очень гадкая. Руки у меня обмерзли, одѣяло промокло, и я опасался, какъ бы мнѣ не промочить ружья. Какъ только я увидѣлъ медвѣдя, меня тотчасъ бросило въ жаръ, а сердце забилось молотомъ, такъ что я долженъ былъ постоять нѣсколько минутъ, чтобы перевести духъ. Медвѣдь былъ преогромный и обѣщалъ добычу по крайней мѣрѣ въ сорокъ галлоновъ жира. Разумѣется, я долго не думалъ, приложился и выстрѣлилъ.

— Въ ту пору я имѣлъ при себѣ старую собаку, которую звали Уачъ. Я и теперь еще вижу ее передъ собою. Вотъ, подъ деревомъ, подъ которымъ вы лежите, Миллеръ, я зарылъ ея кости. Старый песъ почти не могъ уже бѣгать, такъ отдѣлали его медвѣди, и на всемъ его тѣлѣ не было мѣста шириною въ палецъ безъ рубца. Собаченка всегда была неловка и

слишкомъ горяча, такъ что попадала подъ лапы звѣря. Я могъ лежать цѣлый часъ за деревомъ и цѣлиться или подкрадываться къ животному: Уачъ никогда не прыгалъ и не дѣлалъ никакого неосторожнаго движенія. Но едва успѣвалъ я спустить пулю, какъ собаченка уже бросалась со всѣхъ ногъ къ застрѣленному звѣрю. Она знала, что я промаха не даю, и прежде, нежели медвѣдь успѣвалъ сказать, каково вы поживаете, собаченка вцѣплялась въ какую-нибудь часть тѣла. Въ этотъ разъ шутка, однако, не удалась. Пуля, конечно, засѣла въ медвѣдѣ, но, казалось, что онъ вовсе не чувствовалъ выстрѣла, и спокойно захватилъ Уача за шиворотъ. Вамъ, Миллеръ, конечно, мнѣ нечего объяснять, какъ шлепаетъ медвѣдь лапами. Я слышалъ, что какой-то мохнатый угостилъ васъ по-своему въ Озаркскихъ горахъ. Медвѣдь только разъ хватилъ по собакѣ, она визгнула, и я увидѣлъ, что мой бѣдный Уачъ полетѣлъ и свалился, какъ мокрый мѣшокъ. Я, между тѣмъ, поспѣшно насыпалъ въ дуло пороху и уже вынималъ изъ мѣшка пулю и, заряжая почти непроизвольно, подскочилъ нѣсколько шаговъ къ медвѣдю. Но, замѣтивъ меня, Мишка избавилъ меня отъ труда идти дальше, такъ что я едва имѣлъ время вытащить ножъ, какъ звѣрь уже сидѣлъ на мнѣ.

— Не могу сказать, что́ было послѣ этого. Знаю только, что я чувствовалъ жестокую боль и дико кололъ ножемъ; знаю, что меня опрокинуло чѣмъ-то очень грузнымъ.... Послѣ этого, я лишился чувствъ. Не могу сказать, долго ли я лежалъ. Когда я очнулся и отъ испуга хотѣлъ вскочить, я не могъ приподняться. У меня были переломлены лѣвая рука и правая нога, которыми я не могъ владѣть..... Я человѣкъ не нервный, Миллеръ, этому вы мнѣ можете повѣрить на слово; но все, что я перенесъ до того при борьбѣ съ медвѣдями и нападеніяхъ индіянцевъ, было игрушкою въ сравненіи съ чувствомъ, которое овладѣло мною при первомъ сознаніи своего положенія, — въ сравненіи сознаніемъ ужасной смерти, которая ожидала меня въ пустынѣ, внѣ предѣловъ возможности помощи. Я вскорѣ опять лишился чувствъ, вѣроятно отъ потери крови изъ множества ранъ, которыя я увидѣлъ на себѣ позднѣе. Въ этотъ разъ обморокъ былъ непродолжителенъ. Я опять пришелъ въ себя и вмѣстѣ съ сознаніемъ пробудилось чувство самосохраненія.

— Всего болѣе меня мучила жажда. Я лежалъ близъ рѣки, и оттого рѣшился подползти къ ней. Сперва я осмотрѣлся, гдѣ лежитъ медвѣдь. Я зналъ, что пуля попала въ звѣря, и ножемъ я отдѣлалъ его также порядочно. Во всякомъ случаѣ

онъ сохранилъ еще довольно силъ, чтобы уйти, потому что я нигдѣ не видѣлъ его. Только бѣдная моя собака лежала шагахъ въ двѣнадцати отъ меня, въ сучьяхъ вершины свалившагося дерева. Она издохла, стиснувъ зубы съ немощною яростью... Затѣмъ я приступилъ къ своему странствованію. Но, Боже мой, какъ жестоко пришлось испытать мнѣ состояніе бѣднаго калѣки!...

— Съ переломленными рукою и ногою и истерзанною рукою я едва могъ тронуться съ мѣста и на каждомъ футѣ своего перемѣщенія долженъ былъ кричать. Не смотря на то, я полѣзъ, чтобы не умереть отъ жажды. Притомъ я тащилъ ружье. Мнѣ было какъ-то легче на душѣ, по крайней мѣрѣ держать оружіе въ рукахъ, тѣмъ болѣе, что я считалъ его послѣднимъ средствомъ къ спасенію. Потрудившись часа два... такой работы не желаю ни кому въ мірѣ... я добрался до того мѣста, на которомъ мы теперь сидимъ веселые и здоровые. Я совершенно сбился съ ногъ и пролежалъ на сырой землѣ съ часъ, не трогаясь, пока меня не стало знобить.

— Что предстояло мнѣ? Когда я опять могъ немного двигаться, я ощупалъ себя и свое ружье и вспомнилъ, что не имѣлъ времени зарядить его. Но теперь, одною рукою я не могъ докончить начатое, тѣмъ болѣе, что мнѣ нельзя было

встать. Почти непроизвольно я пощупалъ, при мнѣ ли ножъ: но его не было въ поясѣ. Онъ, вѣроятно, лежалъ тамъ, гдѣ я боролся съ медвѣдемъ. Воротиться къ нему я не могъ, и долженъ былъ лежать беззащитный и, какъ я тогда думалъ, обреченный на вѣрную смерть.

— Между тѣмъ стемнѣло. Истомленный сверхчеловѣческимъ напряженіемъ и болью, отъ которой, мнѣ казалось, я сойду съ ума, я старался сдѣлать себѣ на ночь по возможности хорошее ложе. Трясясь отъ озноба, съ невыразимымъ трудомъ я разложилъ шерстяное одѣяло, подвинулся на него и закрылся имъ. Такъ провелъ я ночь, спалъ и утромъ, а затѣмъ проснулся.

Старикъ вздрогнулъ отъ страшнаго воспоминанія объ ужасномъ утрѣ, и нѣсколько времени молчалъ какъ бы для того, чтобы собраться съ духомъ.

— Мнѣ казалось, что я обреченъ на смерть, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ. При малѣйшемъ движеніи я ощущалъ жесточайшую боль. Члены у меня опухли и я самъ вскорѣ почувствовалъ, что нисколько не могу двигаться... Но этого еще мало. Сдѣлалось морозно, земля покрылась инеемъ, и повалились хлопья снѣга. Черезъ часъ пошелъ густой снѣгъ. Сначала я считалъ это довершеніемъ своего несчастія, по

лагая, что отъ мороза и снѣга я скоро умру, но оказалось, что именно снѣгъ, охраняя меня отъ холода и утоляя жажду, спасъ мнѣ жизнь. Но долго ли еще могла поддержаться моя жизнь? Вѣдь снѣгъ только замедлялъ мою смерть и удлиннялъ срокъ страданія.

— Въ мучительномъ полуснѣ и полубдѣніи, я провелъ весь день и всю слѣдующую ночь; холода я вовсе не чувствовалъ, жажду утолялъ снѣгомъ, который къ полудню лежалъ слоемъ въ полфута... Опять настала ночь. По мѣрѣ того, какъ темнѣло, мнѣ казалось, что я прощаюсь не только со свѣтомъ дневнаго свѣтила, но и съ жизнью... Въ слѣдующую ночь я оставался не одинъ. Уже въ сумерки принялись выть волки. Удивительно, что эти звѣри такъ поздно почуяли добычу и явились на мѣсто моей борьбы. Во всякомъ случаѣ, медвѣдь лежалъ вблизи, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ. Сначала я слышалъ вой волковъ, а затѣмъ—ворчаніе и кусаніе, какъ бы собакъ, грызущихся изъ-за кости. Самыхъ слабыхъ волковъ вскорѣ прогнали сильные, которые рыскали близъ меня и наконецъ нашли бѣдную мою собаку. Я ясно слышалъ, какъ голодные звѣри бросились на тѣло Уача, и я даже различалъ шаги звѣрей, которые, насытившись, шли къ рѣкѣ пить.

— Какой-нибудь волкъ почуялъ и меня, потому что я внезапно услышалъ хрустѣніе снѣга, почти у своихъ ушей. Но трусливые звѣри, замѣтивъ человѣка, разбѣжались. Я зналъ, однако, что они воротятся.

— Снѣгъ шелъ всю ночь. Къ утру небо прояснилось и стало очень холодно; тутъ я постигъ, что безъ охранительнаго снѣжнаго покрывала, лежавшаго на моемъ одѣялѣ, я непремѣнно замерзъ бы. Двигаться я не могъ. Что будетъ со мною? думалъ я. Если бы тогда при мнѣ былъ ножъ, я съ отчаяніемъ схватилъ бы его и разомъ покончилъ бы всѣ свои страданія, вскрывъ себѣ жилу. При наступленіи третьяго вечера у меня почти исчезло отчаяніе—послѣдній признакъ яснаго сознанія жизни. Я сталъ равнодушенъ къ смерти и самому себѣ, и дико, угрюмо смотрѣлъ на стаю воронъ, единственныхъ моихъ собесѣдниковъ, которые въ теченіе дня клевали остатки на костяхъ, обглоданныхъ волками, а вечеромъ размѣщались на ночлегъ на вѣтвяхъ.

— Мнѣ, однако, казалось страннымъ, что я вовсе не чувствую холода и даже мало потребности въ снѣгѣ. Только иногда я бралъ правою рукою комокъ снѣгу, который прикладывалъ къ горячимъ губамъ и лбу. Часы проходили у меня въ полудремотѣ, а полнаго сознанія положенія

у меня не являлось, пока я наконецъ не былъ пробужденъ волками.

— Еще не совсѣмъ стемнѣло, когда я опять услышалъ вблизи отвратительный вой. Въ этотъ разъ, казалось, медвѣдя осталось такъ мало, что волки не кусались изъ–за него. Вся стая приближалась ко мнѣ. Звѣри, безъ сомнѣнія, почуяли меня. Я ясно слышалъ, какъ шаги животныхъ приближались ко мнѣ все болѣе, и даже чувствовалъ горячее дыханіе у себя на волосахъ. Я хотѣлъ повернуть голову, но не могъ и лишь съ трудомъ приподнялъ правую руку. Это перепугало звѣрей: они не осмѣлились тронуть живаго человѣка, но еще всю ночь рыскали по близости въ лѣсу.

— Вы знаете, Миллеръ, что гдѣ волки насытились ночью, они скликаются къ полуночи воемъ, затѣмъ вмѣстѣ уходятъ къ своимъ логовищамъ, и только при сильномъ голодѣ рыскаютъ до утреннихъ сумерекъ. Въ эту ночь волки, почуявъ меня, упустили случай отыскать себѣ другую добычу и вы можете себѣ представить, какъ они выли на тощемъ желудкѣ. Не смотря на голодъ, звѣри не рѣшились напасть на человѣка, но не покидали занятаго ими мѣста. Нѣкоторые смѣльчаки иногда подходили, подкрадываясь, чтобы, вѣроятно, испытать нападеніе, но пугались всегда сознанія, что имѣютъ дѣло съ

человѣкомъ. Какъ ни жадны и ни прожорливы эти звѣри, они все-таки трусливы.

— Безпрерывное возбужденіе и страхъ, при сознаніи безпомощности, истощили тѣло... Переломанные члены какъ бы обмерли у меня... Все это до того обезсилило меня, что я впалъ почти въ безчувственное состояніе. При такомъ полусознаніи мнѣ показалось, что я слышу выстрѣлъ; но я до того ослабѣлъ, что не обратилъ на него вниманія и мнѣ стало что-то мерещиться и сниться. Наконецъ мнѣ показалось, что кто-то хватаетъ меня за плечо и называетъ по имени. Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ человѣческое лице, наклонившееся надо мною. Болѣе я постигнуть не могъ. У меня блеснула только мысль о возможности помощи, и затѣмъ я совершенно лишился сознанія.

— Меня нашелъ Принсъ... Вы его знаете, Миллеръ, — вѣдь онъ лучшій охотникъ, какой только родился и выросъ въ лѣсу.

— Онъ былъ, конечно, человѣкъ практическій и какъ я узналъ это позднѣе, не терялъ времени, понявъ, въ какомъ я положеніи. Онъ поспѣшно развелъ огонь, сварилъ кофе, влилъ мнѣ нѣсколько глотковъ въ ротъ, и когда я немногими словами объяснилъ, что́ случилось со мною, онъ повѣсилъ возлѣ меня свой камзолъ и одѣяло пугалами отъ волковъ, сѣлъ на лошадь и ускакалъ за помощни-

ками, которые, благодаря Бога, находились вблизи. Не далѣе пяти верстъ отъ меня, расположилось общество охотниковъ: старый Гоустонъ, Бродлей, котораго мы похоронили три года тому назадъ, и двое молодыхъ кентукійцевъ. Черезъ три часа они всѣ находились около меня, и я былъ спасенъ ими. Послушайте, Миллеръ, я могъ бы разсказывать вамъ цѣлый годъ, и все-таки мнѣ не удалось бы выразить, что́ я чувствовалъ, когда увидѣлъ опять около себя людей... друзей.

—Конечно, мнѣ пришлось еще много страдать, пока меня съ переломленными членами перетащили въ ближайшій домъ, находившійся въ разстояніи 30 верстъ. Меня несли въ одѣялѣ, которое прикрѣпили къ самымъ смирнымъ лошадямъ, гдѣ въ лѣсу было возможно везти меня. Прибывъ на мѣсто, Принсъ, который былъ полуврачъ, перевязалъ переломленные мои члены древесною корою и лубомъ такъ отлично, что уже черезъ шесть недѣль я прохаживался съ ружьемъ и, по крайней мѣрѣ, могъ охотиться на стойкѣ и самъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ. Мнѣ болѣе не нужно было давать кормить себя, какъ ребенка.

— Но какъ же нашелъ васъ Принсъ?

— Только благодаря старымъ друзьямъ моимъ, волкамъ, смѣясь отвѣчалъ Томъ. Безпрерывное ихъ и завываніе на одномъ томъ же мѣстѣ въ

теченіе всей ночи привлекло на себя вниманіе Принса, который слышалъ отвратительный концертъ у своего костра. Оттого онъ отправился утромъ осматривать окрестности и встрѣтилъ одинокаго стараго волка, стоявшаго, какъ бы въ раздумьѣ подъ деревомъ. Онъ застрѣлилъ его. Опытный охотникъ однако замѣтилъ, что отъ того мѣста, гдѣ животное свалилось, оно нѣсколько разъ бѣгало по опредѣленному направленію. По одинаковости слѣдовъ видно было, что они сдѣланы однимъ и тѣмъ же волкомъ. Принсу хотѣлось узнать, что заставляло звѣря бѣгать все къ одному мѣсту. Онъ пошелъ по слѣдамъ волка, и едва не наступилъ мнѣ на голову, такъ близко подходилъ ко мнѣ звѣрь.

— И все это было здѣсь, на этомъ мѣстѣ? спросилъ я, вздрагивая отъ ужаса, при мысли, что такую судьбу каждый изъ насъ можетъ имѣть ежедневно.

— Да, здѣсь, сказалъ Томъ, кивнувъ головою. Я никогда не молился Богу такъ усердно, какъ въ тотъ день, когда въ первый разъ опять стоялъ на этомъ мѣстѣ здоровый. Тогда я собралъ кости Уача, оставленныя волками, и зарылъ ихъ именно тамъ, гдѣ пролежалъ безъ помощи столько дней и ночей посреди лѣса. Позднѣе я нашелъ также кости медвѣдя, гладко обглоданныя волками

и воронами. Косматый убѣжалъ отъ меня не далѣе 200 шаговъ.

— Но вѣдь изъ-за этого вы не отказались отъ охоты за медвѣдями?

— Отказался!... я? вскричалъ старикъ, поправляя дрова въ кострѣ и завертываясь въ одѣяло.—Тогда-то я лишь началъ хорошенько преслѣдовать ихъ. Мнѣ надобно было отплатить имъ за то, что одинъ изъ нихъ убилъ славную мою собаку. Но, кажется, я въ долгу не остался!... Не забуду я этого мѣста, хоть бы мнѣ дожить до ста лѣтъ. Даже злѣйшему моему врагу я не пожелаю и часа мученій, какія я перенесъ дни и ночи... Теперь, я думаю, намъ лучше повѣсить оленину. До вечера мы успѣемъ застрѣлить еще пару. Намъ надобно пользоваться временемъ, потому что снѣгъ не пролежитъ долѣе сутокъ. Завтра же мы вмѣстѣ высушимъ мясо, а затѣмъ я схожу за своею лошадью и перевезу его... Согласны вы?

Противъ такого предложенія возражать было нечего. Въ то время цѣль моей жизни заключалась въ одной охотѣ. Читателя, конечно, не можетъ интересовать описаніе дальнѣйшей моей охоты. Я желалъ только сообщить разсказъ старика, случай котораго въ дремучихъ лѣсахъ вовсе не единственный въ своемъ родѣ. Жизнь его обитателей состоитъ въ безпрерывной борьбѣ

съ трудностями и опасностями. А чѣмъ все это вознаграждается? Впрочемъ, кто не охотникъ, тому невозможно дать понятіе о томъ, чѣмъ вознаграждаются такія лишенія; настоящій же охотникъ понимаетъ и безъ объясненій, въ чемъ дѣло.

СКОТАВОДСТВО НА ЗАПАДѢ
СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Для фермера, особенно небогатаго, на западѣ Соединенныхъ Штатовъ скотоводство составляетъ главную отрасль сельскаго хозяйства, потому что оно одно даетъ возможность современемъ сдѣлаться совершенно независимымъ тому, кто не въ состояніи разрабатывать обширныя поля и содержать работниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, величайшее прилежаніе при земледѣліи не вознаграждается такъ скоро и хорошо, какъ скотоводство.

Это, конечно, зависитъ отъ того, что едва ли гдѣ-нибудь удобнѣе заниматься этою отраслію сельскаго хозяйства, потому что самая природа печется о скотинѣ. Должно, однако, замѣтить, что переселенцы имѣютъ обыкновенно ложныя понятія объ американскомъ скотоводствѣ, полагая, что достаточно купить стельную корову, чтобы въ нѣсколько лѣтъ быть владѣльцемъ мызы.

Источникъ ложныхъ воззрѣній заключается въ преувеличенныхъ описаніяхъ путешественниковъ, которыхъ сочинители забывали, что подобныя вещи, на бумагѣ, кажутся совершенно иначе, чѣмъ въ дѣйствительности, и что мѣстность, превозносимая до неба, все-таки находится на землѣ и имѣетъ свои непріятности и преимущества. Этимъ путешественники вредили много, потому что ожиданія переселенцевъ были почти баснословныя. Многіе полагали, что достаточно только явиться въ Америку, чтобы разбогатѣть и сдѣлаться счастливымъ въ неистощимой странѣ.

Прибывъ на мѣсто поселенія и принявшись за дѣло, переселенецъ, конечно, вскорѣ узнаетъ, чего ему можно ожидать и до какой степени описанія вѣрны или ложны. Но ему приходится бороться съ чувствомъ, которое заставляетъ его видѣть все въ черномъ цвѣтѣ и хуже, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Это первое непріятное впечатлѣніе исчезаетъ, но не скоро. Ожиданія переселенца были слишкомъ велики, и то, что его привело бы при нормальномъ настроеніи духа въ восторгъ, онъ теперь разсматриваетъ испытующимъ взоромъ. Вмѣсто того, чтобы радоваться представляющимся громаднымъ выгодамъ, онъ думаетъ: «А въ книгѣ-то стояло совсѣмъ другое!»

То же самое относится и къ скотоводству. По описанію многихъ книгъ, можно подумать, что коровъ и свиней надобно только пустить въ лѣсъ, чтобы въ нѣсколько лѣтъ имѣть цѣлыя стада. Но такое предположеніе ни съ чѣмъ не сообразно. Всякое животное, которое свободно ходитъ по лѣсу, дичаетъ, если даже первоначально оно и было вполнѣ приручено. Тѣмъ болѣе должно ожидать одичанія скотины, родившейся въ лѣсу и никогда не видавшей человѣка. Фермеръ, дѣйствительно, можетъ пустить домашнихъ животныхъ въ лѣсъ, гдѣ они будутъ жить и размножаться весьма хорошо, но тогда они доставятъ ему очень мало пользы, потому что станутъ бѣгать отъ него такъ же боязливо, какъ испуганный олень, и мызникъ будетъ въ состояніи только охотиться за ними съ ружьемъ или ловить арканомъ.

Такое одичаніе замѣчаютъ особенно у свиней. Поросята, выросшіе въ лѣсу, разбѣгаются, какъ скоро почуютъ приближеніе человѣка, и прячутся въ кусты и подъ деревья. Сгонять ихъ нѣтъ никакой возможности. Если поросята выросли, они даже сопротивляются, когда фермеръ пытается подойти къ нимъ съ собаками.

То же самое должно сказать о разведеніи рогатаго скота и лошадей, которыхъ владѣльцы вынуждены ловить по-индіянски, арканомъ.

Изъ этого слѣдуетъ вывести, что и въ Америкѣ скотоводство требуетъ извѣстныхъ свѣдѣнія и нѣкотораго вниманія, и что тамъ недостаточно купить скотину и предоставить ее судьбѣ. Тѣмъ не менѣе, скотоводство облегчается до такой степени, что самыя отважныя ожиданіе благоразумнаго хозяина болѣе чѣмъ удовлетворяются, если только его воображеніе не извращено ложными описаніями.

Западные фермеры (я говорю тутъ преимущественно о мызникахъ Мисури, Кентуки, Тенеси, Техаса и всѣхъ дикихъ полупросвѣщенныхъ областей) едва знаютъ о кормленіи скотины въ стойлахъ. Лошади, коровы и овцы бѣгаютъ по лѣсу или степи, и возвращаются сами домой, только чтобы получить соли или защититься отъ непогоды и звѣрей.

Соль привлекаетъ и привязываетъ скотину къ фермѣ, къ мѣсту, гдѣ она ее всегда находитъ, почему это мѣсто остается ей памятнымъ. Соль побуждаетъ животныхъ болѣе или менѣе часто возвращаться къ своему хозяину, котораго они не должны чуждаться. Чтобы пріучить скотину къ себѣ, фермеръ долженъ по временамъ ѣздить по лѣсу съ мѣшечкомъ соли и мѣшкомъ маиса, отыскивать животныхъ, пасущихся стадами или по одиночкѣ, и пріучить ихъ, чтобы они не только терпѣли его присутствіе, но при извѣст-

номъ кликѣ шли за нимъ на нѣкоторое разстояніе, послѣ чего лошадямъ слѣдуетъ давать соли и нѣсколько колосьевъ маиса, рогатому скоту только соль, а свиньямъ—маисовыхъ зеренъ.

Если фермеръ дѣлаетъ это часто, онъ можетъ чародѣйскимъ призывомъ привлечь къ себѣ всѣ стада и ему никогда не будетъ трудно ухаживать за скотиною и загонять ее въ огороженное мѣсто, чтобы сдѣлать на ней мѣтки, запрячь или пользоваться ею другимъ образомъ. Но такимъ способомъ животныхъ непремѣнно надобно пріучить къ себѣ, иначе они не доставятъ дѣйствительной пользы.

Лошадей западный фермеръ рѣдко держитъ многихъ. Для обработки полей, ему достаточно нѣсколько лошадей, и то въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, мая и іюня. Кромѣ того, торговый духъ, которымъ проникнутъ весь американскій народъ, рѣдко дозволяетъ лѣсному жителю держать лошадь долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, потому что онъ безпрерывно мѣняетъ ее съ выгодою, до тѣхъ поръ, пока его самого не надуютъ порядкомъ и ему тогда приходится снова наверстать потерянное. Напр., я зналъ одного арканзасца, который купилъ, за 15 доллеровъ, старую, тощую лошадь. Безпрерывною мѣною, онъ въ три мѣсяца добылъ коня, стоющаго не менѣе 150 доллеровъ. Однажды вечеромъ, къ нему подъ-

ѣхалъ одинъ методистскій священникъ на лошади, которая показалась фермеру отличною и стоящею по крайней мѣрѣ 200 доллеровъ. Священникъ слѣзъ съ своего коня, и оба принялись торговаться. Вечеромъ, за ужиномъ, торгъ состоялся, и священникъ получилъ лошадь фермера и еще 10 доллеровъ придачи. На другое утро проѣзжій продолжалъ свое путешествіе на отличной лошади фермера. Оставленный же имъ конь, простоявъ ночь въ конюшнѣ, оказался хромымъ и издохъ на той же недѣлѣ.

Нѣмцы, поселившіеся въ Америкѣ, хозяйничаютъ иначе. Они, по родному своему обычаю, удерживаютъ животныхъ при себѣ и убѣждаются вскорѣ, что такого рода скотоводство всего выгоднѣе. Они изучаютъ привычки скота, а животныя привыкаютъ слушаться приказаній. Оттого у нѣмецкихъ колонистовъ всегда есть хорошія верховыя и рабочія лошади.

Только заводскихъ жеребцовъ держатъ въ конюшнѣ или, по крайней мѣрѣ, въ огороженномъ мѣстѣ, потому что, по мѣстнымъ законамъ, жеребцовъ запрещено выпускать весною на свободу. Кромѣ того, если жеребцы принадлежатъ къ рысистой породѣ, они слишкомъ много подвергаются опасности потерпѣть отъ злонамѣренныхъ людей, которые нерѣдко застрѣливаютъ или уродуютъ отличную лошадь, чтобы ли-

шить ее возможности одержать побѣду на бѣгахъ.

Во время посѣва, когда надобно нѣсколько разъ обработывать землю, лошадей кормятъ не только потому, что онѣ работаютъ, но и для того, чтобы всегда имѣть ихъ подъ рукою. Какъ скоро эта пора миновала, ихъ опять пускаютъ въ лѣсъ.

Подобнымъ же образомъ поступаютъ съ волами, употребляемыми для полевыхъ работъ въ упряжь. На фермѣ остаются лишь молодыя телята, въ огороженномъ пространствѣ, а не въ коровникѣ, и притомъ безъ подстилки, что довольно жестоко, особенно въ холодную зиму. Впрочемъ, зима въ Америкѣ не очень сурова. Фермеръ говоритъ: «Если я не дою коровы, то пусть теленокъ переноситъ подъ открытымъ небомъ всякую погоду.» Но на свободѣ животныя могутъ найти себѣ убѣжище въ чащѣ, въ загороженномъ же мѣстѣ они вынуждены переносить бурю и всякую непогоду. Тѣмъ не менѣе, отъ такихъ неблагопріятныхъ вліяній, скотина погибаетъ рѣдко и притомъ обыкновенно развивается очень хорошо.

Должно замѣтить, что телятъ держатъ въ огороженномъ мѣстѣ только для того, чтобы доить коровъ, которыя возвращаются каждый вечеръ. Тогда ихъ доятъ одну послѣ другой во

внутреннемъ огороженномъ пространствѣ. Сначала такое обращеніе имъ, конечно, не нравится. Въ первое время коровъ загоняютъ вмѣстѣ съ телятами, но уже въ первую ночь отдѣляютъ отъ послѣднихъ, послѣ чего онѣ мыча бѣгаютъ вокругъ забора, стараясь отыскать въ немъ входъ. На другое утро голодъ заставляетъ ихъ, хотя на время, убѣжать отъ своихъ дѣтенышей. Наѣвшись, онѣ постоянно возвращаются къ фермѣ, и такимъ образомъ привыкаютъ къ ней. Тогда онѣ уходятъ на разстояніе шести или семи верстъ къ лучшимъ пастбищамъ, но еще до заката солнца являются къ знакомымъ имъ воротамъ и просятся въ нихъ.

Свиней фермеру приходится кормить нѣсколько больше, чтобы пріучить ихъ къ извѣстному мѣсту. Оттого онъ не только часто отыскиваетъ ихъ въ лѣсу, но кормитъ ихъ всякій разъ, когда онѣ являются около дома, гдѣ слѣдуетъ устранять все, что можетъ испугать или угнать ихъ. Свиней надобно заставить понять, что ферма есть мѣсто, гдѣ онѣ всегда могутъ укрыться. Полезныя послѣдствія такого обращенія со скотиною обнаруживаются весьма часто. Напр., когда на нихъ нападаетъ медвѣдь, лютѣйшій ихъ врагъ въ лѣсу, онѣ разбѣгаются, если принадлежатъ беззаботному фермеру и не пріучены къ его жилищу. Если такія нападенія повторя-

ются часто, свиньи совершенно покидаютъ опасную для нихъ мѣстность и перемѣщаются туда, гдѣ меньше лютыхъ звѣрей. Въ такомъ случаѣ свиньи пропали для ихъ владѣльца, особенно, когда онъ еще не успѣлъ сдѣлать на нихъ своихъ знаковъ.

Вовсе не то происходитъ, когда свиньи постигли, что люди охраняютъ ихъ. Тогда онѣ убѣгаютъ при приближенiи медвѣдя не въ чащу, а къ фермѣ, и замѣчаютъ, что къ человѣческому жилью медвѣдь за ними не слѣдуетъ. Если косматый звѣрь повторяетъ свои нападенiя часто, свиньи постоянно ходятъ близъ фермы. Особенно же выгодно то, что при благоразумномъ обращенiи съ свиньями, онѣ устроиваютъ близъ жилищъ свои логовища и приходятъ съ поросятами къ дому, чтобы добыть тамъ корма.

Если же, напротивъ, свинья совершенно одичала, мызникъ не привлечетъ ее къ себѣ никакимъ призывомъ, потому что она становится боязливѣе оленя и хозяинъ можетъ только охотиться за нею, какъ за всякимъ другимъ лѣснымъ животнымъ. Разумѣется, что на такую охоту нельзя брать съ собою собакъ. Въ самомъ дѣлѣ, если подстрѣленная свинья кричитъ, сбѣгаются другiя свиньи, и какъ бы ни были смирны эти животныя, они не пощадятъ находящейся по близости собаки. Послѣдняя, конечно, под-

ползетъ къ фермеру, чтобы укрыться отъ нападеній. Тогда охотнику приходится поскорѣе лѣзть на дерево, потому что на землѣ онъ находится въ большой опасности. Если фермеру удалось взобраться на дерево, свиньи часа черезъ два покидаютъ его. Что касается до собаки, то она гибнетъ неминуемо, если свиньи успѣли окружить ее. Разъяренныя животныя раздираютъ и пожираютъ собаку.

При кормленіи небольшимъ количествомъ маиса, свиньи держатся на свободѣ довольно хорошо. Только въ особенно дурные годы приходится перегонять ихъ въ лучшія мѣстности, гдѣ однако не слѣдуетъ пренебрегать мѣрами предотвращенія совершеннаго ихъ одичанія.

Овцеводствомъ на западѣ занимаются мало, по различнымъ, очень важнымъ причинамъ. Лютые звѣри преслѣдуютъ овецъ и барановъ особенно усердно. Странно, однако, что въ мѣстностяхъ, гдѣ никогда еще не бывали овцы, ихъ очень боятся волки. Это замѣчено не только на западѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ волки трусливѣе, но и въ Канадѣ. Тамъ, гдѣ завелись овцы, волки не являются нѣсколько мѣсяцевъ. Но если они разъ отвѣдали крови овецъ, звѣри преслѣдуютъ послѣднихъ немилосердно и становятся ихъ непримиримыми врагами.

Другое препятствіе развитію овцеводства въ лѣс-

ныхъ областяхъ составляетъ репейникъ. Это растеніе водится, собственно говоря, на поляхъ, гдѣ растетъ вмѣстѣ съ маисомъ, но оно прозябаетъ также у изгородей и мѣстами на полянахъ. Репейника на шерсти овецъ нацѣпляется столько, что можно стричь, но нельзя предварительно мыть ее на самой овцѣ. На срѣзанной шерсти репейникъ приходится съ большимъ трудомъ снимать руками. Какъ мѣшкотна такая работа, представить себѣ не трудно. Оттого залѣсникъ рѣдко держитъ больше овецъ, чѣмъ ему нужно для самого себя. Фермеръ не употребляетъ баранины, и предоставляетъ волкамъ ограничивать увеличеніе стада. Поэтому видно, что овцеводствомъ заниматься можно, но что оно обѣщаетъ мало выгоды.

Подножный кормъ скота состоитъ въ западной Америкѣ лѣтомъ изъ отличной травы на холмахъ и въ болотахъ, особенно изъ рода вьющагося трилистника, который животныя ѣдятъ очень охотно, и кромѣ того, изъ дикой ржи и дикаго овса. Зимою скотъ находитъ довольно много травы въ низменностяхъ, особенно тростнику у береговъ рѣкъ и въ болотистыхъ долинахъ. Этотъ тростникъ или камышъ составляетъ почти единственую зимнюю пищу скота и потому заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Какъ и всѣ растеніи этого рода, онъ прозябаетъ только на болотистой, или, по крайней

мѣрѣ, влажной почвѣ и выростаетъ такою чащею, что вмѣстѣ съ шиповатыми вьющимся растеніями и засохшимъ обломаннымъ тростникомъ образуетъ плотную валообразную массу, которую нерѣдко проникнуть не только трудно, но даже невозможно. Тростникъ бываетъ вышиною отъ 15 до 30 и даже 40 футовъ, толщиною не болѣе двухъ пальцевъ, совершенно прямъ и состоитъ изъ твердаго неломкаго деревянистаго вещества, почему особенно годенъ для удочекъ и въ большомъ количествѣ вывозится на сѣверъ. Скотина ѣстъ листья этого растенія, сидящіе пучкомъ у каждаго колѣна и составляющіе отличную пищу, особенно когда они молоды.

Какъ ни растетъ онъ густо въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ и какъ ни кажется его запасъ неистощимымъ, близъ поселеній весьма быстро замѣчаютъ уменьшеніе этого питательнаго тростника. Опустошеніе производятъ болѣе свиньи, нежели рогатый скотъ, потому что онъ объѣдаетъ только листья, а свиньи вырываютъ корни и отпрыски растеній, и тѣмъ препятствуютъ выростанію новаго количества корма. Если часть тростниковой чащи случайно выгараетъ, и это мѣсто находятъ свиньи, тамъ тростникъ не скоро выростетъ вновь, потому что эти животныя располагаются на такомъ выгорѣвшемъ мѣстѣ.

Главная пища свиней состоитъ изъ желудей,

которыхъ особенно много въ западныхъ лѣсахъ. Сверхъ того, свиньи отрываютъ себѣ питательные корни и обыкновенно становятся очень жирными, если годъ не былъ слишкомъ неблагопріятенъ.

Бываютъ фермеры, которые обладаютъ обширными пространствами и многочисленными стадами. Если они не могутъ или не хотятъ надзирать за ними сами, то нанимаютъ такъ называемыхъ стоккиперовъ, которые принимаютъ на себя надзоръ за скотомъ. Но въ совершенно пустынной, дикой странѣ весьма трудно слѣдить за наемными людьми, исполняютъ ли они свою обязанность съ надлежащимъ рвеніемъ. Польза же, доставляемая стоккиперами, зависитъ отъ ихъ старанія, почему, для поощренія, имъ предоставляется пятая или даже третья доля приплода. Разумѣется, при большомъ стадѣ, имущество надсмотрщика возрастаетъ весьма быстро. Но дикіе, безпокойные люди, нанимающіеся въ надсмотрщики, очень легко утомляются, продаютъ все пріобрѣтенное ими, и, взявъ на плечи ружье, идутъ далѣе на западъ.

Жизнь стоккипера весьма романтическая. Собственно говоря, онъ только пастухъ, но во многомъ отличается отъ нашихъ. Онъ устроиваетъ себѣ хижину посреди лѣса, тамъ, гдѣ находится самое лучшее пастбище и гдѣ оттого собирается всего больше скота. Такое мѣсто лежитъ иногда

въ тридцати верстахъ отъ ближайшаго жилища. Съѣстные его припасы состоятъ изъ сушеной оленины, нѣсколькихъ четвериковъ маису и мѣшка соли, а собаки и винтовка единственные его товарищи. У своего домика онъ огораживаетъ мѣсто для телятъ и дойныхъ коровъ, и если занимается разведеніемъ растеній, то сѣетъ только тыквы, сушеная корка которыхъ служитъ сосудами для храненія молока, жира и меда.

Взявъ ружье, стоккипертъ обыкновенно садится на лошадку, какія свойственны этой области, разъѣзжаетъ на ней въ лѣсу по всѣмъ направленіямъ, и даетъ въ одномъ мѣстѣ свиньямъ маису, а въ другомъ коровамъ и лошадямъ соли, осматриваетъ илистые берега рѣкъ и озеръ, чтобы не упустить изъ вида слѣдовъ хищныхъ звѣрей, становитъ волчьи западни и мимоходомъ отыскиваетъ лѣсныхъ пчелъ и стрѣляетъ попадающихся звѣрей, чтобы воспользоваться ихъ мясомъ или шкурою.

Единственная работа надсмотрщика состоитъ въ мѣченіи и доеніи скота. Для мѣченія онъ обыкновенно приглашаетъ на помощь хозяина и еще нѣсколько сосѣдей. Замѣтимъ, что понятія о сосѣдѣ въ западной Америкѣ немного широки. Безъ помощи другихъ, одному мѣтить очень трудно. Намѣчиваніе скота необходимо даже въ самыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ. Скоти-

на разбѣгается по всѣмъ направленiямъ и присоединяется то къ одному, то къ другому стаду. При такихъ обстоятельствахъ, безъ мѣтокъ безпорядки и ссоры были бы неизбѣжны.

Самыя мѣтки различны. На лошадяхъ ихъ обыкновенно нажигаютъ, для чего накаливаютъ желѣзную букву добѣла и нажимаютъ ее тогда на бедро. Подобнымъ образомъ мѣтятъ также рогатый скотъ, но обыкновенно ему подрѣзаютъ уши какимъ нибудь особеннымъ образомъ. Свиней и овецъ мѣтятъ только на ушахъ. Случается, однако, что какой-нибудь злонамѣренный сосѣдъ старается увеличить свои стада, дѣлая свои мѣтки, особенно на свиньяхъ. Такими продѣлками мѣстами занимаются иногда безнаказанно довольно долго; но если преступленiе открылось, фермеры поступаютъ съ виновнымъ безпощадно и нерѣдко уже вѣшали лишь за то, что преступникъ сдѣлалъ свои мѣтки только на одной парѣ чужихъ поросятъ.

Впрочемъ, тяжкое наказанiе за такой проступокъ необходимо, потому что совершать его легко, а открыть довольно трудно, между тѣмъ какъ оно имѣетъ весьма пагубное влiянiе на благосостоянiе фермеровъ. Оттого не удивительно, что они по неволѣ прибѣгаютъ къ жесточайшимъ мѣрамъ, для охраненiя своего имущества въ мѣстности, гдѣ законъ почти нисколько не защищаетъ ихъ.

Стада терпятъ не мало отъ лютыхъ звѣрей. Впрочемъ, волки рѣдко нападаютъ на телятъ и то лишь, когда эти молодыя животныя совершенно одни и беззащитны. Иногда барсы растерзываютъ жеребенка и даже осмѣливаются нападать на взрослыхъ лошадей, но все это лишь исключительныя рѣдкости, почему фермеръ за крупный скотъ не боится.

Несравненно опаснѣе весною и лѣтомъ для свиней медвѣдь. Когда болѣе нѣтъ желудей, а лѣсные плоды еще не созрѣли, медвѣдь старается замѣнить любимую свою пищу чѣмъ-нибудь другимъ. Такъ какъ онъ ни отъ чего не отказывается и живую свинью предпочитаетъ павшей, стада много терпятъ отъ голодныхъ медвѣдей.

Скотомъ пользуются на западѣ Америки очень просто, потому что, по отдаленности мѣстъ выгоднаго сбыта, онъ не можетъ продаватся какъ на востокѣ. Дѣйствительно, тамъ, особенно близь большихъ городовъ, напр. около Цинцинати, скотоводствомъ занимаются въ громадныхъ размѣрахъ. Оттуда вывозятъ соленую свинину къ полюсамъ и экватору. Въ западныхъ же лѣсахъ всякая пересылка крайне затруднительна. Скотъ приходится гнать по лѣсамъ безъ дорогъ, а на мѣстѣ сбыта фермеръ рѣдко можетъ получить за животныхъ наличныя деньги. За доставлен-

ныя произведенія онъ получаетъ отъ купца почти только одинъ товаръ. Безъ такой мѣны, всѣ покупаемыя вещи обошлись бы ему вдвое дороже.

Для отправки скота къ лучшему мѣсту сбыта, особенно въ южные города, напр. въ Новый Орлеанъ, Начецъ, Виксбургъ или Мемфисъ, нерѣдко нѣсколько фермеровъ соединяются обществомъ, строятъ плоскодонную барку, сгоняютъ въ нее свою скотину и сплавляютъ ее до Мисисиппи. Такой транспортъ обходится очень дешево, потому что лѣсъ срубаютъ на никѣмъ не занятой государственной землѣ, барку строятъ сами и продаютъ ее тамъ же, гдѣ и скотину. Но фермеры рѣдко умѣютъ управлять судномъ въ своенравныхъ водахъ могучаго Мисисиппи. Оттого случается, что, наѣхавъ на какой-нибудь стволъ, скрывающійся подъ водою, барка тонетъ вмѣстѣ съ произведеніемъ многолѣтняго труда, и спекуляторомъ приходится трудиться снова.

Но, по мѣрѣ заселенія, условія скотоводства быстро измѣняются. Увеличеніе числа жителей улучшаетъ сбытъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ хозяйство, потому что стада размножаются, а пастбища уменьшаются, тростникъ исчезаетъ, мѣсто, предоставляемое скоту, постепенно ограничивается, и, безъ сомнѣнія, дѣло кончится

тѣмъ, что скотину станутъ откармливать въ коровникахъ.

Цѣна мясу въ западныхъ областяхъ весьма различна, даже на разстояніи немногихъ миль, и вовсе не соотвѣтствуетъ труду, нужному для гонки скота. Впрочемъ, въ лѣсу, на пастбищахъ, скотину можно купить очень дешево. Сами фермеры ѣдятъ почти одну свинину. Соленая и копченая свинина составляетъ главную составную часть ежедневной ихъ пищи. Быковъ бьютъ рѣдко, и говядину сушатъ. Чтобы ѣсть ее, необходимы хорошіе зубы. Телятъ не убиваютъ, потому что въ два года изъ теленка дѣлается быкъ или корова, а содержаніе животнаго въ теченіе этого времени стоитъ только нѣсколько горстей соли. Къ баранинѣ фермеры питаютъ, по предразсудку, отвращеніе. Рогатый скотъ доставляетъ, кромѣ мяса, еще сало и кожу, составляющія хорошій товаръ.

Молочными скопами и выдѣлкою масла и сыра на западѣ занимаются довольно плохо. Хотя фермеры и доятъ коровъ, но бóльшею частью пьютъ молоко свѣжее, а для выдѣлки масла употребляютъ лишь малое его количество, именно, сколько нужно для собственнаго хозяйства. Впрочемъ, хозяйство поселенца иногда до того недостаточно, что въ немъ вовсе нѣтъ маслобойки. Говорятъ, что нужда пробуждаетъ изо-

брѣтательность. Это оправдывается въ томъ отношенiи, что лѣсной житель нерѣдко употребляетъ вмѣсто маслобойки простую бутылку, въ которой привезъ изъ ближайшей лавки водку. Въ такую бутылку вливаютъ сливки, затыкаютъ ее стержнемъ маисоваго колоса, а затѣмъ нѣсколько времени трясутъ. Такимъ образомъ, масло сбивается довольно скоро. Но готовое масло трудно вытащить изъ узкаго горлышка бутылки, не ломая ея. Но и тутъ помогаетъ догадка. Смѣтливая залѣсница нагрѣваетъ немного горлышко бутылки, и тогда масло выходитъ очень хорошо.

Молоко составляетъ весьма важную пищу лѣсныхъ жителей, и хорошая хозяйка гордится, если можетъ спросить проѣзжаго, угодно ли ему молока, простокваши или пахтанья. Сыру приготовляютъ особенно много въ Пенсильванiи и Огейо. Этотъ сыръ продается повсюду въ Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ Western reserve cheese. Онъ походитъ по формѣ и вкусу на швейцарскiй, хотя менѣе вкусенъ.

Болѣзнямъ скотина въ западной Америкѣ подвержена очень мало, по всей вѣроятности, потому, что она прiучается ко всякимъ невзгодамъ, оставаясь безпрерывно на открытомъ воздухѣ. У лошадей являются обыкновенныя конскiя болѣзни, которыя американцы умѣютъ лечить очень хорошо. Нерѣдко коровы и лошади гиб-

нутъ отъ валящихся деревъ и укушенія ядовитыми змѣями.

Говорятъ, что свиньи пожираютъ гремучихъ змѣй. Я этого не наблюдалъ ни разу, хотя часто бросалъ къ нимъ этихъ ядовитыхъ животныхъ. При видѣ змѣи, свиньи только слегка хрюкаютъ и убѣгаютъ, когда она свертывается. Укушеніе гремучей змѣи, сколько мнѣ извѣстно, нисколько не вредитъ свиньямъ.

БАРОЧНИКИ.

Моряки раздѣляютъ человѣчество на два отдѣла, смотря по тому, проводятъ ли они жизнь на водѣ или на сушѣ, и считаютъ послѣднихъ несчастнѣйшими существами въ мірѣ, потому что имъ не суждено плавать по открытому, свободному морю и они должны подвергаться, при сильной бурѣ, множеству опасностей, свойственныхъ сушѣ, въ родѣ валящихся деревъ, обрушивающихся печныхъ трубъ и падающей черепицы.

Нѣчто въ родѣ того наблюдаютъ и у плавающихъ по рѣкамъ. Обитатели водъ Сѣверной Америки подраздѣляются на riverboys и shoreboys, т. е. на рѣчниковъ и прибрежниковъ. Рѣчники смотрятъ на прибрежниковъ съ такою же гордостью, какъ настоящіе моряки на плавающихъ по рѣкамъ. Подъ именемъ ривербоевъ я не разумѣю экипажа пароходовъ, потому что на нихъ находится причудливая смѣсь всякаго рода людей, такъ что ихъ отнюдь нельзя отне-

сти къ опредѣленному классу, но говорю о барочникахъ Огейо и Мисисипи, весьма извѣстныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Сперва опишемъ ихъ суда.

Килевыя суда, какъ уже видно по ихъ названію, построены на килѣ, длиною отъ 40 до 80 футовъ, почти какъ старинныя голландскія лодки, и сидятъ отъ 4 до 7 футовъ въ водѣ. Онѣ, какъ и плоскодонныя барки, движутся однимъ теченіемъ воды. Четыре большія весла, лежащія на суднѣ, употребляются рѣдко, и то лишь для того, чтобы ввести судно въ фарватеръ, когда вѣтеръ отнесъ его отъ надлежащаго пути, или для минованія мели и приставанія къ берегу. На палубѣ барки сдѣлана весьма рачительно надстройка, вышиною въ 5 или 6 футовъ, куда не можетъ проникнуть сырость. Надстройка окружена доскою въ футъ шириною, по которой ходятъ; руль выдается вверху на палубѣ и состоитъ изъ громаднаго весла. Когда барка разгрузилась, ее даютъ дотащить до устья какой-нибудь рѣчки, въ которой не могутъ плавать крупныя суда, и тамъ подымаются на веслахъ вверхъ по теченію до мѣста нагрузки.

Плоскодонныя барки гораздо проще и походятъ на громадные четыреугольные ящики, въ шутку брошенные ребенкомъ-исполиномъ въ рѣку. Они грубо сколочены изъ толстыхъ до-

сокъ и назначены исключительно для отправки товара внизъ по рѣкѣ. Послѣ сгруженія товара, владѣлецъ лодки продаетъ ее цѣликомъ или отдѣльными досками, а за вырученныя деньги строитъ на верховьѣ рѣки новую барку. Эти суда сидятъ въ водѣ обыкновенно до глубины въ 4 или 5 футовъ, выдаются надъ водою до сажени и также длинны, какъ килевыя барки. Палуба состоитъ изъ поперечно положенныхъ досокъ, пригнутыхъ и пригвожденныхъ къ бокамъ барки, такъ что онѣ лежатъ чѣмъ-то въ родѣ сводообразной крыши. Удобствъ на баркѣ меньше, чѣмъ на килевыхъ судахъ, потому что спальнею служитъ на ней грубая досчатая надстройка, гдѣ есть, можетъ быть, шерстяное одѣяло или тюфякъ изъ моха. Варятъ въ хорошую погоду на палубѣ, гдѣ куча камней и земли образуетъ родъ очага. Въ дурную же погоду помѣщаются въ такъ называемую каюту, которая, однако, вовсе не соотвѣтствуетъ тому, что́ обыкновенно разумѣютъ подъ именемъ каюты.

Грузъ барокъ состоитъ обыкновенно изъ произведеній почвы сѣвера: муки, водки, соленой свинины, яблоковъ, бочарныхъ досокъ, соли, табаку, плодоваго вина, домашнихъ животныхъ и т. д. Этотъ грузъ продаютъ южнымъ цѣликомъ оптовымъ торговцамъ или въ розницу

у городскихъ верфей. Владѣлецъ лодки нанимаетъ барочниковъ (hands, помощниковъ) въ Питсбургѣ, Цинцинати, Винсеннѣ, Сенъ-Луи или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ останавливается судно, или же подряжаетъ работниковъ на все плаваніе (trip), какъ долго оно ни продолжалось бы. Работники рѣдко получаютъ плату помѣсячно, потому что, наѣхавъ на мель, судно можетъ простоять на одномъ мѣстѣ очень долго. При уговорѣ на все плаваніе, важную статью составляетъ обязательство, которое беретъ на себя хозяинъ, доставить работниковъ обратно къ верховью рѣки на пароходѣ, потому что они могутъ получить занятія только для сплавленія товара внизъ по рѣкѣ, если не желаютъ сдѣлаться на пароходѣ кочегарами или заниматься на немъ какимъ-нибудь другимъ дѣломъ.

Не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и во всемъ просвѣщенномъ мірѣ нѣтъ людей грубѣе американскихъ барочниковъ, которые половину своей жизни проводятъ на палубѣ плоскодонныхъ судовъ. Когда эти люди не вынуждены работать, они убиваютъ время въ игрѣ и пьянствѣ. Бесѣда ихъ состоитъ преимущественно изъ ругательствъ и богохульства, которыя приводятъ въ ужасъ даже привыкшихъ къ грубому разговору. Отвратительнѣйшія слова до того тѣсно связаны со всѣми обо-

ротами ихъ рѣчи, что они осыпаютъ проклятіями даже самыхъ любимыхъ ими людей. Напр.: одинъ молодой человѣкъ, бывшій въ разлукѣ со своею матерью нѣсколько лѣтъ и дѣйствительно желавшій повидаться съ нею, воротился на нѣсколько недѣль домой и, обнимая старуху, привѣтствовалъ ее слѣдующими словами: «Да будутъ прокляты глаза твои, матушка, пусть меня поберетъ нечистый, если я не радуюсь чертовски, что ты здорова и весела!»

Въ дѣтствѣ эти люди мало ходятъ въ школу и оттого умѣютъ только немного читать, писать и считать. Географію они знаютъ очень плохо и имъ вполнѣ извѣстенъ только путь ихъ плаванія; но на немъ они знаютъ на протяженіи тысячъ верстъ каждый изгибъ у берега, каждую мель и черезъ годы узнаютъ дерево, къ которому когда-то привязывали свою барку. Большая часть работниковъ происходятъ изъ Кентуки, Индіяны и Огейо. Такихъ крѣпкихъ дѣтинъ трудно найти гдѣ-либо въ другихъ мѣстностяхъ. Они грубы, выросли какъ дикіе звѣри, пользуются громадною своею силою для боксированія и борьбы, и хвастаются на берегу своею побѣдою отвратительнѣйшимъ образомъ.

Драка американскихъ барочниковъ походитъ болѣе на бой бѣшеныхъ звѣрей, нежели на порывъ разгнѣванныхъ людей. Въ этомъ отно-

шеніи отличаются особенно кентукійцы. Повергнувъ противника на землю, побѣдитель не дожидается, чтобъ упавшій всталъ и могъ продолжать честный бой, а бросается на него, вцѣпляется обоими указательными пальцами въ его волосы, и старается выдавить ему большими пальцами глазные яблоки или же довольствуется тѣмъ, что топчетъ несчастнаго тяжелыми подошвами, обитыми гвоздями, отчего поверженный нерѣдко умираетъ. Если преступника не захватываютъ немедленно, онъ поспѣшно уходитъ на барку, а его товарищи отваливаютъ и уплываютъ отъ мстителей.

Иногда при борьбѣ бываютъ также и забавныя сцены. Я самъ былъ свидѣтелемъ довольно смѣшнаго случая въ Мемфисѣ, на Мисисиппи. Одна барка остановилась у берега; барочники поспѣшно выскочили на берегъ, привязали судно канатами и затѣмъ медленно пошли на гору, на которой построенъ городъ, чтобы пропить или проиграть нѣсколько тяжело заработанныхъ долларовъ въ одномъ изъ многочисленныхъ трактировъ. Одинъ барочникъ, здоровый, рыжій дѣтина, казалось, порядочно уже нагрузился водкою, потому что чудовищно хватался, всходя на гору. Достигнувъ вершины, онъ всѣмъ на свѣтѣ клялся, что приколотитъ всѣхъ присутствующихъ, въ числѣ которыхъ было 20 или

30 барочниковъ. На рѣчи пьянаго никто не обращалъ особеннаго вниманія. Наконецъ, чудакъ предложилъ доллеръ тому, кто захочетъ подраться съ нимъ.

— Давай сюда доллеръ! воскликнулъ долговязый дѣтина изъ штата Индіяны, протягивая руку.

— Вотъ, чортъ тебя побери! промямлилъ пьяный, подавая обѣщанныя деньги.

Высокій американецъ спокойно принялъ монету, внимательно осмотрѣлъ ее, настоящая ли она, вынулъ изъ кармана другой доллеръ, позвонилъ ими и затѣмъ съ прежнимъ спокойствіемъ положилъ деньги къ себѣ въ карманъ. Послѣ этого онъ внезапно принялся колотить пьянаго кулаками съ изумительною ловкостью, такъ что охотникъ до драки не успѣвалъ защищаться и наконецъ закричалъ.

— Стой, стой, стой! чтобы тебя побрали всѣ черти! Я заплачу еще доллеръ, когда ты перестанешь....

Высокій американецъ съ прежнимъ спокойствіемъ протянулъ руку; получивъ доллеръ, опять принялся разглядывать его внимательно и хотѣлъ уже уйти, когда къ нему подошелъ старикъ, также прибывшій на баркѣ, схватилъ его за руку и воскликнулъ:

— Пойдемъ; намъ съ тобою надобно выпить.

— Да кто ты такой? спросилъ побѣдитель.

— Я отецъ этого дурака, котораго ты отдулъ, со смѣхомъ отвѣчалъ старикъ,—и мнѣ хотѣлось бы поближе познакомиться съ тобою.

Вмѣстѣ съ другими, оба пошли въ кабакъ, а протрезвившійся отъ побоевъ очень весело присоединился къ обществу, и принялъ участіе въ попойкѣ.

Подобныя драки и хвастовства не всегда оканчиваются такъ мирно, какъ это видно по печальному случаю съ старымъ барочникомъ Мейкомъ и его братомъ. Мейкъ былъ отличный стрѣлокъ, и когда на его барку приходили чужіе, онъ обыкновенно сострѣливалъ своему брату съ головы жестяной кубокъ, въ родѣ того, какъ нѣкогда Вильгельмъ Телль яблоко съ головы своего сына. Во времена Мейка по рѣкѣ плавало мало пароходовъ, и многіе путешественники предпочитали въ хорошую погоду медленное плаваніе на баркѣ. Довольно часто такіе путешественники не жалѣли дать доллеръ, чтобы убѣдиться въ искусствѣ Мейка, который увѣрялъ, что съ кормы онъ сострѣлилъ съ головы своего несчастнаго слабоумнаго брата, стоящаго на носу судна, шагахъ въ 40, болѣе 200 кубковъ и тѣмъ заработалъ столько же доллеровъ.

Однажды вечеромъ онъ плылъ мимо недавно заложеннаго города Мемфиса, гдѣ къ

нему сѣли на барку два охотника, желавшіе ѣхать до Падуки въ Кентуки. Когда Мейкъ увидѣлъ ружья, онъ принялся хвастаться своимъ искусствомъ и старался побудить охотниковъ побиться съ нимъ объ закладъ. Охотники отказывались потворствовать такой опасной игрѣ и даже очень грубо высказывали, что весьма низко рисковать жизнью роднаго брата изъ-за дряннаго доллера.

— Чортъ васъ побери! закричалъ Мейкъ яростно: неужели вы думаете, что я не могу дѣлать со своимъ братомъ, что мнѣ угодно? Поди, Джонъ, принеси мнѣ ружье и три кубка... Пусть я буду проклятъ, если не сострѣлю всѣ три кубка одинъ послѣ другаго.

Джонъ, исполнивъ приказаніе брата, сталъ на носу барки. Тотчасъ съ его головы свалился на палубу прострѣленный кубокъ. Презрительно поглядывая на охотниковъ, Мейкъ зарядилъ ружье, рачительно вытерши его сперва. Послѣ поспѣшнаго прицѣливанія раздался выстрѣлъ, и второй кубокъ свалился со стукомъ.

— Послушай Мейкъ, довольно! сказалъ одинъ барочникъ, ты сегодня послѣ обѣда много пилъ и у тебя дрожитъ рука; я видѣлъ, какъ стволъ у тебя колебался.

— Убирайся къ чорту! крикнулъ Мейкъ съ досадою,—и не подступай ко мнѣ. Помнишь, что

было съ Джономъ, когда онъ хотѣлъ помѣшать мнѣ стрѣлять.

— Ты его убилъ! прошепталъ барочникъ тихимъ голосомъ, хотя и отрекаешься въ томъ, но будь проклятъ, если увернешься отъ наказанія.

— Убирайся, говорю тебѣ, заревѣлъ Мейкъ, свирѣпо топая ногами. — Убирайся, твоя болтовня мнѣ ни почемъ, вотъ бѣдный мой братъ стоитъ и попусту ждетъ съ кубкомъ на головѣ. Теперь я выстрѣлю въ третій разъ.

При послѣднихъ словахъ, онъ уже поднялъ ружье и прицѣлился. Раздался выстрѣлъ и несчастная жертва опасной игры повергласъ мертвая на палубу съ прострѣленною головою. У перепуганнаго Мейка ружье вывалилось изъ рукъ, и онъ хотѣлъ подскочить къ своему брату, но это было послѣднее его движеніе. Одинъ изъ охотниковъ, увидѣвъ паденіе несчастнаго, поспѣшно приложился своимъ ружьемъ, и Мейкъ повалился черезъ бортъ съ прострѣленною грудью въ воду.

Барочники отчасти соглашались съ самовластнымъ наказаніемъ за братоубійство, а отчасти были очень поражены серіозностью и неустрашимостью охотниковъ, почему безпрепятственно спустили ихъ на берегъ, на который сошли сами, чтобы похоронить бѣднаго Джона.

Уже очень давно довольно многочисленное об-

щество барочниковъ составило отвратительную шайку грабителей. Эти мошенники поселились на двухъ островахъ Мисисиппи, поросшихъ густымъ кустарникомъ и деревьями, и нападали на лодки и барки, останавливавшіяся по близости. Людей они всѣхъ убивали, а грузъ брали призомъ, сплавляли въ Новый-Орлеанъ и продавали его тамъ. Это, однако, была лишь ничтожная отрасль промышлености грабителей, потому что такимъ путемъ они получали лишь случайно останавливавшіяся суда, нерѣдко съ малоцѣннымъ грузомъ. Чтобы обдѣлывать свои дѣла выгоднѣе, многіе разбойники отправлялись къ большимъ прирѣчнымъ городамъ, вывѣдывали, съ чѣмъ отправляются суда внизъ по рѣкѣ и нанимались на нихъ кормчими. Зная очень хорошо Мисисиппи, они вели судно такимъ образомъ, что ему приходилось подойти къ одному изъ острововъ ночью. Тутъ разбойникъ наѣзжалъ на мель и никто тогда не могъ избѣжать горькой своей судьбы. Грабители никого не могли щадить, чтобы не выдать себя. Лучшія вещи разбойники затѣмъ отбирали, а остальное потопляли вмѣстѣ съ судномъ или брали его себѣ, когда не опасались, что оно можетъ быть узнано, и плыли на немъ до Новаго-Орлеана.

Мошенники грабили безнаказанно много лѣтъ и перебили тысячи людей, такъ что объ этомъ

никто не догадывался. Знакомые и родственники убитыхъ полагали, что они ушли куда-нибудь въ отдаленную часть Соединенныхъ Штатовъ. Въ странѣ, гдѣ четвертая часть населенія безпрерывно путешествуетъ и нѣтъ никакого контроля объ отдѣльныхъ лицахъ, почти невозможно открыть убійства. Если объ убитомъ знаютъ только, что его нѣтъ, то вовсе не помышляютъ о его смерти, но полагаютъ, что какая-нибудь спекуляція увлекла его въ Техасъ, или въ отдаленный западъ, и надѣются дождаться его возвращенія.

Но всякое преступленіе должно открыться. При безнаказанномъ грабежѣ, разбойники сдѣлались очень отважными, и однажды напали посреди бѣлаго дня на барку, плывшую мимо верхняго острова. Она шла изъ Мисури и разбойникамъ легко было справиться съ немногими французами, составлявшими его экипажъ. Только одинъ французъ яростно защищался и убилъ двухъ разбойниковъ. Одинъ кентукіецъ отрубилъ ему могучимъ взмахомъ топора правую руку, которою ударилъ несчастнаго съ презрительнымъ смѣхомъ. Едва разбойники успѣли бросить отважнаго противника въ воду, какъ почти неслышимо подплылъ пароходъ. Напрасно разбойники старались изловить изуродованнаго, чтобы онъ не попалъ на пароходъ: французъ съ

отчаяніемъ плылъ одною рукою, крича, чтобы ему помогли, и дѣйствительно благополучно попалъ на пароходъ.

Послѣ этого случая разбойники рѣшились покинуть острова. Слишкомъ надѣясь на свои силы, они не опасались очень скораго нападенія, и потому не хотѣли тотчасъ же покинуть набранныя ими драгоцѣнности. Но они медлили слишкомъ долго. Уже на другое утро, на зарѣ на нихъ напали со всѣхъ сторонъ. Послѣ отчаянной битвы, около 60 разбойниковъ попали въ руки собравшихся землевладѣльцевъ. Шерифъ объявилъ, что пойманные подсудимы, и хотѣлъ ихъ увезти для заключенія въ тюрьму; но мѣстные жители знали очень хорошо, что найдется довольно мошенниковъ, которые помогутъ изловленнымъ убѣжать, и потому поспѣшно рѣшились казнить преступниковъ тотчасъ же. Едва ли когда-нибудь страшный линчъ исполнялся ужаснѣе! Разбойникамъ перевязали руки на спину, разрѣзывали имъ животъ и бросали въ рѣку. Остальные грабители, не попавшіе въ руки карателей, ушли, полагая, что товарищи выдали ихъ, и еще долго наводили ужасъ въ Техасѣ.

Въ Новомъ-Орлеанѣ барки занимаютъ особую часть рѣки и стоятъ тамъ тѣсными рядами, обратившись носомъ къ верфи. На этихъ баркахъ

можно купить всевозможные предметы, потому что такое судно легко обратить въ лавку. Дѣйствительно, на баркахъ торгуютъ не только съѣстными припасами и произведеніями Сѣвера, но также аршиннымъ и разнымъ другимъ товаромъ. Сверхъ того, на баркахъ есть аптеки, театры и звѣринцы, которые дѣлаютъ иногда очень хорошія дѣла, тѣмъ болѣе, что, находясь на водѣ, имъ не нужно платить значительныхъ податей за домъ, которыя берутъ съ купцовъ и торговцевъ на сушѣ. Во всякомъ случаѣ, торговля на баркахъ—промыселъ весьма выгодный и пребываніе на нихъ многимъ привлекательно, потому что на рѣчныхъ судахъ молодые люди вполнѣ могутъ удовлетворить своей страсти къ дикой, ничѣмъ не стѣсняемой жизни и къ путешествіямъ. Оттого весьма вѣроятно, что сословіе американскихъ барочниковъ будетъ существовать довольно долго. Впрочемъ, по временамъ ощущается дѣйствительная нужда въ барочникахъ, такъ что владѣльцы судовъ вынуждены платить необыкновенно большое жалованье. Такой недостатокъ имѣли при открытіи калифорнскаго золота и во время войнъ. Когда раздавался кликъ, призывающій волонтеровъ на поле сраженія и проникалъ до рѣкъ громаднаго государства, тысячи сильныхъ отважныхъ молодыхъ людей бросали весла и багры, брали

за ружье, къ которому привыкли съ дѣтства въ лѣсахъ и радостно спѣшили къ кровавому бою.

Такія дикія толпы сражались у Буэна-Висты, Пало-Альто и Монтерея, покорили Мексику и съ восторгомъ поставили знамя со звѣздами и полосами на соборъ древняго города кациковъ. Также охотно пошли бы эти тысячи противъ другаго врага, на котораго указалъ бы имъ президентъ, потому что они бьются только для славы дядюшки Сама. Такая толпа, въ которой каждый отдѣльный человѣкъ знаетъ, что ему нельзя поднять головы передъ товарищемъ и даже воротиться на родину, если выкажетъ трусость,—такая толпа борется болѣе, чѣмъ за свою жизнь: она сражается за гражданское право, и должна быть непобѣдимою.

ПОЧТОВАЯ КОНТОРА ВЪ АРКАНЗАСѢ.

—

Когда я прибылъ въ первый разъ къ Фуршъ-ла-Фаву, небольшой рѣкѣ, впадающей повыше Литль-Рока въ Арканзасѣ, я много ходилъ по окрестностямъ, чтобы познакомиться съ лѣсомъ и посѣщать многочисленныхъ тамъ сосѣдей.

Понятіе о сосѣдѣ въ дремучихъ лѣсахъ Америки вовсе не соотвѣтствуетъ тому, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ въ Германіи. Нерѣдко называютъ сосѣдомъ живущаго столь далеко, что если кто отправляется на такое же разстояніе въ Германіи, ему желаютъ благополучнаго путешествія.

Въ мѣстности, гдѣ жители очень разсѣяны, въ лѣсу селятся скуаттеры то здѣсь, то тамъ, такъ что о ихъ существованіи иногда узнаютъ лишь случайно, наткнувшись на ихъ ограды. Въ такой мѣстности, какъ легко представить себѣ, почтовое сообщеніе очень плохо. По край-

ней мѣрѣ, во время моего пребыванія у Фуршъ-ла-Фава не было даже верховаго почталіона, какіе въ другихъ мѣстностяхъ штата развозили письма и посылки отъ одного городка къ другому.

Хотя городокъ Перривиль имѣлъ почтмейстера, селеніе было однако до того мало, что онъ съ своею женою составлялъ двѣ трети населенія, а остальную треть дополнялъ одинъ лавочникъ, холостякъ, нѣмецъ. Сверхъ того замѣчательно, что все мужеское населеніе Перривиля не умѣло ни читать, ни писать, слѣдовательно, дѣйствительнымъ почтмейстеромъ была жена почтмейстера.

Понынѣ я не могъ узнать, какимъ образомъ доставлялись письма въ почтовую контору этого городка. Офиціальнаго почталіона не было, почтовыя кареты и пароходы тогда также не разъѣзжали. Значитъ, письма и посылки попадали въ Перривиль только случайно съ какимъ-нибудь путешественникомъ, отправляющимся въ эту мѣстность. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что почтмейстеръ просилъ доставлять письмо въ Литль-Рокъ всякаго, кто намѣревался отправиться туда.

Значитъ, всякое письмо, случайно попадавшее въ Перривиль, оставалось у Гоустона,—такъ звали почтмейстера,—пока за нимъ не приходилъ тотъ, кому оно было адресовано, и онъ долженъ

былъ считать себя счастливымъ, если въ самомъ дѣлѣ получалъ свое письмо.

Въ теченіе послѣднихъ 6 или 8 мѣсяцевъ, у почтмейстера, или, вѣрнѣе, у его жены набралось порядочное число писемъ, адресованныхъ различнымъ поселенцамъ около Фуршъ-ла-Фава, но еще не взятыхъ съ почты. Никто не зналъ, что я нахожусь въ этой мѣстности, почему я не могъ ожидать писемъ и нисколько не заботился о почтовой конторѣ. Но однажды, послѣ обѣда, я посѣтилъ Гоустона, отличнаго охотника, чтобы узнать направленіе, по которому лежитъ естественный соляной прудокъ. Гоустонъ уже посѣялъ маисъ, и потому, не имѣя никакого важнаго дѣла, ласково предложилъ проводить меня къ прудку, и попросилъ меня подождать немного, пока онъ отольетъ нѣсколько пуль.

Въ то время, какъ онъ занимался литьемъ пуль, къ нему пришелъ *сосѣдъ*, переселившійся за нѣсколько лѣтъ изъ Виргиніи въ Арканзасъ и еще переписывавшійся со старымъ штатомъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ Гоустона, онъ въ послѣднемъ полугодіи чаще другихъ получалъ письма. Въ этотъ разъ онъ прибылъ съ своей фермы, лежащей на разстояніи 25 верстъ, чтобы получить письмо, высланное изъ Виргиніи уже за три мѣсяца, но еще не врученное ему.

— Галло Гоулерсъ, крикнулъ Гоустонъ, когда

фермеръ остановился у его дома, — слѣзайте и войдите ко мнѣ, вы вѣрно опять пріѣхали за запечатанной штукой.

— Конечно, Гоустонъ, отвѣчалъ сосѣдъ, привязывая лошадь къ забору.—Послушайте, у васъ непремѣнно должно быть письмо, о которомъ я спрашивалъ у васъ уже три раза. Вчера я видѣлся съ однимъ прежнимъ сосѣдомъ въ Виргиніи, и онъ говорилъ мнѣ, что собственноручно отдалъ письмо на почту.

— Ну, если вы видѣлись съ самимъ вашимъ знакомымъ, замѣтилъ Гоустонъ, то къ чему вамъ его письмо? Будьте рады, что оно не прибыло сюда. Вамъ, по крайней мѣрѣ, не нужно платить четверть доллера. Деньги остаются у васъ въ чистомъ барышѣ и вы можете обратить ихъ въ водку....

— Что за пустяки, отвѣчалъ фермеръ:—мнѣ лучше потерять 50 долларовъ, чѣмъ это письмо, въ которомъ находятся важные документы.

— Кому же вздумалось посылать важныя бумаги въ Арканзасъ, въ лѣсъ, сухо замѣтилъ Гоустонъ, поправляя уголья подъ ложкою со свинцемъ.—Впрочемъ, сюда письмо навѣрное не прибыло. Если вы хотите убѣдиться въ этомъ, такъ пойдите, пожалуй, къ моей женѣ, пересмотрите старый ящикъ.... Это вамъ, наконецъ, вѣдь надоѣстъ!

Фермеръ, котораго Гоустонъ называлъ Гоу-

лерсомъ, повидимому, былъ знакомъ съ организаціею почтовой конторы. Пока хозяинъ готовился къ охотѣ, я изъ любопытства хотѣлъ посмотрѣть, какъ будутъ рыться въ старомъ ящикѣ, и пошелъ за виргинцемъ въ домъ, гдѣ госпожа Гоустонъ прилежно пряла. Гоулерсъ немедленно сообщилъ ей, что ему надобно отыскать письмо, которое онъ спрашивалъ уже нѣсколько разъ. Почтмейстерша пожала только плечами, какъ бы для выраженія излишества поисковъ. Тѣмъ не менѣе, она охотно согласилась исполнить его просьбу.

— Поищите письмо еще разъ, сказала она, подходя къ единственной мебели въ комнатѣ, къ старому комоду на трехъ ножкахъ, прислоненному къ стѣнѣ.—Я буду весьма рада, если вы найдете его. Но вѣдь мы уже три раза рылись въ пакетахъ, и я знаю, что вашего письма тамъ нѣтъ.

— Благодарю васъ, сударыня, за вашу готовность, учтиво отвѣчалъ фермеръ, но вы не можете себѣ представить, какъ важно для меня это письмо, и мнѣ очень жаль, что еще разъ долженъ безпокоить васъ.

— Помилуйте, ничего, возразила почтмейстерша, возвращаясь къ самопрялкѣ: — поищите сами. Я буду очень рада, если вамъ, сверхъ ожиданія, удастся найти письмо.

Мнѣ пришлось увидѣть совершенно неожи-

данно устройство почты. Фермеръ, казалось, былъ совершенно знакомъ съ нимъ. Онъ выдвинулъ ящикъ комода, поставилъ къ нему стулъ и усѣлся къ скучной разборкѣ писемъ. Въ ящикѣ лежали, кромѣ нѣсколькихъ разорванныхъ старыхъ книгъ, носковъ, воротничковъ, галстуковъ, старыхъ пороховницъ, кусковъ оленьей кожи и всякой всячины, еще 5 или 6 дюжинъ писемъ. Они отчасти были связаны пакетами, перевязанными веревкою, а отчасти валялись поодиночкѣ. Дѣло заинтересовало меня и я сталъ помогать фермеру искать.

Сначала мы отобрали, что́ относилось къ почтѣ, отъ всѣхъ постороннихъ предметовъ. Послѣ подробнаго осмотра всѣхъ вещей, мы положили письма въ одну сторону, а хламъ въ другую, и затѣмъ уже принялись читать адресы. Прежде всего мы осмотрѣли письма нѣсколько порядочнаго вида. Но опытная мистрисъ Гоустонъ замѣтила, что между ними мы всего менѣе можемъ надѣяться найти желаемое. Далѣе мы принялись разбирать адресы другихъ писемъ, что́ требовало немало труда, потому что они представляли множество загадокъ правописанія.

Въ самомъ дѣлѣ, англійскій языкъ болѣе всякаго другаго подаетъ поводы къ ошибкамъ правописанія, и залѣсники съ готовностію воспользовались случаемъ писать удивительнѣйшую дичь. Многіе адресы, при самомъ тщательномъ

вниманіи, рѣшительно нельзя было разобрать, почему они, весьма вѣроятно, пролежатъ въ комодѣ госпожи Гоустонъ, пока валяющіяся письма не надоѣдятъ ей и она не броситъ ихъ въ печь, чтобы очистить ящикъ.

При сортировкѣ одно изъ писемъ проскользнуло у насъ въ щель нѣсколько разсохшагося комода. Этотъ случай указалъ на возможность, что то же самое могло произойти и съ другими письмами. Мы замѣтили это госпожѣ Гоустонъ, но она рѣшительно отрицала такую возможность, утверждая, что этого еще никогда не случалось. Занявшись разъ разборкою, намъ хотѣлось вникнуть и въ тайны нижнихъ ящиковъ. Вѣроятно, желая скорѣе отдѣлаться, почтмейстерша позволила намъ осмотрѣть весь ея комодъ.

Мы выдвинули второй ящикъ и присоединили провалившееся письмо къ остальнымъ. Въ нижнемъ ящикѣ всякой всячины было еще больше, чѣмъ въ верхнемъ, и я, съ своей стороры, не рѣшался осмотрѣть этотъ хаосъ. Но виргинецъ, вѣроятно, обладалъ особымъ чутьемъ и принялся искать по найденному слѣду.

Нисколько не стѣсняясь, онъ вынималъ вещь за вещью, развертывалъ юпки и платья, рылся въ рачительно сложенныхъ рубашкахъ и чулкахъ и внезапно прыгнулъ, какъ ужаленный, держа въ рукахъ письмо.

— Вотъ оно! вотъ оно! воскликнулъ виргинецъ съ живостью, какой я и не подозрѣвалъ въ немъ.— Видите ли, мистрисъ Гоустонъ, что я говорилъ правду.

— Господи Боже мой! произнесла почтенная дама съ изумленіемъ, переставая прясть,—этого я никакъ не подумала бы.

— Тутъ есть еще письмо, замѣтилъ я, вытаскивая его изъ-подъ чулка.

Мистрисъ Гоустонъ взяла письмо у меня изъ рукъ и прочитала надпись:

— Уильяму Куку.... Ну вотъ оно, а Кукъ износилъ себѣ сапоги, бѣгая къ намъ за своимъ письмомъ. Гм.... надобно сказать старику, чтобы онъ заткнулъ щели въ ящикѣ.

— Нашли вы его? спросилъ Гоустонъ, входя въ комнату совершенно готовый къ охотѣ.

— Да, нашли, отвѣчалъ обрадованный Гоулеръ.

— Ну, что я говорилъ всегда? сухо замѣтилъ почтмейстеръ,—надобно только хорошенько поискать. Обыкновенно люди приходятъ сюда за письмами, не поищутъ основательно и уѣзжаютъ.... Готовы ли вы, Фредерикъ?

— Давно уже.

— Такъ пойдемте, не то мы опоздаемъ.

При этихъ словахъ онъ взялъ на плечо ружье, и спокойно пошелъ къ лѣсу, какъ будто ему не было никакого дѣла до порядка на почтѣ.

ИНДІЯНЦЫ.

Для европейца въ понятіи объ индіянцѣ заключается что-то очаровательное. Безъ сомнѣнія, прелестные разсказы Купера объ отважныхъ могиканахъ и делаварахъ, мингосахъ и сіуксахъ, тускарорахъ и пауни, о сраженіяхъ и нападеніяхъ, благородствѣ и смышлености возбудили необычайный интересъ къ дикимъ племенамъ Америки. Этотъ интересъ увеличивается еще тѣмъ, что индіянцы медленно, но очевидно уничтожаются и кажутся намъ невинными жертвами цивилизаціи. Совершенно другими глазами смотрятъ на нихъ жители западныхъ штатовъ, піониры, скуаттеры или залѣсники. Они весьма справедливо непріязнены къ нимъ, потому что много терпѣли отъ мстительности и коварства краснаго человѣка и испытали ночныя нападенія и грабежи индіянцевъ.

Что знаетъ американскій піониръ о неспра-

ведливостяхъ къ індіянцамъ прежнихъ европейцевъ? Онъ не понимаетъ и не раздѣляетъ чувствъ, которыя привязываютъ краснаго сына лѣсовъ къ клочку земли, въ которомъ лежатъ останки его отцовъ. Піониръ самъ неутомимо переходилъ изъ одного мѣста въ другое, все далѣе къ западу, считая себя вполнѣ правымъ владѣть обработанною имъ землею и застрѣленными имъ дикими животными. Если въ тихую ночь дикари нападаютъ на его хижину, сожигая и убивая все, залѣсникъ, разумѣется, воспламеняется яростью, безпощадно стрѣляетъ по врагамъ и убиваетъ индіянца, встрѣченнаго въ лѣсу также охотно, какъ волка или барса.

Сверхъ того, племена, живущія близъ штатовъ, при безпрерывныхъ сношеніяхъ съ европейцами, переняли отъ нихъ все дурное и низкое, не отказавшись отъ собственныхъ пороковъ, почему пьяный індіянецъ съ первобытною своею дикостью и жестокостью —ужаснѣйшее существо, какое можно себѣ представить. Домачадцы фермера боязливо толпятся у камина вокругъ хозяина разсказывающаго одинъ изъ тысячи примѣровъ индіянской рѣзни, и когда они нечаянно слышатъ тогда шумъ деревъ, колеблющихся отъ вѣтра, имъ кажется, что раздаются дикіе боевые крики свирѣпой толпы дикарей. Боязнь и отвращеніе къ томагауку (топору) и скальпиро-

вальному ножу внѣдряется въ западномъ американцѣ съ дѣтства. Оттого не удивительно, что американецъ вовсе не питаетъ жалости къ индіянцамъ, когда дикія племена все болѣе отступаютъ отъ могущества цивилизаціи и наконецъ исчезаютъ.

Далеко, въ обширныхъ степяхъ и въ Скалистыхъ Горахъ есть еще неиспорченныя племена, которыя впрочемъ лишились много прежняго гостепріимства и честности. Туда еще не проникла разрушительная рука цивилизаціи, и пауни, и команчи странствуютъ по степямъ такъ же свободно, какъ дикіе буйволы. Объ отдѣльныхъ племенахъ и ихъ нравахъ и обычаяхъ мы сообщимъ нѣкоторыя подробности далѣе; здѣсь же поговоримъ объ индіянцахъ вообще.

Цвѣтъ первобытныхъ племенъ бурый или мѣднокрасный, часто бронзовый. Но тамъ, гдѣ дикари имѣютъ сношенія съ бѣлыми, они нерѣдко смѣшиваются съ ними, и какъ негры представляютъ всѣ оттѣнки кожи до самой чистой бѣлизны кавказской расы.

Волосы индіянцевъ черны, гладки и длинны. Черты лица у нихъ широки и рѣзки, но не плоски, лобъ низокъ, скулы выдаются, а носъ нерѣдко изогнутъ и красивой формы, но большею частью нѣсколько широкъ. Тѣлосложенія индіянцы крѣпкаго, но все-таки они слабѣе бѣлыхъ

и неохотно работаютъ, исключая случаевъ, гдѣ тащатъ убитыхъ животныхъ въ свои вигвамы или къ легкимъ лодкамъ. Оттого всю работу индіянецъ предоставляетъ своей скау, т. е. женѣ. Она должна разрѣзать и сушить мясо, дубить кожи, строить и чинить вигвамы, шить рубашки, леггины и мокасины, носить дрова, варить кушанье, ухаживать за дѣтьми и таскать большую часть клади во время путешествія. Мужчины же охотятся и ловятъ рыбу, таскаютъ добычу къ мѣсту стоянки, борются съ врагами и приготовляютъ оружіе и лодки. Такимъ образомъ занятія распредѣлены довольно равномѣрно, но только въ мирное время и въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ у мужчинъ остается весьма много свободнаго времени, и они тогда только лѣнятся, растянувшись на буйволовой кожѣ.

Индіянцы славятся своею смышленостью, но не должно полагать, что она свойственна однимъ дикарямъ. При одинаковыхъ условіяхъ у бѣлыхъ также развивается изумительная смышленость, и я часто слышалъ, что въ этомъ отношеніи бѣлые много превосходятъ красныхъ своихъ соперниковъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ примѣра, доказывающаго это. Въ Озаркскихъ горахъ былъ человѣкъ, прозванный охотникомъ - за волками. Онъ по наружности ничѣмъ не отличался отъ

обыкновенныхъ людей этого класса, которые проводятъ жизнь, подвергаясь бурямъ и непогодѣ въ лѣсу, и походилъ на охотника даже менѣе прочихъ фермеровъ. Старая, черная, измятая поярковая шляпа, протоптанные грубые башмаки, поношенный оборванный шерстяной сюртукъ придавали ему видъ скорѣе распутнаго бродяги, нежели пiонира. Этотъ человѣкъ утверждалъ, что можетъ слѣдить за волкомъ до его логовища черезъ горы и скалы на разстоянiи многихъ верстъ. По близости было мѣсто стоянки индiянцевъ. Нѣкоторые дикари, слышавшiе объ этомъ, опровергали возможность слѣдить за волкомъ, который нерѣдко проходитъ въ ночь 30 или 40 верстъ, не оставляя на скалистой почвѣ почти никакого слѣда. Ботли (такъ звали этого человѣка) всетаки утверждалъ, что способенъ находить волковъ, и мы всѣ побились съ нимъ объ закладъ. Уже на слѣдующее утро пришелъ черокезъ съ вѣстью, что онъ нашелъ слѣдъ волка.

Ботли немедленно отправился съ нами въ указанное мѣсто, взявъ на плечо ружье, и пошелъ, нѣсколько наклонивъ впередъ туловище и захвативъ лѣвою рукою прикладъ ружья, а правую засунувъ небрежно въ карманъ поношенныхъ бумажныхъ панталонъ. Такимъ образомъ онъ ходилъ по горамъ, скаламъ, долинамъ и ущельямъ, пока наконецъ сами индiянцы не со-

знались, что они не замѣчаютъ ни малѣйшаго слѣда, и мы были вполнѣ убѣждены, что Ботли поведетъ насъ къ какому-нибудь отдаленному мѣсту, гдѣ онъ случайно зналъ о существованіи логовища волковъ. Мы наконецъ не выдержали и высказали свое подозрѣніе. Одинъ старый охотникъ, который уже съ дѣтства жилъ въ лѣсу и особенно гордился тѣмъ, что можетъ слѣдить за оленемъ въ теченіе многихъ дней, остановился и сказалъ, что даетъ себя проклясть, если волкъ, котораго слѣдъ видѣли утромъ, когда-либо приходилъ на мѣсто, гдѣ мы стояли. Мы находились тогда на вершинѣ довольно крутой скалистой вершины. Ботли же увѣрялъ, что слѣдъ направляется къ низменности и тамъ, можетъ быть, онъ будетъ въ состоянія показать очевидныя доказательства вѣрности своихъ словъ. Мы съ трудомъ слѣзли съ горы и дѣйствительно у берега небольшаго ручья увидали въ мягкомъ пескѣ ясные слѣды волка.

Индіянцы увѣряли, что Ботли медикъ, т. е. колдунъ, но все это нисколько не смущало нашего проводника, и до заката солнца мы достигли огромнаго свалившагося дерева, на пути къ которому Ботли указывалъ на замѣтные слѣды волка, тамъ, гдѣ они могли отпечататься въ мягкой землѣ. У дерева мы увидали также

слѣды. Ботли обошелъ его и увѣрялъ, что животное сидитъ въ стволѣ.

Тогда мы поспѣшно закрыли отверстіе на концѣ ствола сухимъ деревомъ, и принялись прорубать въ различныхъ мѣстахъ дырки. Довольно скоро мы нашли волка, и, отрѣзавъ ему путь спасенія, застрѣлили. Какимъ образомъ Ботли замѣчалъ слѣдъ—до сихъ поръ загадочно. Какъ бы то ни было, поимка этого волка доставила ему не только законное вознагражденіе въ три доллера, выдаваемое правительствомъ, но еще довольно много выгоды. Сами индіянцы сознавались, что въ своемъ племени не видали ничего подобнаго, и оттого были убѣждены, что бѣлый—колдунъ, который находитъ на камняхъ и на водѣ слѣды звѣря при помощи злаго духа.

Религія индіянцевъ весьма проста. Высочайшимъ и самымъ могущественнымъ существомъ они считаютъ великаго духа, которому, какъ и у многихъ другихъ народовъ, противоположенъ злой духъ. Индіянцы имѣютъ много суевѣрныхъ и удивительныхъ сказаній, но въ этомъ отношеніи вовсе не богаче другихъ народовъ. Между американскими дикарями, особенно между начальниками, встрѣчаются также люди довольно просвѣщенные и остроумные, которые отнюдь не покоряются слѣпо толпѣ и принимаютъ участіе въ религіозныхъ обрядахъ и шут-

кахъ лишь потому, что этимъ путемъ пріобрѣтаютъ болѣе довѣрія и покорности подчиненныхъ и надежнѣе сохраняютъ свою власть надъ ними.

Все, что индіянцамъ кажется удивительнымъ сверхъестественнымъ, они называютъ врачебнымъ средствомъ, и потому именуютъ своихъ заклинателей врачами или медиками. Могущественнѣйшую силу индіянцы приписываютъ великому врачебному средству, роду амулета, который носятъ повсюду, для охраненія своей особы отъ всѣхъ нуждъ и опасностей. Это средство состоитъ обыкновенно изъ набитаго чучела выдры, змѣи, ласки, жабы, птицы и т. п. Этотъ предметъ избирается случайно или подъ вліяніемъ сна. Молодой индіянецъ, по достиженіи возмужалости, постится и подвергаетъ себя истязаніямъ. Первое животное, которое онъ затѣмъ видитъ во снѣ, дѣлается его врачебнымъ средствомъ. Врачи индіянцевъ считаются чѣмъ-то въ родѣ святыхъ, потому что имъ приписываютъ не только искусство лечить больныхъ и нредсказывать счастіе или несчастіе на войнѣ, по полагаютъ, что они способны привлечъ буйвола и другаго звѣря, произвести дождь и т. п.

Важную роль при всѣхъ мировыхъ и военныхъ торжествахъ играетъ калуметъ или боль-

шая трубка. Она должна быть вырѣзана изъ красной глины, которую находятъ въ степи, около 150 верстъ отъ рѣки Св. Петра и между верховьями Мисури и Мисисиппи. Мѣсто нахожденія этой глины всѣ индіянцы считаютъ священнымъ и утверждаютъ, что надъ ними стоялъ великій духъ и ѣлъ буйвола, причемъ кровь просочилась въ землю и придала ей красный цвѣтъ. На священномъ мѣстѣ не размахиваютъ ни топоромъ, ни ножемъ. Великій духъ охраняетъ его и на немъ всѣ дружественныя и враждебныя племена сходятся миролюбиво брать нужную для нихъ трубочную землю. Ни одинъ бѣлый не долженъ подходить къ священному мѣсту, потому что это считается святотатствомъ.

Красная скала на этомъ мѣстѣ исписана различными надписями и знаками. О началѣ введенія мирной трубки говорятъ весьма различно. Напр. сіуксы утверждаютъ, что великій духъ разослалъ своего скорохода по всѣмъ индіянскимъ племенамъ, которыя не могли оставить взаимную вражду, чтобы пригласить ихъ къ скалѣ въ упомянутомъ мѣстѣ. Стоя на высочайшей вершинѣ, великій духъ вырѣзалъ изъ куска глины трубку, покурилъ изъ нея надъ собраніемъ и приказалъ всѣмъ жить на этомъ мѣстѣ мирно, потому что оно равно принадлежитъ всѣмъ, и каждый мо-

жетъ брать для трубки землю. Послѣ этихъ словъ, онъ выпустилъ большое облако пара, и въ то же мгновеніе обѣ скалы облеклись пламенемъ, такъ что поверхность ихъ расплавилась. Въ то же время двѣ скау погрузились подъ волшебныя скалы, и никто не смѣлъ безъ ихъ дозволенія брать красную землю; обѣ главныя скалы, изъ которыхъ одна состоитъ изъ громаднаго столба въ 30 или 40 футовъ, расположены на разстояніи около сажени одна отъ другой. Перескочить отъ одной скалы на другую, индіянцы считаютъ великимъ дѣломъ или великимъ врачеваніемъ, хотя притомъ многіе лишались жизни, повергаясь въ пропасть.

Калуметъ курятъ почти при всякомъ торжествѣ, и если чужеземецъ коснулся разъ чубука священной трубки индіянца, онъ можетъ вполнѣ полагаться на пріязнь послѣдняго. Если хотятъ курить для заключенія мира и дружбы, то къ такому торжеству подготовляются съ особыми церемоніями. Красную трубку набиваютъ травами и почтительно кладутъ на нихъ уголекъ. Чубукъ направляютъ сперва къ небу для испрошенія помощи и покровительства великаго духа, а затѣмъ наклоняютъ два раза къ землѣ, для отвращенія вліянія злаго духа (кому не вспадетъ тутъ на мысль поговорка, что злой собакѣ даютъ двѣ кости) и наконецъ вертятъ по воз-

духу горизонтально, для умиротворенія духовъ въ воздухѣ, водѣ и на землѣ. Послѣ такихъ приготовленій, главный начальникъ затягивается дымомъ два раза и въ первый разъ выдуваетъ дымъ къ небу, а второй вокругъ себя къ землѣ. Его примѣру слѣдуютъ всѣ присутствующіе.

Мирная трубка съ чубукомъ считается предметомъ очень священнымъ. Самая трубка почти всегда вырѣзана весьма искусно, а чубукъ украшенъ бусами, перьями орла и попугая, птичьими клювами и медвѣжьими когтями.

Кромѣ врачебнаго мѣшка и трубки, изъ оружія и утвари индіянцевъ особеннаго вниманія заслуживаетъ еще томагаукъ. Онъ обыкновенно состоитъ изъ простаго топорика, но часто имѣетъ на обѣихъ сторонахъ по острію и снабженъ въ серединѣ острымъ шипомъ, такъ что при метаніи всегда можетъ нанести врагу смертельную рану. Нерѣдко томагаукъ служитъ и трубкою. Въ такомъ случаѣ чубукъ заключается въ топорищѣ, а пустота топора образуетъ трубку.

Нынѣ индіянцы обыкновенно вооружены ружьемъ и стальнымъ ножемъ. Даже тѣ племена, которыя вовсе не соприкасаются съ бѣлыми, или имѣютъ съ ними очень мало сношеній, добываютъ себѣ порядочныя шерстяныя одѣяла, но рѣдко хорошія ружья. Только дружественнымъ ин-

діянцамъ въ такъ называемой індіянской области, на западъ отъ Мисури и Арканзаса, правительство Соединенныхъ Штатовъ даетъ часто такія винтовки, которыя сдѣланы хорошо и охотно покупаются даже залѣсниками. Дикія враждебныя племена получаютъ почти одни короткіе мушкеты и ружья, для стрѣлянія дробью. Впрочемъ, індіянцы вообще плохіе стрѣлки на далекое разстояніе. Искусство індіянца на охотѣ заключается болѣе въ подкрадываніи. Какъ они дѣлаютъ это, надобно видѣть, описать же трудно. Вперивъ глаза въ преслѣдуемое животное или врага, індіянецъ скользитъ быстро и безъ шума, какъ змѣя, остается у древеснаго ствола неподвижно четверть часа, не вздрагивая ни одною мышцею, затѣмъ скачетъ, какъ барсъ, въ кустахъ и между деревьями, пока не приблизится достаточно, чтобы надежно воспользоваться ружьемъ или почти болѣе опасною стрѣлою.

Скальпировальный ножъ состоитъ обыкновенно изъ тонкаго остраго клинка длиною дюйма въ четыре. Боевая палица—оружіе очень опасное и страшное. Ее дѣлаютъ изъ твердаго тяжелаго дерева и часто всаживаютъ въ нее клинки или особенныя пріостренныя пластинки, почему ими можно наносить ужасныя раны.

Въ разсказахъ объ індіянцахъ часто говорятъ о различныхъ частяхъ одежды дикарей, особенно

объ охотничьихъ рубахахъ, леггинахъ и мокасинахъ. Всѣ эти предметы выдѣлываютъ изъ выдубленной оленьей кожи и различно украшаютъ, смотря по обычаямъ каждаго племени. Для одной рубашки нужно 5 хорошихъ шкуръ, потому что изъ каждой вырѣзываютъ только лучшую часть, именно одну для спинки, двѣ для передковъ и воротника и двѣ для рукавовъ. Швы богато украшаютъ мелко рѣзанными бахромами. Такая рубашка имѣетъ нерѣдко весьма дикій видъ, когда на нее навѣшаны медвѣжьи когти, зубы барсовъ и головная кожа съ волосами, содранная съ людей.

Леггины состоятъ изъ длинныхъ кожаныхъ штиблетовъ со швомъ на наружной сторонѣ ноги. Леггины закрываютъ всю ногу до бедръ, защищаютъ ихъ отъ колючихъ вьющихся растеній и обыкновенно завязываются на колѣняхъ особыми ремнями. Непосредственно подъ ними надѣты мокасины или индіянскіе полусапожки, изготовленные также изъ оленьей кожи. Спереди до колѣна сдѣланъ шовъ, стянутый крѣпко, такъ что по бокамъ правильно и однообразно образуются складки. Такая обувь просто шнуруется сзади. Мокасины индіянцы украшаютъ особенно рачительно, и хорошо изготовленная обувь составляетъ даже предметъ вывоза въ восточные штаты.

Индіянцы дубятъ кожи особеннымъ образомъ. Высушенныя шкуры вымачиваютъ цѣлую ночь, послѣ предварительной просушки, которая необходима, потому что свѣжія шкуры обработываются труднѣе. Между тѣмъ, индіянецъ подготовляетъ весьма простые снаряды, именно согнутый кусокъ дерева и какой-нибудь старый простой ножъ (въ прежнія времена острая кость), къ которому пригоняются кривизна согнутаго куска дерева. Ножъ немного натачивается, чтобы оскоблить имъ нижнюю сторону кожи. Сверхъ того, для обработки шкуры нуженъ сосудъ съ горячею водою. Для этого, топоромъ вырубаютъ въ сваленномъ стволѣ достаточное углубленіе. Въ него наливаютъ изъ близкаго ручья воды, которую разгорячаютъ калеными каменьями. Когда кожа оскоблена ножемъ, ее сушатъ на воздухѣ; въ это время индіянецъ готовитъ единственное извѣстное ему дубильное вещество, оставляемое около получаса въ горячей водѣ. Это вещество есть мозгъ оленя, который онъ на охотѣ намазываетъ на камень, слоемъ толщиною въ полдюйма, и сушитъ, чтобы онъ не испортился. Въ настоящее время индіянцы кладутъ мозгъ въ мѣшокъ изъ грубаго холста, погружаютъ его въ воду и мнутъ въ ней, пока происходитъ растворъ мозга, придающій водѣ млечный цвѣтъ. Въ охлажденный рас-

творъ погружаютъ кожи, которыя переминаютъ, чтобы онѣ совершенно напитались мозгомъ. Въ этомъ заключается все дубленіе. На каждую шкуру достаточно мозга одного животнаго. Готова ли кожа, узнается потому, что она пропускаетъ сквозь себя воздухъ, когда ее складываютъ пузыремъ и сдавливаютъ.

Затѣмъ слѣдуетъ самая трудная часть обработки—выжиманіе кожи. Ее надобно растягивать и тереть, пока она не высохнетъ совершенно, иначе кожа не будетъ мягка. Для этого индіянецъ зарываетъ въ землю доску или тонко-отколотый кусокъ дерева съ широкою верхушкою и острымъ краемъ, по которому тянетъ кожу взадъ и впередъ. При такой обработкѣ кожа лишается влажности и становится бѣлою, гладкою и нѣжною какъ бархатъ. Не смотря на все это, если кожа смочится, то, высохнувъ, она дѣлается жесткою. По этому посредствомъ дыма въ ней уничтожаютъ послѣдніе слѣды клея. Для окуриванія кожъ индіянецъ вырываетъ яму, глубиною дюймовъ въ 14 и шириною въ 8 или 9, зажигаетъ въ ней огонь, безпрерывно ослабляемый мокрыми дровами и корою, чтобы поддерживать отдѣленіе густаго дыма. Кожи сшиваются попарно головами кверху и становятся воронкою надъ дымомъ, которымъ онѣ проникаются совершенно. Послѣ такой обработки, кожа совершенно го-

това и ее безъ опасенія можно подвергать дѣйствію солнца и дождя.

Вигвамы или хижины многихъ племенъ, особенно сіуксовъ, ассинибоиновъ, воронъ, черноногихъ, пауни, куманчей, кауцау и т. д. изготовляются также изъ дубленыхъ кожъ буйволовъ съ оставленною на нихъ шерстью. Эти кожи впрочемъ приготовляютъ другимъ способомъ.

Вигвамы строятся неодинаково. Напр., манданы возводятъ хижины изъ древесныхъ стволовъ и земляныхъ насыпей, въ которыхъ живутъ долго. Настоящіе же вигвамы изъ шкуръ или древесной коры состоятъ изъ кольевъ или жердей, просто вбитыхъ въ землю, согнутыхъ въ серединѣ и покрытыхъ такъ, что вверху остается отверстіе для выступленія дыма, потому что внутри такого шатра разводятъ огонь. Западныя кочующія племена особенно ловко и скоро умѣютъ становить и разбирать вигвамы. Шкуры только свертываютъ и кладутъ на вьючныхъ животныхъ, колья связываютъ и тащатъ дальше. Въ какія-нибудь 10 минутъ индіянцы успѣваютъ уже поставить сотню вигвамовъ, а въ четверть часа снимаютъ свои жилища и готовы перейти въ какое-нибудь отдаленное мѣсто.

Племя индіянцевъ воронъ обращаетъ особенное вниманіе на украшеніе своихъ вигвамовъ, изготовляетъ для нихъ почти совсѣмъ бѣлыя

кожи и украшаетъ ихъ различными красками, рисунками, перьями, щетинами дикобразовъ и другими затѣями.

Обряды погребенія у различныхъ племенъ также не одинаковы. Многіе кладутъ мертвецовъ, какъ бѣлые, въ гробы. Алгонкины у озеръ навязываютъ на гробъ крышку до погруженія усопшаго въ могилу, а затѣмъ снимаютъ ее, чтобы душа умершаго имѣла свободный доступъ къ своему тѣлу. Это племя полагаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ двѣ души. Послѣ погребенія дикари нѣсколько ночей становятъ въ могилу пищу и питье. Разумѣется, что все это уничтожаютъ мелкія хищныя животныя, но индіянцы убѣждены, что умершіе унесли оставленную для нихъ пищу.

Манданы кладутъ умершаго на высокіе подмостки, чтобы волки не могли достать тѣло. Тамъ усопшіе лежатъ въ лучшей своей одеждѣ, завернутые въ сырую буйволовую шкуру, съ оружіемъ, побѣдными трофеями, съѣстными припасами, нужными на продолжительномъ пути умершаго въ страну духовъ, и священнымъ калуметомъ. Какъ на европейскихъ кладбищахъ изящные памятники означаютъ мѣсто погребенія знаменитаго, богатаго или знатнаго человѣка, такъ у простыхъ сыновъ степей лоскутки краснаго или синяго сукна означаютъ, гдѣ по-

ложены останки ихъ начальниковъ и заклинателей.

Тѣло остается на подмосткахъ, пока не развалится. Тогда кости хоронятъ, а черепы разставляютъ кругомъ. Посреди такого круга ставятъ двѣ волшебныя жерди и два черепа буйволовъ. Сюда сходятся родственники умершихъ, чтобы оплакивать ихъ.

Многія племена сожигаютъ мертвецовъ, а нѣкоторыя кладутъ ихъ на деревья. Уоллоуоллы, въ Орегонѣ, складываютъ мертвыхъ въ особенно построенныя хижины, а сіуксы и племя нецперсе вѣшаютъ ихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ въ челнокѣ между древесными сучьями, пробивъ предварительно дыру въ суднѣ, чтобы стекалъ дождь, и корыстолюбивые люди, особенно бѣлые, не украли его.

Во время путешествія или похода, похороны совершаются гораздо проще. Умершихъ завертываютъ въ одѣяло, кладутъ подъ дерево или въ дупло, если удается найти его поблизости, и прикрываютъ тѣло сучьями и вѣтвями, чтобы его не пожрали волки и коршуны.

Война почти на всемъ огромномъ пространствѣ, обитаемомъ индіянцами, совершается одинаковымъ образомъ. Отъ сѣверныхъ озеръ до теплыхъ водъ юга, дикари одинаково исполняютъ скальпировальныя и военныя пляски, рас-

писываются яркими красками, подкрадываются къ врагу, нападаютъ на него внезапно съ дикими криками, сдираютъ съ побѣжденныхъ головную кожу, и уводятъ и душатъ плѣнныхъ или дѣлаютъ ихъ рабами. Но именно образъ веденія войны у индіянцевъ совершенно несправедливо распространилъ предположеніе, что они трусливы. Въ самомъ дѣлѣ, попавъ въ плѣнъ, индіянецъ переноситъ ужаснѣйшія мученія совершенно твердо, и изъ его устъ не вылетаетъ ни одного стона, никакой мольбы. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дикарь не хочетъ безъ пользы подвергать жизнь опасности въ открытомъ боѣ, если хитрость обѣщаетъ ему гораздо надежнѣйшій успѣхъ.

Плѣннаго отважнаго начальника сіуксовъ, Чернаго-Сокола, водили по Соединеннымъ Штатамъ. Чтобы дать ему понятіе о способѣ веденія войны у бѣлыхъ, близъ Нью-Іорка дали взять приступомъ нѣсколько баттарей, при пальбѣ изъ пушекъ. Черный-Соколъ глядѣлъ на маневры съ изумленіемъ, и въ заключеніе сказалъ, что бѣлые поступаютъ очень глупо, рискуя жизнью многихъ людей на то, что безъ всякой потери человѣческой жизни можно сдѣлать удачною ночною вылазкою.

Въ обширныхъ американскихъ лѣсахъ индіянцы никогда не выступаютъ противъ врага колоннами,

но каждый воинъ старается укрыться отъ пуль и стрѣлъ непріятеля за деревомъ, и изъ-за него пытается погубить врага. Наступательное движеніе индіянцевъ заключается въ томъ, что они переходятъ къ дереву, стоящему ближе къ непріятелю, или же поспѣшно бѣгутъ къ противнику, заботясь о томъ, чтобы и отступленіе могло совершаться подъ защитою деревъ.

Томагаукъ, или топоръ и палица въ рукопашномъ бою—страшныя оружія, но послѣ боя всего ужаснѣе ножъ для скальпиранія, которымъ индіянецъ сдираетъ головную кожу съ врага, не разбирая мертвъ ли онъ или живъ. Поспѣшно снимаетъ онъ часть кожи, обросшую волосами, чтобы позднѣе украсить себѣ этими трофеями поясъ, леггины или охотничій камзолъ и даже наружную сторону вигвама. Иногда содранную кожу развѣшиваютъ внутри хижины на жердяхъ, чтобы она хорошо высохла въ дыму и свидѣтельствовала о подвигахъ хозяина.

При самомъ скальпированіи, кожу на головѣ подрѣзаютъ, а за тѣмъ сразу сдираютъ ее. Многія племена не стригутъ волосъ, другія же оставляютъ только одну косму, какъ бы для облегченія врагамъ снятія кожи съ головы. Такую косму украшаютъ орлиными перьями и бусами.

Обыкновенно для защиты индіянцы носятъ щитъ изъ буйволовой кожи, тщательно окуренной.

Такое окуриваніе составляетъ родъ празднества, къ которому приглашаютъ знакомыхъ и друзей.

Вступленіе въ бракъ совершается у индіянцевъ весьма просто. Воинъ сватается за дѣвушку, дѣлая подарки, а если жена ему надоѣла, онъ отнюдь не обязанъ держать ее у себя въ хижинѣ. Впрочемъ, индіянцы рѣдко изгоняютъ женъ, потому что уважаютъ въ нихъ матерей своихъ дѣтей. Многоженство допускается у дикарей, но этимъ правомъ пользуются только люди богатые, которые имѣютъ возможность содержать большое семейство.

При различныхъ случаяхъ въ жизни, для выраженія радости и страданій, готовясь къ войнѣ, при заключеніи мира, въ знакъ благодарности къ великому духу, передъ отправленіемъ на охоту, при заклинаніяхъ, свадьбахъ и похоронахъ, индіянцы пляшутъ, и родъ пляски выражаетъ настроеніе ихъ духа. Существуютъ пляски военныя, скальпировальныя, трубочныя, нищенскія, собачьи, рабскія, орлиныя, буйволовыя, медвѣжьи, маисовыя, соломенныя, лыжныя, врачебныя или волшебныя и различные другіе танцы, которые изумляютъ европейца, не свыкшагося съ обычаями индіянцевъ, и совершенно спутывающіе его понятія о характерѣ этого, повидимому, очень серіознаго народа.

Всѣ пляски индіянцевъ довольно похожи одна

на другую и сопровождаются игрою на незатѣйливыхъ музыкальныхъ инструментахъ, дудкахъ, флейтахъ, гремушкахъ и барабанахъ. Эти инструменты издаютъ весьма странные звуки, особенно когда на нихъ играютъ вмѣстѣ. У индіянцевъ есть разнаго рода дудки. Одна изъ нихъ врачебная (индіянцы называютъ врачествомъ все особенно искусное и необычайное) и нерѣдко издаетъ довольно мелодическіе звуки. Другая отличается рѣзкими звуками, которые до того сильны, что при величайшемъ военномъ крикѣ слышно, какъ ею подаютъ знакъ къ нападенію или отступленію. Такія военныя дудки изготовляютъ обыкновенно изъ ножной кости орла или индѣйки.

Барабанъ состоитъ изъ чурбана, выдолбленнаго внутри и обтянутаго кускомъ сырой кожи. На барабанѣ рѣдко натянуты кожи на обоихъ концахъ. Однообразные удары по барабану доставляютъ главное удовольствіе при музыкѣ.

Гремушки различной величины вообще одинаковаго устройства, а камешки, вложенные въ отвердѣвшую кожу, замѣняютъ у индіянцевъ кастаньеты.

Гораздо пріятнѣе тонъ тростниковыхъ флейтъ; но сѣверо-американскіе дикари, по выраженію одного стараго охотника за бобрами, гораздо лучше умѣютъ охотиться за буйволами, нежели играть на музыкальныхъ инструментахъ.

При первыхъ звукахъ барабаннаго боя (барабанятъ палками длиною дюймовъ въ 8) индіянцы оживаютъ. У людей, до того лежавшихъ лѣниво различными группами, въ лицѣ является выраженіе силы и веселья, и они начинаютъ плясать дикій, возбуждающій военный танецъ.

Самую пляску описать трудно. Она, собственно говоря, состоитъ изъ прыжковъ, при которыхъ ноги дѣятельны всего менѣе и отскакиваютъ отъ земли обѣ вмѣстѣ. Все тѣло нагибается, внезапно приподнимается и снова всею тяжестью падаетъ на землю, которая дрожитъ, когда на ней собрались многіе воины, чтобы выполнить торжественную пляску вокругъ красно-расписаннаго столба. При танцѣ индіянцы размахиваютъ острымъ оружіемъ и какъ бѣшеные тѣснятся другъ къ другу, такъ что израненіе кажется неизбѣжнымъ. По временамъ раздается раздирающій боевой крикъ изъ устъ многихъ воиновъ, какъ завываніе сонма чертей. Затѣмъ плящущіе снова однообразно и безмолвно прыгаютъ; черезъ нѣсколько минутъ, можетъ быть, опять у нихъ вырывается свирѣпое уупъ, звонко разносясь по воздуху и смѣняясь прежнимъ безмолвіемъ таинственной пляски.

Вообще возбужденіе возрастаетъ, и движенія становятся все живѣе и болѣе дикими. Воины размахиваютъ палицами и ударяютъ ими по кра-

сно-расписанному столбу, стоящему посреди пляшущихъ. При танцѣ индіянцы подражаютъ подкрадыванію къ врагамъ, стереженію въ засадѣ и ночному нападенію, дѣлаютъ видъ, будто вступаютъ въ смертельный бой съ врагомъ, грозно поднимаютъ оружіе и, наконецъ, скальпируютъ воображаемаго противника страшно-ловкою рукою.

Скальпировальную пляску пляшутъ только послѣ удачнаго военнаго похода. При этомъ танцѣ стоятъ скау (жены) посреди круга воиновъ и размахиваютъ добытыми скальпами, а мужчины съ воемъ пляшутъ передъ ними.

Врачебную пляску исполняютъ только для врачеванія, когда боленъ кто-нибудь изъ соплеменниковъ и заклинатели сомнѣваются въ исцѣленіи. Несчастная жертва этой пляски, бѣдный больной, помѣщается посреди большаго общественнаго вигвама, гдѣ вокругъ него раздается бой барабановъ, трескъ гремушекъ и рѣзкіе звуки духовыхъ инструментовъ. Этотъ адскій шумъ продолжается, пока страждущій не начнетъ выздоравливать, или, что́ случается чаще, не скончается.

Хорошимъ признакомъ считается, если больной имѣетъ еще довольно силы, чтобы принять участіе въ пляскѣ, двигаясь нѣсколько одинъ или при помощи родственниковъ. Для лучшаго

дѣйствія пляски, матери иногда таскаютъ больныхъ дѣтей. Если больной, ходившій между плясунами, утомляется, его принимаются таскать, даже когда онъ лишился сознанія. При такой вознѣ, духъ несчастнаго улетаетъ, можетъ быть, туда, гдѣ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ дудокъ, гремушекъ и барабановъ.

Буйволовый танецъ пляшутъ въ дурныя времена года, когда въ окрестностяхъ болѣе не встрѣчается буйволовъ. Въ такомъ случаѣ пляска составляетъ, такъ сказать, жертву великому духу, или настоятельную просьбу, чтобы онъ сжалился надъ індіянцами и возвратилъ имъ буйволовъ. Такія пляски часто повторяются въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, пока онѣ не доставятъ ожидаемаго успѣха, и за всѣ перенесенныя невзгоды не вознаградятъ счастливою охотою.

Для надлежащаго исполненія буйволовой пляски необходимы буйволовыя маски, которыя надѣваются на голову съ кускомъ кожи, висящимъ на спинѣ. Къ этой полосѣ прикрѣпленъ хвостъ, влачащійся по землѣ. При пляскѣ індіянцы ползаютъ и прыгаютъ, поютъ и завываютъ, пока не утомятся совершенно. Тогда они, скорчившись, присѣдаютъ къ землѣ, въ нихъ стрѣляютъ тупыми стрѣлами и затѣмъ оттаскиваютъ въ сторону. Немедленно послѣ этого ихъ замѣняютъ новые плясуны.

Нищенскій танецъ, или пляска нищихъ имѣетъ благотворительную цѣль. Онъ исполняется начальниками и побуждаетъ присутствующихъ зажиточныхъ воиновъ помогать нуждающимся соплеменникамъ. Пляшущіе исполняютъ танецъ нагіе и имѣютъ только поясъ изъ перьевъ.—При медвѣжьей пляскѣ танцоры покрыты медвѣжьими шкурами и маскою.—Маисовый танецъ составляетъ родъ жатвеннаго празднества, которое справляютъ, когда спѣетъ кукуруза. Къ этому торжеству подготовляются продолжительнымъ постомъ, чтобы совершить его должнымъ образомъ, т. е. истребить непомѣрно много пищи.

Упомянемъ еще о соломенной пляскѣ, употребительной особенно у сіуксовъ и исполняемой мальчиками, для ихъ закаленія противъ боли и страданія и для обращенія въ мужественныхъ воиновъ. При этой пляскѣ на голое тѣло молодыхъ индіянцевъ навязываютъ пучки соломы, которые зажигаютъ. Не выказывая страданій, мальчики должны плясать при звукахъ барабановъ и дудокъ.

Красные сыны пустыни нисколько не уступаютъ относительно тщеславія въ нарядахъ любому столичному франту. Дѣйствительно, многіе индіянцы проводятъ часы передъ зеркаломъ, купленнымъ у европейцевъ, занимаясь расписываніемъ лица, украшеніемъ волосъ и приведені-

емъ въ порядокъ носовыхъ и ушныхъ колецъ. Индіянскій франтъ обвѣшивается всѣми принадлежащими ему кусочками стекла, латуни и жести, побрякушками, красными лоскутками, перьями и бусами, и затѣмъ гордо расхаживаетъ передъ соплеменниками. Особенно причудливымъ кажется такой нарядъ, если къ нему присоединена какая-нибудь принадлежность европейской одежды. Индіянцы рядятся весьма охотно въ галстухъ или жилетку, старый мундиръ, особенно красный, эполеты, шляпу, манишку и т. д. Такого рода франтъ, конечно, кажется смѣшнымъ, по крайней мѣрѣ для европейца, но видъ начальника, въ полномъ національномъ нарядѣ, особенно у неиспорченныхъ еще племенъ, дѣйствительно величественъ, когда предводитель расписанъ военными цвѣтами, увѣшанъ скальпами и украшеніями изъ развѣвающихся орлиныхъ перьевъ и буйволовыхъ кожъ, и носитъ бахромчатые леггины, охотничій камзолъ и мокасины съ бусами. Особенно прекрасенъ видъ такого индіянскаго витязя, когда онъ сидитъ какъ пришитый къ лошади, также украшенной скальпами и перьями, и несется на ней съ быстротою вѣтра по безпредѣльной степи.

Но скоро настанетъ пора, когда объ этихъ герояхъ будутъ только вспоминать, какъ о древнихъ спартанцахъ и римлянахъ. Восточныя пле-

мена почти уже совершенно уничтожились. О могиканахъ, делаварахъ, онеидахъ, синекахъ, ямосіяхъ и алгокинахъ сохранились одни воспоминанія въ штатахъ, которыми они нѣкогда владѣли. Даже сіуксы или сауксы, гуроны, пауни, куманчи и черноногіе индіянцы лишились тысячъ храбрыхъ воиновъ, и число ихъ ежедневно уменьшается по мѣрѣ ихъ оттѣсненія на западъ и уменьшенія стадъ буйволовъ, доставляющихъ имъ главныя средства къ существованію. Скоро томагаукъ и мирная трубка будутъ лежать бездѣйственно, и тамъ, гдѣ буйволы еще разрываютъ съ ревомъ землю копытомъ и рогами, будутъ пыхтѣть и гремѣть машины, а фабрики станутъ раздроблять и переваривать внутренности прекрасныхъ дикихъ горъ.

Гибель краснаго племени особенно ускоряется уменьшеніемъ числа буйволовъ, потому что эти животныя одни доставляютъ пищу многимъ племенамъ, какъ напр. куманчамъ, пауни, черноногимъ и эйтау. Отъ буйволовъ они получаютъ не одно мясо для пищи, но также сухія жилы, замѣняющія нитки и веревки, мѣхъ на одежду и шатры, кожу для щитовъ и навозъ для отопленія въ необозримыхъ степяхъ, по которымъ цѣлыя племена въ тысячи семействъ переходятъ лѣтомъ къ сѣверу, а зимою къ югу, въ болѣе теплыя области.

Стадъ буйволовъ еще очень много, и о числѣ ихъ можно судить приблизительно, опредѣляя, сколько животныхъ приходится на квадратную милю, потому что они совершенно покрываютъ обширныя пространства. Въ своемъ путешествіи по Западной Америкѣ, Ферⁿгемъ описываетъ обиліе буйволовъ въ степяхъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ послѣдніе три дня буйволовъ въ степи было такъ много, что они сдѣлались даже опасными для каравановъ, идущихъ изъ Санта-Фе. Мы проѣзжали въ день по 15 англійскихъ миль (около 22 верстъ) и могли притомъ обозрѣть по обѣимъ сторонамъ пространство, приблизительно настолько же отдаленное отъ насъ, слѣдовательно, въ сложности, протяженіе въ 30 миль, всего же 15×3=45×30=1,350 квадратныхъ миль, которыя были такъ тѣсно покрыты прекрасными животными, что съ возвышенія на всемъ видимомъ пространствѣ нельзя было видѣть квадратной мили не занятой ими.»

Такое обиліе животныхъ кажется неистощимымъ. Но если сообразить, какъ опустошительно пользуются этимъ запасомъ индіянцы и бѣлые, то не будешь удивляться, что число буйволовъ начинаетъ замѣтно уменьшаться. Уничтожительное преслѣдованіе этихъ животныхъ продолжается уже многіе годы, и никакъ не мо-

жетъ длиться неопредѣленное время. Индіянцы нисколько не заботятся о будущности, и побиваютъ превосходныхъ буйволовъ сотнями, единственно чтобы добыть нѣсколько ведеръ губительной огненной воды, какъ они называютъ водку, и уже слишкомъ поздно поймутъ, можетъ быть, что, по легкомыслію и беззаботности, лишились того, что утратили прежнія племена по несогласію между собою, которыми воспользовались бѣлые пришлецы. Но когда они постигнутъ это—будетъ уже поздно.

Весьма много разсказываютъ о краснорѣчіи краснаго племени въ Америкѣ и многіе, кажется, полагаютъ, что всякій краснокожій непремѣнно ораторъ. Противъ этого можно возразить весьма многое. Индіянцы, дѣйствительно, выражаются часто кратко, ясно и картинно, но такъ какъ языкъ ихъ не богатъ словами, то обыкновенно повторяютъ одно и то же по нѣскольку разъ и часто долго распространяются о постороннихъ ничтожныхъ мелочахъ. Впрочемъ, часто мысли смѣлаго ума краснаго выражаются сжатыми, краткими предложеніями, цвѣтистость которыхъ придаетъ рѣчи особую прелесть. Примѣръ подобнаго рода можетъ быть не безъинтересенъ.

Знаменитый англійскій партизанъ Логанъ, наконецъ, поднялъ оружіе противъ бывшихъ своихъ друзей, послѣ чего его взяли въ плѣнъ и пред-

ставили въ общее собраніе въ Виргиніи. Судъ тамъ медлилъ, не зная, считать ли Логана подлежащимъ военному суду, или просто государственнымъ преступникомъ, Тогда Логанъ прервалъ пренія, утверждая, что собраніе не имѣетъ права судить его, потому что онъ не имѣетъ никакихъ обязательствъ относительно короля Англіи, такъ какъ онъ индіянскій начальникъ и не зависитъ ни отъ какой націи. Причину же, побудившую его поднять оружіе противъ Англіи, онъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ:

«Ссылаюсь на всякаго бѣлаго въ этомъ собраніи, чтобъ онъ засвидѣтельствовалъ, входилъ ли онъ голодный въ хижину Логана, не получивъ пищи, или выходилъ ли онъ отъ него промерзшій и голый, не обогрѣвшись и не одѣвшись. Во время послѣдней кровавой войны Логанъ оставался въ своей хижинѣ, онъ желалъ мира и до того любилъ бѣлыхъ, что его соплеменники, проходя мимо его дверей, говорили: «Тутъ живетъ Логанъ—другъ блѣднолицыхъ.» Я самъ жилъ бы съ вами; но существуетъ человѣкъ, который поднялъ мою руку, для мщенія вашему народу. Это полковникъ Крезацъ. Въ послѣднюю весну онъ убилъ, не бывъ ничѣмъ раздраженъ, совершенно хладнокровно всѣхъ родственниковъ Логана и не пощадилъ даже женъ и дѣтей. Ни капли моей крови

не течетъ теперь въ жилахъ какого-либо живаго существа, кромѣ меня. Это возбудило во мнѣ потребность мстить. Я удовлетворилъ ее, я убилъ многихъ, я купался въ крови. Для моей страны я радъ, что водворился миръ, но не думайте, что Логанъ знаетъ боязнь. Логанъ ничего не боится. Онъ не показалъ бы врагу спины, если бы этимъ могъ спасти себѣ жизнь. Кто станетъ горевать о Логанѣ? Никто!»

Эта рѣчь произвела на судей могучее дѣйствіе. Они, вѣроятно, поняли, какъ несправедливо поступили съ этимъ несчастнымъ человѣкомъ. Его немедленно освободили и отпустили изъ Виргиніи, надѣливъ богатыми подарками.

Знаменита также рѣчь начальника Редъ-Джекета, произнесенная въ отвѣтъ миссіонеру, желавшему обратить его и его племя въ христіанство. Онъ отказалъ миссіонеру, изобразивъ весьма живописно, какъ несправедливо бѣлые поступаютъ съ краснокожими.

Вообще Редъ-Джекетъ былъ знаменитый и многоуважаемый начальникъ, но все-таки не лучшій индіянскій ораторъ, которымъ вообще считаютъ Текумсе. Впрочемъ, между индіянцами много простыхъ болтуновъ; въ этомъ убѣждаютъ слова многихъ начальниковъ, весьма знаменитыхъ по своимъ подвигамъ на войнѣ и охотѣ,

напр. одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ американскаго генерала слѣдующимъ образомъ:

«Братъ! ты пришелъ поговорить съ нами, а я пришелъ потрясти тебѣ руку. Братъ! садись, я потрясу тебѣ руку, потому что я пришелъ, чтобы потрясти тебѣ руку....»

Званіе начальника у индіянцевъ наслѣдственно, и его родъ пользуется большимъ уваженіемъ. Подъ вліяніемъ европейцевъ это чувство однако исчезаетъ, и у племенъ, находящихся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Соединенными Штатами, уже вошло въ обычай избирать начальника на четырехлѣтній срокъ. Но такое нововведеніе удалось лишь у немногихъ племенъ, именно у черокезовъ и чактоу. Другія же племена не отказываются еще отъ старинныхъ обычаевъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Восторженный любитель первобытныхъ лѣсовъ . . 3
Похитители мертвеца 64
Охота за барсомъ 109
Странствующіе торговцы. 117
Невольница 139
Охота въ пещерѣ 186
Школа въ дремучемъ лѣсу 217
Охота за аллигаторами 234
Обитатели дремучаго лѣса въ Сѣверной Америкѣ . 245
Женщины въ первобытныхъ лѣсахъ запада Сѣверной Америки 260
Оригинальный способъ добывать себѣ квартиру . . 282
Судъ въ Арканзасѣ 293
Пловучіе театры на Огейо и Мисисипи 323
Дерево съ пчелами. 331
Молчаливый Томъ 345
Скотоводство на западѣ Соединенныхъ Штатовъ . 366
Барочники. 386
Почтовая контора въ Арканзасѣ 401
Индіянцы 409

RD 2

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2009

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN COLLECTIONS PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING

ST. AUGUSTINE
FLA.
32084

LIBRARY OF CONGRESS
0 024 277 988 5